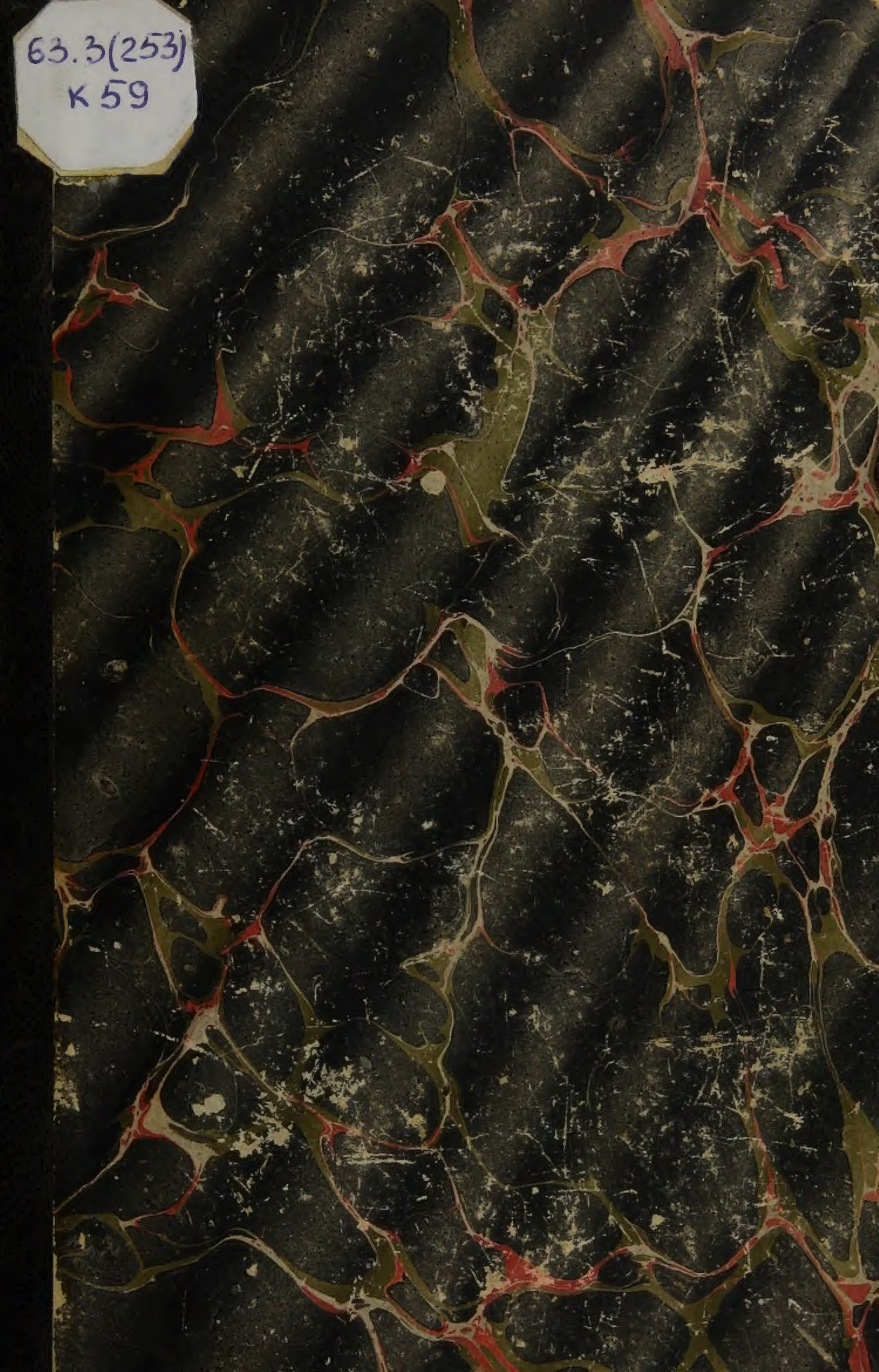
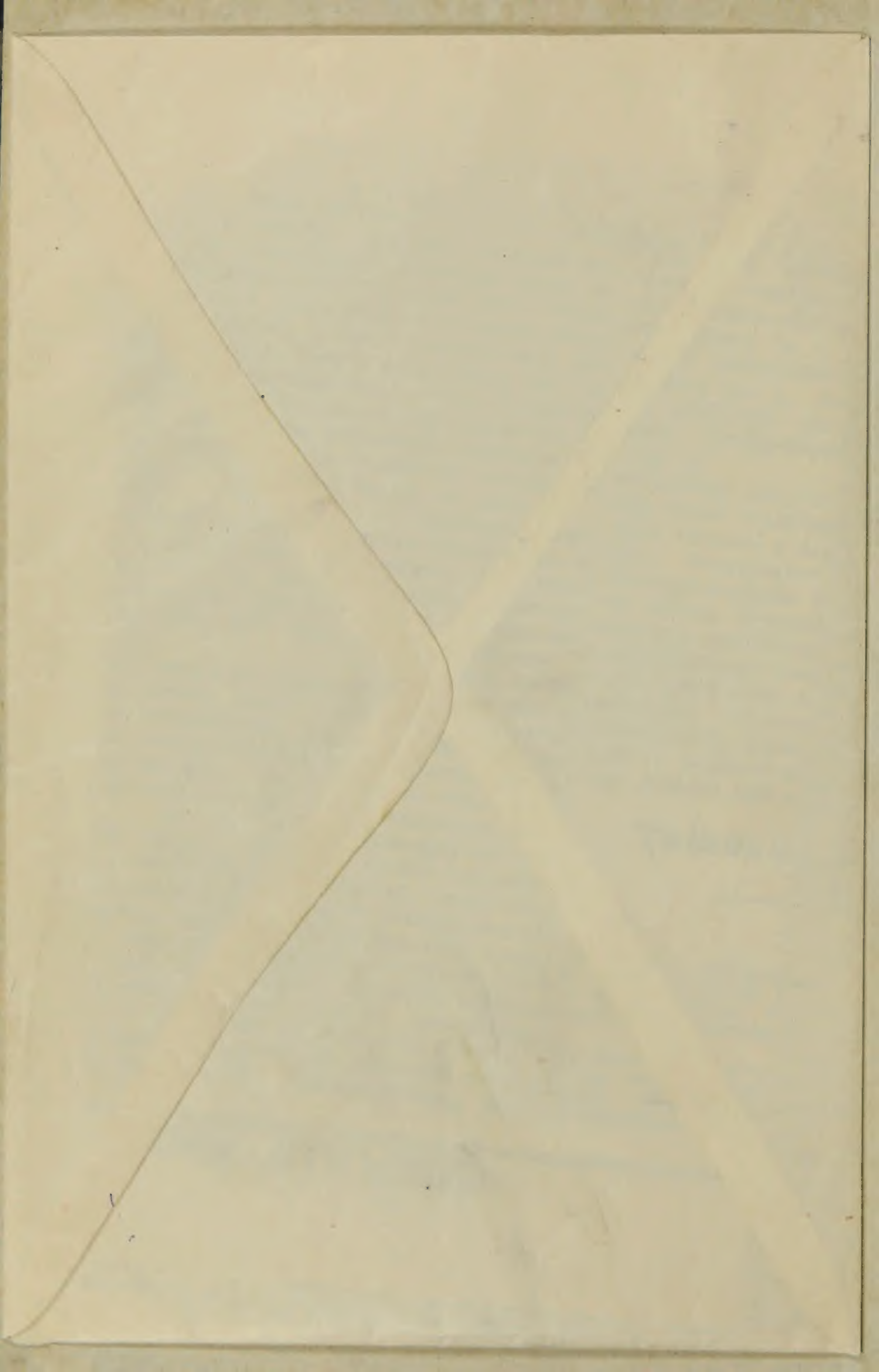

Н. Н. Козьминъ.

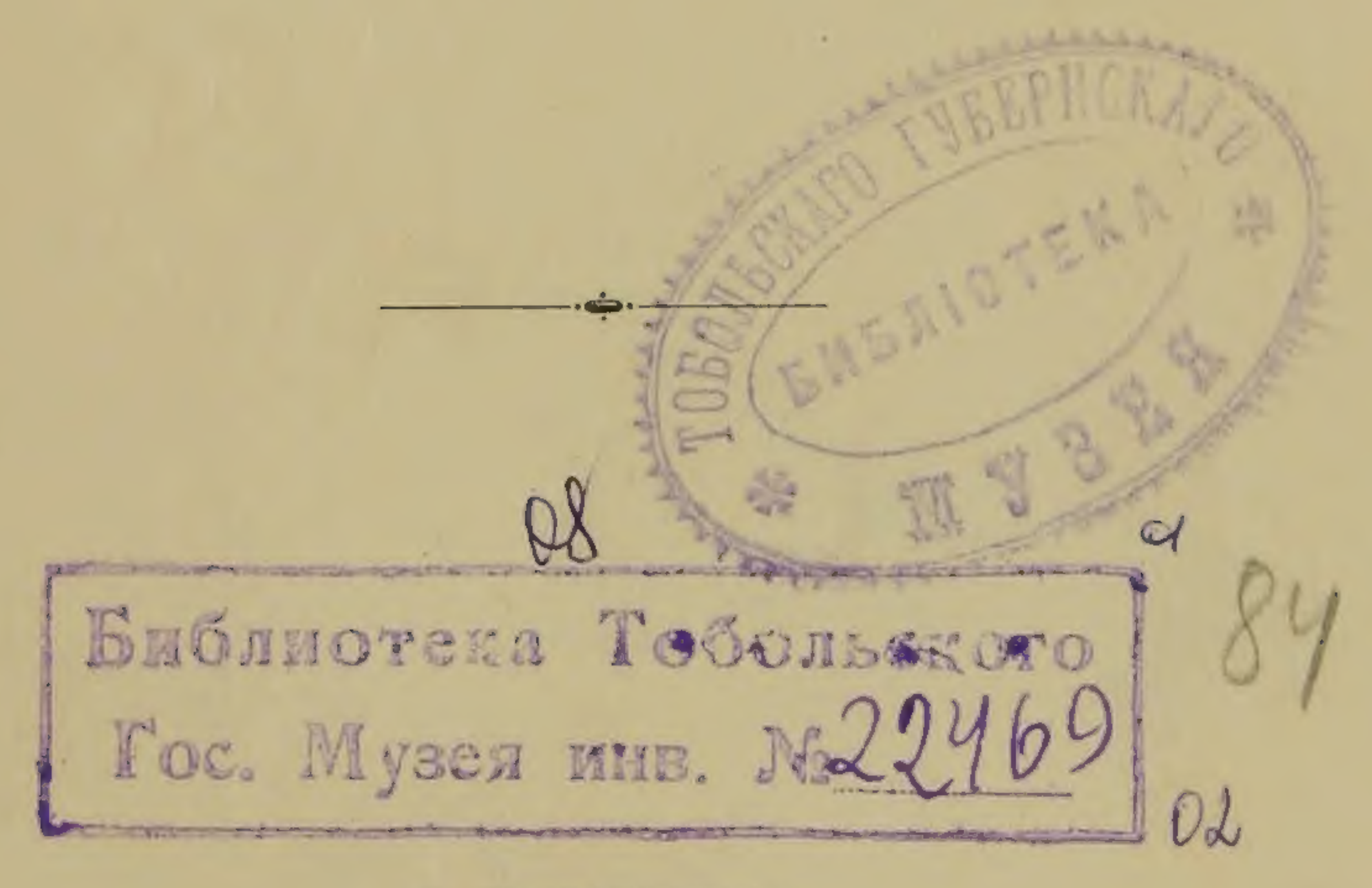
ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО и НАСТОЯЩАГО СИБИРИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Печатный Трудъ“, Надеждинская, № 38.
1910.

Н. Н. Козьминъ.

ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО и НАСТОЯЩАГО СИБИРИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Печатный Трудъ", Надеждинская, 38.
1910.

Оглавленіе.

Помѣщаемые въ настоящей книгѣ очерки были написаны, а отчасти и напечатаны до 1905 года; по этому читатель въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстахъ можетъ усмотрѣть небольшой отпечатокъ анахронизмовъ настроенія. Но они не имѣютъ значенья для той цѣли, которую предлагаемая читателю книга преслѣдуетъ. Сибирская исторія,—а въ частности исторія сибирской общественности,—очень медленно и отрывочно разрабатывается. Уже давно не появлялось крупныхъ работъ монографическаго характера. А между тѣмъ областныя изученія должны вносить крупный вкладъ въ общія историческія построенія, не говоря объ интересѣ и значеніи, которыя областная сибирская исторія должна представлять для сибиряка, да и для всякаго человѣка, котораго судьба дѣлаетъ сознательнымъ гражданиномъ страны, какъ общественнаго цѣлаго. Авторъ и питаетъ надежду, что настоящіе очерки, несмотря на ихъ отрывочность, быть можетъ, до нѣкоторой степени, послужатъ толчкомъ къ оживленію въ области сибирскихъ историческихъ изученій.

Авторъ не можетъ не высказать сожалѣнія, что въ книгу не удалось включить особаго очерка, посвященнаго жизни и дѣятельности одного изъ самыхъ уважаемыхъ дѣятелей Сибири, чья вдохновенная научная и общественная мысль всегда руководила авторомъ въ работѣ,—Григорія Николаевича Потанина.

По условіямъ печатанья авторъ былъ лишенъ возможности слѣдить непосредственно за корректурой. Помѣщаемыя въ концѣ книги поправки погрѣшностей до нѣкоторой степени должны исправить дефекты изданія.

Авторъ.

Хлѣбъ за ясакъ.

Какъ извѣстно, въ началѣ 80-хъ годовъ XVI столѣтія одинъ изъ вождей волжской повольницы, Ермакъ Тимофеевичъ, ворвался съ небольшимъ отрядомъ въ предѣлы Сибирскаго хана и въ нѣсколькихъ битвахъ сокрушилъ силы послѣдняго. Сибирь была захвачена. Къ ногамъ Московскаго царя, правительству котораго грозило банкротство, была повергнута богатая, а еще болѣе — славная богатствомъ — страна. Ермакъ погибъ и большинство его сподвижниковъ было истреблено. Но Московское правительство уже не хотѣло поступаться перспективой поправить свои финансы; оно, по традиціи, цѣпко ухватилось за добычу. Отряды „служилыхъ людей" поддержали дѣло Ермака. Обильныя дани соболиныя и иного пушного звѣря потекли въ казну.

Но чтобы эти дани были „прочны и стоятельны", какъ тогда выражались, необходимо было организовать правильное хозяйство въ странѣ. Для этого требовалась масса людей. Ихъ надо было организовать въ правильные служилые кадры. Затѣмъ ихъ надо было содержать. А послѣднее обстоятельство дѣлало вопросъ объ организаціи служилаго продовольствія насущнѣйшимъ вопросомъ дѣятельности Московскаго правительства въ Сибири.

Уже на первыхъ порахъ пришлось отказаться отъ непосредственнаго завѣдыванья этой статьей изъ Москвы и возложить сибирское служилое продовольствіе на Поморскіе города съ уѣздами, въ видѣ системы т. н. *сибирскихъ отпусковъ* [1]). Тяглое населеніе Поморья обязано было по-

[1]) См. посвященную имъ главу въ трудѣ проф. *Лаппо-Данилевскаго*, *„Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со времени смуты до эпохи преобразованія"*, стр. 412.

ставлять опредѣленное количество хлѣба, толокна, крупъ, которое „розвычивалось“ между городами и волостями, и на своихъ подводахъ отвозить въ Сибирь; причемъ на обязанности этого же населенія лежало посылать „плотниковъ“, которые бы, по пріѣздѣ въ Верхотурье, строили суда для дальнѣйшаго слѣдованія „запасовъ“ по Сибири. Но эта система на первыхъ же порахъ оказывается неудовлетворительной. Въ 1626 году правительство признается, что „поморскихъ городовъ посадцкимъ и уѣзднымъ людемъ въ тѣхъ хлѣбныхъ запасѣхъ и въ возкѣ ставилась налога великая, для того что отъ тѣхъ поморскихъ городовъ до Сибири *проѣздъ далной*, и многія подводы назадъ отъ Сибири до поморскихъ городовъ *не дохаживали*. Да изъ тѣхъ же городовъ посыланы въ Сибирь многіе плотники, а дѣлали тѣ плотники на Верхотурьѣ государевы суды, и въ томъ тѣхъ поморскихъ городовъ людемъ ставилась налога жъ“ [1]). Злоупотребленія воеводъ, разстройство въ хозяйствѣ оторванныхъ отъ него тяглыхъ людей усложнялись чрезвычайной трудностью передвиженія.

Уже путь до Верхотурья представлялъ трудности, а дальнѣйшее передвиженіе можетъ быть изображаемо лишь въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Схематически путь былъ таковъ: Тура — Иртышъ — Обь — Обская губа — Тазовская губа—Тазъ-волокъ—Енисей—Тунгуска (обыкн. Верхняя)—Илимъ-волокъ — Лена. На Обской губѣ сплошь и рядомъ разыгрывались „великія погоды“, уничтожавшія суда, запасы, людей. „Отъ Березова,—читаемъ мы въ одномъ документѣ,—мимо Обскую и Обдорскую заставъ до Мангазейскаго моря по Обѣ же рѣкѣ внизъ доходятъ въ 12 день, а за море перебѣгаютъ парусомъ до усть Тазу рѣки въ четверы сутки, страстенъ и страшенъ всегда отъ вѣтровъ ходъ“ [2]). Енисей, не представлявшій особенныхъ ужасовъ, представлялъ много трудностей и опасностей; недаромъ у приенисейскаго населенія сложились легенды о какомъ-то чудовищѣ, живущемъ въ рѣкѣ и поглощающемъ суда. А далѣе быстрая, съ нѣсколькими десятками пороговъ, окутанныхъ

[1]) Р. И. Б. т. VIII, № 11, VII.

[2]) *Сибирь въ XVII в.* Изд. Юдина. М. 1890, стр. 36. Ср. проф. *Буцинскій, Мангазея и Мангазейскій уѣздъ*. X, стр. 29—30, 62—63.

зловѣщими воспоминаніями,—Ангара. Надо читать отписки служилыхъ людей, чтобы представить себѣ колоссальныя трудности пути по этой рѣкѣ и по Илимскому волоку. Кто не помнитъ художественно-величавыхъ и ужасныхъ картинъ пути, набросанныхъ оригинальнымъ перомъ знаменитаго протопопа Аввакума! [1])...

Все это понуждало правительство къ скорѣйшему развитію хлѣбопашества въ Сибири. Уже въ 90-хъ годахъ XVI стол. оно наказываетъ воеводамъ: „а земли бы имъ (переселенцамъ) всѣмъ давати, чтобъ впередъ всякій былъ хлѣбопашецъ, и *хлѣба не возить*“ [2]). Первоначально московское правительство сдѣлало попытку принудительнаго труда, посадивъ на пашню, „изъ четвертаго снопа“, спеціально, по указу, переселенныхъ изъ Поморья крестьянъ, такъ называемыхъ *переведенцевъ*. Поморцы должны были не только выбрать изъ своей среды переселенцевъ, но и снабдить ихъ „деревенскимъ заводомъ“, скотомъ, лошадьми, птицей, сохами, и „всякой рухлядью“; весь этотъ „деревенскій заводъ“ вмѣстѣ съ деньгами разверстывался „посошно“ между населеіемъ Поморья. Послѣдующіе указы повелѣвали садить на пашню „тутошнихъ людей“, т. е. туземцевъ, а затѣмъ, высмотрѣвъ земли, „у крѣпостей подавать пашни пахать на государя всякимъ людямъ“ [3]).

---

[1]) *Протопопъ Аввакумъ*. В. А. Мякотина. Спб. 1893 (изд. Павленкова), passim. „О горе стало! Горы высокія, дебри непроходимыя; утесъ каменный, яко стѣна стоитъ, и поглядѣть—заломя голову!“ *Путешествіе Николая Спафарія*, стр. 90—117; Доп. къ А. И., т. II, №№ 85, 86, 89. Иногда, какъ, напр., видно изъ челобитной 1639—40 г., населеніе отъ „заволошной службы“ разорялось „въ конецъ“. Ср. *Сборникъ историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири*, ст. *Ангарскіе пороги* (т. I, вып. I) и *Объ устройствѣ водн. сообщеній въ В. Сибири* (т. II, вып. I).

[2]) Р. И. Б, т. II, № 56. Ср. Доп. къ А. И., т. II, № 100 (Якутскъ); А. И., т. III, № 172 (Томскъ).

[3]) А. А. Э., т. I, № 349; Р. И. Б., т. II, № 56; *Миллеръ, Описаніе Сибирскаго царства*, стр. 356—357; *Щегловъ, Хронологическій перечень важн. данн. по исторіи Сибири*. Иркутскъ. 1883, стр. 51—52; ср. *Ядринцевъ, Сибирь, какъ колонія*. Спб. 1881, стр. 130; проф. *Лаппо-Данилевскій*, н. с., стр. 246; проф. *Буцинскій, Заселеніе Сибири и бытъ ея первыхъ насельниковъ*. Харьковъ. 1889, стр. 195—196, 153—154, 164—165. Слѣдуетъ отмѣтить неправильное освѣщеніе у Ядринцева и Щеглова мѣропріятій правительства. Это не колонизація, а организація служилаго продо-

Упомянутая попытка была неудачна. Мудрено было въ неплодородномъ Пелымскомъ уѣздѣ существовать на четвертую часть жатвы, да еще выполнять безчисленныя работы, въ видѣ повинностей дорожной и подводной, острожнаго строенья и т. д. [1]). Принудительная организація служилаго продовольствія не удалась: убѣгая отъ „голодной смерти“, „переведенцы“ разбрелись врозь, по традиціонному обычаю. Но давшая массы земледѣльческаго населенія вольнонародная колонизація дала возможность болѣе удачнаго разрѣшенія задачи. Дѣло въ томъ, что колонистъ, въ большинствѣ случаевъ, являлся безъ необходимыхъ средствъ, онъ нуждался въ капиталистѣ, который бы *ссудилъ* его, *помогъ* ему деньгами и деревенскимъ заводомъ. Съ другой стороны правительство нуждалось въ рабочихъ рукахъ, было богато „ссудой и подмогой“ и считало, по праву завоеванія, всю землю своей собственностью. Установился порядокъ, который имѣетъ видъ компромисса. Правительство давало землю, ссуду и подмогу, но землю — по своему „высмотру“, такъ какъ оно желало, чтобы колонизація шла въ его интересахъ, въ интересахъ организуемаго служилаго продовольствія, и за ссуду, подмогу и льготные годы накладывало „государеву пашню“, обыкновенно въ пропорціи 5 : 1.

На практикѣ оно предложило служилымъ людямъ, вмѣсто извѣстной части жалованья, брать пашню; духовенству и монастырямъ, вмѣсто руги, количество земли, потребное для благоустройства церквей. Наконецъ, тяглое русское населеніе садилось на пашню, и за извѣстное количество „собинной“ пашни обрабатывало соотвѣтствующее количество — государевой. Размѣръ, превышавшій пропорцію оклада жалованья, руги, государевой пашни, влекъ за собою „выдѣлъ“ хлѣба (десятаго у служилыхъ, 1/3—1/[illegible] у тяглыхъ). Осталась принудительная пашня у ссыльныхъ. Да

вольствія и, при этомъ, принудительная. Невѣрное пониманіе этого факта особенно ярко сказалось у проф. *Замысловскаго*, *Занятіе Русскими Сибири.* Ж. М. Н. Пр., 1882, № 10, стр. 244.

[1]) „А хлѣбъ на Пелымѣ не родится и имъ повѣтнаго хлѣба достается по немногу, и они помираютъ голодною смертью съ женами и дѣтьми“; челобитчики прибавляютъ, что ихъ къ тому же посылаютъ пахать въ другую мѣстность и „на многія другія службы“.

инородцы, въ извѣстной части, были обязаны, вмѣсто ясака, пашней [1]).

Господствующее представленіе, что покореніе Сибири „въ сущности была не война, а стойкое и упорное колонизаціонное движеніе русскаго народа, успѣху котораго помогало не столько оружіе, сколько испытываемый инородцами безотчетный страхъ передъ надвигающейся русской силой" [2])—представленіе фантастическое и неосновательное. Напротивъ, начальная сибирская исторія, чуть ли не вплоть до нашего времени, полна фактами, свидѣтельствующими объ упорной борьбѣ инородцевъ за свою независимость противъ московскаго царя и его „холоповъ" [3]). Долго и упорно боролся противъ русскихъ знаменитый богатырь древней Сибири, царь Кучумъ. „Кучюмъ же,—повѣствуетъ лѣтописецъ,—отъ убіенія съ протчими не со многими татары, и съ женами и съ дѣтьми своими отъ ненагаянія (нагонянія?) рати русскій утече на калмытскій рубежъ Ишима и Норъ-Ишима, Оши и Камышлова, между озеръ въ крѣпкіе мѣста, и ту живяше скрыто и пакостяше Русскимъ и ясачнымъ *зелнѣ* поблизу Тарского города" [4]). Упорная и ожесточенная борьба, въ большинствѣ случаевъ, ведется скрытно, и лишь порою вскрывается — или взрывомъ особенно выдающагося возстанія, о которомъ заговорятъ лѣтописи, или въ скорбной отпискѣ служилыхъ людей, утомленныхъ напряженной борьбой. Въ 1698 году,—слѣдовательно въ самомъ концѣ XVII в.,—изъ Селенгинска пишутъ: „А отъ нихъ, Мунгальскихъ людей, воровство подъ Селенгинской и подъ заимки *и понынѣ безпрестанное*; и мы живемъ отъ такихъ наступающихъ воровскихъ людей съ великою опасностью, потому что они, Мунгальскіе тайши, многими людми отъ Селенгинска стоятъ не въ да-

---

[1]) А. И. т. IV, № 33; т. V, № 67; Доп. къ А. И. т. II, № 73; т. III, № 11; т. V, № 63; т. VIII, № 34; Р. И. Б. т. II, № 129, I; т. VIII, № 11, XXXII; *Лѣтопись Иркутска*. Ирк Губ. Вѣд. 1858. № 20, стр. 4; ср. *Буцинскій*, *Заселеніе* и пр., стр. 23 и гл. VIII.

[2]) *Адріановъ*, *Г. Томскъ въ прошломъ и настоящемъ*. Томскъ. 1890, стр. 1.

[3]) Ср. *Щегловъ*, н. с.. со стр. 55, passim.

[4]) *Краткая Сибирская Лѣтопись* (*Кунгурская*). Спб. 1880, стр. 35. Ср. *Буцинскій*, н. с., стр. 143 и сл.

лекомъ разстояніи“ [1]). Особенно страдала Тюмень, потому что „Тюмень отъ другихъ городовъ удалѣла, а люди на Тюменѣ живутъ въ уѣздѣ отъ города въ одоль“ [2]). Сильно страдалъ Кузнецкъ „Кузнецкое мѣсто украинное,—поясняютъ намъ отписки, — стоитъ межъ многихъ немирныхъ иноземцевъ... и измѣнники Киргизы и Калмыки подъ Кузнецкой и на уѣзды войною приходятъ и людей побиваютъ, лошадей и рогатый скотъ отгоняютъ, и на поляхъ толочатъ безъ остатку, и всѣмъ ихъ разоряютъ“ [3]). Березовъ не разъ подвергался нападеніямъ, также Тобольскъ, Енисейскъ, Красноярскъ, Балаганскъ, Якутскъ и др. города жили въ постоянныхъ опасеніяхъ [4])...

Русскіе покоряли инородцевъ съ тѣмъ, „чтобы они шли и были великаго государя подъ самодержавною высокою рукою, въ тишинѣ и покоѣ, въ вѣчномъ холопствѣ“ [5]). Такая перспектива для инородцевъ не заключала ничего въ себѣ заманчиваго. „Холопы“ московскаго царя дѣятельно пріискивали новыя землицы, богатыя соболемъ, разными рудами, дорогими травами; старались отличиться и отнюдь не страдали разборчивостью въ средствахъ. Вотъ, напр., оффиціальное предписаніе: „И тебѣ бъ Дмитрію единолично государю служба и радѣнье показать, про ту рѣку Нерогу провѣдывать накрѣпко у всѣхъ иноземцевъ, всякими мѣрами, впрямъ и заводомъ, изъ ума выводя и жесточью рас-

---

[1]) Доп. къ А. И. т. X., № 67, XXXIV. „Воровство“ и „воровскихъ“— выраженія, указывающія, что рѣчь идетъ объ инородцахъ, жившихъ въ предѣлахъ русскихъ; иначе было бы выраженіе „воинскіе люди“, какъ это употреблялось по отношенію къ „богдойскимъ“ людямъ, т. е. китайскимъ подданнымъ, или — къ независимымъ калмыцкимъ и киргизскимъ ордамъ.

[2]) Р. И. Б. т. II, № 138, V.

[3]) А. И. т. V, № 67.

[4]) Доп. къ А. И. т. II, №№ 81, 82 и др.; *Томскія Губернскія Вѣдомости.* 1865, № 46, стр. 7, и 1874, № 47, стр. 4; *Сѣверный Архивъ*, 1826, кн. 19, стр. 224—225; *Сибирскій Вѣстникъ*, 1821 г., ч. 14, ст. *„Любопытное вооруженіе гор. Тобольска противъ нашествія Калмаковъ въ 1646 г.“*, стр. 1. Ср. *Оглоблинъ. Бунтъ и побѣгъ на Амуръ „воровского полка“ М. Сорокина.* Русск. Стар., 1895, I, 219; *Буцинскій*, оба назв. соч., passim.

[5]) А. И. т. IV, № 250.

трагивать, есть ли такова рѣка Нерога“ [1]). Какъ, же, значитъ, поступали съ непокорными? Въ началѣ 90-хъ годовъ XVI в. однимъ изъ борцовъ за независимость былъ князь Пелымскій, Аблегеримъ. Правительство поручило воеводѣ „приманить“ этого князя, „да сына его большаго Тагая, да племянниковъ его, да внучатъ и лучшихъ людей пяти шти (т. е 5—6)“ и „переимавъ ихъ, *извести*“ [2]). Общая система, основывавшаяся на эгоистичной, грубой и жестокой эксплуатаціи, и тяжкія злоупотребленія и притѣсненія воеводъ и служилыхъ людей не могли способствовать замиренію населенія, доводили инородцевъ до отчаянія, до хроническихъ мятежей [3])...

Эта ожесточенная борьба исключала возможность мирнаго и закономѣрнаго развитія страны. Она привела, между прочимъ, къ насильственному, указному привитію земледѣлія у инородческихъ племенъ. Правительство московское привлекло къ участію въ организаціи сибирскаго служилаго продовольствія инородцевъ, переложивъ, для нѣкоторой части инородцевъ, ясакъ на хлѣбную повинность или посадивъ ихъ на государеву пашню. Безъ сомнѣнія, правительству было бы меньше хлопотъ, если бы захваченная страна была земледѣльческой. На ряду съ ясакомъ правительство налагало бы и дань хлѣбомъ. Но, съ одной стороны, земледѣліе, хотя и существовало до прихода русскихъ, не захватывало большихъ и сплошныхъ районовъ; съ другой стороны, ожесточенная борьба русскихъ пришельцевъ съ бившимися за независимость туземцами истребляла массы инородцевъ и уничтожало ихъ земледѣльческое хозяйство.

Въ Сибири существовало туземное земледѣліе. Степень

[1]) Доп. къ А. И. т. II, № 98. Дѣло заключалось въ томъ, что воеводѣ передали слухъ о существованіи какой то рѣки Нероги, богатой серебряной рудой. Воевода посылаетъ для развѣдокъ небольшой отрядъ.

[2]) Р. И. Б. т. II, № 56.

[3]) Ср. *Миллеръ*, *Опис. Сиб. ц.*, стр. 312—313; *Буцинскій. Мангизея и Манг. у.* стр. 33 — 35, 21, 22 и сл.; *Восточное Обозр.* 1894, № 113, Библіографія; *Іонинъ*, *Новыя данныя къ исторіи В. Сибири XVII в.* Въ Изв. Вост.-Сиб. Отдѣла Геогр. Общ. т. XXVI, стр. 112: служилые люди ходили „*для выбою* ясачныхъ иноземцевъ великаго государя съ ясакомъ къ Охоцкому острогу“.

развитія его не была высока, но не настолько, чтобы можно было его игнорировать. Если бы Московское правительство не было совершенно поглощено мыслями объ ясачныхъ соболиныхъ сборахъ да „прибыляхъ" казны, если бы оно имѣло намѣреніе колонизовать Сибирь и назначало ее для равноправной жизни въ ряду другихъ „многихъ государствъ и земель Московскаго царствія", оно могло бы воспользоваться туземнымъ земледѣліемъ для развитія земледѣльческаго хозяйства въ странѣ.

Повидимому, ко времени покоренія русскими, въ Сибири стала упрочиваться земледѣльческая осѣдлость [1]). „Татары,— говоритъ въ одномъ изъ своихъ трудовъ покойный Ядринцевъ [2]), — какъ замѣтно по находимымъ древностямъ, пользовались желѣзомъ, выдѣлывали металлъ и стояли на извѣстной культурной высотѣ, сравнительно съ окружающими остяками и вогулами. Такимъ же искусствомъ въ выдѣлкѣ металла обладали и телеуты въ Томской губ. Остатки бронзовыхъ и желѣзныхъ орудій показываютъ, что металлъ давно выдѣлывали въ Сибири. Затѣмъ татары занимались также и земледѣліемъ. Кромѣ находимыхъ остатковъ жернововъ и сошниковъ, извѣстно изъ нѣкоторыхъ актовъ, что татары были земледѣльцы. Что Кучумъ и его татары занимались хлѣбопашествомъ, видно изъ грамоты татарскаго воеводы, доносящаго: „Кучумъ-царь пошелъ съ Черныхъ водъ на Обь-рѣку съ дѣтьми и со всѣми людьми, гдѣ у него хлѣбъ засѣянъ". „При занятіи татарскихъ городковъ, въ нихъ находились всегда запасы хлѣба (Сибир. Лѣтопись). Принимая во вниманіе, что земледѣліе извѣстно было бухарцамъ, телеутамъ, слѣды ирригаціи каналовъ замѣтны въ Семирѣчьи, въ Алтаѣ, въ Минусинскомъ округѣ и за Байкаломъ, — можно заключить, что древніе народы Сибири давно употребляли хлѣбъ и татары не могли не знать его, хотя часть ихъ сохраняла скотоводческое хозяйство" [3]). Хлѣбопашествомъ занимались буряты; сѣяли

---

[1]) Ср. *Ядринцевъ, Начало осѣдлости*, въ *Литературномъ Сборникѣ*. Спб. 1885 (изд. ред. *Вост. Обозр.*).

[2]) *Ядринцевъ*, *Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе*. Спб. 1891, стр. 24, ср. стр. 27. См. А. И. т. II, № 1.

[3]) *Ядринцевъ*, ibid. Ср. *Буцинскій*, *Заселеніе* и пр., ст. 83: „По рѣкѣ Турѣ существовало хлѣбопашество, которымъ занимались здѣшніе та-

они, преимущественно, просо. „А около Ламы (т. е. Байкала) живутъ многіе Брацкіе люди и Тунгусы и просо сѣяли Брацкіе люди по Ангарѣ, и соляные ключи поверхъ Тунгуски сказываютъ есть, и соль варятъ въ котлахъ“ [1]). При устьѣ Анги, на Ленѣ, у бурятъ также посѣвы проса, также на островѣ Ольхонѣ. „А на Ламѣ островъ, именемъ Ойхонъ, ходу черезъ Ламу до острова Ойхона судового день; а люди на томъ острову живутъ Брацкіе многіе, лошадей и всякаго скота много; а хлѣбъ у нихъ родится просо“ [2]). На Амурѣ и по его притокамъ мы также находимъ земледѣльческій народъ. „И по тѣмъ по всѣмъ рѣкамъ живутъ даурскіе люди, и городки у нихъ во многихъ мѣстахъ построены, и яровой всякой хлѣбъ стоитъ, и яблоки, и груши, и гарбулы, и дыни, и огурцы, и всякой русской овощъ по рѣкѣ Амуру родится“ [3]). Впрочемъ, Даурія стояла, повидимому, на довольно высокой степени культурнаго развитія. „Въ Дауріи,—говоритъ Ядринцевъ [4]),—Ерофей Хабаровъ встрѣчаетъ настоящую осѣдлость, аборигены имѣли, по его описанію, города, башни, укрѣпленія съ глубокими рвами, свѣтлицы устроены съ большими холодными окнами, а окончины бумажныя“. Недаромъ Ерофей Хабаровъ, этотъ „старый Даурской земли заводчикъ“, на пути въ Москву проѣзжалъ черезъ Илимскій уѣздъ, „въ камчатномъ платьѣ нарядяся“, и „всякихъ чиновъ людемъ хвалилъ Даурскую

тары, и русскіе воеводы, покоривъ послѣднихъ, могли воспользоваться ихъ нивами“. Свидѣтельства русскихъ памятниковъ о сибирскомъ земледѣліи восходятъ ко временамъ первыхъ сношеній съ сибирскими ханами. Ср. другія мѣста книги проф. Буцинскаго, а также см. *Путешествіе чрезъ Сибирь отъ Тобольска до Нерчинска и границъ Китая русскаго посланника Николая Спаварія въ 1675 г.* Спб. 1882, passim.

[1]) Доп. къ А. И. т. II, № 91. Ср. *Словцовъ, Историческое Обозрѣніе Сибири.* Спб. 1886.

[2]) Доп. къ А. И. т. II, 89, II. Это и предидущее свидѣтельства категорически опровергаютъ мнѣніе изслѣдователей о незнакомствѣ бурятъ до прихода русскихъ съ употребленіемъ даже соли, и о позднѣйшемъ ихъ приходѣ въ бассейны Байкала—Лены. См. *Левинъ. Рыболовство и рыбопромышленность на Ольхонѣ* Изв. В. Спб. Отд. Геогр. Общ. 1897, вып. I, стр. 3. Въ настоящее время ни хлѣбопашества, ни скотоводства въ Ольхонѣ не существуетъ; жители—рыболовы.

[3]) *Чертежъ всей Сибири, збранный въ Тобольскѣ по указу царя Алексѣя Михайловича*, въ „*Сибирь въ XVII в.*“ М. 1880, стр. 34.

[4]) *Сибирскіе инородцы*, стр. 123. Ср. *Сибирскій Вѣстникъ*, 1824, ч. II.

землю и подговаривалъ, чтобъ шли въ ту *богатую землю* всякіе люди", разсказывалъ, что тамъ „житье богатое" [1]). Несомнѣнно, что здѣсь мы встрѣчаемся съ вліяніемъ старой китайской цивилизаціи. Но всѣ эти богатые начатки культуры, земледѣльческой осѣдлости, остались внѣ сферы дѣятельности русской колонизаціи. Правительство не воспользовалось,—да при томъ низкомъ уровнѣ просвѣщенія и политическаго развитія, на которомъ оно находилось, и не могло воспользоваться,—этими туземными культурными силами. Ему гораздо было проще начинать дѣло самому, слѣдуя указаніямъ и путямъ многовѣковой традиціи и непосредственнаго опыта.

Первые служилые люди, занятые присоединеніемъ „новыхъ землицъ ясачныхъ людей", какъ и войско Ермака, продовольствовались на счетъ инородцевъ. Замѣчательно, что сибирскій лѣтописецъ основателемъ системы переложенія ясака въ хлѣбную повинность считаетъ Ермака. „И по допросомъ пути нѣтъ за Камень, въ Русь возвратишася внизъ по Тавдѣ, октября 4 день, *обирающе хлѣбъ въ ясакъ*, проводиша въ зимовье Карачинское со многими припасы сужеными и привозшиковъ отпустиша ихъ во свояси. И *тотъ сборъ первое ясачный хлѣбъ* въ Тобольску, и донынѣ хлѣбъ и денги и кунъ, то вмѣстѣ *Ермакова прибору*" [2]). Правительство слѣдовало пути, указанному первымъ завоевателемъ Сибири.

Правительство и въ данномъ случаѣ проводило излюбленную систему десятинной пашни.

Уже организуя пашенное хозяйство въ Пелымѣ, въ началѣ 90-хъ годовъ XVI стол., правительство издало указъ „изъ Таборовъ и Кошуковъ... набрать молодыхъ людей, и поселить ихъ съ женами и съ дѣтьми около города для государевой пашни, а съ прочихъ ихъ товарищей вмѣсто соболинаго окладу за ясакъ велѣно брать подать хлѣбомъ" [3]).

Подъ государеву пашню было велѣно отвести 300 четвертей; но подъ городомъ годной для пашни земли оказа-

---

[1]) *Оглобинъ, Бунтъ и побѣгъ на Амуръ „воровского полка" М. Сорокина.* Русск, Стар. 1896, I, стр. 205.

[2]) *Краткая Сибир. Лѣтоп.*, стр. 14.

[3]) *Миллеръ, Описаніе Сибирскаго царства*, стр. 240. Таборы и Кошуки—инородческія волости.

лось всего 7 четвертей. Вслѣдствіе этого, переселеніе не состоялось. Правительство ограничилось взиманіемъ хлѣба. Однако, Миллеръ сообщаетъ, что „въ 7102 году казенной хлѣбъ пахать начали" [1]. Въ другихъ уѣздахъ инородцы также сажались,—а иногда и сами садились,—на пашню, или облачались „хлѣбомъ за ясакъ" [2]. Таборинскіе татары и вогулы,—говоритъ проф. Буцинскій,—„по распоряженію воеводъ... въ первые годы сѣяли на государя разнаго хлѣба 138 четвертей ежегодно, но въ 1596 г., по ихъ челобитью, государь велѣлъ пашенныхъ таборинскихъ татаръ и вогуловъ „въ пашнѣ" полегчить, и сѣять на государевыхъ пашняхъ по 40 ч. ржи и по 80 ч. овса ежегодно, т. е. пахать 20 дес. подъ озимое и 20 подъ яровое" [3]. „Что же касается, говоритъ тотъ же авторъ, положенія инородцевъ ясачныхъ и особенно пашенныхъ, то оно было въ высшей степени тяжелое". „Число пашенныхъ инородцевъ было невелико; они пахали на государя почти столько же пашни, какъ и русскіе крестьяне, но эта повинность для нихъ была несравненно тяжелѣе, чѣмъ для русскихъ, потому что она была имъ „не за обычай" [4]. Инородцы, посаженные на пашню, непрестанно жаловались на тяжесть повинностей. Въ 1599 г. они жалуются, что „они ходячи за государевой пашней одеженку всю передрали, женишекъ и дѣтишекъ проѣли, волочатся въ наготѣ и босотѣ и помираютъ голодною смертію". Въ 1623 году они бьютъ челомъ, чтобы ихъ освободили отъ пашни и замѣнили ее ясакомъ. „Всѣхъ ихъ съ женами и дѣтьми до одного человѣка пристава выгоняютъ изъ юртъ на государеву пашню и юрты остаются пустые; накладываютъ на нихъ работы великія, не въ мѣру; за тою пашнею рыбы добыть не успѣваютъ и потому все лѣто съ женами и дѣтьми *кормятся одною травою*". „Вслѣдствіе тяжелыхъ работъ и скудости питанія между пашенными инородцами была большая смертность; въ 1623 г. въ

[1]) Стр. 241, 243.

[2]) *Зловцовъ*, н. с., стр. 20. „Царь Борисъ, освѣдомясь, что пашнею занимаются татары только около Тюмени и въ Табарѣ по Тавдѣ, въ 1599 г. назначилъ Тагильскія юрты на пашню". Ср. *Щегловъ*, н. с. стр. 60, 62; *Андріевичъ*, *Исторія Сибири*, I, стр. 140.

[3]) *Буцинскій*, *Заселеніе* и пр., стр. 168.

[4]) Ibid., стр. 311—312.

Пелымскомъ уѣздѣ такихъ людей было 70 человѣкъ,а къ концу царствованія Михаила Ѳедоровича ихъ осталось только 33, а остальные, замѣчаетъ Пелымскій воевода, умерли и на ихъ мѣсто на государеву пашню *прибрать некого*" [1]).

Пашенные инородцы исполняли тѣ же повинности и „издѣлья", что и пашенные крестьяне. „Въ осеннюю пору,—читаемъ мы,—на гумна возили государевъ хлѣбъ, и въ клади клали, и молотили". Первоначально ямская гоньба была возложена правительствомъ всецѣло на инородцевъ. Впослѣдствіи были основаны „ямы", поселены „ямщики", но съ инородцевъ гоньба и подводы не были сняты и продолжали оставаться тяжелою повинностью. „Да въ лѣтнюю пору, государь, и въ зимнюю,—горько жалуются они въ челобитной царю,—ѣздятъ въ Сибирь и изъ Сибири твои государевы воеводы, и дѣти боярскіе, и казаки, съ твоими государевы дѣлы къ Москвѣ и съ Москвы, и они, государь, емлютъ насъ въ подводы и съ судами въ лѣтнюю пору, а въ зимнюю пору съ лошадми и съ нартами, изъ Тоболска ѣдучи до Пелыми, а съ Москвы ѣдучи отъ Пелыма и отъ Кошуковъ до Тоболского уѣзду, и у насъ, государь, у сиротъ твоихъ, въ подводахъ ѣздячи и ходячи, голодною смертію и нужною съ волокиты лошаденка помираютъ". Отъ этихъ подводъ ихъ родичи „разбѣгались, живутъ по лѣсамъ". И разбѣжавшіеся такимъ образомъ еще болѣе отягчали положеніе оставшихся, связанныхъ круговою порукою, на пашнѣ и не пособляли „въ тѣ убытки" послѣднимъ. Кромѣ того, подозрительное правительство указомъ запретило продажу инородцамъ не только оружія, но и ножей, топоровъ и т. п. Инородцы жаловались, что имъ „ни дровишекъ... усѣчи нечимъ, ни на звѣря... засѣки сдѣлати безъ топора не можно и нечимъ, а обуви... сдѣлати безъ ножа не можно же". Челобитчики просили: 1) возвратить бѣглыхъ, 2) взамѣнъ пашни, обложить ясакомъ, „собольми, чѣмъ государь сиротъ своихъ велитъ пожаловати, обложити" и 3) разрѣшить продажу ножей, топоровъ и др. подобныхъ необходимыхъ предметовъ обихода [2]).

---

[1]) Ibid.

[2]) Р. И. Б. т. II, №№ 58 и 64. Въ 1597 г. изданъ указъ разрѣшавшій такую продажу. *Щегловъ*, н. с., стр. 57.

Правительство охотно верстало крещеныхъ инородцевъ въ службу, особенно „лутчихъ людей“. Но некрещеные („бусурманской вѣры“) не пользовались льготами. „Мурзишки и сотничишки“ жалуются, что въ подводной гоньбѣ у нихъ „людишка и лошаденка помираютъ“. Очевидно, правительство, занятое лишь преслѣдованіемъ „прибылей“, не разрушало внутреннихъ порядковъ, соціальнаго строя туземной жизни, разъ это только не шло въ разрѣзъ съ интересами фиска. „Мурзишкамъ“ было оставлено владѣнье „людишками“. Но общій режимъ „государевой прибыли“ давилъ и своею тяжестью разламывалъ одинаково весь строй туземной жизни. Туземный бытъ разлагался, и разложеніе, по необходимости, сопровождалось тяжкими для населенія послѣдствіями.

Впослѣдствіи земледѣліе инородцевъ существовало, какъ это видно, напр., изъ описанія путешествія Спафарія; но малочисленность инородческихъ деревень свидѣтельствуетъ, что бремя государевой пашни, не могло служить залогомъ развитія земледѣлія у инородцевъ, для которыхъ нерѣдко „пашня была не за обычай“. Московское правительство не обращало вниманія на мѣстныя условія жизни, ему совершенно чуждо было сознаніе правъ населенія и вниманіе къ интересамъ послѣдняго, а только самоопредѣляющіяся силы народа способны къ прогрессивному и устойчивому развитію.

Администрація государевой пашни въ Сибири XVII в.

Первоначально Сибирь, какъ новопокоренная страна, была въ вѣдомствѣ *Посольскаго Приказа* (1590). Затѣмъ, когда дѣло завоеванія стало болѣе или менѣе прочнымъ, управленіемъ (съ 1596 г.) вѣдала *Четь дьяка Вахрома Иванова*, подъ главнымъ начальствомъ Бориса Годунова. Послѣдній, ставъ царемъ, отдалъ Сибирь въ вѣдѣніе *Казанскаго и Мещерскаго Дворца*, при которомъ возникло отдѣленіе *Сибирскаго Приказа*. Казанскій Дворецъ вѣдалъ Сибирь съ 1599 по 1637 годъ, когда *Сибирскій Приказъ* сталъ самостоятельнымъ вѣдомствомъ [1]). Названныя учрежденія вѣдали Сибирь во всѣхъ отношеніяхъ, по всѣмъ отраслямъ управленія. Сборъ ясака, пашня, администрація, судъ, всѣ разряды лицъ находились въ этомъ вѣдѣніи; сюда посылались воеводскія отписки, росписи смѣтныя и помѣтныя, чертежи, челобитныя и т. д., и черезъ него проходили всѣ правительственныя распоряженія [2]). Только къ половинѣ XVII в., какъ кажется, начинается раздѣленіе и обособленіе отраслей управленія, и Сибирскій Приказъ начинаетъ терять напр. „селитреное варенье", „новыя соляныя пошлины", табакъ, перешедшія въ вѣдомство *Приказа Большой Казны* [3]).

---

[1]) *Щегловъ, Хронол. перечень.* ст. 52, 56, 60 и 91; *Буцинскій, Заселеніе Сибири и битъ первыхъ ея насельниковъ, стр. 231—233*; *Андріевичъ, Исторія Сибири*, I, стр. 113—114.

[2]) А. И. т. III, №№ 90, 91, 138, 207; Доп. къ А. И. т. II, № 100 Р. И. Б. т. VIII, № 11, XVI, XXXVII.

[3]) Доп. къ А. И. т. III, № 10 (1646 г.).

Непосредственное управленіе сосредоточивалось въ Сибири въ рукахъ воеводъ. Во главѣ послѣднихъ стоялъ воевода Тобольскій, которому во многихъ отношеніяхъ была подчинена вся Сибирь, вплоть до 1629 года, когда Томскіе воеводы „учали сидѣть своимъ столомъ". Въ 1676 г. получилъ самостоятельность Енисейскъ, а въ 1687 году выдѣлено въ особый разрядъ Верхотурье, къ которому отнесены Пелымъ и Туринскъ, „п. ч. тѣ городы отъ Верхотурья въ ближнихъ мѣстѣхъ" [1]).

Можно съ точностью указать на подчиненіе другихъ воеводъ Тобольскому въ военномъ отношеніи; первые не могли начинать военныхъ дѣйствій, не снесясь съ Тобольскомъ. Тобольскій воевода руководилъ этими дѣйствіями и снаряжалъ экспедиціи. Повидимому, подобное же главенство получилъ и Томскій воевода, когда получилъ „разрядный столъ" [2]). Можно указать также на нѣкоторую финансовую подвѣдомственность второстепенныхъ воеводъ. Доходы стекались въ Тобольскъ; изъ него же отправлялись высылаемые „сибирскіе запасы". Кромѣ того, Тобольскій воевода нерѣдко бралъ на себя инициативу въ разныхъ предпріятіяхъ, дѣлалъ указанія и даже иногда дѣлалъ выговоры другимъ воеводамъ. Но каждый въ своемъ *уѣздѣ* воевода имѣлъ громадныя полномочія, которыя въ „наказахъ" выражались въ своеобразной формулѣ: „искати во всемъ государю прибыли и дѣлати во всемъ, смотря по тамошнему дѣлу, какъ его Богъ вразумитъ" [3]). Воевода творилъ судъ и расправу, собиралъ всякія пошлины съ торговыхъ и промышленныхъ людей, собиралъ ясакъ, налагалъ на жителей оброки и разныя повинности по своему усмотрѣнію и вообще былъ полновластнымъ хозяиномъ" [4]).

---

[1]) А. И. т. V, № 162; *Щегловъ*, 84; *Буцинскій*, 233; *Адріановъ Г. Томскъ въ прошломъ и настоящемъ*, стр. 4. По Словцову, Верхотурье рѣшено выдѣлить въ 1688 г.; (Ист. Об., I, 110).

[2]) *Р. И. Б.* т. II, № 138, V и № 159; *Сѣверный Архивъ*, 1826 г., кн. 19, стр. 224—225; *Томскія Губ. Вѣд.*, 1865, № 46, стр. 7; *Буцинскій*, *Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ*, Харьковъ 1889, стр. 233—235.

[3]) *Р. И. Б.* т, VIII, № 11, VII, ср. III и XXIV. *Ядринцевъ*, *Сибирь какъ колонія*, Спб. 1892, стр. 469—470.

[4]) *Буцинскій*, назв. соч., стр. 235. Ср. *Словцовъ*, *Историческое Обозрѣніе Сибири*. Спб. 1886, стр. 65. Словцовъ рѣзко ставилъ вопросъ объ

Слѣдуетъ не упускать изъ виду, что воевода посылался, собственно говоря, не для управленія, не какъ администраторъ, а скорѣе какъ главный приказчикъ. На обязанности его лежали не интересы населенія, не заботы о послѣднемъ, объ его благѣ, а выполненіе наказа „искать государю прибыли“, дѣлать „какъ бы (государевой) казнѣ было прибыльнѣе“, смотрѣть, чтобы этой казнѣ „никоторой порухи не учинилось“; интересы населенія обезпечивались въ наказѣ лишь настолько, насколько это требовалось, чтобы людямъ „оскорбленія не было“, и чтобы ихъ „не разгонить“, и тѣмъ не нанести ущерба опять таки государевой казнѣ [1]). Поэтому и ограниченія власти воеводъ направлялись не къ тому, чтобы оградить отъ ихъ произвола населеніе, а къ тому, чтобы обезпечить интересы казны [2]).

Служилые люди, естественно, находились подъ начальствомъ воеводы и власть послѣдняго надъ ними была весьма ощутительна, хотя правительство постоянно реко-

---

обособленности, независимости воеводъ другъ отъ друга. „Не смотря на степени и преимущества воеводствъ, одного предъ другимъ, не было установлено зависимости органической, въ чемъ виною Приказъ (т. е. Сибирскій), какъ непосредственно списывавшійся порознь съ воеводствами, и еще требовавшій, чтобы каждое воеводство, среднее и малое, отправляло ясачную казну въ Москву, прямо отъ себя. *По недовѣрчивости* не было въ Сибири совокупности, не было Управленія разъятыя части принадлежали къ цѣлому отдаленному, къ Приказу, не мыслившему объ единствѣ частей, и заботившемуся объ одномъ итогѣ ясака“. (Истор. Обозр. 1886, кн. I, стр. 34). Со времени появленія труда Словцова болѣе обильный печатный матеріалъ внесъ болѣе ясности. Г. Прутченко вѣрно отмѣчаетъ, что „взаимныя отношенія различныхъ органовъ управленія не отличались опредѣленностью постановки; эпоха не выработала еще въ то время яснаго понятія инстанціи“. (*Сибирскія окраины*, Спб. 1899 г. т. I, стр. 17).

[1]) А. И. т. III, № 121; Доп. къ А. И. т. III, №№ 63, 46, I; Р. И. Б. т. II, № 146, I, т. VIII, № 11, VII. Ср. *А. А. Іонинъ*, *Новыя данныя къ исторіи Вост. Сибири XVII в.* Прилож. къ Изв. В.-Спб. Отд. И. Р. Г. Общ., т. XXVI, стр. 86, 89, 94 (№№ 7, 8, 11). «И прибыль учинити не малая, которая бъ прибыль государю была прочна и стоятельна, и себя имъ (воеводамъ) видѣть въ государевѣ жалованьѣ». Доп. къ А. И. т. II, № 73. «Чтобъ мнѣ холопу твоему въ томъ стоя направежѣ *напрасно не помереть* і въ конецъ не разоритца и *твоей великаго государя службы не отстать*». *Іонинъ*, назв. соч., стр. 94.

[2]) Наша замѣтка въ Вост. Обозр. 1894, № 113.

мендовало воеводамъ заботиться о подчиненныхъ, не чинить „насильства и оскорбленія“ чтобы, изъ за ихъ бездѣльной корысти“, казнѣ Великаго Государя „въ ясакѣ не добору“ не оказалось.

На воеводѣ лежали широкія полномочія по эксплоатаціи источниковъ дохода государевой казны: завѣдывая сборомъ ясака, онъ имѣлъ и непосредственную власть надъ „ясашными людьми“, заботился о „пріискѣ новыхъ землицъ ясашныхъ людей“; о розыскѣ также рудъ, драгоцѣнныхъ камней и т. д. и т. п.

На его же обязанности лежало организовать служилыя силы въ интересахъ этой эксплоатаціи, а также и организація средствъ содержанія, продовольствія служилыхъ силъ. Уже въ первоначальной организаціи этого продовольствія, посредствомъ системы „сибирскихъ отпусковъ“ съ Поморья, сибирскимъ воеводамъ принадлежала видная доля участія. Неизмѣримо большія обязанности и полномочія воевода принялъ въ организаціи служилаго продовольствія посредствомъ системы государевой пашни.

Пашенные государевы крестьяне въ его главномъ и непосредственномъ вѣдѣніи. „Мы то пашенное дѣло,—говоритъ царскій указъ воеводамъ [1]),—положили на васъ“. Досмотръ пашенныхъ мѣстъ, постройка слободъ, призывъ крестьянъ, общій надзоръ, назначеніе непосредственной власти сельской—приказчика, смѣна его и надзоръ за нимъ—таковы функціи воеводской власти на государевой пашнѣ [2]). „А надъ пашенными крестьяны у государевыхъ десятинъ,—говорится въ царскомъ наказѣ Нарымскому воеводѣ [3]),—*надзирати ему Василью самому* и уложити пашню на Государя пахати, смотря по семьямъ и по прожиткомъ, чтобъ въ пашнѣ въ Нарымскомъ острогѣ учинить Государю прибыль, и вновь пашенныхъ крестьянъ прибавливалъ на льготу и изъ подмоги, а подмогу давати съ порукою, смотря по людемъ, на комъ бы мочно впредь взяти. И о томъ бы ему Василью однолично порадѣти, чтобъ въ

---

[1]) А. И. т. III, №№ 121, 211, II; Доп. къ А. И. т. III, № 46, I; т. VIII №№ 100, 109, II; Р. И. Б. т. II, № 149, I.

[2]) Р. И. Б. т. VIII, № 11, XIV; *Временникъ Имп. Моск. Общ. Истор. и Древн. Росс.*, 1852, кн. 17, *Смѣсь*, стр. 5. См. предыд. прим.

[3]) *Временникъ*, ibid.

Нарымскомъ острогѣ пашни передъ прежнимъ прибавити слишкомъ, и прикащика къ пашнѣ выбрати изъ служилыхъ людей человѣка добра и пряма и наказъ ему дати велѣти, а сверхъ наказу приказати накрѣпко", и далѣе идутъ распоряженія чисто хозяйственнаго характера: объ обработкѣ пашни, о времени посѣва, о жнитвѣ и т. п., а также относительно отношеній приказчика къ крестьянамъ и выборнымъ лицамъ.

Конечно, фактически воевода не имѣлъ возможности выполнить всѣ эти обязанности. Ближайшее, непосредственное вѣдѣніе принадлежало приказчику.

Приказчику, какъ и воеводѣ, предоставлялись широкія полномочія. Ему поручалось вѣдать крестьянъ „во всемъ",— „государевою пашнею и крестьянскимъ строеніемъ [1]) промышляти, смотря по тамошнему дѣлу" [2]). Какъ было сказано, назначалъ приказчика воевода, отъ котораго тотъ и находился въ полной зависимости и получалъ многообразныя распоряженія [3]). Обыновенно, приказчикъ назначался изъ служилыхъ людей,—преимущественно, изъ дѣтей боярскихъ, также изъ казаковъ высшихъ чиновъ, напр. пятидесятниковъ, десятниковъ, или изъ стрѣльцовъ, «привычныхъ къ пашенному дѣлу" [4]). Но иногда приказчикъ могъ быть назначенъ и изъ другихъ классовъ, такъ какъ „слободчикъ", т. е. основатель слободы, обыкновенно, въ видѣ награды, назначался въ приказчики [5]).

Въ вѣдѣніе приказчика поступили не только пашенные крестьяне, но и другіе жители слободы, напр. служилые люди; онъ назначался къ пашеннымъ крестьянамъ и бѣломѣстнымъ казакамъ, и тѣхъ и другихъ онъ вѣдалъ на одинаковыхъ основаніяхъ [6]).

Выше мы сказали, что приказчику давались широкія

---

[1]) Т. е. *устройствомъ*.

[2]) Р. И. Б. т. VIII, № 11, XIV; Доп. къ А. И. т. VI, № 1.

[3]) *Временникъ*, ibid.; *Іонинъ*, назв. соч., стр. 88—90.

[4]) Р. И. Б. т. VIII, № 11, XIV; Доп. къ А. И. т. VIII, № 51, VII; *Временникъ*, ibid.; *Іонинъ*, ibid.

[5]) *Буцинскій*, н. с., стр. 217.

[6]) Доп. къ А. И. т. V, № 22; т. VI, №№ 1, 89, 133; т. X, № 75, II Ср. *Іонинъ*, цит. м.: „пашеннымъ крестьяномъ и посацкимъ и всякихъ чиновъ людемъ..."

полномочія. Точнѣе они выражались въ такой формулѣ: приказчикъ назначался „для расправы и строенья и пахоты“ [1]). Онъ вѣдалъ населеніе слободы „во всемъ“: судилъ, собиралъ многообразныя пошлины, слѣдилъ за благоустройствомъ, благонравіемъ населенія, т. е. являлся судьей и административнымъ чиновникомъ; но ему принадлежалъ и чисто хозяйственный распорядокъ: ему приказывалось „велѣть пашни распахивать и дворы строить“. Въ сущности говоря, его главной обязанностью и являлась хозяйственная дѣятельность: ему принадлежало непосред-средственное участіе въ организаціи служилаго продовольствія.

Государева пашня была хозяйствомъ государя, назначеннымъ для осуществленія этой организаціи. Пашенные крестьяне были рабочіе, получавшіе плату натурой, въ видѣ „собины“, т. е. участка земли съ правомъ пахать на *себя*. Приказчикъ былъ управителемъ хозяйства государя. Функціи судебныя и полицейскія онъ получилъ въ прибавокъ. Московское правительство старалось о возможномъ удешевленіи управленія. Съ этою цѣлью, напр., оно на мѣста „выбылыхъ“ служилыхъ людей, указывало брать „ссыльныхъ и опальныхъ людей“, — „чтобъ, — откровенно пояснялось, — въ государевомъ годовомъ жалованьѣ лишнихъ расходовъ не было“ [2]). Съ этою же цѣлью, оно совмѣщало въ лицѣ приказчика въ собственномъ смыслѣ функціи судьи и административнаго чиновника.

Новый приказчикъ получалъ отъ воеводы инструкцію „наказъ“ [3]). Кромѣ того, воеводѣ наказывалось „сверхъ наказу приказати накрѣпко, чтобъ онъ о государевѣ *пашнѣ радѣлъ*, пахати и сѣяти велѣлъ во время, не спустя посѣвнаго времени и упахивати бы государеву пашню велѣлъ гораздо намягко, чтобъ грудъ и не ораныхъ мѣстъ на пашнѣ не было; а какъ аже дастъ Богъ, хлѣбъ поспѣетъ, и онъ бы потому-жъ велѣлъ жать во время, и въ скирды,

---

[1]) Р. П. Б. т. VIII № 11, XIV; Доп. къ А. И. т. VI, № 1; т. VIII, № 51, VII; № 53. V.

[2]) Доп. къ А. И. т. III, № 63; т. IV, № 59; т. VI, № 136, I.

[3]) *Буцинскій*, *Заселеніе Сибири* и пр., стр. 279–280. *Временникъ*, ibid. Самое названіе онъ получилъ потому, что былъ „на приказѣ“ А. И. т. III, № 172.

и въ одонья велѣлъ складти на высокихъ и на холмоватыхъ мѣстахъ, чтобъ хлѣбу и сысподи водою не подмочило, а у жнитвѣ и у кладенья и у молотьбы велѣти съ приказчикомъ быти попомъ и старостамъ, и цѣловальникомъ, выбравъ лучшихъ людей; а изъ соломы велѣти вымолачивати гораздо, и изъ ухоботья и изъ мякины велѣти вывѣивати до чиста; и того беречи накрѣпко, чтобъ однолично государевымъ хлѣбомъ нихто ни какими мѣрами не корыстовался и истери бъ г—реву хлѣбу отнюдь нигдѣ никакіе не было. И къ служилымъ людямъ и къ пашеннымъ крестьяномъ и къ ясачнымъ ко всякимъ людемъ держати ему привѣтъ и ласку, и отъ обидъ беречи всякихъ людей, и продажи имъ не дѣлати ни въ чемъ, и посуловъ и поминковъ ни у кого ничего не имати нѣкоторыми дѣлы, и во всемъ г—рю искати прибыли, а тягости и налоговъ никому не дѣлати, да о всемъ о томъ писати ко... къ Москвѣ, а отписки велѣти отдавати въ приказѣ Казанскаго Дворца" [1]),

Всматриваясь въ этотъ словесный наказъ, мы замѣчаемъ, что распоряженія хозяйственныя преобладаютъ. Дѣло идетъ не столько о населеніи, сколько пашнѣ.

Обратимся къ детальному разсмотрѣнію обязанностей прикащика.

Во-первыхъ, ему принадлежалъ судъ, но только по дѣламъ гражданскимъ; уголовныя дѣла были изъяты изъ его компетенціи,—„опричъ разбойныхъ и убойственныхъ и татиныхъ дѣлъ", какъ говорилось въ наказахъ. Но и въ гражданскихъ дѣлахъ право суда было ограничено извѣстнымъ максимумомъ суммы иска, напр. 5, 10 рублями („а больши 5 рублевъ не судить"). Въ этой-же суммѣ онъ судилъ посторонних лицъ съ слободскими. „Ясашные люди" были совершенно изъяты изъ суда приказчика: дѣло должно было направляться въ городъ [2]). Приказчикъ же взималъ различныя „судныя" пошлины, „пересуду и правого десятка", по челобитнымъ и приставнымъ памятямъ—„хоженое", пошлины съ кабальныхъ судныхъ дѣлъ,—причемъ съ „заемныхъ лживыхъ кабалъ"—вдвое [3]).

---

[1]) *Временникъ* ibid.

[2]) А. И. т. V, № 133; Доп. къ А. И. т. VI, № 1; т. X, № 75, II.

[3]) А. И. т. V, № 133.

Во-вторыхъ, приказчикъ завѣдывалъ доходами слободы. Но онъ долженъ былъ раздѣлять это завѣдыванье съ выборными лицами, положеніе которыхъ было вызвано „бездѣльной корыстью“ приказчиковъ и тѣми „продажами“ и „тѣснотой“, которыя они чинили населенію. Ко всякимъ денежнымъ доходамъ, къ житницамъ, къ желѣзному промыслу и т. д., приказчики должны были выбирать цѣловальниковъ, „кому можно вѣрить“. Выбирали, собственно, крестьяне; приказчикъ же бралъ „выборы за ихъ выборныхъ людей руками“ и отсылалъ къ воеводѣ [1]). Цѣловальники приводились „къ вѣрѣ“, по „Чиновной книгѣ“ [2]). Пошлины собирались приказчикомъ вмѣстѣ съ цѣловальниками. Собранныя суммы онъ долженъ былъ „писать въ книги имянно, порознь, по статьямъ, и тѣ пошлинныя деньги велѣть цѣловальникомъ класть въ ящикъ, каковъ ящикъ данъ будетъ великихъ государей за (названіе уѣзднаго города) печатью“ [3]). Взимая торговыя пошлины, при-

---

[1]) А. И. т. V, № 133; Доп. къ А. И. т. X, № 75, II. „И они крестьяня выбрали въ старосты (такого-то), тамож. цѣловальника (такого-то) и дали на нихъ выборы за руками, и я тѣ ихъ выборы послалъ на Верхотурье“.

[2]) Ibid.

[3]) А. И. т. V, № 133; Доп. къ А. И. т. VI, № 1. Для иллюстраціи приводимъ образчики пошлинъ:

Со всякой продажи—десятая (съ 1 р.—1 гривна, съ уѣздныхъ—вполовину)—тутошнихъ товаровъ съ 1 р. . 4 деньги.
Полозового съ саней . . . . 8 ден.
Печатнаго . . . . 1 алтынъ.
Съ вѣсчихъ товаровъ—съ пуда . . . . 1 ден.
Явчей (съ человѣка) . . . . 4 ден.
Пошерстнаго („со скотиной продажи и мѣны“)—2 алт. (съ уѣздныхъ вполовину).
Явчего съ пива и браги (съ пуда) 1—2 ден.
Съ промышленныхъ людей—оброку . . 1 полтина.
печатнаго 1 алт.
явчей . . 4 ден.
Съ гулящихъ—оброку . . . . 1/2 полтины.
печатнаго . . . . 1 алт.
явчей . . . . 3 ден.
(при наймѣ) съ найму . . съ 1 р.—1 гр.
Съ хлѣба { своей пахоты . . . . съ 1 р.—5 ден.
перекупнаго . . . . съ 1 р.—1 гр.

См. А. И. т. V, № 133; Доп. къ А. И. т. VI, №№ 1, 89; т. VIII,

казчикъ, естественно, получалъ и нѣкоторый надзоръ за торговлю [1]). Порученіе этого надзора приказчику понятно и въ виду настойчиваго желанія правительства урегулировать торговлю мягкой рухлядью, которую оно стремилось монополизировать. Лишній надзиратель былъ только желателенъ,—и, такъ какъ главная дѣятельность правительства была направлена именно на эксплуатацію пушного звѣря,—все устройство страны было организовано именно въ этихъ цѣляхъ, — то и приказчики приняли непосредственное участіе въ надзорѣ за торговлей. Это казалось вполнѣ безопаснымъ: таможенныя пошлины взимались приказчикомъ сообща съ цѣловальниками, право суда ограничивалось извѣстными предѣлами, а ясачные люди были совсѣмъ изъяты изъ-подъ суда приказчика.

Съ другой стороны, и интересы сельскаго хозяйства государя требовали такого же надзора. Не говоря о торговлѣ пушниной, крестьяне могли торговать и сельскими продуктами, хлѣбомъ, скотомъ. Такая торговля близко касалась государева пашеннаго хозяйства и должна была быть урегулирована,—отсюда понятно запрещеніе продажи скота [2]). Должна была регулироваться и продажа строенья, дворовъ, собственныхъ („собинныхъ") участковъ, хлѣба. Крестьянинъ не былъ, въ воззрѣніи правительства, собственникомъ земли. Онъ имѣлъ „собину", какъ жалованье за службу, за обработку государевой пашни. Его хозяйство должно было быть приспособлено къ цѣлямъ и интересамъ послѣдней [3]). Отсюда запрещеніе дѣлать вклады въ монастыри по указамъ 153, 156, 170, 186 годовъ [4]). Отсюда же запрещенія и стѣсненія хлѣбной торговли,—„чтобы въ Сибирскихъ городѣхъ хлѣбными запасы скудости не

№ 71, I; *Щегловъ*, *Хронологич. перечень*, стр. 136. У *Іонина* другія цифры и данныя, см. стр. 99, 202. Колебаніе въ зависимости и отъ времени и мѣста.

[1]) А. И. т. V. № 133.

[2]) Доп. къ А. И. т. VI, № 1. „Продавать скота отнюдь не велѣть".

[3]) Р. И. Б. т. VIII, № 11, XIV. „Собинную пашню за твоею государевою"... Ср. *Словцовъ*, ibid., стр. 24. „Кто хотѣлъ увеличивать доходъ казенной, тотъ въ правѣ увеличивать и собственной, какъ награду за усердіе къ казнѣ". Это былъ принципъ хозяйства въ Сибири.

[4]) А. И. т. V, № 32.

учинилось". Въ 1622 году было указано: „хлѣба въ закупъ никому не продавать". Въ 1682 году, указано: торговцевъ „имать и чинить наказанье",—при чемъ указъ, данный на имя верхотурскаго воеводы, добавляетъ: „хотя кто и верхотурского уѣзду житель". Хлѣбъ конфисковался и продавался по рыночной цѣнѣ служилымъ людямъ [1]). Продаваться хлѣбъ могъ только на мѣстѣ и для мѣстныхъ нуждъ, преимущественно, служилаго класса, а впослѣдствіи его скупаетъ само правительство. На такихъ условіяхъ крестьяне могли продавать хлѣбъ и даже получали льготы. Они платили пошлину, вдвое меньшую, нежели купцы,—именно 10 денегъ съ рубля, а послѣдніе—гривну; впослѣдствіи пошлина спускается до $2^{1}/_{2}$% цѣны товара [2]).

Отстаивая интересы государевой казны и подъ ихъ прикрытіемъ, приказчикъ имѣлъ широкую возможность злоупотреблять своими полномочіями. Его задача состояла лишь въ томъ, чтобы чувствительнымъ образомъ не затронуть интересовъ казны. Правда формула „искать во всемъ государю прибыли, которая бъ прибыль была прочна и стоятельна" имѣла продолженіе: „а людямъ не въ тягость и не въ разореніе"; но, съ одной стороны, никакихъ гарантій для населенія въ исполненіи второй части не давалось, а съ другой, царскій же указъ пояснялъ: „чтобы людей не разгонить". Выборные такихъ гарантій не представляли: они не были отвѣтственны передъ населеніемъ. Обыкновенно, они сами старались нажиться и на счетъ населенія, и на счетъ казны, тѣмъ болѣе, что за всѣ убытки, вольные и не вольные, отвѣчали своимъ имуществомъ.

Выборы производились подъ руководствомъ приказчика. Въ наказѣ ему прямо приказывалось „выбрать" изъ крестьянъ „мірского старосту и таможеннаго цѣловальника", или „ко всякимъ денежнымъ доходамъ, къ житницамъ, къ желѣзному промыслу"—цѣловальниковъ. Мы уже говорили, что они приводились къ крестному цѣлованью, а выборная запись отсылалась воеводѣ.

---

[1]) А. И. т. III. № 107; т. V. №№ 103, 113, 232; П. Указы 1622, 82, 83 и 94 годовъ, Ср. *Іонинъ* ibid., стр. 203.

[2]) А. И. т. V, № 230; *Иркутскъ. Матер. для исторіи города*, М. 1883, стр. 3; Р. И. Б., т. VIII. № 11, XXVIII: *Щегловъ* ibid., стр. 136.

Мы встрѣчаемъ „мірскихъ старостъ“, десятниковъ „для строенья великого государя десятинные пашни“, деньщиковъ „для розсылки“, цѣловальниковъ житничныхъ, мельничныхъ, таможенныхъ, тюремныхъ и др. [1]) Объ этихъ выборныхъ мы скажемъ ниже, а здѣсь отмѣтимъ еще важное значеніе въ слободѣ попа. Правительство требовало его обязательнаго присутствія при сельскихъ работахъ, наряду съ выборными. „А у жнитвѣ и у кладенья и у молотьбы велѣти съ приказчикомъ быти попомъ и старостамъ и цѣловальникамъ, выбравъ лучшихъ людей“ [2]). И попъ игралъ немаловажную роль въ жизни слободы, принимая участіе иногда въ распряхъ населенія съ приказчикомъ. Отмѣченная изслѣдователями исторіи Сибири борьба духовной и гражданской властей какъ бы отражалась и въ миніатюрѣ сельскаго міра [3]).

Теперь обратимся къ разсмотрѣнью обязанностей приказчика относительно „строенья и пахоты“, т. е. его сельско-хозяйственной дѣятельности.

Мы уже говорили, что приказчикомъ часто назначался „слободчикъ“, т. е. основатель, строитель слободы. Но уже, по должности, приказчику обыкновенно поручалось „досмотрѣть“ землю подъ новую слободу Онъ долженъ былъ развѣдать, что 1) земля „къ пашнѣ и сѣннымъ покосамъ угожа“, 2) никому не принадлежитъ и 3) «отъ воинскихъ людей (т. е. непріятелей) крестьянъ уберечь можно». На основаніи такого «досмотра», доставленнаго въ городъ воеводѣ, послѣдній давалъ разрѣшеніе на строенье слободы [4]). Впрочемъ, «досмотръ» поручался не исключительно приказчику. Прямою и одною изъ главныхъ обязанностей послѣдняго былъ „приборъ“ на пашню или на оброкъ крестьянъ, бѣломѣстныхъ казаковъ и пр. Приборъ производился изъ «вольныхъ гулящихъ людей, а не изъ тяг-

[1]) А. И. т. V, № 47 и № 133; Доп. къ А. И. т. X, № 75. II; Р. И. Б. т. VIII, № 11, XLIX; А. до юр. б. относ. т. I, № 5; т. II, № 262, Ш.

[2]) *Временникъ*, ibid; *Буцинскій*, ibid., стр. 190.

[3]) *Сибирскій Сборникъ*. Прилож. къ *Вост. Обозр.* вып. Ш. стр. 25 и сл.; *Іонинъ*, ibid, стр. 116 и сл.; ср. *Вост. Обозр.* 1994, № 87, библіографія.

[4]) А. И. т. V, № 59, II; Доп. къ А. И. т. III, № 46, I; т. IV, № 59 т. V, № 22; т. VI, № 89; Р. И. Б. т. VШ, № 11, III, 1 и 2.

лыхъ людей», и не изъ пашенныхъ крестьянъ, „на льготные годы, по разсмотрѣнію и по людемъ“, обыкновенно отъ 2 до 6 лѣтъ [1]). Приказчикъ же назначалъ размѣръ оброка или количество пашни («на государя»); опредѣлялъ размѣръ „ссуды и подмоги“, деньгами и хлѣбомъ; здѣсь онъ, опять таки, долженъ былъ давать „по разсмотрѣнію, чтобъ было на комъ впредь въ нашу казну взять и наша (государева) пашня бъ была прочна“; онъ бралъ поручныя и кабальныя записи, „отписывалъ“ о своихъ дѣйствіяхъ воеводѣ и отсылалъ ему „поручныя“ [2]). Приказчикъ же „отводилъ“ землю, т. е. опредѣлялъ тотъ или иной участокъ новоселу. Если слобода была новая, только что основанная, то онъ отрѣзывалъ участокъ подъ государеву пашню, а остальную землю, „вымѣревъ и вырѣзавъ“, отводилъ крестьянамъ („гдѣ кто похотѣлъ, — говоритъ одинъ актъ, — по ихъ волѣ, инымъ подлѣ — государеву пашню смежно, а инымъ далѣе“). Отводъ совершался въ присутствіи старосты, крестьянъ и др. свидѣтелей, напр. стрѣльцовъ, ямскихъ охотниковъ [3]) и т. п. Но приказчикъ не только отводилъ землю; онъ могъ заботясь о строеньи великаго государя десятинной пашни, перемѣщать крестьянъ съ участка на участокъ. Такъ, „для поспѣшенья и для новые селидбы“, онъ давалъ крестьянамъ подъ пашню участки государевой пашни; въ случаѣ надобности, онъ отбиралъ участокъ и, если послѣдній уже былъ распаханъ, приказывалъ другимъ крестьянамъ распахать, въ вознагражденіе, участокъ („заимку“ распахавшаго [4]).

Приказчикъ долженъ былъ лично надзирать за полевыми работами крестьянъ. Осень „въ зябль“, онъ «распахивалъ всѣми крестьяны» яровое. Долженъ былъ слѣдить, чтобы крестьяне не опускали «посѣвнаго времени», и во-

[1]) А. И. т. III, №№ 172, 211, II; т. V, № 133; Доп. къ А. И. т. VI, №№ 1, 89; т. VIII, № 71, I.

[2]) А. И. т. III, № 211, II и № 172; т. V, № 133; Доп. къ А. И. т. VI, №№ 1 и 89.

[3]) Р. И. Б. т. VIII, № 11, XIV; А. до юр. б. относ. т. II, № 179; Доп. къ А. И. т. VIII, № 51, III Крестьянамъ давались при этомъ, «отводныя».

[4]) Р. И. Б. т. VIII, № 11, XIV. Изъ содержанія и тона отписки видно, что это было право, а не правонарушеніе со стороны приказчика.

время выдавать изъ казны сѣмена для посѣва, если крестьяне, при селитьбѣ, не обязывались засѣвать своими [1]). Такое же непосредственное участіе принималъ приказчикъ во все остальное время работъ, присутствуя при жатвѣ, молотьбѣ, вывѣиваньи и т. п., и заботясь, чтобъ „одноличпо государевымъ хлѣбомъ нихто никакими мѣрами не корыстовался и истери-бъ государеву хлѣбу отнюдь нигдѣ никакіе не было". Помимо надзора за полевыми работами, на приказчикѣ лежала обязанность „доправлять" съ крестьянъ ссуду, данную имъ при поселеніи; если приказчикъ ея не доправилъ, сумма ссуды взыскивалась на немъ „безо всякіе пощады" [2]). На немъ же лежалъ сборъ натуральныхъ повинностей, напр. пеньки, песку, лѣсу, смолы, вѣниковъ и т. д.; въ случаѣ дурного качества, съ приказчика взыскивалось вдвое противъ стоимости [3]). Перспектива, которую сулили такія угрозы, должна была весьма ободрительно дѣствовать на расторопность приказчика. То же самое относительно иныхъ многообразныхъ и многочисленныхъ повинностей „издѣлій", „строеній" и т. д.

Приказчикъ же долженъ былъ зорко смотрѣть, чтобъ крестьяне вина не курили, и ему самому эта операція также строжайше воспрещалась, что, впрочемъ, не мѣшало приказчику дѣлать нарушенья. Такъ, въ 1681 г., Чичуйскій приказчикъ, атаманъ Степанъ Полуехтовъ, дѣятельно занимался на заимкѣ одного изъ крестьянъ куреньемъ вина, а «на него смотря», принялись и крестьяне курить «и отъ того виннаго куренья пашенные крестьяне разорились и

---

[1]) Р. И. Б. т. VIII, № 11, XIV; *Временникъ*, ibid.; Доп. къ А. И. т. II, № 92; т. VIII, № 25, VIII.

[2]) А. И. т. III. № 211, II; Доп. къ А. И. т. VIII, № 51, II.

[3]) Доп. къ А. И. т. VIII, № 51, VIII. У г. Іонина приведенъ весьма характерный для безпощадной жестокости московскаго правительства документъ. Селингинскій приказчикъ, по мнѣнію воеводы, передалъ одному служилому человѣку 8 рублей. И вотъ съ него эти восемь рублей доправляютъ на правежѣ. Этотъ несчастный обращается съ челобитной къ Государю, прося разсмотрѣть дѣло, „чтобъ мнѣ холопу твоему въ томъ стоя на правежѣ *напрасно не помереть* і в конецъ не раззоритца и *твоей великого Государя службы не отстать*» (послѣдняя фраза—*couleur locale*). См. *Новыя данныя къ исторіи* и т. д. стр. 92 и 94.

обнищали въ конецъ, и государевой десятинной пашни отбыли, и та великаго государя десятинная пашня... опустѣла». Былъ посланъ указъ „бить батоги нещадно", и доправить съ крестьянъ по 2 р. 4 алт. 1½ деньги съ человѣка, а съ приказчика по 5 рублей за ведро [1]).

Приказчику принадлежала полицейская власть. Ему наказывалось «крестьянъ отъ побѣгу и ото всякаго дурна и отъ воровства» самому оберегать и старостамъ и десятникамъ „беречь велѣть накрѣпко". Онъ долженъ былъ строго смотрѣть, чтобы жители слободы „нигдѣ не воровали и не грабили и не розбивали, и драки и убойства и ножевщины не чинили, и зернью и карты не играли, и лихимъ бы никакимъ людемъ къ нимъ пріѣзду и приходу не было, и корчмы бы и блядни и табаку у себя не держали". Приказчикъ долженъ былъ также наблюдать, чтобы не приходили бѣглые. Крестьяне изъ слободы могли отлучиться лишь съ дозволенія приказчика и за крѣпкими поруками. [2]).

Заботясь о внутреннемъ порядкѣ и спокойствіи, приказчикъ заботился и о внѣшней безопасности слободы. Ему указывалось жить „съ великимъ береженьемъ, и отъ приходу воинскихъ людей опасаться"; въ случаѣ же опасности, „велѣть бѣломѣстнымъ казакомъ и крестьяномъ, и съ женами и съ дѣтми и съ животы своими, бѣжать въ острогъ, чтобъ однолично воинскіе люди въ тое и иные слободы безвѣстно не пришли и надъ деревнями и надъ людми какого дурна не учинили" [3]). Приказчикъ долженъ былъ заботиться о вооруженіи жителей. Правительство посылало въ Сибирь самопалы, мушкеты, пищали, порохъ, свинецъ, и приказывало оставшееся послѣ раздачи слу-

---

[1]) Доп. къ А. И. т. VI, № 69; т. VIII. № 51, VIII. Ср. *Іонинъ*, ibid стр. 75—76. Не лишенный интереса фактъ. Въ 1640 г. другой атаманъ, Осипъ Галкинъ, курилъ вино, между тѣмъ онъ самъ былъ «выимщикомъ». Когда къ нему явились для выимки, онъ не безъ остроумія отвѣтилъ: „вамъ не приказано *прямо у меня именно*, атамана, вино *мое* атаманское выимать", и не отдалъ своего „атаманскаго" вина.

[2]) А. И. т. III, № 172; т. V, № 133; А. до юр. б. отн. т. II, № 257, V. За опущеніе приказчику грозила тюрьма.

[3]) А. И. т. V, № 133; Доп. къ А. И. т. VI, № 1.

жилымъ людямъ оружіе продавать „въ цѣну“ [1]) посадскимъ и жилецкимъ людямъ, и пашеннымъ крестьянамъ. Въ случаѣ набѣга непріятелей, оружіе раздавалось населенію „на время“ [2]) Если въ оружіи былъ недостатокъ, то приказчикъ сносился съ воеводой. Онъ доносилъ, что въ слободахъ „ружья и зелья и свинцу мало, и отъ воровскихъ воинскихъ людей тѣхъ слободъ оберечься нечѣмъ“, и прибавлялъ, въ видѣ аргумента, что иная слобода „стала въ степѣ и въ приходъ воинскихъ людей оберечься нечѣмъ“.

Словомъ, всѣ стороны жизни, которыя, такъ или иначе, затрогивали интересы государевой казны, вызывали вмѣшательство власти приказчика. Своимъ имуществомъ и личностью онъ отвѣчалъ за всякій ущербъ и нарушеніе этихъ интересовъ. Угрозы „наказаніемъ безо всякіе пощады“, батогами, кнугомъ, тюрьмой, конфискаціей имущества и правежемъ висѣли дамокловымъ мечемъ надъ головой приказчика. Система выборныхъ лицъ, мелочная отчетность приходо-расходныхъ книгъ, смѣтъ, помѣтъ, отписокъ и т. д. преслѣдовали ту же цѣль защиты государевыхъ интересовъ. Принимая отъ предшественника слободу, приказчикъ принималъ населеніе „по имянному списку, всѣхъ на лицо, и судные вершеные и невершеные и всякія государевы дѣла“, учитывалъ его, а въ случаѣ какой-нибудь неисправности, недостачи и т. п., доносилъ воеводѣ [3]). Послѣдній обязанъ былъ слѣдить за приказчиками „накрѣпко“, и „въ которыхъ въ пашенныхъ слободахъ приказчики о... государевыхъ пашняхъ и о крестьянскомъ строеньи нерадѣтельны, и старымъ приказчикомъ на перемѣну... посылать, выбравъ... лутчихъ людей“ [4]).

Но правительство, чѣмъ далѣе, тѣмъ, повидимому, болѣе убѣждалось, что отчетность и выборныя лица, при той зависимости, въ какой они находились по отношенію къ

---

[1]) Самопалъ, напр., стоилъ 1 рубль 11 алт. т. е. рублей 15—18 на наши деньги.

[2]) Р. И. Б. т. II, № 181, I; т. VIII, № 11, IV; А. И. т. V, № 15; *Сибирскій Вѣстникъ* 1821, ч. 14. Статья. *„Любопытное вооруженіе г. Тобольска противъ нашествія калмыковъ въ 1646 г.“*, стр. 1.

[3]) Доп. къ А. И. т. X, № 75, II.

[4]) Р. И. Б. т. VIII, № 11, XIV.

приказчику, недостаточны для огражденія казенныхъ интересовъ. И вотъ оно приступило къ изъятію изъ вѣдѣнія своихъ слугъ различныхъ отраслей управленія и хозяйства. Появляются таможенные головы, ясачные сборщики, „ясатчики“, разные „выимщики“ (заповѣдныхъ товаровъ, вина, табаку). Изъ сферы хозяйственной изъ рукъ приказчика уходитъ пріемъ хлѣба, для чего назначаются „пріемщики“, къ „выдѣльщикамъ“ переходитъ выдѣлъ хлѣба, затѣмъ слѣдуютъ „дозорщики“, „замѣтчики“, „переписчики“, „умолотчики“, „отдатчики“ [1]) и т. д.

Приказчикъ, какъ мы уже говорили, долженъ былъ лично присутствовать при всѣхъ крестьянскихъ работахъ и наблюдать за тѣмъ, чтобы „государевымъ хлѣбомъ никто никакими мѣрами не корыстовался“. Но, несмотря на энергическія угрозы правительства, буди онъ самъ вздумаетъ корыстоваться, приказчикъ, очевидно, имѣлъ широкую возможность дѣлать злоупотребленія, обширное поле *для своей бездѣльной корысти и посуловъ...* Во избѣжаніе этого, правительство, напр. при жатвѣ приказывало присутствовать попамъ, старостамъ, десятникамъ и цѣловальникамъ. Но и эта мѣра оказалась недостаточной. Тогда для наблюденія за работами стали посылать назначенныхъ *ad hoc* служилыхъ людей,—для жатвы—„дозорщиковъ“, „выдѣльщиковъ“ и т. д., которые и смотрѣли за тѣмъ, чтобы „крестьяна государевъ хлѣбъ съ поль жали до чиста, и въ копна клали бережно, и того государева хлѣба приказчики на крали бъ“ [2]). За злоупотребленія этимъ служилымъ людямъ также грозило „жестокое наказанье безо всякіе пощады“, но, безъ сомнѣнія, для привычныхъ людей того времени угрозы были мало дѣйствительны. Поэтому, сверхъ спеціальныхъ лицъ, выбирались цѣловальники изъ „служилыхъ и посадкихъ людей, изъ пашенныхъ крестьянъ, и поповъ и дьяконовъ, сколько человѣкъ пригоже“. „Дозорщиковъ“ сопровождали „замѣтчики“, вносившіе результаты жатвы въ книги (*имянно и по статьямъ*), и эти „ужинныя книги, „за приказчико-

---

[1]) А. И. т. III, № 192; т. IV, №№ 5, 33, 223, 187, II; т V, № 145, Доп. къ А. И. т. II, № 73; т. VI, № 115; т. VII, № 16, XVII. т. VIII № 25. VIII. и № 51, III и V; Р. И. Б. т. VIII, № 16, XXVIII; *Сѣверный Архивъ*. 1826 г., кн. 19, стр. 239; *Щегловъ*, назв. соч., стр. 141.

[2]) Доп. къ А. И. т. VI, № 115.

выми и за цѣловальничьими и за дозорщиковыми руками" отсылались въ городъ къ воеводѣ; „замолотчики" слѣдили за молотьбой хлѣба; въ житницы хлѣбъ принимался „житничными цѣловальниками. Всѣ эти мѣры имѣли задачей, чтобы „въ государевѣ.... хлѣбѣ хитрости и порухи никоторые не учинилось" [1]).

На обязанности приказчика лежалъ „приборъ" крестьянъ на государеву пашню или на оброкъ (впослѣдствіи). Онъ долженъ былъ извѣщать воеводу о новоселахъ немедленно „имянно, безо всякіе поноровки"; за укрываніе и утайку приказчику грозило „быть за то въ жестокомъ наказаньѣ и пенѣ, безо всякіе пощады". Но „приказчики для своей бездѣльной корысти имъ (новоселамъ) молчали и въ городѣхъ воеводамъ не извѣщали" [2]). Явились на сцену „переписчики", которые производили полную перепись всего находящагося въ слободѣ. Но переписчикъ не только „переписывалъ", онъ и „накладывалъ десятинную пашню и денежные оброки". Онъ также межевалъ землю, совершалъ „отводъ" участковъ, судилъ поземельныя тяжбы, т. е. временно принималъ на себя значительную долю обязанностей приказчика [3]).

Можемъ упомянуть еще о случайныхъ чиновникахъ, назначавшихся для разслѣдованія какого-нибудь дѣла, преступленія или собранія необходимыхъ свѣдѣній [4]) и т. п.

Общій характеръ управленія и хозяйства страны, какъ нельзя лучше, иллюстрировался этими чрезвычайными, временными назначеніями. Государево хозяйство въ Сибири носило всѣ признаки,—да и должно было носить,—экстенсивнаго. Направляя свою дѣятельность на эксплуатацію лишь одной статьи, „пушного звѣря", правительство Московскаго царя все болѣе старалось расширить районъ эксплуатаціи, захватывало все болѣе „новыхъ землицъ". „Самое покореніе инородцевъ. — говоритъ проф. Буцин-

---

[1]) А. И. т. IV, № 33; Доп. къ А. И. т. VI, № 115; Р. И. Б. т. VIII № 11, XXVIII.

[2]) А. И. т. IV, № 187, II; т. V, № 286.

[3]) А. И. т. IV, №№ 5 и 223; т. III, № 138; Доп. къ А. И. т. VIII, № 51, III IV и V; *Сѣв. Арх.* 1826, кн. 19, стр. 226, 239.

[4]) Доп. къ А. И. т. VIII, № 51, VIII. О злоупотребленіяхъ приказчика.

скій [1]),—состояло въ томъ, что служилые люди захватывали у нихъ аманатовъ, держали послѣднихъ въ Мангазеѣ или въ Туруханскомъ зимовьѣ и за нихъ получали ясакъ. И чѣмъ знатнѣе былъ аманатъ, тѣмъ болѣе родъ... платилъ соболей". Въ этомъ отношеніи, московскіе цари, вполнѣ можно сказать, слѣдовали традиціи, завѣщанной покорителемъ Сибири, Ермакомъ. „Ермакъ, — говоритъ поклонникъ его—сибирскій лѣтописецъ [2]), — не становился долго, и ворочатся за ясакомъ: что мимоходомъ урвалъ, то и наша добыча".

Инородцы были разбросаны на огромномъ пространствѣ, вели бродячій образъ жизни. Трудно было организовать правильное обложеніе ихъ ясакомъ. Сборъ послѣдняго очень напоминалъ, по пріемамъ, сборъ даней новгородскими повольниками, т. е. грабежъ. И это тѣмъ болѣе, что инородцы платили дань, не получая, въ замѣнъ, никакихъ благъ. Правда, правительство, за уплату ясака, обѣщало защиту отъ своихъ воеводъ и второстепенныхъ чиновниковъ, обѣщало „беречь ихъ", но вѣдь, воеводы для этой статьи, т. е. сбора ясака, и посылались; да и береженья никакого не выходило, искони правительство московское излюбило два пути: одинъ гласный, усыпанный словесными цвѣтами христіанскаго смиренія, доброжелательства и ласки, и другой — келейный, усыпанный совсѣмъ не тѣми розами,—гдѣ наказывалось, развѣдывая о мѣстонахожденіяхъ рудъ, распрашивать инородцевъ „и впрямь и заводомъ, изъ ума выводя, и жесточью роспрашивать"...

Съ другой стороны, правительству приходилось бороться съ собственными подданными, оспаривавшими у него исключительное право на пушного звѣря, на соболя [3]).

Всѣ эти обстоятельства далеко не обуславливали возможности прочной системы, точной, опредѣленной и устойчивой. Населеніе двигалось, не было осѣдлымъ. Промышленные и торговые люди скользили по тайгѣ и тундрѣ, и

---

[1]) *Къ исторіи Сибири. Мангазея и мангазейскій уѣздъ. Записки Харьковскаго Импер. Университета.* 1893, кн. 1, стр. 51. Есть отдѣльное изданіе.

[2]) *Краткая Сибирская лѣтопись (Кунгурская).* Спб. 1880, стр. 13.

[3]) *Буцинскій. Къ исторіи Сибири.* Зап. Харьк. Имп. Ун. 1893, кн. 1, стр. 45; кн. 2, стр. 62.

ясакъ уплывалъ изъ рукъ правительства. Оно открывало тайный путь торговыхъ и промышленныхъ людей, воздвигало „заставу", посылало таможеннаго голову, а торговые люди отыскивали другой путь. „Застава" не давала доходовъ, и снова начинались розыски новаго „утаеннаго" пути торговыхъ и промышленныхъ людей [1]). Пашенные крестьяне, явившіеся, безъ сомнѣнья, не съ цѣлью принять участіе въ организаціи служилаго продольствія, бѣжали массами отъ непосильныхъ работъ на государевой пашнѣ, судовомъ и острожномъ строеньи, отъ многообразныхъ повинностей и „издѣлій", заслышавъ объ открытыхъ далѣе казаками „новыхъ землицахъ", на кличъ „бирича" на торгу, объявлявшаго о льготахъ, ссудахъ, подмогахъ, звавшаго охочіхъ людей. Бѣжали ссыльные, которыхъ правительство стремилось сдѣлать „пашенными крестьянами", но которымъ пашня была „не за обычай". На пути они соединялись въ шайки, достигавшія десятковъ и сотенъ человѣкъ и грабившія все на пути; они разбивали волости и улусы ясачныхъ людей, громили деревни, нападали на казенные транспорты...

Служилый элементъ долженъ былъ также, волей-неволей сдѣлаться подвижнымъ, кочевать съ мѣста на мѣсто, то въ поискахъ новыхъ землицъ ясашныхъ людей", то для сбора ясака, то отыскивая тайные пути промышленныхъ и торговыхъ людей, открывая „утаенныя деревни", перехватывая бѣглыхъ, усмиряя разбойниковъ, возстанія инородцевъ, выведенныхъ изъ испытаннаго всякими невзгодами терпѣнія притѣсненьями тѣхъ же служилыхъ людей... Разнообразна должна была быть служба служилаго человѣка. „Служилъ я, — писалъ въ челобитной царю одинъ такой служилый человѣкъ [2]),—служилъ я холопъ твой государевъ тебѣ государю въ твоей государевѣ царскіе вотчинѣ въ Сибири всякіе твои государевы службы зимніе и лѣтніе, береговые и лыжные, 30 лѣтъ, и никакова меня, холопа (твоего) твоя государева служба не обхаживала, и на многихъ, государь, дѣлѣхъ быв(алъ) раненъ, и нынѣча, государь, старъ и отъ многихъ ранъ сталъ увѣченъ, и твоей, государь, государскіе отъѣзжіе службы служить не смогу".

---

[1]) *Буцинскій, Заселеніе Сибири* и пр., стр. 173—180. *Къ исторіи Сибири*, кн. I, стр. 71—72, кн. 2 стр. 62.

[2]) Р. И. Б. т. VIII, № 11. II.

Выдѣльщики, дозорщики, пріемщики, переписчики и т. д. являлись для контроля приказчичьяго управленія. Прежнія приказчичьи обязанности переходили къ нимъ, по ихъ должности. Но эти служилые люди усваивали обязанности и не входившія въ кругъ прямыхъ ихъ обязанностей. Переписчики судили, и имъ даже приказывалось производить „выимку“ вина [1]).

Отношенія ихъ къ приказчику и другъ къ другу были довольно спутанныя. Тѣ и другіе имѣли большія или меньшія полномочія, но взаимно они должны были контролировать другъ друга, слѣдя, чтобы кто-нибудь, „изъ своей бездѣльной корысти“, не учинилъ порухи государеву дѣлу. Приказчикъ пересматривалъ, по росписи („имянно“), пріѣхавшихъ пріемщиковъ и сопровождая хлѣбный грузъ на ряду съ пріемщиками и приказчикомъ дѣйствуютъ „*отдаточные* цѣловальники“ [2]). Замѣчательно также, по мелочности, раздѣленіе функцій. „Дозорщики“ наблюдаютъ за жатвой и ведутъ свои „дозорныя“ книги; ведутся «ужинныя» книги; „замолотчики“ слѣдятъ за молотьбой; „замѣтчики“ заносятъ умолотъ въ книги; въ житницы хлѣбъ принимаютъ „житничные“ цѣловальники, которые, вмѣстѣ съ „отдаточными“ цѣловальниками, отпускаютъ его „пріемщикамъ“, и ведутъ отдаточныя и пріемныя книги [3]). Все принимается по „росписямъ“, въ принятомъ даются „отписи“. Сверхъ того, о каждомъ дѣйствіи, каждомъ шагѣ пишутся „отписки“; ведутся „смѣтныя и помѣтныя книги“, приходо-расходныя, выдѣльныя, ужинныя, описныя, переписныя, межевыя, памяти наказныя, данныя, отводныя и слободныя, крѣпости; съ книгъ, посылаемыхъ въ Москву, дѣлаютсясписки, т. е, копіи, посылаемые въ уѣздный городъ и т. д. Это была выразительная картина приказной, канцелярской, системы, гдѣ подьячій, бумага и чернила были выдающимися дѣятелями [4])...

[1]) Доп. къ А. И. т. VIII, № 51, V. Ср. *А. С. Лаппо-Данилевскій, Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій.* Спб. 1890 г. стр. 203.

[2]) Доп. къ А. И. т. VIII, № 51, VIII; № 25, II; № 34.

[3]) Доп. къ А. И. т. VIII, № 34.

[4]) Ср. Доп. къ А. И. т. VIII, № 51, V; т. X, № 75. II. Въ каждомъ сибирскомъ „отпускѣ“ фигурируетъ, по кр. м., 2 десятка стопъ писчей бумаги и соотвѣтствующее количество чернилъ. Доп. къ А. И. т. VII, № 19, I; т. II, № 100.

Изъ прошлаго Сибири.

(Бывшій Генералъ-Губернаторъ Восточной Сибири С. Б. Броневскій и его мемуары).

Предметомъ настоящаго очерка будутъ служить автобіографическія записки генералъ-лейтенанта Броневскаго, служившаго очень долго въ Сибири, именно съ 1808 года по 1837, а съ 1835 по 1837 годъ занимавшаго высокій постъ генералъ-губернатора Восточной Сибири. По этой эпохѣ до настоящаго времени опубликовано очень мало источниковъ. Кромѣ записокъ и воспоминаній декабристовъ, разбросанныхъ по нашимъ историческимъ журналамъ, мы имѣемъ двѣ небольшія статьи съ цѣннымъ матеріаломъ. Это полубеллетристическое произведеніе мало-извѣстнаго, ждущаго еще изслѣдованія, писателя, морского офицера Александрова, „Воздушный тарантасъ", и „Сороковые годы въ Иркутскѣ" недавно почившаго сибирскаго дѣятеля, В. И. Вагина. Записки Броневскаго охватываютъ значительный промежутокъ жизни сибирскаго общества, а авторъ ихъ стоялъ въ центрѣ административной дѣятельности той эпохи. А эта дѣятельность въ то время при отсутствіи другихъ общественныхъ элементовъ отличалась всеобъемлющимъ вліяніемъ и исключительнымъ значеніемъ.

Самъ Броневскій былъ причастенъ къ литературѣ. Онъ сотрудничалъ въ 20—30 годахъ въ „Земледѣльческой Газетѣ„ по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ и въ своихъ запискахъ охотно останавливается на обычаяхъ, нравахъ различныхъ мѣстностей, даетъ много географическихъ, историческихъ свѣдѣній. Его братъ, извѣстный въ свое время писатель-туристъ Броневскій, гораздо прочнѣе связанъ съ

литературой. Многосложная и трудная административная дѣятельность не позволила С. Б. Броневскому такъ-же прочно войти въ литературный міръ, къ которому онъ несомнѣнно чувствовалъ нѣкоторую склонность.

Записки Броневскимъ, видимо, предназначались для публикаціи, что видно изъ неоднократнаго обращенія къ читателямъ. Кромѣ значенія автобіографической исповѣди, наклонность къ которой часто проявляется на старости лѣтъ у лицъ, которымъ хлопотливая жизнь не давала досуга углубляться въ себя, записки Броневскаго должны были имѣть и значеніе апологіи. Авторъ ихъ, больной, упрекаемый своими противниками, а можетъ быть иногда и своей совѣстью, оглядывался назадъ и старался подвести итоги предыдущей жизни, убѣдиться въ правильности пройденнаго пути и доказать его необходимость и другимъ.

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ хранится копія съ записокъ, сдѣланная г. Мамышевымъ. Послѣдній даетъ слѣдующія свѣдѣнія о рукописи.

„Списано съ рукописи, доставленной мнѣ сыномъ Семена Богдановича, лейбъ-гвардіи конно-гренадерскаго полка полковникомъ Н. С. Броневскимъ. Послѣдніе листы написаны въ рукописи собственной рукою Семена Богдановича; а первыя тетради писарскою рукою, но съ разными исправленіями, вставками и дополненіями самого автора. Я началъ переписывать въ январѣ, а кончилъ 2 октября 1887 г.". „Все написанное рукою С. Б. отмѣчено или написано красными чернилами". Копія представляетъ толстую, въ нѣсколько сотъ страницъ, книгу на полулистахъ и хранится въ библіотекѣ подъ № F IV № 698.

Едва-ли можно надѣяться, чтобы рукопись эта была напечатана въ полномъ объемѣ, по крайней мѣрѣ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ [1]). Она слишкомъ объемиста и далеко неравномѣрно интересна во всѣхъ своихъ частяхъ. Я постараюсь изложить сжато все то, что представляетъ интересъ, какъ для характеристики самого Броневскаго, такъ и административныхъ порядковъ и общественныхъ отношеній той эпохи.

---

[1]) Выдержки изъ нея печатались въ *Историческомъ Вѣстникѣ* 1889 г., но въ чисто автобіографической ихъ части.

Броневскій умеръ въ 1858 году. „Дѣятельность Броневскаго,—говорилъ некрологъ, напечатанный въ *Мѣсяцесловѣ на 1859* [1]),—какъ государственнаго человѣка, весьма замѣчательна и имя его останется памятнымъ въ Сибири; онъ, между прочимъ, первый учредилъ русскія колоніи въ Сибирской степи и привелъ въ исполненіе мысль правительства объ образованіи военныхъ силъ въ Восточной Сибири, гдѣ при прежнемъ гражданскомъ начальствѣ ихъ не существовало". Но имя Броневскаго, вопреки надеждамъ автора некролога, не осталось памятнымъ. Одно лицо, служившее въ Сибири и принимавшее участіе въ общественной жизни Восточной Сибири, писало нѣсколько лѣтъ тому назадъ [2]). „Послѣ Сперанскаго, всколыхнувшаго Восточно-Сибирскій край, въ немъ вплоть до графа Муравьева-Амурскаго, царствовала полная неподвижность. Генералъ-губернаторы: Броневскій, Лавинскій, Рупертъ оставили въ Иркутскѣ лишь свои имена, и то нынѣ полузабытыя".

Сибирская исторія холодно отнеслась къ покойнику—и, конечно, она имѣла на то свои основанія. Сперанскій былъ первымъ и послѣднимъ гражданскимъ генералъ-губернаторомъ, пробылъ на этомъ посту съ 1819 по 1822 г. и оставилъ прочную память о себѣ. О Броневскомъ осталось нѣсколько анекдотовъ, относящихся къ его личности, да и эти анекдоты едва ли вспоминаются теперь самими старожилами. Между тѣмъ онъ сжился съ Сибирью, можно сказать—осибирячился. Вагинъ о немъ сообщаетъ характерный анекдотъ. Во время одной изъ поѣздокъ въ Петербургъ Броневскій „представлялся Николаю Павловичу, которому очень понравился"; Императоръ „повелъ его къ женѣ и рекомендовалъ ей, какъ *сибирскаго генерала*".

Во всю долгую жизнь въ Сибири Броневскій не съумѣлъ войти въ круговоротъ мѣстной общественной жизни, какъ дѣятельный элементъ. Онъ остался чужимъ ей, тогда какъ по своему исключительному служебному положенію онъ долженъ былъ бы быть важнымъ двигателемъ въ развитіи

---

[1]) *Мѣсяцесловъ на 1859 г.*, стр. 336—237, Некрологъ.

[2]) *Русское Обозрѣніе* 1894, № 1, стр. 93, ст. г. Суворова. Г. Суворовъ служилъ въ Сибири въ качествѣ офицера въ 70-хъ годахъ; онъ помѣщалъ тогда статьи въ газ. „Сибирь". Въ 1894—95 гг. я видѣлъ его лишь въ *Русск. Обозрѣніи*. Ср. *Иркутскъ*, изд. Сукачева, стр. 52.

страны. Въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ Б—й говоритъ, что ему, хотя и съ большимъ трудомъ, удалось „привести въ движеніе машину“ (т. е. административную, канцелярскую). Именно этой „машинѣ“ служилъ онъ, а не самому краю. Нѣтъ, повидимому, для похвалы на его устахъ почетнѣе титла, какъ „радѣтель казеннаго интереса“. Броневскій былъ представителемъ административныхъ идеаловъ той среды, въ которой онъ воспитался и сдѣлалъ карьеру.

Эти идеалы часто характеризуютъ какъ школу „Аракчеева“. Типичнымъ образчикомъ администратора этой школы былъ начальникъ Броневскаго по Западной Сибири, генералъ Капцевичъ. „Послѣ Пестеля,—пишетъ одинъ современникъ [1]),—явился въ Тобольскъ Капцевичъ, изъ школы Аракчеева. Худой, желчный, тиранъ по натурѣ, тиранъ потому, что всю жизнь служилъ въ военной службѣ, безпокойный исполнитель—онъ приводилъ все во фрунтъ и строй, объявлялъ *maximum* на цѣны, а обыкновенныя дѣла оставлялъ въ рукахъ разбойниковъ. Въ 1824 году Государь хотѣлъ посѣтить Тобольскъ. По Пермской губерніи идетъ превосходная широкая дорога, давно наѣзженная и благоустройству которой вѣроятно способствовала почва. Капцевичъ сдѣлалъ такую же до Тобольска въ нѣсколько мѣсяцевъ. Весной въ распутицу и стужу, онъ заставилъ тысячи работниковъ дѣлать дорогу; открылись болѣзни, половина рабочихъ перемерла, но „усердіе все превозмогаетъ“—дорога была сдѣлана“. Капцевичъ служилъ „общему“, но это общее не было „общее благо“, скорѣе было игнорированіе послѣдняго. Какъ Капцевичъ, Броневскій тоже не могъ возвыситься до взглядовъ государственнаго человѣка; онъ остался на всѣхъ ступеняхъ службы исправнымъ, усидчивымъ, не разсуждающимъ канцеляристомъ. То, что должно было служить средствомъ, для него было самодовлѣющей цѣлью.

Обратимся къ его запискамъ, чтобы видѣть, какую школу прошелъ этотъ важный чиновникъ, какую получилъ подготовку; а вмѣстѣ съ тѣмъ взглянемъ и на то общество, въ

---

[1]) Герценъ, Соч., т. VI, стр. 310. Ср. Броневскій, л. 23: „Я не говорю о Капцевичѣ, пожалованномъ изъ кадетъ въ 6 лѣтъ въ генералъ-лейтенанты, Эссенѣ и др. Эти люди ознаменованы заслугами и были истинно полезны“.

которомъ проявлялась его дѣятельность,—такъ, какъ оно отразилось въ его запискахъ.

Семенъ Богдановичъ Броневскій родился въ г. Бѣлевѣ 24 декабря 1786 года. Не касаясь родословной, мы остановимся на его повѣсти о своемъ воспитаніи. „Первоначальный учитель моей русской грамотѣ,—говоритъ онъ [1]),—былъ дворовый человѣкъ нашъ, Василій Лебедевъ, и послѣ—Сергѣй Ивановъ, которые, при высокой, первозданной нравственнос и, были малограмотные". Получивъ отъ этихъ „первозданныхъ" учителей первыя сѣмена знанія и нравственности, Броневскій былъ отданъ въ Тверское дворянское училище. „Не могу,—пишетъ онъ—[2]), себя упрекнуть въ особенномъ стремленіи къ наукамъ и прилежаніи, но сознаюсь, что въ этомъ училищѣ запало кое-что въ мою голову, хотя я былъ еще и малъ. Архаровъ (начальникъ края) [3]) очень любилъ батюшку. Кутили на славу". Это была нѣсколько странная атмосфера для воспитанія нравственнаго уклада юноши, для выработки его направленія но она оказала глубокое вліяніе на него. „Шумъ и громъ безъ умолку: охота, рысаки и скакуны, цыгане, фабричные пѣсельники и плясуны, смѣняясь великолѣпными балами, не мѣшали *дѣлать дѣло и славить* Великую Екатерину. Всѣ были счастливы и довольны. Пустыми идеями не забивали головъ! Вотъ было время богатырей и торжества". Для доверщенія образованія Броневскій поступилъ въ Шкловскій корпусъ, гдѣ начальникомъ состояло близкое къ его семьѣ лицо. Въ корпусѣ Броневскій также не обнаружилъ особеннаго стремленія къ наукамъ. „Фронтъ былъ моею душою, а напослѣдокъ—тактика и фортификація" [4]). Въ предѣлахъ нашей статьи, мы не имѣемъ возможности пространно останавливаться на любопытномъ описаніи жизни этого корпуса. Для усвоенія и укрѣпленія вящшей нравственности молодые люди жили въ закрытомъ учебномъ заведеніи и, какъ это постоянно случается, предавались многимъ развле-

---

[1]) Рукопись. листъ 5. Рукопись не въ особенныхъ ладахъ съ грамматикой, и мы позволяемъ себѣ орфографическія исправленія.

[2]) Л. 6.

[3]) См. Словарь русскаго языка, изд. Императорской Академіей Наукъ, подъ словомъ „архаровецъ".

[4]) Л. 15.

ченіямъ, на первый взглядъ не вяжущимся съ представленіемъ о закрытомъ учебномъ заведеніи, но составляющимъ психологически понятный удѣлъ его. Женщины, вино, карточная игра не составляли исключенія. Не малую роль въ этомъ играло распущенное дворянское польское общество [1]). Начальство пеклось отечески, вооружаясь не какими-нибудь туманными теоріями, а тѣмъ универсальный воспитательнымъ средствомъ, которое въ наше время съ такимъ горячимъ убѣжденіемъ отстаиваетъ и пропагандируетъ издатель „Гражданина". Впрочемъ, Броневскій говоритъ, что его такимъ образомъ наказали одинъ разъ,—и очень сожалѣетъ объ этомъ. „Какъ жаль, что мало — восклицаетъ онъ—[2]), много сошло съ рукъ даромъ!" Броневскій посвящаетъ корпусу много страницъ, дышащихъ глубокой симпатіей и признательностью. Мы приведемъ одну выписку. „Къ чести этого корпуса надобно сказать, что воспитаніе тамъ давалось добросовѣстно, сообразно цѣли и назначенію. Охота и рвеніе къ службѣ, терпѣніе и самоотверженіе въ трудахъ и нуждахъ, избытокъ доброй воли и убѣжденіе въ точности исполненія своего дѣла въ глазахъ начальства и отнюдь не лицемѣрно высказывать свои старанія изъ суетныхъ побужденій получить награду, о которыхъ въ тогдашнее время, право, и не думали, да никому почти ихъ и не давали. Всякій зналъ, что *мы службѣ и она намъ необходимы* и что непремѣнно должно служить Государю и Отечеству каждому дворянину,—и такъ неизбѣжно, какъ жить и умереть. Политическій бредъ, протѣснившійся въ Россію съ французской революціей, ученіе послѣдованіемъ чуждой философіи (sic), къ Шкловскому корпусу не прикасались, и никто изъ моихъ товарищей не попалъ въ ту жалкую категорію мечтателей, которые погибли или влачатъ свою грустную жизнь въ изгнаніи, за безразсудное предпріятіе поколебать то, что вѣковою привычкою, вѣрою и степенью просвѣщенія укоренено и держится незыблемо. И пока ложнымъ ученіемъ главная масса населенности не будетъ увлечена, будетъ держаться нескончаемые вѣка". Эти строки написаны уже

---

[1]) Между прочимъ на стр. 10 любопытная замѣтка: „Издавна водится, что поляки по политическимъ разсчетамъ непремѣнно женятъ или даютъ любовницъ русскимъ сановникамъ".

[2]) Л. 17.

старымъ государственнымъ дѣятелемъ, имѣвшимъ громадный житейскій опытъ за собой и обширное поле наблюденій. И какой узкій кругозоръ мысли! Это „ученіе послѣдованіемъ чуждой философіи“ звучитъ выраженіями проповѣдей старомосковскихъ партій до-петровской Россіи. Въ одну нить разсужденія невѣрной рукой сплетены и „степень просвѣщенія“, и „вѣковая привычка“, и „грустная жизнь“, и „чуждая философія“. Но въ это время Россія имѣла такія умственныя силы, какъ Радищевъ, Новиковъ, Николай Тургеневъ, Мордвиновъ, Киселевъ и, наконецъ, такого первой величины государственнаго дѣятеля, какъ Сперанскій, предшественникъ Броневскаго по генералъ-губернаторству.

По окончаніи курса въ корпусѣ Броневскій поступилъ на службу въ Кавказскую армію. Недаромъ шкловскій корпусъ спеціально вырабатывалъ людей для службы! Традиціи гатчинскихъ порядковъ, представитенемъ которыхъ былъ Аракчеевъ, царили въ арміи. Весь день на вытяжку и въ затяжку, подчинявшійся мелочной дисциплинѣ, офицеръ, дѣлавшій карьеру, долженъ былъ обладать доброй выправкой. Питомецъ шкловскаго корпуса съ честью выдержалъ испытаніе и обратилъ на себя вниманіе начальства. Его приблизилъ къ себѣ генералъ Глазенапъ, который, послѣ ссоры съ гр. Гудовичемъ, былъ переведенъ на службу въ Сибирь инспекторомъ войскъ сибирской инспекціи и начальникомъ сибирскихъ линій. Глазенапъ „въ лестныхъ выраженіяхъ“ предложилъ Броневскому ѣхать съ нимъ въ качествѣ адъютанта. Такимъ образомъ попалъ Броневскій въ 1808 году въ Сибирь, гдѣ ему пришлось, постепенно повышаясь, прослужить вплоть до 1837 года. Какъ мы выше указали, Броневскій сжился, сроднился съ Сибирью. Вспоминая о своемъ первомъ въѣздѣ въ г. Омскъ, онъ восклицаетъ: „Вотъ и *родимый* Омскъ, гдѣ кипѣла моя дѣятельность по службѣ въ продолженіе 20 лѣтъ“ [1]) Онъ восхищался природой Сибири, особенно прибайкальской. „Побывавъ на Кавказѣ, въ Персіи,—пишетъ онъ,—исколесивъ всю Сибирь и большую часть Европы (sic). Вотъ недавно еще любовался видами Богемскихъ горъ, Саксонскою препрославленною Швейцаріей, кромѣ натуры, украшенной трудолюбіемъ просвѣщен-

---

[1]) Л. 168.

наго человѣка и райскимъ климатомъ, но нигдѣ не происходило во мнѣ такого магическаго ощущенія, какъ стоя на камнѣ, надъ бездною Байкала и на маковкахъ Хамара и Яблоноваго хребта" [1]). Нравилось ему и сибирское общество, подходившее къ его несложной психической организаціи. Высокихъ требованій къ этому обществу онъ не предъявлялъ. При довольно чувствительномъ сердцѣ, извѣстномъ запасѣ доброжелательности, Броневскій остался всегда постороннимъ человѣкомъ. „Общество", населеніе были для него лишь объектомъ, или поводомъ, служебной дѣятельности. Стимуломъ его дѣятельности было одно сознаніе обязанности служить, гдѣ бы и какъ бы то ни было. Это сознаніе сформировало его міросозерцаніе, подчинило и заполонило его жизнь. Броневскій былъ чиновникъ прежде всего и по убѣжденію. Не даромъ онъ и слово самое „Служба" пишетъ съ большой буквы [2]).

Сибирское общество былыхъ временъ заслужило саркастическую, иногда несправедливо жестокую, характеристику со стороны извѣстнаго историка Щапова [3]). Оно состояло изъ двухъ разрядовъ лицъ: чиновниковъ и болѣе или менѣе значительнаго старожилаго купечества. Чиновничество было большею частью пріѣзжее, чувствовало себя временнымъ

---

[1]) Л. 415.

[2]) Есть интересное изданіе: „*Памятникъ изъ законовъ, руководствующій къ познанію должностей, возложенныхъ на присутственныя мѣста и на обрѣтающихся въ нихъ, сорбанный трудами надворнаго совѣтника Θеодора Правикова*". М. 1806 (3-е изд.). Въ предисловіи очень характерно мотивируются причины изданія. „Тѣмъ болѣе,—говорится тамъ между прочимъ,—что полагающій намѣреніе свое вступить въ статскую службу, не можетъ совсѣмъ полагать того, при какой именно должности находиться онъ будетъ въ прохожденіи своего служенія, ибо нерѣдко случается, что какъ члены присутственныхъ мѣстъ, такъ и прочіе чины изъ одного мѣста переводимы бываютъ въ другое, слѣдовательно и должность, прежде возложенная на нихъ, перемѣняется на другую. Въ разсужденіи чего и нужно необходимо знать всякую по службѣ должность, до котораго бы она присутственнаго мѣста и чина не касалась и быть навсегда къ исполненію ея готовымъ"...

[3]) *О развитіи высшихъ человѣческихъ чувствъ. Мысли сибиряка при взглядѣ на нравственныя чувства и стремленія сибирскаго общества.* Отеч. Зап., 1872, № 10, стр. 459—504. Ср. *Вагинъ, Сороковые годы въ Иркутскѣ.* Литер Сборн. Изд. ред. *Вост. Обозр.* 1885 и ром. „*Магистръ*" въ сборн. газ. „Сибирь", 1876 года.

жителемъ. Общественныхъ интересовъ было мало. Было что-то глубоко сонное, спокойное въ этой жизни. Но этотъ патріархальный укладъ нравился Броневскому. Кромѣ того Сибирь во многомъ носила печать оригинальности, во многомъ не походила на Россію, привлекала непосредственное чувство. Вотъ описаніе у Броневскаго омскаго общества. „Сердечнымъ тревогамъ былъ отдыхъ [1]). Здѣсь жили не то, что въ Георгіевскѣ и Екатеринодарѣ [2]). Тихая семейная жизнь, въ чистотѣ первобытной, подчиненная строгимъ приличіямъ. Молодому человѣку нельзя, какъ нынѣ [3]), завраться, если позволено будетъ такъ выразиться,—у старушекъ чепцы на головахъ задвигаются,—и такъ не пройдетъ. Тогда любили журить — и не всегда мягко. Но васъ не отталкиваютъ отъ себя, и рады, когда вы, не принимая очень серьезно, приходите къ нимъ. Хлѣбосольство и ласки, — не знаю, откуда зашли въ Сибирь? наслѣдіе ли это отъ патріархальныхъ временъ, или другія тому побудительныя причины; но, какъ бы ни было, а эта добродѣтель достойна хвалы и благодарности. Если поддаться, то васъ закормятъ и запоятъ" [4]). Броневскій отмѣчаетъ гуманное отношеніе къ ссыльнымъ, которыхъ называютъ „несчастными". „Ни происхожденіе, ни религія, ни нація не имѣютъ различія въ обхожденіи съ ними, хотя и часто видимы были разительныя доказательства неблагодарности и злодѣйства нѣкоторыхъ". Отмѣчая „чистоту", какъ онъ выражается, семейныхъ отношеній, Броневскій останавливается на этой — какъ сейчасъ увидимъ, довольно условной—добродѣтели. „Строгость нравовъ въ семейныхъ кругахъ, какъ я уже сказалъ, повидимому, ввела въ обыкновеніе многихъ служащихъ заводить постоянныя связи съ простолюдинками, дочками солдатскими и мѣщанскими. Связь эта, укрѣпляясь постепенно привычкою и прижитіемъ дѣтей, дѣлала то, что генералы и штабъ-офицеры, вступленіемъ въ законный бракъ, примирялись съ совѣстью. Этимъ путемъ простолюдины нерѣдко входили въ родню старинныхъ дворянскихъ фамилій. Погрѣшительность такую,

---

[1]) Броневскій офицеръ.

[2]) На Кавказѣ, гдѣ служилъ передъ этимъ Б—й.

[3]) 40-е годы, въ Петербургѣ.

[4]) Л. 182.

по уваженію отдаленности, по необходимости, я извиняю" [1]). Какъ образецъ носителя „чистоты" и патріархальныхъ нравовъ, можетъ являться одинъ изъ крупныхъ чиновниковъ. „Окружный инженеръ командиръ генералъ-маіоръ Вознов—прототипъ старинныхъ инженеровъ! Онъ никуда не выходилъ, занимаясь счетами и смѣтами, сидѣлъ, накрѣпко заперевъ ворота, окруженный, впрочемъ, прислугою изъ каторжныхъ крѣпостныхъ арестантовъ. Ежемѣсячно, иногда и чаще, пускалъ себѣ кровь, а чтобы ему не скучно было, то возлюбленной своей, изъ арестантокъ же, приказывалъ, для компаніи, тоже пускать" [2]). Невольная иронія прорывается въ этихъ строкахъ, но общія симпатіи Броневскаго не поколеблены. Описывая пріемъ, сдѣланный ему купцами Кандинскими, во время поѣздки за Байкалъ, онъ говоритъ: „Убранство комнатъ говорило о богатствѣ обитателей этой пустыни, а угощеніе утверждало болѣе во мнѣніи о хлѣбосольствѣ сибиряковъ, которые въ этомъ отношеніи чуждые эгоизма думаютъ не объ одной буквѣ „я", но и о путешественникахъ, какъ ихъ принять, обласкать и угостить. Для гостя въ домѣ ничего нѣтъ завѣтнаго. Черта, достойная всякой похвалы и благодарности" [3]). „Вы видѣли, мои добрые читатели, — дѣлаетъ заключеніе Броневскій [4]), — какая благодатная мѣстность заводскаго округа. Здѣсь тоже продолжается, но неблагозвучное имя страны изгнанія преступниковъ многихъ разочаровываетъ и обдаетъ ужасомъ. Но припомните пословицу, что „и самъ сатана страшенъ только издалека"! Станьте ближе... не бойтесь. Вы увидите, что и здѣсь есть жизнь. Есть люди, дышащіе добромъ". Броневскій находитъ жизнь привлекательной и въ далекомъ, захолустномъ Якутскѣ. „Проѣхавъ пустыню въ 3 тысячи верстъ, кто бы повѣрилъ, что будетъ такой благоустроенный городъ, какъ Якутскъ" [5]). Правда, оказывается, что общество изъясняется часто на якутскомъ языкѣ. Въ школахъ ученики не могутъ отвѣтить на вопросъ, предложенный по-русски. Самый городъ, съ гостиннымъ-

---

[1]) Л. 182—183.

[2]) Л. 181.

[3]) Л. 432—433.

[4]) Л. 539—440.

[5]) Л. 534.

дворомъ, имѣетъ всего три каменныхъ дома; остальныя строенья деревянныя, съ пузырными, льдяными и слюдяными окнами. Но это не нарушаетъ общаго благопріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго на Броневскаго. „Добрые люди, занимаясь тщательно всякимъ домашнимъ устроеньемъ, въ семействахъ и съ родственниками проводятъ время въ любви и въ частичкѣ злословія—безъ этого ужъ никакъ нельзя! — за книгами духовными и за свѣтскими московскаго изданія, въ благонамѣренныхъ разсужденіяхъ объ общественныхъ дѣлахъ и службахъ и въ совѣщаніи, какъ бы отъ нихъ увернуться, взваля на другихъ; въ изліяніи чувствъ о безкорыстіи и о безсовѣстномъ любостяжаніи, съ картами въ рукахъ, мысля объ одномъ, какъ бы своего партнера — закадычнаго друга — пустить по міру. Многіе и многіе сидятъ въ глубокихъ думахъ надъ штофчикомъ, при сочиненіи прошеній, ломая голову, какъ бы подойтить подъ законъ и ябедническою уловкою уколоть противника — пикою въ бокъ, запутавъ его на предметъ всеконечнаго разоренія. Есть давнія нареканія на Якутскъ, что тамъ гнѣздятся ябедники и карточные игроки. Якуты и, въ особенности, тунгусы къ этому злу пристрастны. Послѣдніе еще и чарку до неистовства любятъ. Кто же скажетъ, чтобы тамъ было скучно?“ [1]). Та же патріархальная, нѣсколько унылая жизнь наблюдается и въ Иркутскѣ 30-хъ годовъ. „Заботливое единообразіе жизни нерѣдко, однако же, нарушается именинами, крестинами, сговорами и свадьбами. Въ Иркутскѣ старинныя повѣрья еще не совсѣмъ исчезли. Всякій грѣхомъ поставляетъ не ознаменовать семейный праздникъ пиромъ. Подлинный пиръ и разливное море! [2]). Какимъ сарказмомъ звучатъ теперь эти фразы, несомнѣнно, написанныя благодушнымъ тономъ. Скукой вѣетъ отъ этихъ повѣствованій. Но сибирское общество не сознавало этой скуки. Никакое живое слово, никакое смѣлое и свободное движеніе не нарушало этой

[1]) Л. 537. Страстная отповѣдь на обвиненіе въ ябедѣ имѣется въ „*Воздушномъ Тарантасѣ*“ Александрова, — см. очеркъ, посвященный М. В. Загоскину.

[2]) Л. 372. Герценъ въ 1-мъ томѣ своихъ „Былое и думы“ передаетъ, между прочимъ, что Броневскій во время своихъ пировъ приказывалъ палить изъ пушекъ.

заколдованной тишины, ничто не заставляло почувствовать неудовлетворенность. Трудно видѣть начатки движенія въ появленіи читающей публики. „Между гражданами, — довольно удачно передано у Броневскаго, — есть люди любознательные, имѣютъ собранія хорошихъ книгъ и изящныхъ вещей, живутъ, такъ сказать, въ любомудріи, окруженные многочисленнымъ родствомъ на родимой почвѣ; держатся съ одной стороны на твердой опорѣ, а съ другой—на благахъ страны (sic.). Чего имъ послѣ этого не достаетъ къ полному благополучію!“ [1]. Чтеніе было дѣломъ вкуса отдѣльныхъ лицъ и ни къ чему не обязывало, ничего новаго не вносило въ общій строй жизни [2]. Надо было начаться широкому общественному движенію 60-хъ годовъ, необходима была кипучая, безпокойная дѣятельность Ядринцева и его сверстниковъ и друзей, чтобы въ сибирскомъ обществѣ затеплился свѣтъ, обнаружилось движеніе, подавшее надежду идти дальше. До этого общество сибирское представляло инертную, безличную массу, какъ бы нарочно созданную для административныхъ экспериментовъ.

Броневскій былъ и по воспитанію, и по образованію въ уровень этому обществу. Онъ пріѣхалъ въ Сибирь незначительнымъ чиновникомъ, всего адъютантомъ генерала Глазенапа. Его преданность службѣ, канцелярская выдержка, безпрекословная исполнительность и благоволеніе Глазенапа, котораго Броневскій называетъ „благодѣтелемъ“, на современномъ ему жаргонѣ, быстро двигали его по служебной лѣстницѣ [3]. Постепенно онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба отдѣльнаго сибирскаго корпуса, командующимъ сибирскимъ линейнымъ казачьимъ полкомъ и, при образованіи Омской области (1823 г.), Омскимъ областнымъ начальникомъ, занимая одно время (болѣе 2 лѣтъ) всѣ эти

[1]) Л. 374.

[2]) Любопытный типъ такого любителя книгъ и чтенія того времени изображенъ въ „*Возлутномъ Тарантасѣ*“ Александрова. *Сборн. Истор.-стат. свѣдѣній о Сибири.* 1876. т. I, вып. I (изд. Б. Милютина).

[3]) Очень характеренъ его разсказъ изъ первыхъ годовъ службы въ Сибири. Онъ былъ отправленъ съ отчетомъ объ отправленіи полковъ въ Россію и о переформировкахъ „курьеромъ въ С.-Петербургъ, къ графу Аракчееву, грозѣ тогдашняго и послѣдняго времени“. „Разстояніе въ 3 тысячи верстъ я пронесся въ 11 дней. Аракчеевъ не оставилъ это безъ замѣчанія и одобренія“. Л. 189.

три должности одинъ. „Управленіе мое,—говоритъ Броневскій,—продолжалось слишкомъ 5 лѣтъ, а командованіе сибирскимъ линейнымъ казачьимъ полкомъ—15 лѣтъ. Много поднято трудовъ, но воспоминаніе пріятно потому болѣе, что, будучи подъ начальствомъ одного за другимъ корпусныхъ командировъ, прежде Глазенапа, потомъ Капцевича, людей совершенно противоположныхъ характеровъ, которые, чѣмъ болѣе меня познавали, тѣмъ довѣріе ихъ возрастало,—и это былъ для меня длинный рядъ непрерывнаго одобренія и поощренія“ [1]).

По пріѣздѣ своемъ Глазенапъ нашелъ казачье войско распущеннымъ, не обученнымъ; дѣла велись спустя рукава. И вотъ началась муштровка войска, увѣнчавшаяся желаннымъ успѣхомъ. Въ этой муштровкѣ Броневскій принималъ близкое участіе. Онъ же участвовалъ въ организаціи школьнаго дѣла въ войскѣ. По словамъ Броневскаго, въ его командованіе „достигнуто уже было, что ни одного безграмотнаго на службу не поступало“ [2]). Впрочемъ, лица, близко знающія омское казачье населеніе, думаютъ, что со стороны Броневскаго, его увѣреніе является простымъ самообольщеніемъ, такъ какъ и до сихъ поръ въ сибирскомъ казачьемъ войскѣ не мало безграмотныхъ. Съ другими сотрудниками Броневскій насаждалъ на сибирскую почву искусство. Онъ разсказываетъ объ организаціи военнаго оркестра, при чемъ отдаетъ дань удивленія музыкальнымъ способностямъ молодыхъ сибиряковъ, изъ которыхъ нѣкоторые попали ко Двору.

Я не останавливаюсь на преобразованіяхъ въ самомъ войскѣ, такъ какъ чувствую себя въ этомъ совершеннымъ профаномъ, да и приведеннымъ фактамъ усваиваю значеніе лишь иллюстраціи.

Броневскій вращался въ хорошей школѣ для выработки опытнаго, трудолюбиваго чиновника. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь, въ средѣ провинціальнаго чиновничества, культивировалась только исполнительность, было полное незнаніе и непониманіе вопросовъ государственнаго значенія. Глаза чиновника были обращены даже не на Петербургъ, а на

---

[1]) Л. 273.
[2]) Л. 248.

тотъ пакетъ, который приходилъ изъ Петербурга. „Чинить исполненіе“ — и исполненіе быстрое, также на бумагѣ — вотъ былъ служебный идеалъ. Среди пестроты единичныхъ, конкретныхъ фактовъ мысль чиновника, не получившаго никакой спеціальной юридической подготовки, да и не имѣвшаго возможности лично пополнить пробѣлы въ образованіи, обращалась безпомощно. А между тѣмъ сколько иногда затрачилось добросовѣстнаго и безполезнаго труда! Броневскій любилъ все дѣлать самъ, недовѣрять помощникамъ, — поэтому онъ долженъ былъ работать усиленно, напряженно. «Заботливый до излишества характеръ мой, — пишетъ онъ [1]), — не давалъ покоя отъ страха что либо опустить. Началъ чувствовать приливы крови къ глазамъ и выбился, такъ сказать, изъ силъ. Вынужденнымъ нашелся просить снять съ меня должности командующаго войскомъ и омскаго областного начальника, что къ совершенной моей радости и исполнилось, — но съ тѣмъ, чтобы предметъ преобразованія киргизской степи былъ производимъ мною“. Громадный опытъ и наблюдательный умъ давали возможность Броневскому чувствовать несостоятельность многихъ мѣропріятій и порядковъ того времени. Но отсутствіе широкаго юридическаго образованія дѣлало его безсильнымъ выйдти изъ затруднительнаго положенія. Онъ былъ все-таки только воспитанникъ шкловскаго кадетскаго корпуса, гдѣ съ особеннымъ вниманіемъ изучалъ фронтовую службу и фортификацію. Вопросы государственнаго права, права полицейскаго остались внѣ сферы его пониманія. Броневскій не сочувствовалъ системѣ военныхъ поселеній и видѣлъ близко недостатки, несостоятельность системы принудительной ссыльной колонизаціи, хотя, быть можетъ, здѣсь отразилась антипатія самого Императора Николая. Начальникъ Броневскаго, Капцевичъ, близкій къ Аракчееву человѣкъ, былъ горячій поборникъ системы военныхъ поселеній. „Капцевичъ былъ человѣкъ рѣдкаго усердія къ службѣ, дѣятельный до невозможности, взыскательный, малоподобный рачитель казеннаго интереса, и часто говаривавшій, что общее онъ всегда предпочитаетъ частному“ [2]).

---

[1]) Л. 273.
[2]) Л. 258.

„Капцевичъ признавалъ систему военныхъ поселеній чрезвычайно хорошей политикой, *въ этой государственной ломкѣ* [1]) всякія частности считалъ ни во что [2]). Казенныя поселенія въ Сибири также не одобрялись Броневскимъ, „Мое мнѣніе,—говорилъ онъ,—всегда было противъ системы казенныхъ поселеній: во 1-хъ, потому что строеніе дорого обходится казнѣ; во 2-хъ, строится непрочно, холодно, неуютно, и требуетъ ремонтированія, невыносимаго для бѣдняковъ, и въ 3-хъ, четыре хозяина, какъ извѣстно изъ практики, не уживутся въ одномъ домѣ“ [3]). Уже тутъ вы чувствуете что-то неладное. Броневскій ясно видѣлъ, что дѣло съ ссыльными поселеніями идетъ плохо, дѣло рушится; но что за причины неудачи, онъ схватить не можетъ. Вѣдь, для самой системы „дороговизна“ стройки и „неуютность“ жилья не имѣютъ значенія. Это дѣло выполненія, а не существа системы. Лишь ощупью онъ набредаетъ на вопросъ иного порядка, натолкнутый „практикой“, что четыре хозяина вмѣстѣ никогда не уживутся. „По пути своему,—описываетъ онъ свою поѣздку [4]),—я встрѣчалъ большія селенія, вновь, на казенный счетъ, выстроенныя, подъ водвореніе ссыльныхъ поселенцевъ. Эти дома—чистой плотничной работы, въ пять оконъ на улицу, крытые тесомъ, на четыре семьи, раздѣляемые корридоромъ; обширный

---

[1]) Фраза „въ этой государственной ломкѣ“, неуклюже втиснутая въ разсужденіе, вѣроятно, навѣяна взглядами въ высшихъ сферахъ.

[2]) Л. 259. Ср. 259—260: „Пріѣхавъ первый разъ, въ 1820 г., на первый флангъ линіи осматривать войска, онъ (Капцевичъ) увидѣлъ прекрасныя земли невоздѣлываемыя и казаковъ вовсе не занимающихся хлѣбопашествомъ, изъявлялъ свое удивленіе! Казаки ему отвѣчали, что и предки ихъ не занимались земледѣліемъ, что они живутъ промыслами и мѣною съ киргизами, и что служба, часто съ долговременною отлучкою отъ домовъ, не дозволяла имъ сего постояннаго занятія. Идея объ общественной запашкѣ, кажется, созрѣла у него еще въ Петербургѣ. Слѣдовательно, рѣшено тому быть—и быть тотчасъ. По 160 десятинъ, въ 3200 кв. саж., изъ вольной земли нарѣзано каждому эскадрону; взяты въ займы у крестьянъ сохи и бороны, надѣланы свои, желѣзный приборъ привезли съ уральскихъ заводовъ. Лошади и сбруя собственныя казаковъ, и, несмотря на позднее осеннее время, подняты залоги на землѣ, дѣвственной, не видавшей на себѣ руки человѣческой“.

[3]) Л. 346.

[4]) Л. 343—344.

дворъ, обставленный амбарами, сараями, и навѣсами. Все крыто тесомъ и заборы дощатые. Кажется, чего желать болѣе ссыльному? Но дѣло въ томъ, что впущены туда, большею частью холостяки, по недостатку ссыльныхъ женщинъ, по числу посельщиковъ, а старожилы не скоро рѣшаются отдавать за нихъ своихъ дочерей; расчистка же лѣсовъ подъ пашни выше ихъ силъ, притомъ содержаніе одной чистоты въ обширныхъ заведеніяхъ и ремонтированіе поврежденій въ окнахъ, печахъ и проч. не подъ силу бѣднякамъ, ничего не имѣющимъ, обезохочиваютъ къ прочному водворенію въ слишкомъ затѣйныхъ для нихъ жилищахъ и постояльцы бѣгутъ, замѣняясь новыми, такими же, почему трудно ожидать чего-нибудь безъ новыхъ пожертвованій казны. Я посѣщалъ многіе изъ этимъ домовъ, нанаходя тамъ невыразимую скудость въ первѣйшихъ потребностяхъ жизни. Странно было видѣть въ домѣ одну женщину и четырехъ мужчинъ. При вопросѣ: „котораго она жена?“ указывали на одного изъ четырехъ, добавляя, что они однако же не вѣнчаны, а только по своему желанію обручены одинъ другому начальствомъ; ибо ссыльнаго прежде двухъ лѣтъ нахожденія въ Сибири, по закону, вѣнчать нельзя. Меня крайне удивилъ такой предварительный союзъ, что и устранено впослѣдствіи мѣрами правительства“. Броневскій видѣлъ и общее деморализующее вліяніе ссылки, ея тягость для мѣстнаго населенія, обреченнаго дѣлить наказаніе за вины и преступленія ссыльныхъ. „Физіономію этой прекрасной страны, говоритъ онъ о Томской губерніи [1]),—немного портятъ ссыльные, въ большомъ количествѣ туда стекающіеся, сколько по легкости добыванія себѣ пропитанія, столько и по средоточію, занимаемому Томскомъ между Тобольскомъ и Иркутскомъ. Ихъ уже такъ размножилось, что они превосходятъ числомъ старожиловъ. Водворяются плохо и дѣлаются въ тягость жителямъ“. Въ Иркутскѣ зло ему было еще замѣтнѣе. „Присутственныя мѣста, кромѣ губернаторскаго правленія, прибраны нечисто. Дѣла накоплены и канцеляріи набиты писцами ссыльными, даже каторжными, съ ужасными физіономіями. Какого тутъ благочинія, какой вѣрности и

[1]) Л. 338—340.

канцелярской тайны надлежало ожидать!“ Броневскій жалуется на „неслыханные безпорядки“ и объясняетъ ихъ какъ неблагонадежностью чиновниковъ, такъ и обширностью района, „заключающаго много заводовъ и фабрикъ, наполненныхъ ссыльно-каторжными, предающимися бродяжничеству и злодѣяніямъ“ [1]) и т. д... „Глядя на Земскій Судъ и волостныя правленія были не только въ дурномъ положеніи, но, будучи подъ вліяніемъ писарей изъ ссыльныхъ и волостныхъ головъ дурного выбора, скрывали въ себѣ большія злоупотребленія, как напр., противузаконные и большіе сборы съ крестьянъ денегъ и наглое воровство общественныхъ суммъ“ [2]). Казалось бы, что Броневскій долженъ сдѣлаться принципіальнымъ противникомъ ссылки—и именно—уголовной. Но въ томъ то и дѣло, что передъ нимъ всегда были только факты и частности, надъ которыми не возвышалась обобщающая мысль государственнаго человѣка. Онъ видѣлъ несостоятельность системы казенныхъ поселеній, но эта несостоятельность заслонялась и подмѣнивалась замѣченными фактами дороговизны, неуютности, недостатка женщинъ. А дороговизна указывала на необходимость упрощенія. И вотъ складывается мысль о преобразованіи системы. „Самое простое и надежное водвореніе—приселять къ старожильскимъ деревнямъ, гдѣ земли и угодій окажется достаточно; давать на одного ссыльнаго отъ 150—200 р. асс. въ заимообразную ссуду изъ казны, съ разсрочкою платежа на 20 лѣтъ; селить женатыхъ въ особыхъ домахъ распоряженіемъ сельскаго общества, отдавъ ихъ подъ попечительство міра. Если старожилы пожелаютъ нѣкоторыхъ взять себѣ и женятъ на своихъ дочеряхъ, либо какихъ родственницахъ, деньги отдавать имъ, съ обязанностью держать въ своей семьѣ и если обоюдно пожелаютъ отсадить отъ себя, то не иначе, какъ съ надѣленіемъ всѣмъ по крестьянскому быту и съ переводомъ уплаты въ казну части долга. Разумѣется, при этомъ предлежитъ отвѣтственность общества, если оно

---

[1]) Л. 351—352. При ревизіи Минусинска онъ отвѣчаетъ: „Въ окружномъ судѣ уголовныя дѣла о бродягахъ, ссыльныхъ занимаютъ главнѣйшее мѣсто, какъ и вездѣ“. Л. 500.

[2]) Л. 346.

дозволитъ взять ссыльнаго крестьянину ненадежному, который деньги казенныя употребитъ во зло. Остающихся, затѣмъ холостыхъ, пока не пріютятся, употребить на общественную запашку или въ работу по золотой промышленности, предоставя имъ все необходимое отъ міра, съ полученіемъ пая, по опредѣленію общества, отъ продажи земныхъ произведеній. Остатки же суммы употреблять на содержаніе ссыльнаго, на женитьбу его и прочное водвореніе. Предположеніе мое, въ этомъ родѣ, было представлено правительству. Оно со всѣхъ сторонъ благонадежнѣе, простѣе и дешевлѣ" [1]). Не трудно замѣтить всю фантастичность, безпочвенность этого проекта. Съ одной стороны его дешевизна была сомнительна. Отъ 1827 года до 1846 года было сослано 159,755 чел., т. е. въ годъ прибывало ссыльныхъ въ среднемъ около 8,000 чел. [2]); слѣдовательно, отъ казны на однѣ ссуды требовалось ежегодно по $1^1/_2$ милл. рублей, а обязательныхъ расходовъ съ крестьянъ требовалось и того болѣе. Затѣмъ этотъ проектъ возложитъ устройство ссыльныхъ на сельскую администрацію слѣдуетъ за яркимъ описаніемъ страшнаго безпорядка царившаго въ управленіи, виною чего выставляется та же. ссылка. Въ Петербургѣ занимались вопросомъ о ссылкѣ. Императоръ Николай Павловичъ имъ интересовался лично, Вѣское слово Броневскаго, котораго Императоръ считалъ знатокомъ Сибири, могло принести огромную пользу краю. Его личное мнѣніе было совершенно опредѣленнаго, отрицательнаго характера. Ссыльные „въ тягость жителямъ", „превосходятъ числомъ старожиловъ". констатируется „переполненіе ссыльно-каторжными, которые предаются бродяжничеству и злодѣяніямъ". Поэтому совершенно неожиданными являются слова его на аудіенціи 1834 года. „Осмѣливаюсь доложить,—сказалъ онъ,—что, по моему (мнѣнію), простого народа изъ осужденныхъ Сибирь можетъ принять еще болѣе теперешняго. Они дѣлая преступленія, по различнымъ побужденіямъ—иногда по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, благоговѣютъ къ пре-

---

[1]) Л. 346—347.

[2]) Цифры взяты у *проф. Малиновскаго, Ссылка въ Сибирь*. Томскъ 1900, стр. 19.

держащей власти“ [1]). Такое заявленіе находится въ явномъ противорѣчіи съ мнѣніемъ, высказаннымъ Броневскимъ въ запискахъ и приведеннымъ выше. Это противорѣчіе можно объяснить тѣмъ, что въ правительственныхъ сферахъ были нерасположены къ реформамъ и между тѣмъ не знали, какъ быть съ преступниками. Броневскій говорилъ не какъ государственный человѣкъ, а какъ исполнительный чиновникъ. Онъ признавалъ за сибирской администраціей способность устроиться съ будущими ссыльными.

То же противорѣчіе между мнѣніемъ и словомъ, то же неумѣніе, безсиліе подняться надъ частнымъ фактомъ обнаруживаются Броневскимъ и въ другихъ случаяхъ.

Занимая съ 1835 г. по 1837 годъ постъ генералъ-губернатора, онъ могъ хорошо познакомиться съ административными порядками края. Эти порядки не представляли ничего привлекательнаго. Лично ему, напр., положеніе генералъ-губернатора представлялось страшно тяжелымъ.

„Положеніе начальниковъ въ Сибири таково, что должно отказаться отъ всякихъ развлеченій въ обществѣ. Извѣстно, что тамъ нѣтъ дворянства и людей свободнаго состоянія,—все служащіе, т. е. подчиненные, да купцы, съ которыми неудобно вступать въ короткое обращеніе: мнѣніе и совѣтъ ихъ всегда односторонни и не наведутъ, а сведутъ съ пути. Злословить, по своимъ видамъ, иногда очень добрыхъ людей, а выхвалять недостойныхъ, проскочить какъ разъ—общее ремесло такихъ собесѣдниковъ! Практически это, я знаю, лучше всего держаться въ надлежащей дистанціи, предаться одиночеству и, если угодно, скучать—удѣлъ самый лучшій изъ худшаго“ [2]). И это касается не только личныхъ отношеній, но и—административно—служебныхъ. „Въ россійскихъ губерніяхъ дворянство по выборамъ изъ среды себя замѣщаетъ всѣ должности, объемлющія части губернскаго управленія и, конечно, устремлено для видовъ семей и общей пользы, чтобы выборы такіе падали на лица, истинно того заслуживающія. Общежитіе, сосѣдство помѣстій и соприкосновеніе по служебнымъ и партикулярнымъ дѣламъ, казалось бы, даютъ

[1]) Л. 322—323.
[2]) Л. 374—374.

всѣ средства разузнавать свойства каждаго, но и тутъ бываютъ выборы ошибочные, по вліянію партій и интригъ. Какимъ же образомъ въ Сибири, гдѣ нѣтъ дворянства, гдѣ выборъ зависитъ отъ одного лица начальника, а это лицо, перестановлено будучи изъ одного края Россіи на другой, никого тамъ не знаетъ и распредѣляетъ людей по мѣстамъ по одной рекомендаціи формулярнаго списка, которому если и давать полную вѣру, то все-таки невозможно прочитать въ немъ указанія, къ чему, въ особенности, способенъ чиновникъ, дабы его съ ожидаемою пользою употребить можно. Это всегдашній камень преткновенія отдаленнаго сибирскаго начальства, дающій чиновникамъ мѣста всегда, такъ сказать, на рискъ" [1]) Броневскій передаетъ, что въ его время чиновничество обыкновенно было связано узами родства. „Бывали примѣры, что, начиная съ Земскаго Суда, въ Уѣздномъ и въ Палатахъ всѣ родня" [2]). Съ этимъ приходилось считаться. Характерно мѣсто въ запискахъ покойнаго генералъ-губернатора по поводу назначенія генерала Сулимы. „Веселились и безпрестанно судили о новомъ начальникѣ Сулимѣ, котораго никто не зналъ. Вездѣ перемѣна начальника дѣлаетъ тревоги, а въ отдаленномъ краѣ, гдѣ власть ихъ превосходитъ всѣ другія генералъ-губернаторства, и гдѣ судьба всякаго почти въ ихъ рукахъ, — да и не даромъ говорятъ въ Сибири: „до Бога высоко, а до Царя далеко",—вообразить нельзя, какое производитъ дѣйствіе" [3]). Прочитавъ всѣ эти разсужденія, вы, конечно, будете ждать, что разъ этотъ умный, наблюдательный, пользовавшійся довѣріемъ Государя человѣкъ на основаніи своего опыта задумаетъ исправлять недостатки, то онъ именно обратитъ вниманіе на самую административную систему, существо которой ему казалось ошибочно поставленнымъ. Но на дѣлѣ не такъ. „Въ Восточномъ Обозрѣніи" за 1894 годъ В. И. Вагинъ напечаталъ „справку", въ которой говоритъ, что Броневскій, находясь въ 1837 г. въ Петербургѣ, „представилъ правительству проектъ объ учрежденіи Забайкальской

---

[1]) Л. 517.
[2]) Л. 516.
[3]) Л. 336.

области. По этому проекту область предполагалось образовать изъ двухъ тогдашнихъ округовъ—Верхнеудинскаго и Нерчинскаго" [1]). Въ „Запискахъ" о проектѣ преобразованій говорится слѣдующее. „Въ проектѣ о нуждахъ въ Сибири, мною представленномъ, главнѣйше заключалось объ образованіи области Якутской съ причисленіемъ къ ней Охотскаго и Камчатскаго приморскихъ управленій, и Забайкальской по преграждаемому Байкаломъ сообщенію съ Иркутскомъ и объ уменьшеніи штатовъ Иркутской губерніи" [2]).

Предъ нами простой проектъ образованія, кромѣ существующихъ еще двухъ административныхъ единицъ, которымъ Броневскій думалъ механически облегчить задачу управленія. И здѣсь Броневскимъ констатирована непосильность сложной системы управленія для административнаго персонала,—и тотъ же проектъ кажущагося упрощенія.

Громадная выдержка и большая опытность позволяли Броневскому много работать. И сколько энергіи и силъ уходило на мелочи, на чисто канцелярскую технику. Броневскій говоритъ, что онъ нашелъ „машину" плохо дѣйствующей; надъ приведеніемъ ея въ быстрое дѣйствіе онъ и принялся работать. „Изъ описанія моихъ сотрудниковъ въ главномъ управленіи всякій увидитъ, что я ими богатъ не былъ. Это всею тяжестью легло на меня. Но работая денно и нощно, привелъ машину въ движеніе, — и могу сказать, что *такой быстроты* не бывало еще, въ чемъ и всѣ министерства отдавали справедливость. Иркутскъ отъ Петербурга въ 6 тысячахъ верстъ; слѣдовательно, *исполненіе требованій начальства* надлежитъ до возможности ускорить и не давать производителю дѣлъ задумываться цѣлые мѣсяцы надъ бумагами, могущими достигнуть въ это время столицы, что весьма нерѣдко и случалось, и эти господа отговаривались неполученіемъ затребованныхъ отъ подчиненныхъ справокъ, часто пустыхъ и затѣйныхъ" [3]). Полагаясь на силу и универсальную пригодность „машины",

---

[1]) Вост. Обозр. 1894, № 131, стр. 3.

[2]) Л. 551.

[3]) Л. 358.

Броневскій пытался осуществлять различныя преобразованія въ казенномъ хозяйствѣ и управленіи,—все также на почвѣ упрощенія и огражденія „казеннаго интереса". Онъ былъ противъ системы подрядовъ, которые онъ находилъ нарушающими интересы и казны, и мѣстнаго населенія. „Винный откупъ, купцы и богатые мужики, — говорить онъ [1]), извѣстные подъ названіемъ міроѣдовъ, каждый дѣйствуя въ свою личную пользу, вредятъ общей — и гибельны для крестьянъ. Тройственному этому злу, за глазами главнаго начальства, не трудно пріобрѣтать благосклонность мѣстнаго и тѣмъ заградить всякую возможность отыскать защиту угнетенному". Броневскій предпочиталъ систему хозяйственныхъ заготовокъ. „По преданіямъ, еще довольно свѣжимъ, и изъ фактовъ зная, какое зло сопровождало подряды на разныя статьи во времена Трескина, я невыгодно предупрежденъ былъ въ ихъ пользу. Слова нѣтъ, что казна при подрядахъ обезпечивается залогами, но подрядчики, высчитывая свою невыгоду, отъ представленія залоговъ проистекающую, возвышаютъ цѣну и разсчитываютъ прибыли на всѣ издержки, неизбѣжныя и мнимыя,—и на страхъ повышенія цѣнъ продуктамъ. Также нельзя не согласитьсся, что намѣреніе правительства оживлять движеніе торговли и частной промышленности дѣйствительно, благодѣтельно. Но разсуждая, какъ достиженіе этого дорого обходится казнѣ и сколько оно невыгодно производительному классу народа, я рѣшился, отстраняя подрядчиковъ, обозначавшихъ на предшествовавшихъ торгахъ цѣны очень высокія, приступить къ системѣ хозяйственныхъ заготовленій изъ первыхъ рукъ, отстраняя всякую монополію и совмѣстничество капиталистовъ; а чтобы *чиновники* для того избранные, не могли причинить утраты денегъ или какого зла въ производствѣ операцій, для этого составлены *коммиссіи* изъ нѣсколькихъ благонадежныхъ лицъ, на усердіе и вѣрность которыхъ положиться можно; слѣдовательно, казна *надежно обезпечивалась*. Этимъ коммиссіямъ ввѣрены заготовленіе хлѣба на военныя и гражданскія потребности, съ пропорціями для отправленія въ сѣверные магазины, и въ Охотскъ, и въ Камчатку, раз-

---

[1]) Л. 517—518.

возка соли и покупка шерсти для Тельминской суконной фабрики. Операціи эти, происшедшія на значительный капиталъ, блистательно оправдались, къ полному ожиданію и обыватели получили денегъ гораздо болѣе въ руки, нежели отъ подрядчиковъ, которые часто навязывали имъ, вмѣсто денегъ, товаръ по высокой цѣнѣ. Перекупы хлѣба въ однѣ руки отъ бѣдныхъ богатыми крестьянами до возможной степени отстранялись и вообще *за дѣйствіями коммиссіи учрежденъ былъ мною секретный надзоръ*, такъ что всякое отступленіе предупреждалось во-время, и цѣны, по которымъ покупка произведена была, разительно ниже всѣхъ заготовленій прежнихъ лѣтъ, а трудящійся классъ остался противъ прежняго при выгодахъ значительныхъ. Откупщикъ вина, подрядчики, поѣхавшіе ни съ чѣмъ, и тѣ, которымъ переходила не малая толика, взялись за бороды и со вздохами косо посматривали на меня, но я, предпочитая всегда благо общее частному интересу, шелъ хладнокровно впередъ проложеннымъ путемъ" [1]).

Въ какія мелочи приходилось вникать начальнику обширнаго края, показываетъ описаніе ревизіи солеваренного завода:

„Иркутскій солеваренный заводъ,—пишетъ Броневскій,— возведенъ частію на берегу р. Ангары, частію на островѣ, при соляныхъ разсолахъ, изъ колодезей съ довольной глубины добываемыхъ. Ихъ качаютъ каторжные руками на возвышенныхъ каланчахъ, иногда при 30° мороза, одѣтые весьма на легкѣ. Простые насосы, установленные, какъ бываетъ на простыхъ баркахъ, требуютъ, однако, при каждомъ движеніи силы и поклона всѣмъ тѣломъ почти до земли. Разсолъ по желобамъ долженъ пробѣгать безпрерывно въ чрены, иначе выварка отъ излишняго употребленія дровъ и прогара желѣза въ чренахъ бываетъ убыточна. Поэтому рабочій, отбывъ свою смѣну—всю стоя на ногахъ *точно* бываетъ въ каторгѣ. Плохое его платье прежде обмо-

[1]) Л. 355—356. Таже заботливость о населеніи проявлялась и въ другихъ случаяхъ. Напр., находя проектъ Кругобайкальской дороги неудовлетворительнымъ, Б—ій говоритъ: „а главное, что предполагалось употребить нарядомъ бурятъ за опредѣляемый плакатъ, а не поволько. Предвидя вредныя послѣдствія для этихъ безмолвныхъ полудикарей, я никакъ не могъ согласиться" См. л.л 505 и слѣдующіе.

каетъ отъ брызговъ—и потомъ замерзаетъ. Въ эту работу наряжаются самые ненадежные по свойствамъ своимъ люди, за наказанія. Но какъ и къ этимъ падшимъ грѣшникамъ не мѣшаетъ имѣть состраданіе, то я приказалъ переустроить насосы и качку производить (безъ поклоновъ) маятникомъ, который меньшее число людей только подталкиваетъ отъ себя,—и онъ ходитъ, производя дѣйствіе, притомъ люди могутъ это дѣлать и сидя въ нарочно устраиваемыхъ бесѣдкахъ. Множество варницъ отъ неправильнаго устройства пролетовъ спираютъ такой дымъ, что рабочіе и ползать по землѣ не могутъ для частаго поправленія подъ чренами огня, который подъ всею площадью чрена слѣдуетъ содержать равномѣрно. Это также переустроено. (Отъ) дыму избавились: но чтобы не задыхались во время вѣтряное, сдѣланы въ каждой варницѣ плотно законопаченныя будки, въ которыя люди входятъ со двора и сквозь оконца смотрятъ за огнемъ, будучи избавлены отъ безвременнаго страданія и боли глазъ" [1]).

Изъ приведеннаго видно, сколько энергіи, кропотливаго и интенсивнаго труда требовалось, чтобы провести какое-нибудь предпріятіе. Необходима громадная добросовѣстность, желаніе труда, но и необходимо желѣзное, нечеловѣческое здоровье, чтобы остаться на такомъ посту, который занималъ Броневскій. Одинъ человѣкъ долженъ со, вмѣщать всѣ тѣ силы, которыя необходимы для управленія обширнымъ краемъ. Всѣ многообразныя отрасли жизни, благо обывателя, нужды самого управленія—все это сосредоточено на одномъ лицѣ, такъ какъ съ самого обывателя забота о самомъ себѣ снята. Броневскій долго, какъ солдатъ, стоялъ на посту. Но и его крѣпкое здоровье не выдержало. Уже въ Западной Сибири онъ сталъ страдать недугами, пріобрѣтенными на службѣ. „Въ 1833 году,—говоритъ Броневскій,—я началъ чувствовать болѣзнь въ боку, разбитомъ въ несчастномъ паденіи съ лошадью. Это случилось на полковомъ ученьѣ 6-го казачьяго полка, въ форпостѣ Песчаномъ. Приливы крови, и лѣвое ухо, просту-

---

[1]) Л. 378—380. Говоря о побѣгахъ съ работъ,—особенно во время рубки дровъ, въ снѣгу, безъ хорошей одежды, Б—й участливо говоритъ: „До чего не доводитъ отчаяніе голаго и голоднаго человѣка".

женное при 35° мороза въ Тобольскѣ, воспалилось. Едва меня могли спасти, остался вѣчный звонъ, шумъ и глухота, при безпрерывномъ біеніи въ ухѣ пульса. Это нагоняло на меня тоску, проявившуюся впослѣдствіи ипохондрическими припадками. Началъ я уставать, и сибирское однообразіе мнѣ сдѣлалось скучнымъ. По совѣту моихъ родныхъ — и особенно брата, Алексѣя Богдановича, — я рѣшился оставить службу сибирскую и просился пріѣхать въ Петербургъ". Съ твердымъ намѣреніемъ бросить службу поѣхалъ онъ въ столицу, но вышло иначе. Императоръ Николай Павловичъ лично просилъ Броневскаго продолжать службу въ Сибири. Аудіенція 1834 года интересна,— и мы приведемъ ея описаніе. „Черезъ недолгое время, потребовали къ Государю. Только я переступилъ двери—и Его Величество показался изъ кабинета. Онъ былъ въ Измайловскомъ сюртукѣ, безъ эполетъ, и застегнута только верхняя пуговица. Мѣрными шагами Государь изволилъ пройтись къ амбразуру окна, отвѣчалъ на мой поклонъ ласковымъ взглядомъ и, прислонясь спиною къ углу амбразуры, вопрошалъ о состояніи войскъ, о корпусномъ командирѣ, собирается ли онъ пріѣхать сюда, о ружьяхъ и этапахъ, исправно ли водятъ ссыльныхъ. Разсказалъ, какъ здѣсь, на заставѣ поймали каторжника, бѣжавшаго изъ Сибири. Я отвѣчалъ, что это случилось, конечно, съ заводской работы, а съ этаповъ убѣжать почти невозможно, и хотя случается, но очень рѣдко. Каково ведутъ себя государственные преступники? [1]). Я отвѣчалъ очень одобрительно—и что ни одинъ ни въ чемъ предосудительномъ не замѣченъ, а что у нихъ на сердцѣ, отъ насъ закрыто. Осмѣливаюсь доложить, что, по моему (мнѣнію), простого народа изъ осужденныхъ въ Сибирь можетъ принять еще болѣе теперешняго. Они, дѣлая преступленія, по различнымъ побужденіямъ, иногда по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, благоговѣютъ къ предержащей власти. Но политическихъ преступниковъ нужно бы водворять въ другіе края Россіи. Государь изволилъ со вниманіемъ выслушать мое замѣчаніе и отвѣчалъ: „Да, это такъ, но они успѣваютъ входить въ связи съ начальствомъ (тогда былъ

[1]) Т. е. декабристы.

доносъ на Иркутскъ въ этомъ родѣ), ихъ близко держать невозможно. Но мнѣ этого еще никто не говорилъ". Сказано не въ упрекъ мнѣ за смѣлую выходку, а относилось, вѣроятно, къ мѣстному начальству. „Ты хочешь оставить службу въ Сибири? Пожалуй, послушайся меня, поѣзжай туда; ты хорошо знаешь край, и тебя всѣ любятъ... Я берусь устроить положеніе твоей матушки, къ которой ты по просухѣ заѣзжай, и вообще о нуждахъ твоихъ объясни графу Алексѣю Ивановичу. Я буду имѣть тебя въ виду. Прощай!" И изволилъ шествовать къ кабинету, но остановясь на срединѣ комнаты, сказалъ: „Да, я, можетъ быть у васъ буду",—и показавъ рукою на небо; „Это оттуда зависитъ. Можетъ быть, суждено и моему Александру Николаевичу"... Что въ самой вещи и случилось къ благополучію отдаленной страны".

Въ Иркутскъ Броневскій въѣзжалъ съ тяжелыми предчувствіями. Онъ былъ суевѣренъ, а при въѣздѣ у него сломалась карета. Этотъ случай онъ счелъ за дурной знакъ. Исполнительный и аккуратный, большой формалистъ, Броневскій старался всюду поспѣть, все доглядѣть. А вездѣ было много злоупотребленій. Напр., состояніе Иркутскихъ солевареннаго и винокуреннаго заводовъ, найденное имъ при ревизіи, даже въ краткомъ изложеніи Броневскаго, ужасно. На ряду съ хищеніями чиновниковъ, потрясающее положеніе рабочихъ, буквально голыхъ, лишенныхъ особаго помѣщенія и питавшихся только хлѣбомъ съ порціей водки. Я приведу выдержку,—она характерна.

„Александровскій винокуренный заводъ, выкуривающій что-то болѣе 200 тыс. ведеръ, отъ солевареннаго на другомъ берегу Ангары въ 12-ти верстахъ, устроенъ по старой методѣ. Положеніе рабочихъ, по моему осмотру, оказалось самое печальное. Они находясь денно и ночно у огня, и лохмотья свои обожгли, босы и полунаги; артели никакой, гдѣ бы приготовлялась пища, и никакого жилища для нихъ не устроено, куда, правда, и достигнуть невозможно нагу и босу по трескучему морозу. Они, отбывъ свою смѣну, заливали свое горе водкою, которую по тамошнему заведенію, даритъ имъ винокуръ, и оглодавъ кусокъ хлѣба, утомленные бросались тутъ-же въ винницѣ, у огня, предаваясь сну... Ручаюсь, что никто безъ содроганія

не можетъ смотрѣть на эти страшилища! Закоптѣлые остатки образа человѣческаго, прикрытые кое гдѣ рубищемъ, всклоконченные волосы и ужасающіе глаза испитого, дикообразнаго преступника вызываютъ къ состраданію. По новости моей, меня поразилъ видъ этихъ несчастныхъ.) Я, отдавъ имъ бывшія при мнѣ деньги и (давъ) обѣщаніе заботиться о лучшей ихъ участи, обратился къ чиновникамъ, по наружности своей выражавшимъ сытость и довольство, съ упреками. Но равнодушіе ихъ меня удивило. Они изъяснялись, что это ничего, иначе быть не можетъ, по ограниченному отпуску суммы, что люди безпрестанно бѣгутъ, унеся платье, а присылаются новые нагіе до справокъ, подъ вымышленными именами. Такія выраженія меня, однако-же не могли успокоить. Я предложилъ управителю кондиціи слѣдующія: построить своими людьми хозяйственно теплую казарму, завести артель, вычитая часть денегъ изъ задѣльной платы, имѣть хлѣбъ, квасъ и приварокъ, такъ, чтобы всѣ имѣли обѣдъ и ужинъ и отдыхали въ казармѣ, завести на тѣ же деньги запасъ бѣлья, платья и обуви, и чтобы неодѣтыхъ отнюдь не было: устроить огородъ для всякихъ овощей, и, если этого управитель завода не исполнитъ, то кромѣ потерянія мѣста, онъ предается суду. Такія увѣщанія имѣли благопріятныя послѣдствія для несчастныхъ. Пріѣхавъ нечаянно другой разъ на заводъ, я все это нашелъ въ устройствѣ. Люди похожи были на людей, и я остался бы совершенно доволенъ, какъ одинъ рабочій шепнулъ моему адъютанту о спрятанныхъ отъ меня арестантахъ въ одномъ подземельѣ. Это была нагая толпа страшилищъ, частію вновь присланныхъ, которыхъ не успѣли экипировать. Обманъ не прошелъ даромъ г-ну управителю. (Мы съ нимъ распрощались)" [1]).

Или вотъ еще картина, которую засталъ Броневскій по пріѣздѣ въ Иркутскъ:

„Занятія мои главнѣйше заключались въ осмотрѣ заведеній военныхъ и гражданскихъ. Не по эгоизму какому, но по чистой правдѣ долженъ сказать, что нечѣмъ было остаться довольному. Какая-то ржавщина тяготѣла на многомъ. Острожная больница и гражданская, какъ и военный лазаретъ—

---

[1]) Л. 384—386.

особенно острожная и палаты такъ называемыхъ неизлѣчимыхъ—отвратительно дурны. Правленія прибраны не чисто. Дѣла накоплены, и канцеляріи набиты писцами ссыльными, даже каторжными съ ужасными физіономіями. Какого тутъ благочинія, какой вѣрности и канцелярской тайны надлежало ожидать. Земскій судъ состоялъ изъ чиновниковъ, самыхъ ненадежныхъ; дѣла до того запущены, что судъ остановился и опустѣлъ, за недостаткомъ будто-бы канцелярской суммы. Движеніе дѣлъ, за недоставленіемъ земскимъ судомъ свѣдѣній—который упорно молчалъ на всѣ понужденія—остановилось въ Окружномъ Судѣ и др. присутственныхъ мѣстахъ. Арестанты, до 60 чел., по нѣскольку мѣсяцевъ содержались безъ первоначальнаго допроса, отъ бездѣйствія суда, въ которомъ и на рукахъ засѣдателей было болѣе 2000 слѣдственныхъ дѣлъ безъ окончанія и нѣсколько тысячъ бумагъ и рѣшеній уголовныхъ и гражданскихъ Губернскаго Суда безъ исполненія. Неслыханные такіе безпорядки, проистекая, дѣйствительно, отъ недостатка канцелярской суммы и большого населенія округа до 199 тыс. д. об. п., заключающаго много заводовъ и фабрикъ, наполненныхъ ссыльно-каторжными, предающимися бродяжничеству и злодѣяніямъ, какъ и по подобнымъ поступкамъ ссыльно-поселенцевъ случаются безпрестанно происшествія и слѣдствія, но чиновники суда, безъ способностей и поведенія, незаслуживающіе извиненія въ этомъ злѣ, увольнялись однако-же свободно въ отставку и перемѣщались къ другимъ должностямъ, замѣнялись новыми, еще худшими. Ибо ни одинъ порядочный человѣкъ, ужасаясь погрязнуть въ такомъ судѣ, не шелъ туда служить, что и весьма натурально“.

Бывшія въ результатѣ ревизіи смѣны начальниковъ, кары надѣлали враговъ ему между чиновничествомъ. Генералъ-губернатору стали приписывать такія перемѣны въ служебномъ персоналѣ, виновникомъ которыхъ онъ не былъ. Такъ было послѣ поѣздки за Байкалъ. „7 сентября пріѣхали въ Иркутскъ. Новостей-то, новостей!.. Губернаторъ причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, комендантъ и бригадный уволены отъ службы. Назначенъ новый слой: губернаторомъ—дѣйств. ст. совѣтникъ Евсѣевъ, комендантомъ—генералъ Красавинъ, бригаднымъ—Безносиковъ. Родня ста-

рой династіи начала собираться тоже. Что это всѣ меня оставляютъ!.. Какъ непріятно!.. Меня считали и теперь считаютъ виновникомъ такого потрясенія; но оно въ самой вещи вовсе не такъ, а произошло гораздо простѣе, по старымъ исторіямъ съ архіереемъ. Съ моей же стороны ни словомъ, ни дѣломъ—ничего не было, да, по правдѣ надобно сказать, что замѣномъ такимъ служба выиграла развѣ только въ генералѣ Безносиковѣ, истинно полезномъ на своемъ мѣстѣ" [1]). Та же исполнительность и жесткій формализмъ поставили его во враждебное отношеніе къ декабристамъ, обладавшимъ часто большими связями. Строгости, вводившіяся Броневскимъ, становились извѣстными при дворѣ,—и родня декабристовъ, конечно, давала чувствовать ретивому, но неродовитому генералъ-губернатору свое неудовольствіе.

Всѣ эти непріятности сильно огорчали и безъ того слабаго здоровьемъ Броневскаго. Головныя боли усиливались; все чаще повторялись припадки ипохондріи, мнительности. У него начиналось психическое разстройство. Онъ сталъ совсѣмъ недовѣрчивъ по отношенію къ окружающимъ. Всюду грезились ему какіе-то злые, направленные противъ него, замыслы. Переутомленье мозга и глазъ сказывалось сильно. Лица и всѣ предметы стали для него принимать какой-то зеленоватый цвѣтъ. Броневскій сознавалъ, что онъ боленъ. Отдаливъ свою семью, которую онъ также подозрѣвалъ въ недоброжелательности, онъ сознавалъ свою неправоту и мучился отъ одиночества и угрызеній совѣсти. Доктора дали настоятельный совѣтъ бросить службу. Броневскій уѣхалъ въ Петербургъ. Императоръ снова уговаривалъ его продолжать службу, совѣтуя отдохнуть нѣкоторое время. Но Броневскій указалъ на свое окончательно разстроенное здоровье.

Императоръ Николай назначилъ его сенаторомъ по Межевому Департаменту, гдѣ съ конца 1838 года (22 декабря) Броневскій былъ первоприсутствующимъ, а въ 1839 г. былъ перемѣщенъ въ 4-й департаментъ.

Жизнь Броневскаго въ Петербургѣ, какъ она обрисовалась въ его запискахъ, можно назвать состояніемъ без-

---

[1]) Л. 494.

престанной пытки. Интриги, зависть бюрократической знати (Б—й указываетъ, между прочимъ, на Перовскаго) окружали его. Служебныя обязанности сенатора приводили въ столкновенiе съ дворянскими фамилiями· Между тѣмъ страшная idée fixe, что государственные преступники, декабристы, и ихъ родня хотятъ погубить его, рисовала его больному воображенiю страшныя картины. Ему чудились висѣлицы передъ окнами, палачи въ красныхъ рубахахъ. Разстроенное воображенiе подсказывало. что все это замыслы „либераловъ". „Мужики въ красныхъ рубахахъ и кушакахъ кучами ходятъ съ топорами, пилами, веревками и дубинками и всякими смертоносными орудiями. Теперь насыпаютъ въ глазахъ могилки. Въ Москвѣ ямщикъ мой, сидѣвшiй на козлахъ, въ красномъ кушакѣ, былъ обвязанъ веревкою съ петлей и, проѣзжая близь торговой площади, остановился,— и это было не даромъ!" [1]). Старыя жесткiя мѣры, неловкiя дѣйствiя приходили ему на память. Но задумавшись надъ ними Броневскiй не находилъ въ прошломъ ничего тяжкаго,—вѣдь онъ въ послѣднее время былъ больной человѣкъ. „Вы, близкiе моему сердцу, добрые мои читатели,— вырывается у него болѣзненное восклицанiе [2]),—знаете о положенiи моего здоровья, въ которомъ я былъ,—и годился ли къ какому-нибудь управленiю, когда во всякой вещи я не могъ видѣть другой стороны, кромѣ дурной, когда воображенiе мое было разстроено и припадки головы и въ боку съ ожесточенiемъ продолжались". Кромѣ того, онъ былъ лишь точнымъ исполнителемъ воли высшей власти. Онъ не только заслуживаетъ снисходительнаго отношенiя, но онъ—правъ. Онъ исполнялъ свой долгъ и считалъ себя нравственно обязаннымъ поступать такъ, какъ онъ поступалъ. Слѣдовательно,—настойчиво работала мысль Броневскаго,—всѣ эти нападки исходятъ отъ лицъ злоумышленныхъ. Послѣднiе угрожаютъ не одному ему, но и всему тому, что онъ считалъ за неприкосновенную святыню. „Въ Сибири разселенные государственные и другiе политическiе преступники, недовольные моимъ строгимъ, въ разсужденiи ихъ, поведенiемъ, особенне дамы, ихъ жены, считающiя

---

1) Л. 556.
2) Л. 551—552

меня скифомъ и вандаломъ, пристали къ этому хору и кстати распространили между своею знатною и сильною роднею въ стоградусныхъ преувеличеніяхъ мои съ ними поступки, и, не говоря объ этомъ прямо, раздуваютъ другія небывалыя дѣянья, и постоянно угрожаютъ меня казнію и смотрятъ на меня, какъ на живого покойника. Такое пророчество знаками, видомъ лицъ и ужимокъ и даже журнальными статьями, довольно важными экивоками, которые разгадаетъ слѣпой, при пособіи другихъ знаковъ, производимыхъ у меня на дворѣ и предъ окнами, вмѣстѣ съ выходомъ статьи журнальной или газетной [1]). Эта интрига соединилась вмѣстѣ съ гоненіемъ богопротивной и правительству вредной секты Израиля, бывшаго архимандрита, готовящей опасную реформацію у насъ, подъ названіемъ возрожденія Христа" [2]). Съ этими не только личными, но и государственными врагами, онъ долженъ былъ вести борьбу. „Въ проектѣ о нуждахъ Восточной Сибири,—передаетъ онъ,—мною представленномъ, главнѣйше заключалось объ образованіи области Якутской съ причисленіемъ къ ней Охотскаго и Камчатскаго приморскихъ управленій, и Забайкальской, по преграждаемому Байкаломъ сообщенію съ Иркутскомъ, и объ уменьшеніи штатовъ Иркутской губерніи. А какъ край этотъ, вслѣдствіе событій 12 (? 14) декабря и польскаго мятежа, принялъ въ себя значительное число политическихъ преступниковъ, на которыхъ я полагаться не могъ, помня заговоръ поляковъ въ Омскѣ, угрожавшій ужаснымъ происшествіемъ, я просилъ прибавить нѣсколько батальоновъ армейскихъ войскъ, чтобы внутри, особенно за Байкаломъ, имѣть надеждую опору. При вопросахъ Государя еще въ 1833 (? 1834) г. о спокойствіи Сибири и о преступникахъ, я осмѣлился скасказать сущую истину, что преступники изъ простонародья благоговѣютъ въ предержащей власти; но происходящихъ изъ высшаго сословія не слѣдовало бы туда ссылать, что они мало по малу разсѣваютъ свои идеи и, превратно -тол

[1]) Очевидно, всѣ эти разсужденія—продуктъ болѣзненнаго состоянія. Самыя фразы безсвязны, лишены концовъ. Но мысль развивается упорно. Здѣсь не припадокъ виною фактистическаго разсужденія; онъ сообщилъ только болѣзненную неровность изложенія.

[2]) Л. 557.

куя о правительствѣ, могутъ быть вредны" [1]. „Мое мнѣніе было селить такихъ преступниковъ въ другихъ отдаленныхъ краяхъ Россіи или высылать за границу. Основанія къ опасеніямъ были: 1) заговоръ поляковъ въ Омскѣ, неудавшійся только потому, что явились изъ нихъ два феномена, открывшіе тайну начальству, которое мѣрами своими разрушило покушеніе; 2) безумные какіе-то замыслы государственнаго преступника Лунина, правительству извѣстные; 3) заговоръ въ Нерченскихъ заводахъ государственныхъ преступниковъ, бывшихъ офицеровъ Черниговскаго полка, намѣревавшихся съ толпою каторжныхъ, овладѣвъ оружіемъ, вторгнуться въ Китай; 4) секта архимандрита Израиля, распространенная за Байкаломъ, и построеніе женскаго монастыря, имѣвшее весьма подозрительныя намѣренія, во вредъ религіи и правительству, и 5) сознаніе, при слѣдствіи объ Израилѣ, верхнеудинскаго купца Шевелева, человѣка умнаго и, по своему званію, достаточно образованнаго,—что онъ самъ государственный преступникъ, не выясненное при слѣдствіи, какъ надо,—и причтено, что онъ это сдѣлалъ въ пьяномъ видѣ. А я думаю, что Шевелевъ—кто его знаетъ—и пьяный не скажетъ такую бѣду. Изъ этого и другихъ соображеній я выводилъ заключеніе, что вредныя идеи уже начинаютъ насаждаться въ среднемъ сословіи населенія, болѣе грамотнаго, а оно разовьетъ въ приличнѣйшемъ искаженіи въ простонародіи, съ которымъ оно въ ближайшихъ сношеніяхъ по интересамъ—и пользуется уваженіемъ. Это мнѣніе, какъ я знаю, многимъ не понравилось, и я терплю въ молчаніи. Но вопрошаю, кто бы на моемъ мѣстѣ, будучи проникнутъ Вѣрою и вѣрностью своему долгу, управляя мирнымъ краемъ, куда никакая адская идея новѣйшаго политическаго бреда не западала, остался равнодушно въ молчаніи, видя вышесказанныя послѣдствія уже этихъ пагубныхъ идей. Я исполнилъ мой долгъ по совѣсти гражданина и нелицемѣрнаго слуги Государя и умываю руки. Надѣюсь на прозорливость монарха, что онъ не отдастъ меня въ руки либераловъ, дающихъ мнѣ себя чувствовать" [2]. „Опять,—тревож-

---

[1] Л. 557.

[2] Л. 551—552.

но откликается на свои мысли Броневскій, [1])—въ Тобольскѣ допущено слишкомъ скопиться на жительство важнѣйшимъ преступникамъ, каковы: фонъ-Визинъ, Муравьевъ и проч. Они учредили духовныя бесѣды и поютъ псалмы, сидя за столами, по примѣру апостоловъ. Нѣкоторые изъ жителей города имъ уже подтягиваютъ—и даже прокуроръ Черепановъ. Тутъ кроется секта — *Возрожденіе Христа*,— будущіе крестоносцы, реформаторы, отвергающіе свѣтскія постановленія нашей церкви. Если они успѣютъ увлечь массу народа, то быть худу. Нѣкоторыя духовныя особы, также какъ и ихъ собратъ, архимандритъ Израиль, въ это замѣшаны,—и что тутъ заключается политическая цѣль къ измѣненію въ государствѣ порядка вещей, я нисколько не сомнѣваюсь. Можетъ быть, случится это и не скоро, но дѣло растетъ. Примѣтилъ я это и въ Россіи!! Сожалѣю, что мой доносъ Государю въ 1837 году замяли, назвавъ бредомъ больной головы. Но я предвижу въ этомъ великую государственную важность, требующую неотложныхъ и благоразумныхъ мѣръ. Хотя, говоря такія истины, я навлекаю гибель на себя, но для блага отчизны и нашей Православной вѣры съ радостію встрѣчу смерть!.. Чѣмъ бы я ни пожертвовалъ!... Государственные преступники, во время житья въ Сибири, на удивленіе изучили Законъ Божій и превосходно въ разговорѣ примѣняютъ тексты къ разнымъ обстоятельствамъ, такъ что ихъ слово хоть кого поколебать можетъ. Израиль тоже проповѣдовалъ не иначе, какъ изъ книгъ Св. Писанія, но такъ злохитростно, что рѣшительно подкапывалъ твердость гражданскихъ законовъ и то благоговѣніе къ предержащей власти, которымъ одушевленъ нашъ народъ. Онъ вводилъ отпущеніе всякихъ грѣховъ и дѣйствовалъ открыто на площади, при собраніи народа. Какова эта дерзость!.. Въ Кяхтѣ онъ обратилъ прежде всего трехъ братьевъ 1-й гильдіи купцовъ и почетныхъ гражданъ Молчановыхъ, съ многочисленными семействами, и инвалиднаго офицера, и еще многихъ. И что бы онъ не надѣлалъ, если-бы не проникнулъ его замысловъ достойный тамошній пастырь—протоіерей... Тогда возникло

[1]) Л. 559—560. См. „Наталія Дмитріевна Фонъ-Визина. (Изъ бумагъ протоіерея Знаменскаго". Литер. Сборн. изд. „Вост. Обозр." 1885, стр. 207—248.

слѣдствіе, но какое слабое, попустительное!!. Но это такъ не останется. Время—великій учитель. Жаль только, если зло далеко пустить свои корни"... Читая всѣ эти повѣствованія, вы можете подумать, что Россія въ то время находилась наканунѣ религіозной и политической революціи. И сколько такихъ страховъ гнѣздилось въ головахъ, менѣе больныхъ! А вѣдь это былъ конецъ 30-хъ и начало 40-хъ годовъ...

„Записки" оканчиваются на 1846 году. Умеръ Броневскій, какъ мы выше указывали, въ 1858 году, 14 февраля— „въ отставкѣ", какъ говоритъ его некрологъ. Судя по „запискамъ", можно предполагать, что онъ путешествовалъ,— между прочимъ—за границей. Болѣе мы ничего не знаемъ о немъ, да и не думаемъ, чтобы эта совершенно изломанная жизнь больного нравственно и физически человѣка могла дать что-нибудь интересное.

По свидѣтельству Вагина „это былъ очень умный и добрый человѣкъ". Дѣйствительно, на протяженіи записокъ мы встрѣчаемъ много свидѣтельствъ сердечности, не мало мѣткихъ характеристикъ и тонкихъ наблюденій. Предъ глазами этого дѣятельнаго, подвижного человѣка прошелъ цѣлый калейдоскопъ лицъ и событій. Жизнь служила для него академіей. Но, къ несчастію, этой академіей была глухая окраина, безъ просвѣщенныхъ, культурныхъ элементовъ, сама нуждавшаяся въ свѣточѣ и администраторѣ, который-бы шелъ къ ней не учиться, а вести ее въ томъ направленіи, которое указывала ему строго обдуманная, сознательная политическая программа. Такимъ лицомъ былъ Сперанскій. Но онъ пробылъ не долго въ Сибири. Въ числѣ лицъ, намѣченныхъ имъ для выполненія преобразованій, говорятъ, былъ выдвинутъ на постъ Омскаго областного начальника и Броневскій,—тогда еще незначительный капитанъ. Но этотъ способный, благожелательный помощникъ не имѣлъ средствъ быть первымъ лицомъ, быть двигателемъ... Передъ нами прошла трагедія тяжелаго, огромнаго труда, затраты большихъ способностей на непосильную борьбу съ нестроеньями и зломъ, вызывавшимися несостоятельной административной системой, накопленными вѣками злоупотребленьями, съ тысячами мощныхъ мелочей, трагедія, имѣвшая такую печальную для дѣйствующаго лица развязку.

Существуетъ ли кустарная промышленность въ Иркутской губерніи?

Съ понятіемъ о кустарныхъ промыслахъ связывается нѣсколько весьма важныхъ и трудно поддающихся рѣшенію вопросовъ. Во-первыхъ еще не окончательно выяснена самая сущность кустарнаго промысла и его происхожденіе; во-вторыхъ, представляется спорнымъ общественно-экономическое значеніе производства этого типа; въ третьихъ, неясно его будущее.

Если во время своего возникновенія,—въ ту пору, когда вырабатывались формы общественнаго хозяйства и обмѣна,—кустарь явился съ своимъ искусствомъ [1]) и предложилъ на рынкѣ продукты этого искусства въ условіяхъ неразвитаго спроса и ограниченнаго предложенія, то въ настоящее время кустарь является представителемъ лишь одной формы производства на ряду съ огромнымъ развитіемъ другой формы — фабрично-капиталистической. Послѣдняя форма, пользующаяся исключительной организаціей силъ и средствъ, повидимому, заслоняетъ кустаря.

Фабрично-заводское производство организуетъ въ общественное цѣлое предпринимателя, капиталъ, рабочія силы страны. Оно является огромнымъ соціальнымъ факторомъ-организаторомъ и преобразователемъ. Кустарь, производитель-одиночка, какъ бы отражаетъ индивидуалистическіе инстинкты общественныхъ элементовъ. Съ этой точки зрѣнія кустарь представляетъ не прогрессивный, а

[1]) Kunst—искусство, отсюда—кунштаръ=кустарь=искусникъ, мастеръ.

задерживающій элементъ въ обществѣ, въ которомъ производительныя силы дифференцируются въ правильные кадры. Человѣкъ-спеціалистъ, человѣкъ, занимающій свое опредѣленное мѣсто въ національной производительной организаціи и не способный занимать другое мѣсто,—вотъ видимый результатъ современнаго общественнаго развитія. Кустарь—это одинъ изъ милліона; кустарей уравниваетъ основное занятіе, земледѣліе, и только свободный остатокъ силъ и времени обращается на спеціальность, на промыселъ. Кустарь—близко стоитъ къ той формѣ организаціи общественнаго труда, которая всего ярче выражается домашнимъ производствомъ. Семья все сама вырабатываетъ, отправляясь въ средствахъ жизни отъ того, что даетъ хлѣбопашество.

Что ждетъ кустаря, рядомъ съ колоссальной производительной организаціей заводомъ, фабрикой? Повидимому, при наличныхъ условіяхъ, правы тѣ, кто предвидитъ, что кустарь или пойдетъ на фабрику и сольется съ массой фабричныхъ рабочихъ, или, снова пройдя черезъ фазу домашняго производства, замѣнивъ продуктами свободнаго остатка своихъ силъ дешевыя, но малодоступныя для его покупательныхъ средствъ фабричныя издѣлія, незамѣтно исчезнетъ.

Желательно ли это исчезновеніе?

Фабрично-заводское производство является такой формой организаціи производительныхъ силъ страны, при которой та часть дохода, которую можно назвать платой за организацію, преміей за предпріимчивость, остается въ рукахъ предпринимателя-организатора, или группы послѣдникъ. При кустарномъ производствѣ эта плата должна остаться въ рукахъ самого производителя, являющагося и организаторомъ производства. Съ этой точки зрѣнія для страны выгоднѣе эта послѣдняя форма производства, дающая болѣе послѣдовательное и равномѣрнос распредѣленіе продуктовъ труда среди населенія. Кустарь является болѣе опредѣленнымъ и состоятельнымъ покупателемъ-потребителемъ, а слѣдовательно—и болѣе сильнымъ производителемъ въ земледѣльческомъ населеніи; затѣмъ выполненіе необходимыхъ для государства повинностей, изъ натуральныхъ превращающихся въ денежныя, прочнѣе обезпечи-

вается и совершается прямо, непосредственно. При фабрично-заводской промышленности замѣтна тенденція поставить страну въ непосредственныя отношенія къ предпринимателю. Промысловое и косвенное обложеніе дѣлаетъ изъ предпринимателя посредника между государствомъ и населеніемъ. Очевидно, значительная доля дохода страны должна остаться въ рукахъ этого посредника, какъ плата за организацію и посредничество. Эта тенденція передавать свои функціи въ руки частныхъ лицъ въ исторіи государствъ постоянно наблюдается то въ грубой, простой формѣ откупа, то въ болѣе сложной—косвеннаго обложенія, банковыхъ организацій. Свое вліяніе здѣсь имѣетъ и несовершенная, недостаточно эластичная и обильная средствами государственная организація, и недостатокъ того, что можно назвать государственнымъ оборотнымъ капиталомъ, и политическіе элементы, въ видѣ господства того или другого класса населенія, стремленій существующей или отживающей формы правленія и т. д.

Если въ вопросѣ о повинностяхъ и налогахъ мы встрѣчаемся съ взаимоотношеніями государственной власти и частныхъ лицъ, страны—государства и предпринимателя, то по отношенію къ организаціи производства мы имѣемъ аналогичное взаимоотношеніе страны—населенія и предпринимателя. Капиталистическая форма производства есть такая же делегація организованной роли въ производствѣ, какъ откупъ, косвенные налоги—въ организаціи обложенія. Лишь въ послѣднее время для страны—населенія намѣчаются пути, на которыхъ возможно будетъ воспользоваться выработанной мощной формой коллективнаго общественнаго производства, но съ устраненіемъ частныхъ посредниковъ. Но эти пути лишь намѣчаются, и пока мы имѣемъ въ жизни различныхъ странъ дѣло съ частной организаціей производства, посредничествомъ частныхъ лицъ. И здѣсь государство какъ бы делигировало отъ себя инціативу и дѣйствуетъ черезъ классъ посредниковъ.

Страна—населеніе и страна—государство заинтересованы въ такой формѣ производства, которая бы давала возможно большее число продуктовъ при наименьшей затратѣ силъ и средствъ. Очевидно преимущество въ этомъ отношеніи заводско-фабричнаго производства передъ ку-

старнымъ. Но, съ другой стороны, разница выгодъ лишь частью остается государству; большую долю беретъ частная группа. И остатокъ послѣдней еще значительнѣе, чѣмъ тѣ громадныя прибыли, которыя, mutuo consensu, переходили, минуя государство, въ руки древнихъ публикановъ отъ плательщиковъ налоговъ.

Устраненіе посредниковъ въ общественной организаціи производства—дѣло будущаго. Мы лишь въ общихъ очертаніяхъ и приблизительно можемъ предполагать важныя формы будущей производственной организаціи. Безъ сомнѣнія, группа—производитель и вмѣстѣ—предприниматель будетъ первой стадіей въ развитіи. Но пойдетъ ли она отъ нынѣшней артели (напр., кустарной) или будетъ создана какой либо переходней формой другого типа, сказать нельзя съ увѣренностью. Повидимому, группа-производитель и предприниматель—должна быть тѣсно связана съ *мѣстомъ*, отправляться отъ наличныхъ мѣстныхъ природныхъ и общественныхъ условій и средствъ. Эти мѣстныя производительныя организаціи могутъ быть отправнымъ пунктомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, составнымъ элементомъ для болѣе обширныхъ производственныхъ соединеній. Производственная организація всего государства должна быть союзомъ болѣе мелкихъ, выдвинутыхъ естественными условіями, организацій. Выработка наиболѣе выгодныхъ и удобныхъ взаимоотношеній будетъ вліять на формы союза и претворять ихъ въ болѣе совершенныя.

Обращаясь къ условіямъ развитія мѣстнаго кустарнаго производства въ Иркутской губерніи, мы можемъ отмѣтить четыре крупныхъ фактора, въ сферѣ воздѣйствія которыхъ лежало до послѣдняго времени возникновеніе кустарной промышленности. Это, во первыхъ, извозъ, затѣмъ Ленскій сплавъ, Прибайкальская рыбопромышленность и рынокъ г. Иркутска.

Извозъ имѣлъ нужду въ экипажномъ промыслѣ,—телѣгахъ, саняхъ, частяхъ экипажа, какъ дуги, колеса, — и разныхъ вспомогательныхъ подѣлочныхъ работахъ. И мы можемъ отмѣтить въ разныхъ мѣстахъ производство те-

лѣгъ, саней, колесъ и т. п., начиная съ селеній Нижнеудинскаго уѣзда (напр., Шебарты) и кончая Култукомъ Иркутскаго уѣзда. Но это были ничтожные зачатки. Если извозъ предъявлялъ спросъ на „экипажъ", то онъ же и удовлетворялъ его, поставляя на мѣстный рынокъ издѣлія болѣе развитыхъ въ экономическомъ и техническомъ отношеніи мѣстностей (напр., томскія телѣги и дуги). Извозъ прекратился, не увидѣвъ развитія экипажнаго производства.

Рыбопромышленность предъявляла спросъ на бондарныя издѣлія—бочку, боченокъ, лагунъ, — и на плетенье—сѣть, неводъ, веревку. Эти производства мы находимъ на берегахъ Байкала—въ Еланцинскомъ вѣдомствѣ, на Ольхонѣ. Количество производства здѣсь стоитъ въ прямой зависимости отъ мѣстнаго рыбнаго промысла. Рыбы много—требуется много и посуды. Малый уловъ, — и бочки останутся безъ покупателя. Между тѣмъ, изслѣдователи дружно отмѣчаютъ упадокъ рыбопромышленности.

Ленскій сплавъ имѣлъ то же значеніе, что извозъ на Московскомъ трактѣ, съ тою разницей, что здѣсь роль телѣги и саней играли паузокъ, барка, лодка. Съ развитіемъ пароходства на Ленѣ, проложеніемъ новаго тракта, упадкомъ золотопромышленности—исчезаетъ и судостроеніе. Кромѣ того, ленскій сплавъ существуетъ лишь на счетъ промышленной неразвитости сѣверныхъ районовъ (Якутской области и сѣв. частей Киренскаго уѣзда).

Наконецъ, иркутскій рынокъ предъявляетъ спросъ на кустарныя издѣлія подгороднаго хозяйства — на горшки, щепной товаръ, грубую пряжу, уголь, отчасти — смолу и деготь и т. п. Надо отмѣтить, что Иркутскъ имѣлъ до настоящаго времени не промышленное, а торговое значеніе, какъ складочный и передаточный пунктъ; это, своего рода караванъ-сарай (что отражается и на составѣ городского населенія). Это отразилась на неопредѣленности и неустойчивости спроса. Тамъ, гдѣ послѣдній имѣлъ большую опредѣленность, тамъ онъ поддерживалъ соотвѣтствующій промыселъ (напр., спросъ Золотосплавочной лабораторіи на уголь).

Менѣе крупный спросъ на продукты кустарнаго производства выдвигался крестьянскимъ хозяйствомъ, нужды ко-

тораго удовлетворялись домашнимъ производствомъ. Выдѣлка жерноновъ разсчитываетъ на мельницы, которыхъ немного, такъ какъ ихъ продукты идутъ лишь на мѣстный рынокъ. Молотилки и другія орудія мѣстной работы удовлетворяютъ нуждамъ крупнаго крестьянскаго хозяйства, представляемаго небольшой цифрой хозяйствъ.

Остальныя производства (колесное, чеботарное, бондарное, кожевенное, портняжное) не выдѣляются опредѣленно изъ состава домашняго производства.

Отдѣльно стоитъ кирпичное производство. Выдѣлка кирпичей производится лѣтомъ. Кирпичникъ лишенъ возможности производить полевыя работы, и поэтому забрасываетъ земледѣльческое хозяйство. Выдѣлка кирпича для него перестаетъ быть подсобнымъ промысломъ, а становится главнымъ.

Наконецъ, окружающая природа давала, такъ сказать, темы для нѣкоторыхъ промысловъ, опредѣленно не вызываемыхъ на свѣтъ запросами экономической жизни. Кедровники дали въ результатѣ производство избоины, лиственница—производство сѣры (жевательной и подѣлочной). Размѣры этихъ производствъ не велики.

Что касается новыхъ факторовъ (желѣзная дорога, углепромышленность), то ихъ вліяніе еще не успѣло отразиться на промысловой жизни населенія, за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ отрицательнаго воздѣйствія.

Въ общемъ мы видимъ предъ собой картину страшно бѣднаго промысловаго развитія населенія губерніи, живущаго отъ одного урожая до другого и вѣчно обреченнаго дрожать передъ неизвѣстнымъ будущимъ. Ни хлѣбныхъ запасовъ, ни денежныхъ средствъ на часъ бѣды, ни знанія мастерства, ни рынка сбыта населеніе губерніи не имѣетъ

Посмотримъ, насколько эти общія соображенія примѣнимы по отдѣльнымъ уѣздамъ.

Нижнеудинскій уѣздъ.

Главное занятіе жителей составляетъ земледѣліе. Въ связи съ послѣднимъ стоитъ незначительное скотоводство, которымъ занимаются „въ потребномъ для себя размѣрѣ“.

Вездѣ эти основныя занятія представляются недостаточными и вызываютъ нужду въ подсобныхъ промыслахъ.

Въ мѣстностяхъ таежныхъ и расположенныхъ по бассейнамъ обильныхъ водою рѣкъ такими промыслами являются звѣропромышленность и рыболовство. Напр. въ Бирюсѣ рыбной ловлей (неводами и сѣтями) занимается до 30 крестьянъ [1]). Звѣропромышленность болѣе развита въ сѣверныхъ таежныхъ волостяхъ Братской и Больше-Матырской. Охотники промышляютъ непостоянно и неправильно; доходность промысла слабая [2]).

Общимъ промысломъ до проведенія желѣзной дороги былъ, конечно, извозъ. Прекращеніе послѣдняго поставило притрактовое населеніе [3]) въ затруднительное положеніе. Лишь часть населенія, впряженнаго въ извозъ, могъ занять вновь развивающійся торговый Илгинскій трактъ. Но участіе въ этомъ движеніи принимаетъ почти только одна Кимильтейская волость. Затѣмъ, возчики заняты перевозкой грузовъ отчасти „у мѣстныхъ торговцевъ“ и скупщиковъ.

Желѣзная дорога не дала равнозначительнаго заработка. „Бѣдные, не имѣющіе телѣги,—говоритъ одинъ изъ кимильтейскихъ корреспондентовъ,—занимаются поденными работами въ ремонтѣ на желѣзной дорогѣ“ „Послѣднихъ работъ,—по его словамъ,—очень мало, такъ какъ заняты *контрактованнымъ народомъ россійскихъ губерній*“. Корреспонденція изъ Шебарты вполнѣ согласна съ только что приведенной. „Плачевные поденные заработки,—пишетъ корреспондентъ,—на линіи желѣзной дороги, да и то въ свободное время отъ полевыхъ работъ; работаютъ изъ села человѣкъ 10 или 15, *а то все, большею частью, лапотники да переселенцы, которыхъ предпочитаютъ болѣе изъ-за ихъ бѣдности* [4]).

---

[1]) Нѣкоторые уходятъ вверхъ по Бирюсѣ верстъ за 200.

[2]) Въ Бирюсѣ ружья и припасы берутся въ долгъ (корресп.), въ Братскѣ промышленники также забираютъ впередъ у скупщиковъ (свѣд. 1898 г.).

[3]) Въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ большая часть населенія тянула къ тракту.

[4]) Жалобы на низкій уровень платы были и при постройкѣ желѣзной дороги. Цѣны сбивалъ рядъ главныхъ и второстепенныхъ подрядчиковъ, черезъ руки которыхъ проходила сдача работъ и въ рукахъ которыхъ оставались деньги. Тогда же стали прибѣгать къ помощи

Въ Братской волости заработокъ давалъ Николаевскій желѣзодѣлательный заводъ, въ настоящее время прекратившій свою дѣятельность.

Такимъ образомъ, слабое развитіе земледѣльческаго хозяйства, при удаленности рынка сбыта и невысокомъ достоинствѣ культуры, не имѣетъ уравновѣшивающаго элемента въ видѣ крупнаго подсобнаго промысла. Населеніе слабо обезпечено платежными и покупательными средствами въ сферѣ главныхъ промысловъ. Между тѣмъ оно должно имѣть нѣкоторое количество свободныхъ денежныхъ средствъ для уплаты повинностей и для удовлетворенія первыхъ потребностей какъ хозяйственнаго, такъ и личнаго свойства. Вопросъ о развитіи кустарнаго производства есть вопросъ и объ удовлетвореніи потребностей домообзаводства и хозяйства и о необходимомъ прибавкѣ къ денежнымъ средствамъ населенія.

Положеніе съ 1898 года, когда Отдѣломъ было произведено изслѣдованіе, мало измѣнилось. Населеніе пока стоитъ на распутьи. Воспитанное извозомъ, оно не можетъ еще найти замѣняющаго заработка. Всѣ наличные заработки носятъ случайный, спорадическій характеръ. Заработки эти,—чтобы точнѣе охарактеризовать,—не промысловаго а торговаго порядка. Населеніе продаетъ то, что признаетъ излишнимъ въ хозяйствѣ (лишнюю скотину, лишнія сани, телѣгу), излишекъ своего труда и своихъ рукъ, случайно добытую цѣнность (пушнину, рыбу, дичь) [1]) и т. п. Нѣтъ правильно поставленнаго и постояннаго промысла, нѣтъ систематической эксплоатаціи окружающихъ природныхъ богатствъ, нѣтъ и опредѣленнаго, извѣстнаго рынка. И продавецъ, и покупатель встрѣчаются случайно.

Недостатокъ денежныхъ средствъ заставляетъ сохранять *домашнее производство.* Хлѣбопашецъ—крестьянинъ, по мѣрѣ

бѣлыхъ кули—переселенцевъ и выходцевъ изъ неурожайныхъ мѣстностей. См. Н. Н. Козьминъ и А. Н. Ушаковъ. Свѣдѣнія о состояніи и видахъ на урожай и т. д. Ирк. 1899, стр. 24—25.

[1]) Корреспондентъ изъ Шебарты передаетъ, что нужда заставила одного крестьянина сдѣлать 30 берест. туязьевъ и послать съ ними сына въ Тулунъ (за 46 верстъ.—На мѣстѣ сбыта нѣтъ: каждый дѣлаетъ для себя. Туязья были проданы за 3 р. 28 к. Болѣе крестьянинъ не повторялъ опыта (1899 г.).

надобности, становится плотникомъ, телѣжникомъ, чеботаремъ, слесаремъ и т. д. Конечно, всѣ соотвѣтствующія издѣлія имѣютъ невысокое достоинство. Это обстоятельство невыгодно опять-таки отражается на сбытѣ издѣлій. Покупателю нѣтъ разсчета предпочитать чужое издѣліе своему, разъ они одинаково не высоки. Въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ нѣтъ рынка съ широкимъ спросомъ. Привозныя издѣлія—отчасти изъ Россіи, отчасти изъ З. Сибири [1]) почти вполнѣ удовлетворяютъ тотъ небольшой спросъ на лучшія издѣлія, который оказывается въ различныхъ мѣстахъ уѣзда.

Въ корреспонденціяхъ это промышленное и экономическое положеніе Нижнеудинскаго уѣзда отразилось весьма отчетливо.

„Всѣ жители,—пишетъ корреспондентъ изъ Буринскаго селенія,—занимаются земледѣльемъ и скотоводствомъ. Они же для себя дѣлаютъ: сани, телѣги, сохи, бороны, сбрую для лошадей, выдѣлываютъ кожи для чирковъ, но работы эти всѣ не изящны, и для себя работаютъ невольно, потому что съ базару *покупать не на что*, достать денегъ негдѣ, какъ отъ продажи хлѣба, да и хлѣбъ родится плохо, а если и родится, то цѣна на таковой низкая" [2]). Извозъ поддер-

---

[1]) Томскія дуги, телѣги, тюменскія тканьевыя издѣлія и т. п.

[2]) „Промыслы эти,—по словамъ корреспонденціи изъ *Уяна*,—возникли въ силу необходимости имѣть ту или другую вещь въ домашнемъ обиходѣ". Изъ *Алзамайской вол.*: „Есть ничтожное число ремесленниковъ: кирпичниковъ, сапожниковъ, бондарей, дегтярей, кузнецовъ и колесниковъ, но всѣ они работаютъ по заказу только для мѣстныхъ жителей". Изъ *Братской волости*: „Кустарныхъ промысловъ въ Братской волости никакихъ не существуетъ, хотя населеніе занимается производствомъ таковыхъ, въ самомъ маломъ размѣрѣ, и то въ потребномъ для себя (размѣрѣ), почему и не стоитъ описывать подробности таковыхъ". Изъ *Падуна* (Ангара). „На предложеніе Отдѣла считаю долгомъ увѣдомить, что въ Падунскомъ обществѣ, если и есть кустарная промышленность,—промыслы: бондарный, кожевенный, тканье и пряжа шерсти—сукна, холстины, витье веревокъ, производство смолы и дегтя, то все это находится въ крайне жалкомъ и первобытномъ состояніи, такъ что не только выдающагося въ производствѣ нѣтъ, но даже имѣются громадные недостатки какъ въ продуктахъ промысла, такъ равно въ развитіи и руководителяхъ его, а потому я счелъ даже неудобнымъ заполнять бланку программы Отдѣла отвѣтами, какъ не имѣющими ничего общаго съ выставкой. Корреспонденціи изъ с.с. Икейскаго, Б.-Мамырскаго, Громовъ, Мироновскаго говорятъ объ отсутствіи

живалъ подсобные себѣ промыслы; съ его прекращеніемъ, пали и соотвѣтствующія издѣлія. „Никакихъ,—отвѣчаетъ корреспондентъ изъ Шебарты на вопросъ о кустарныхъ промыслахъ: „ранѣе былъ сбытъ телѣгъ и саней собственнаго издѣлія, которымъ занимались дворовъ 5, а теперь эти работы прекратились; сбыта телѣгъ и саней нѣтъ". Изъ Бирюсы пишутъ: „кустарей въ селѣ нѣтъ; единственно можно еще считать кустарями крестьянъ, занимающихся производствомъ дегтя и смолы, кои имѣютъ и хлѣбопашество; иные же, хотя и дѣлаютъ сани, тележныя колеса, но продаютъ ихъ на мѣстѣ, въ селѣ. и то въ самомъ ограниченномъ количествѣ. и нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ пашни; можно считать кустарями кирпичниковъ, дѣлающихъ кирпичи для печей; эта работа прибыльная и сбытъ для кирпичей хорошій".

Смола, деготь, кирпичъ, и затѣмъ—кожи, бондарныя издѣлія являются наиболѣе распространенными промыслами въ уѣздѣ. Спросъ на эти издѣлія всегда есть, и всякій крестьянинъ, добывъ нѣсколько лишнихъ ведеръ дегтя, можетъ вполнѣ разсчитывать на сбытъ.

Къ нимъ присоединяются отчасти издѣлія, приготовляемыя женщинами,—холстъ, половики, пряжа [1]).

Такъ какъ всѣ эти промыслы играютъ незначительную роль въ экономикѣ уѣзда, то производители не заняли особаго соціальнаго положенія, не обособились въ опредѣленную общественную группу. Житель Нижнеудинскаго уѣзда не замѣчаетъ кустаря. Для него существуютъ лишь лица, къ которымъ, въ случаѣ нужды, можно обратиться за дегтемъ, за скатомъ колесъ, или у которыхъ можно купить сотню кирпичей. Это отсутствіе кустаря, какъ общественной группы, отразилось и въ отсутствіи какихъ либо пѣсенъ, поговорокъ, анекдотовъ, относящихся къ кустарямъ.

кустарныхъ промысловъ. Г. Нижнеудинскъ слабо снабженъ ремесленниками,—въ немъ 1 бондарь, 1 колесникъ, 2—3 сапожника, 2—3 портныхъ, 2—3 кузнеца, 1 мѣдякъ, 2 горшечникъ и 1 кожевникъ.

[1]) Вездѣ, гдѣ корреспонденціи упоминаютъ объ издѣліяхъ, фигурируютъ деготь, смола, кожи, бондарныя и кузнечныя издѣлья, отчасти колеса мебель, кирпичъ, холстъ, пряжа (Уянъ, Кимильтей, Бирюса, Алзамай, Братскъ).

Обращаясь къ цифровымъ даннымъ о лицахъ, занимающихся промыслами, мы усмотримъ подтвержденіе выше изложенному.

	Бирюса.	Кимильтей.	Уянъ, Буря, Красный Яръ.
Телѣги, сани . . .	5—6 [1])	4	—
Колеса	1	—	5
Веретена, трубицы .	—	—	2
Кожи	1	2	—
Кож. обувь. . . .	—	10	—
Бондарныя издѣлія .	—	—	2—3
Кирпичъ	2	2	2 [3])
Смола, деготь. . .	3	2	—
Пимы	1 [2])	—	—
Кузнечный пром. .	1	—	—
Мебель	—	2	—
Горшечники . . .	—	—	2 [3])

Подробныхъ цифровыхъ данныхъ по другимъ селеніямъ не доставлено, но тѣ свѣдѣнія, которыя даются, мало отличаются отъ приведенныхъ [4]). Кустарь составляетъ ничтожный процентъ общей цыфры населенія уѣзда. Тканьемъ и пряжей занимается большинство женщинъ, но продукты ихъ труда идутъ всецѣло на семью [5]).

Прибыль отъ промысла не высока. «Вообще скажу о кустарномъ промыслѣ одно, — пишетъ корреспондентъ изъ Шебарты,—что жители и занимались бы и дѣланіемъ телегъ, кошевушекъ, но, по справкамъ, оказывается, что не приходится не только уплатить рабочему, если бы его имѣть, но *не останется и себѣ за поденную работу*, кромѣ какъ они говорятъ, — лишь бы брюхо сыто да бока не биты,—т. е. харчей».

---

[1]) Почти только для себя.

[2]) Онъ-же колесникъ и дѣлаетъ телѣги и сани,—поселенецъ, хлѣбопашествомъ не занимается.

[3]) Они-же кирпичники и горшечники.

[4]) См. приведенныя выше данныя о Нижнеудинскѣ.

[5]) „Почти всѣ крестьянки умѣютъ прясть и ткать, и ткутъ только для себя. Нѣкоторыя женщины выдѣлываютъ овчины—и опять только для себя“ (корр. изъ Кимильтея).

Корреспонденты довольно ясно представляютъ себѣ причину неразвитости промысловъ. Корреспондентъ изъ Братска указываетъ на малолюдство селеній, ихъ разбросанность, отсутствіе какого бы то ни было сбыта и удобныхъ путей сообщенія». Говоря объ условіяхъ развитія промысловъ, корреспондентъ изъ Бирюсы говоритъ: «прежде всего необходимъ рынокъ» [1]).

Балаганскій уѣздъ.

Населеніе Балаганскаго уѣзда, какъ въ этнографическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи, распадается на двѣ крупныя группы—инородческую, бурятскую, и крестьянскую, съ большимъ или меньшимъ преобладаніемъ русскаго элемента. Въ первой группѣ господствуетъ скотоводческое хозяйство надъ земледѣльческимъ, во второмъ—обратно. Но въ той и другой группѣ хозяйство смѣшанное — земледѣльческо-скотоводческое. Скотоводство не стоитъ здѣсь въ такой зависимости и подчиненіи у земледѣлія, какъ въ Россіи. Если лошадь представляетъ собою рабочую силу землепашца, то корова, овца, свинья держатся независимо отъ пашни. Самый способъ держанія скота—свободный выпасъ (въ большой степени у бурятъ, въ меньшей—у крестьянъ)—дѣлаетъ связь между земледѣльческимъ и скотоводческимъ хозяйствомъ не прочной, часто ничтожной.

Продукты земледѣльческаго хозяйства представляютъ самостоятельную цѣнность, Даже сѣно и солома пускаются въ продажу, а не идутъ на выкормъ скота.

Можно сказать, что если хлѣбъ есть продуктъ пашни, сѣно—продуктъ покоса, то скотъ—продуктъ выгона.

Балаганскій уѣздъ наиболѣе изъ всѣхъ пяти уѣздовъ

---

[1]) На ряду съ усовершенствованіемъ орудій, корреспондентъ изъ Уяна говоритъ о „необходимомъ сбытѣ“. Указывая, что крестьянинъ живетъ земледѣліемъ и продажей хлѣба, замѣчаетъ: „А то куда онъ продастъ плохой продуктъ своихъ побочныхъ занятій“. „Недостатокъ промысла и нужда кустарей по случаю плохого сбыта издѣлій“, говоритъ корр—тъ изъ Кимильтея. Цѣны—въ Кимильтеѣ: кожи 5—6 рублей (прибыль 2 р.), въ Бирюсѣ — 5 р. (прибыль 1 р.), сани 4 р. (пр. 1 р. 50 к.), колеса 2 р. 50 к. (пр. 1 р.).

Иркутской губерніи имѣетъ земледѣльческій характеръ. Тѣмъ не менѣе отсутствіе обширнаго внѣшняго рынка и связанное съ нимъ отсутствіе высшихъ культуръ хлѣба, травъ и др. полезныхъ растеній—дѣлаетъ необходимымъ, какъ въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ, существованіе подсобныхъ промысловъ.

Крупныхъ мы и здѣсь не найдемъ. Голуметская волость сохраняетъ остатки извоза благодаря существованію Вознесенскаго и Троицкаго завода и хлѣботорговцевъ [1]). Въ селеніяхъ, прилегающихъ къ линіи желѣзной дороги, отмѣчается подвозъ лѣсныхъ матеріаловъ на дорогу. Теперь поставка дровъ, шпалъ и др. матеріаловъ взята въ свои руки Управленіемъ Государственныхъ Имуществъ. Затѣмъ въ подтаежныхъ мѣстностяхъ, въ незначительныхъ размѣрахъ, существуетъ звѣроловство и кедровый промыселъ. Наконецъ, въ Черемховѣ и Головинской станицѣ въ послѣдніе годы развиваются работы въ каменноугольныхъ копяхъ.

Въ общей сложности, всѣ эти промыслы играютъ ничтожную роль въ экономической жизни уѣзда. Населеніе нуждается въ добавкѣ къ доходу отъ земледѣлія и скотоводства. Одно земледѣліе не даетъ всей суммы денежныхъ средствъ, потребныхъ на среднее хозяйство. И здѣсь домашнее производство должно удовлетворять потребностямъ хозяйства, а его отвѣтвленіе, кустарный промыселъ, давать прибавокъ къ доходу. Но, какъ и въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ, мы находимъ ничтожное развитіе кустарнаго производства, близкое къ его отсутствію.

„Издѣлія,—пишетъ корр—тъ изъ Аларскаго вѣдомства,—могущія составлять предметъ кустарной промышленности (какъ то: сани, арбы, посуда, войлока, унты, мѣха, топоры, кожи, кольца, браслеты и пр.) приготовляются или для собственной надобности, или по особому заказу“ [2]).

---

[1]) То же въ сѣверной части Заларинской волости (Сорты, Холмогой, Залари). Организація хлѣботорговли нами указывалась въ *Свѣдѣніяхъ* о видахъ на урожай и запасахъ хлѣба въ 1898 г.

[2]) *Голуметская волость:* „Обозначенные въ 5 пунктѣ мастера не составляютъ собою профессіональныхъ мастеровыхъ, и все это дѣлаютъ не постоянно (между дѣлъ); столяры работаютъ, когда есть работа“. *Бархатово*: „производится только на заказъ для мѣстнаго населенія“

И въ Балаганскомъ уѣздѣ удобный сбытъ поддерживаетъ производство кирпича. Однороднаго характера добыча жернововъ и плитняка (строевого камня). Кирпичные сараи существуютъ во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ селеніяхъ. Выдѣлка жернововъ производится въ с.с. Лузгиновскомъ, Янгутскомъ, Хорайскомъ; ломка построечнаго камня есть около с. Черемхова, Холмогоя.

Другого типа—издѣлія чисто кустарныя, которыя только что начинаютъ возникать. Таково изготовленіе въ с. Голуметскомъ телѣжныхъ коробовъ, а также—колесъ и саней, кабріолетовъ,—производство, занесенное изъ Томска. Кабріолеты дѣлаются лѣтъ 10. Затѣмъ въ первой половинѣ 80-хъ годовъ изъ Томска же была привезена въ Голуметь молотильная машина съ вѣялкой. „И по этой модели,—пишетъ корреспондентъ,—работаютъ нынѣ у насъ машины и вѣялки съ лежачими и стоячими колесами; распространяются быстро,—и теперь почти каждый зажиточный имѣетъ машину. Работается все сказанное только по заказу, а для вольной продажи—нѣтъ". Рынка опредѣленнаго нѣтъ, нѣтъ и постоянныхъ мастерскихъ. «Работы производятся только по заказу и по обоюдному соглашенію заказчика и мастера».

Отдѣльные мастера вообще встрѣчаются по разнымъ селеніямъ. Въ с. Сѣннопадскомъ (Заларинской вол.) крестьяне Дьячковы, увидавъ молотилку, сами стали приготовлять эти машины и выгодно продаютъ ихъ; но опять таки они работаютъ лишь на заказъ.

Насколько рынокъ малъ и предъявляетъ ничтожный спросъ, указываетъ примѣръ кожевеннаго производства. Одинъ кожевникъ въ селѣ работаетъ хорошо, но появляются 1—2 конкурента и промыселъ дѣлается невыгоднымъ [1]).

---

[1]) Въ с. Заларяхъ—сырая кожа покупается за 4 р., продается за 6 рублей. Кожевникъ за тѣ же 2 р. за штуку беретъ выдѣлку чужихъ

И въ этомъ уѣздѣ лица, занимающіяся промыслами, считаются единицами. Кирпичнымъ промысломъ въ Черемховѣ, несмотря на относительную значительность промысла и величину села, занимается не болѣе 10 дворовъ; въ Лузгиновскомъ сел. добычей жерноповъ занимается 4 двора; въ Голумети кожевниковъ—2, кирпичниковъ—2, телѣжныя колеса изготовляются 5 лицами; въ Заларяхъ — кожевниковъ—3. Одна женщина въ послѣднемъ селеніи занимается выдѣлкой полазовъ изъ обрѣзковъ кожи. Но это вдова, которая, изыскивая средства прокормить себя и дѣтей, принялась случайно за эту работу.

Низкій доходъ, не стоящій въ противорѣчіи съ высокой цѣной,—что естественно при неопредѣленности и незначительности рынка,—общее явленіе. Въ Лузгиновскомъ селеніи чистый доходъ отъ выдѣлки жерноповъ опредѣляется въ 20—70 рублей, въ Бархатовѣ столяры и кузнецы имѣютъ чистаго дохода—20—50 р. [1]).

Невысокій заработокъ держитъ самый промыселъ на низкой ступени развитія; усовершенствованіе повысило бы издержки производства. Кромѣ того, рѣдкость, спорадичность промысла держитъ промышленниковъ изолированно. У нихъ нѣтъ образцовъ и средствъ совершенствовать свой промыселъ. Тамъ, гдѣ случай доставляетъ образецъ, кустарь беретъ его и даже иногда переходитъ къ новому промыслу (какъ въ Голумети).

Во всякомъ случаѣ сознаніе стѣсненнаго, неудовлетворительнаго положенія промысла не сопровождается работой надъ улучшеніемъ. Населеніе чувствуетъ себя безпомощнымъ.

кожъ; чистая прибыль не высока (при дороговизнѣ рабочихъ рукъ, надо указать на энергичную дѣятельность Управленія Госуд. Имущ., которая повышаетъ стоимость „дуба“).

[1]) „Служитъ подспорьемъ въ хозяйствѣ“, замѣчаетъ корр—тъ.

Вотъ, напр., какъ описываетъ корреспондентъ изъ Голумети, И. А. Можаевъ, условія промысловой дѣятельности въ селѣ.

„Лица, занимающіяся у насъ какимъ либо ремесломъ, всегда или временно, живутъ безъ нужды; трудъ оплачивается хорошо.

По мѣстнымъ условіямъ развитіе кустарныхъ промысловъ у насъ необходимо, такъ какъ постороннихъ заработковъ нѣтъ, почему и времени много пропадаетъ даромъ, въ особенноси зимою. Ремесла, необходимыя для населенія, также отсутствуютъ. Въ 1897 г. предлагалось Правительствомъ, чтобы у насъ въ Голумети построить ремесленную школу; общество, боясь расходовъ, отказалось, а главное— не взяло въ умъ пользы школы. Наставить мужика на умъ не кому; а если и есть кому, то не пойдешь же къ мужикамъ на сборище въ кабакъ посовѣтовать или почитать что полезное, а на сходахъ не до того. Читальни у насъ нѣтъ. Въ нынѣшнемъ году одинъ изъ крестьянъ просилъ разрѣшенія открыть безплатную читальню въ Голумети даже на свои средства, но г. Губернаторъ отказалъ. Мѣра для введенія новаго или развитія уже существующаго промысла — это ознакомленіе захолустнаго мужика съ тѣмъ, что дѣлается въ другихъ селахъ добраго, въ отношеніи разныхъ ремеслъ и промысловъ, а также съ мѣрами Правительства, улучшающими бытъ кустареі, посредствомъ ссудъ и проч. А главное требуется здѣсь привить земледѣльческія разныя машины и приспособленія. Затѣмъ много будетъ охотниковъ заняться высидкой дегтя, смолы и скипидара; нужно указать пріемы: продукта для этого много".

Вопросъ о рынкѣ для сбыта и улучшеніи сбыта ставится въ Балаганскомъ уѣздѣ совершенно опредѣленно. „Нужда въ томъ,—пишетъ корр—тъ изъ Зимы,—что производимыя кустарныя издѣлія почти съ трудомъ сбываются. Для улучшенія производства необходимо прибытіе болѣе способныхъ

(два кузнеца, два столяра). *Зиминская волость*: „производится по потребности мѣстныхъ жителей". *Молькинское вѣдомство*: „лишь бурятки ткутъ тары, но для своей надобности". *Унгинское вѣдомство*: „только для своей домашности". *Хигинскій улусъ*: „исключительно для своихъ надобностей, и только въ рѣдкихъ случаяхъ продаются въ небольшомъ количествѣ" (тары).

и опытныхъ людей въ этомъ дѣлѣ, коихъ произведенія съ успѣхомъ могутъ сбываться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, промыселъ постепенно будетъ получать развитіе".

Для развитія промысла нуженъ посредникъ. Этимъ посредникомъ явится перекупщикъ. Послѣдній дастъ возможность производителю получить немедленно плату: дастъ ее даже впередъ, — и будетъ имѣть возможность и средства ждать покупателя.

На созданіе нехищническаго посредничества разсчитывать нѣтъ основанія. Кустарный музей съ отдѣленіемъ для посредничества по продажѣ издѣлій могло бы взять на себя лишь мѣстное земство, котораго нѣтъ. Такимъ образомъ, дальнѣйшее развитіе кустарнаго производства должно итти тяжкими путями исканія удобныхъ дорогъ, постепеннаго нащупыванія почвы, случайныхъ образцовъ и вліяній,— и, главное, подъ воздѣйствіемъ небольшого, но сосредоточеннаго, крѣпкаго капитала деревенскаго скупщика.

Иркутскій уѣздъ.

Въ Иркутскомъ уѣздѣ населеніе распадается, какъ и въ Балаганскомъ, на двѣ группы: крестьянское и инородческое [1]). Если въ первой группѣ хозяйственной основой является земледѣліе, то во второй — скотоводство, такъ что корреспондентъ изъ Ординскаго вѣдомства могъ отозваться о земледѣліи, какъ „подспорьѣ". Корреспонденты изъ крестьянскихъ селеній на ряду съ земледѣліемъ неизмѣнно отмѣчаютъ и скотоводство („земледѣліе и скотоводство"), какъ и въ Балаганскомъ уѣздѣ, но иногда отмѣчаютъ относительно слабое развитіе послѣдняго. Напр., въ Тайтуркѣ на дворъ, по исчисленію корр—та, приходится 1—2 гол. крупнаго рог. скота, на все селеніе — 400 шт. овецъ.

Близость крупнаго городского центра (Иркутска) и Байкала оказываетъ значительное вліяніе на экономическую жизнь населенія. Затѣмъ остался еще одинъ небольшой трактъ—Якутскій. Извозъ сохранился до Качуга; черезъ

[1]) Казаки, крестьяне изъ казаковъ, разночинцы составляютъ незначительныя группы, не отличающіяся существенно отъ главныхъ.

Байкалъ и теперь существуетъ перевозка кладей и пассажировъ (зимою). Затѣмъ въ городъ поставляются дрова, сѣно, овощи, камень, даже щебень (изъ Карлука). Лѣсъ доставляется по Иркуту и съ верхняго теченія Ангары; но лѣсоторговля находится всецѣло въ рукахъ крупныхъ лѣсопромышленниковъ. Существуютъ отхожіе промыслы въ ограниченномъ размѣрѣ. Въ Тункинскомъ краѣ доставляетъ заработокъ сопровожденіе гуртовъ монгольскаго скота.

Наконецъ, прибайкальское населеніе занято рыбнымъ промысломъ—или въ качествѣ промышленниковъ, или въ качествѣ рабочихъ у крупныхъ предпринимателей [1]).

Звѣроловство болѣе развито въ Тункинскомъ краѣ, менѣе—въ сѣверныхъ частяхъ уѣзда (Ординское вѣдомство), но въ общемъ играетъ незначительную роль.

Наличность крупнаго городского центра, казалось, должна была бы содѣйствовать развитію промысловъ. На самомъ дѣлѣ и въ этомъ уѣздѣ мы находимъ домашнее производство и крайне слабое, ничтожное развитіе кустарной промышленности. „Для себя и на заказъ,—отвѣчаетъ корр—тъ изъ Суховской волости, — дѣлаютъ нѣкоторые сохи, бороны, оси, колеса, лодки и вяжутъ сѣти, но на рынокъ, на продажу *потребности нѣтъ* [2]).

Изъ имѣющихся промысловъ можно отмѣтить тканье шелковыхъ кушаковъ въ с. Кудѣ, бондарное и корзиночное въ с. Никольскомъ, гончарное въ Котахъ и Бутырскомъ, добычу древеснаго угля въ с.с. Тихонопадскомъ,

---

[1]) Въ связи стоитъ охота на нерпу (Phoca baicalensis Dyb).

[2]) *С. Бодайское*: „Работы производятся исключительно для мѣстныхъ обывателей по потребности послѣднихъ“. *Бургазъ*: „Мелкое производство не есть подспорье въ хозяйствѣ, а этимъ занимаются только для себя„. *Уриковская волость*: „для своего лишь обихода; въ продажу, какъ промыселъ,—очень рѣдкій случай“. То-же отмѣчается для с.с. Максимовскаго, Александровскаго. „Не смотря на заявленія печати съ 1850-хъ годовъ,—пишетъ извѣстный знатокъ Иркутской губерніи, М. В. Загоскинъ,—кустарные промыслы въ Иркутской губерніи существуютъ лишь въ зародышѣ и въ самомъ жалкомъ положеніи. Даже не въ каждомъ селеніи есть кузнецъ, слесарь, плотникъ или сапожникъ. Гробы или покупаются въ Иркутскѣ или дѣлаются изъ стараго дранья, снятаго съ крыши дома или сарая. Некому набить обручи на посуду, починить обувь или сшить крестьянскую шипель“.

Степановскомъ и Еловскомъ, корзиночное производство въ с. Хомутовѣ, производство смолы и дегтя въ Бургазѣ, Харатѣ, Шимкахъ.

О количественномъ развитіи промысловъ могутъ дать представленіе слѣдующія данныя.

Для селенія Харатскаго, Тугутуйской волости, имѣющаго до 260 дворовъ и 1000 д. населенія корреспондентомъ даются такія цифры.

Смолу и деготь добываютъ	3	семьи.
Дранье	4	"
Уголь	6	"
Зипунное сукно	8	женщинъ.
Холстъ, полосатина	50	ж.
Конопл. пакля		многіе (?)
Сани, телѣги	2	мужч.
Кожи	3	семьи.
Кузнецовъ	11.	

Въ сел. Хомутовѣ—плетутъ корзины въ 11 дворахъ, въ Бутырскомъ горшечнымъ промысломъ занимаются въ 4 семьяхъ, въ Котахъ—1, въ Бургазѣ смолу и деготь добываютъ 15—20 чел., въ Кудѣ шелковые кушаки ткутся въ 3 семьяхъ; въ Шимкахъ—сѣру добываютъ 10 семей, сукно выдѣлываютъ 15 женщинъ. Въ Тайтуркѣ промыслами занимаются [1]).

кирпичнымъ	4	сем.	кожевникъ	1	сем.
чеботарь	1	"	горшечниковъ	3	"
экипаж.	2	"	маслобойн.	2	"
кузнецовъ	3	"			

Исключеніе составляютъ угольщики с.с. Тихонопадскаго, Степановскаго и Еловскаго. „За небольшимъ исключеніемъ,—говоритъ корр—тъ, все мужское населеніе поименованныхъ селеній занимается выработкой угля, не покидая основного занятія — земледѣлія“. Рядомъ можно поставить

[1]) Около 2% всего населенія села.

с. Никольское, гдѣ бондарнымъ промысломъ занимается, кромѣ 20—25 хозяевъ, все селеніе [1]).

Здѣсь мы встрѣчаемся, между прочимъ, съ артельнымъ началомъ, — и можемъ сдѣлать характеристику мѣстной артели.

Артель, во-первыхъ, фигурируетъ въ угольномъ промыслѣ. Сжигаемый въ уголь „кабанъ" требуетъ внимательнаго наблюденія нѣсколькихъ человѣкъ, — при чемъ даже двухъ лицъ мало. Крестьяне, которые не имѣютъ средствъ нанимать нѣсколькихъ рабочихъ (а такихъ, конечно, большинство), соединяются въ артель. При добычѣ сѣры также встрѣчаемся съ чѣмъ-то въ родѣ артели, когда промышленники отправляются искать кору въ лѣсъ. Хорошій, „подходящій", лѣсъ находится не близко. Соображенія безопасности, можетъ быть разсчетъ удобства подвозки—соединяютъ группы лицъ. Такимъ образомъ, артель здѣсь не экономическаго порядка, а техническаго. „Кабанъ" пережженъ, кора собрана—и артель прекращаетъ существованіе. Тамъ, гдѣ кустарь—или, вѣрнѣе, промышленникъ, мастеръ—справляется одинъ съ дѣломъ, артель отсутствуетъ. Бондарь, чеботарь, горшечникъ, колесникъ работаютъ одни. Снова мы встрѣчаемъ группу (семейную, а не артель) въ кирпичномъ производствѣ, гдѣ опять таки самый процессъ изготовленія кирпича требуетъ болѣе одной пары рукъ. Въ цѣляхъ улучшенія сбыта, улучшенія условій производ-

---

[1]) Обьясняется это обстоятельство — малоземельемъ. Количество сбываемыхъ издѣлій и производство ихъ зависитъ отъ урожая хлѣба: въ неурожайные годы выдѣлывается издѣлій больше.

Относительно Бардинскаго общества, Капсальскаго вѣд., сс. Егоровскаго, Оекскаго (?), Грановскаго, Ординскаго, Харибятскаго, Торскаго, Китойскаго, и Капсальскаго вѣдомствъ, с. Уриковскаго, Введенскаго—корреспонденты отвѣчаютъ отрицательно на вопросъ о кустарныхъ промыслахъ („никакихъ"—стереотипная фраза").

Въ Ширяевой стали дѣлать дуги и сани съ недавняго времени (сани—съ зимы 1900—1901 г.). Корзиночное производство началось въ Хомутовѣ лѣтъ 25 назадъ (кр. Гавр. Днѣпровскимъ). Въ с. Никольскомъ—бондарный промыселъ начался, „около 100 лѣтъ ссыльно-поселенцами, ссылавшимися въ бывшій Николаевскій винокуренный заводъ (нынѣ не существующій)".

ства, взаимопомощи, взаимообезпеченія артелей не организуется [1]).

Другой интересный фактъ мы опять можемъ отмѣтить въ томъ же угольномъ промыслѣ. Послѣдній занимаетъ населеніе трехъ селеній. Сбытъ угля на Иркутскомъ рынкѣ („базарѣ"). Но базаръ не представляетъ устойчивыхъ, опредѣленныхъ условій сбыта. Регулирующимъ факторомъ явилась золотосплавочная лабораторія, которая потребляетъ опредѣленную массу угля. Ту же роль играютъ винные склады. Остальное количество затѣмъ потребляетъ иркутскій обыватель или ремесленникъ. Такимъ образомъ, существованіе крупныхъ потребителей (лабораторій, винныхъ складовъ) оказываетъ благопріятное вліяніе на промыселъ.

Хомутовское корзиночное производство имѣетъ сбытъ въ винные склады г. Иркуска [2]); шелковые кушаки, выдѣлывающіеся въ Кудѣ, главнымъ образомъ, беретъ иркутскій купецъ [3]) Такіе же скупщики имѣются для бондарныхъ издѣлій с. Никольскаго [4]). С.с. Максимовское, Оекъ, Бургазъ, Шимки, Харатъ сбываютъ издѣлія отчасти въ городѣ, отчасти на мѣстѣ. При этомъ Бургазъ, Харатъ сбываютъ въ городѣ лишь тканье и полосатину, Шимки — сѣру. Остальные продукты продаются на мѣстѣ. Въ своемъ

---

[1]) Артели еще организуются для выгонки дегти и смолы (Тунка, Бургазъ). Въ Бургазѣ „деготь добываютъ артелями, по одинаковому числу рабочихъ силъ отъ семьи; по выгонкѣ дегтя, *онъ раздѣляется* поровну на рабочаго человѣка. Продажа потомъ обыкновенно дѣлается развозомъ по сосѣднимъ деревнямъ". И здѣсь артель 2 — 3 человѣка; въ остальныхъ производствахъ—одиночки. Обрисованный типъ артельныхъ группъ можно ставить въ параллель съ тѣми промышленными временными соединіями, которыя отмѣчаются у т. н. Naturvölker— напр., у эскимосовъ охота на кита и т. п. (временная организація ad hoc).

[2]) 5 р. за десятокъ.

[3]) Работаютъ, собственно, по заказу. Заказываютъ и окрестные жители.

[4]) Нѣкто Мочалинъ. Въ другой корреспонденціи указывается, что „кустари сбываютъ издѣлія на рынкѣ въ г. Иркутскѣ за наличныя деньги, большею частью, скупщикамъ, по вольной цѣнѣ, безъ предварительныхъ условій". Въ Уриковской вол. кузнецы берутъ заказы отъ Иркутскихъ лавочниковъ, приготовляя издѣлія изъ даваемаго имъ стараго подѣлочнаго желѣза.

селеніи допускается кредитъ [1]); товаръ иногда не продается, а мѣняется на хлѣбъ [2]). Нѣкоторыя издѣлія, какъ, напр., кирпичъ, разсчитаны на сбытъ въ окрестныхъ селеніяхъ [3]).

Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ отмѣтить преобладаніе мѣстнаго, деревенскаго рынка. А такъ какъ низкій уровень покупательныхъ средствъ населенія вызываетъ широкое распространеніе домашняго производства, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, приходится констатировать слабость спроса, незначительность размѣровъ этого рынка.

Незначительность сбыта поддерживаетъ невысокій уровень техники, пріемовъ производства. Очень характерно описаніе способа изготовленія бурятками „таръ". „Бурятки станка не имѣютъ, а привязываютъ скрученные конскіе волосы къ колышкамъ на дворѣ и утокъ передаютъ изъ стороны въ сторону руками, прибивая его тонкой дощечкой; вообще работа эта можетъ назваться первобытной". (Коймарское вѣдомство). Въ горшечномъ производствѣ, въ с. Бутырскомъ „никакихъ положительно ни станковъ, ни инструментовъ не имѣется; горшки прямо лѣпятся руками; а кирпичи набиваются въ деревянныя формы, изъ коихъ и выкладываются". Горшки обжигаются въ обыкновенныхъ печахъ въ избахъ [4]). Кирпичъ дѣлается въ плохихъ сараяхъ, едва прикрытыхъ [5]). Помѣщеній, особо приспособленныхъ, почти нѣтъ. Горшки, сани, дажи кожи выдѣлываются въ баняхъ. Бондари, чеботари работаютъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ. Лѣтомъ работаютъ на открытомъ воздухѣ, подъ навѣсами [6]).

---

[1]) Данныя для с. Оека. Надо допустить, что это общее условіе.

[2]) Данныя для с. Харата. Это показатель скудости денежныхъ средствъ.

[3]) С. Бодайское, Тайтурка. То же можно сказать относительно смолы и дегтя.

[4]) Или въ баняхъ (Тайтурка).

[5]) Тамъ же.

[6]) Кузнецы устраиваются также просто. Устанавливается „горно" съ трубой, проведенной черезъ крышу; около горна стулъ съ наковальней; въ „горно" проводится желѣзная трубка отъ мѣха. Кузницу выстроить стоитъ 40 рублей; мѣхъ пріобрѣтается за 15 рублей (с. Бодайское).

„Для глиняной посуды имѣется деревянный станокъ, т. е. кружокъ съ желѣзными наконечниками, не болѣе четверти въ діаметрѣ; нако-

Какъ приспособленія и пріемы производства просты, такъ не сопряжена съ особенными затрудненіями заготовка матеріала. „Такъ какъ сбытъ издѣлій производится мѣстнымъ обывателямъ, то и заготовка матеріаловъ является въ весьма незначительномъ количествѣ, а многіе изъ жителей доставляютъ *свой матеріалъ*“ [1]).

Доходность промысла, при такихъ условіяхъ, трудно поддается подсчету. Корреспонденты, за нѣсколькими исключеніями, отказываются опредѣлить прибыль [2]).

Вопросъ о рынкѣ имѣетъ значеніе и въ Иркутскомъ уѣздѣ. Корреспондентъ о никольскихъ бондаряхъ въ число условій улучшенія промысла ставитъ „изысканіе возможности сбывать предметы промысла по возможно болѣе выгодной цѣнѣ“ [3]).

„Дегтяри, — пишетъ бургазскій корреспондентъ, — занимаются этимъ промысломъ, не оставляя пашни, слѣдовательно изъ-за своего хлѣба; а не будь его—едва ли можно разсчитывать на выгоду отъ этого ремесла“. Эта затрата „свободаго времени“ при „главномъ занятіи земледѣліи и скотоводствѣ“, занятіе „только между дѣломъ“, „не спеціально“ — столь характерное для кустаря — отмѣчаются дружно корреспондентами [4]). Вся незначительная прибыль, которую получаетъ кустарь, есть результатъ затраченнаго свободнаго и дешеваго личнаго труда, не находящаго болѣе выгоднаго приложенія. Въ заключеніе посмотримъ,

---

печники мажутся для легкости дегтемъ; колеса домашней работы употребляется деревянная кадушка съ глиной“ (Максимовское). Кругъ приводится въ движеніе ногой (Тайтурка).

[1]) С. Бодайское. Отзывъ типичный.

[2]) Вотъ нѣкоторыя данныя: (Горяшина, Ширяева) дуги—стоимость 70 к.—1 р., прод. ц. 1 р.—2 р.; сани стоим. 1 р. 25 к., прод. ц. 2 р.—3 р. (Бодайское); кирпичъ—стоим. 6 р. (тысяча), прод. 8—10 р.; телѣга--8 р., прод. 20 р. (со скатомъ колесъ). Нѣкоторыя еще данныя въ *приложеніяхъ*.

[3]) Слабый сбытъ и невысокое достоинство издѣлій ставятся во взаимную связь. „Производство не улучшается, — говоритъ одинъ изъ корреспондентовъ, — вслѣдствіе плохого сбыта и плохой обработки“ (Ширяева). „Незначительный спросъ“ отмѣчается и для Тунки. Въ с. Бутырскомъ — „производство особенной выгоды, за небольшимъ его развитіемъ и плохимъ изготовленіемъ, не приноситъ“.

[4]) Оекъ, Бутырское, Бодайское, Харатъ, Хомутово, Тайтурка.

какъ оцѣниваютъ корреспонденты значенie промысла въ экономической жизни села и какiя средства развитiя промысла ими намѣчаются.

Тайтурскiй корреспондентъ отмѣчаетъ остатки (для 1899 г.) денежныхъ средствъ, данныхъ извозомъ и желѣзнодорожными работами. Съ истощенiемъ этихъ остатковъ, по его мнѣнiю, „будутъ прiискивать какiя-нибудь занятiя,—и тогда уже будетъ развиваться кустарная промышленность". Тамъ, гдѣ промыслы существуютъ, корреспонденты отмѣчаютъ среднюю зажиточность и относительное благосостоянiе кустарей [1]). Случаевъ богатства не наблюдается. Но прибавокъ, даваемый промысломъ, благопрiятно отзывается на хозяйствѣ, позволяетъ расширять запашку. Положенiе мастера и наличность „заказа" удерживаютъ лицо, занимающееся промысломъ, въ его „занятiи" [2]).

Мѣры улучшенiя производства и быта кустарей, намѣчаемыя нѣкоторыми корреспондентами, можно раздѣлить на два разряда,—общаго характера и частнаго.

Такъ, бондарный промыселъ въ с. Никольскомъ „не развивается и десятки лѣтъ стоитъ въ одномъ положенiи. Причины застоя, главнымъ образомъ, заключаются въ недостаткѣ собственныхъ годныхъ лѣсовъ, кромѣ того, постепенно уничтожающихся, и въ стѣснительныхъ условiяхъ пользованiя матерiалами изъ казенныхъ дачъ". Поэтому, по мнѣнiю корреспондента, „первоначальнымъ и весьма естественнымъ способомъ улучшенiя промысла могло бы несомнѣнно послужить предоставленiе кустарямъ широкихъ льготъ пользованiя лѣсными матерiалами изъ ближайшихъ лѣсныхъ дачъ (кромѣ отведеннаго Никольскому обществу лѣсного надѣла) и выдача хотя бы небольшихъ ссудъ на своевременную заготовку матерiаловъ и инструментовъ, а также изысканiе возможности сбывать предметы промысла

---

[1]) „Занятiе промысломъ, хотя и не весьма выгодно, но, однако, служитъ значительнымъ подспорьемъ хозяйству; такъ какъ всѣ кустари занимаются еще земледѣлiемъ, то, въ общемъ, живутъ лучше, чѣмъ не знающiе ремесла" (с. Никольское).

[2]) Упадокъ отмѣченъ для кузнечнаго промысла „вслѣдствiе прекращенiя извознаго промысла" (с. Бодайское). То же явленiе наблюдается въ Балаганскомъ уѣздѣ, напр., въ с. Заларяхъ.

по возможно болѣе выгодной цѣнѣ“ [1]). Корреспондентъ изъ Харата становится уже на точку зрѣнія желательности улучшенія общихъ условій производства. „Промыселъ,— пишетъ онъ,—не развивается благодаря непросвѣщенности жителей. Кустари нуждаются въ низшей ремесленной школѣ. Для улучшенія производствъ и для развитія ихъ нужно поселить [2]) 2—3 семьи россійскихъ кустарей, которымъ бы стали подражать мѣстные воспріимчивые крестьяне“.

Несомнѣнно, мѣстное населеніе не можетъ удовлетворяться одними фабрикатами, отчасти изъ-за ихъ дороговизны (*абсолютной* — провозная плата, прибыль торговцевъ и переторговцевъ, и *относительной* — слабость покупательныхъ средствъ), отчасти по неимѣнію въ продажѣ необходимыхъ предметовъ фабричнаго производства (деревянная посуда, горшки, сани и т. п.). Оно нуждается въ развитіи кустарной промышленности и съ этой точки зрѣнія. Поэтому вполнѣ понятно кажущееся нѣсколько парадоксальнымъ на первый взглядъ восклицаніе бургазскаго корреспондента: „Не кустари нуждаются въ улучшеніи своего положенія, а само населеніе—въ кустаряхъ“ [3]).

---

[1]) То же самое намѣчается по отношенію къ угольному промыслу Усть-Балейской волости. Указавъ на высоту лѣсной таксы, корреспондентъ пишетъ: „было бы желательно, въ интересахъ населенія, если не совсѣмъ освободить его отъ платежа денегъ за лѣсъ, приготовляемый для угля, то уменьшить таксу до минимума“. Хомутовскій корреспондентъ для развитія корзиночнаго производства указываетъ на „желательность дозволенія вырубки прутьевъ въ сосѣднихъ казенныхъ дачахъ“.

[2]) Интересный отзвукъ патріархальныхъ мѣропріятій!..

[3]) Любопытна оцѣнка наличныхъ условій существованія кустарной промышленности г. Секержинскаго для с. Шимки (Тункинской волости):

„Какъ ни убоги вышеприведенные промыслы и заработки въ заброшенномъ углу, занимающимся ими существенную приносятъ пользу,— не обогащаютъ, но дозволяютъ жить сытому и одѣтому. Кустари не особенно отличаются отъ остальныхъ жителей, но живется имъ вольготнѣе. Никто изъ кустарей не сокращаетъ хлѣбопашества, но, напротивъ, насколько силы позволяютъ, стараются расширить.

Ефемеричность — главный недостатокъ здѣшнихъ промысловъ. Съ проведеніемъ охраны лѣсовъ окончится или сильно сократится добыча смолы и сѣры. Звѣропромышленность уже теперь сильно пала и съ каждымъ годомъ, насколько человѣкъ больше врѣзывается въ тайгу, настолько звѣрь исчезаетъ или переносится въ даль, въ мѣста удобныя и свободныя для себя. Нынѣшнимъ кустарямъ не суждено

Верхоленскій уѣздъ.

Это опять-таки уѣздъ со смѣшаннымъ населеніемъ. Южную его часть занимаютъ преимущественно буряты. Въ сѣверной части преобладаютъ крестьяне русскаго или смѣшаннаго происхожденія. По окраинамъ живутъ тунгусы—племя уже некультурное.

Въ инородческомъ районѣ преобладаетъ скотоводство. Вѣдомства Верхне-Кудинское, Ользоновское, Бояндаевское, Верхоленское имѣютъ хлѣбопашество, хотя въ продажѣ болѣе фигурируетъ сѣно, чѣмъ хлѣбъ. Въ Еланцинскомъ вѣдомствѣ главнымъ занятіемъ являются уже скотоводство и рыбный промыселъ. Сѣна хорошія, но хлѣбъ родится плохо. Сѣютъ „только для соломы". Нѣтъ развитаго хлѣбопашества и въ Кутульскомъ вѣдомствѣ,—главное занятіе здѣсь—скотоводство. На Ольхонѣ главныя занятія рыбный промыселъ и скотоводство; хлѣбопашество и звѣропромышленность — подсобныя.

Подсобнымъ занятіемъ у инородцевъ является звѣроловство.

Въ крестьянскомъ районѣ главное занятіе—земледѣліе, рядомъ съ нимъ—скотоводство.

Подсобный промыселъ—сильно падающій извозъ и его видоизмѣненіе—сплавъ (по Ленѣ). Падаетъ и находившійся въ связи со сплавомъ другой промыселъ—постройка судовъ. Прежде торговое движеніе шло изъ Иркутскаго уѣзда на Качугъ. Селенія Качугъ, Бирюльское, г. Верхоленскъ и др. поставляли рабочихъ, лоцмановъ для судовъ, занимались широко постройкой паузковъ, карбазовъ, лодокъ. Теперь движеніе направилось по Илгинскому тракту, минуя Иркутскъ, на Жигалово. Извозъ и сплавъ захватываютъ уже селенія Усть-Илгу, Тутуру, Жигалово, Знаменское, которыя и поставляютъ служащихъ и рабочихъ для судовъ. Верховье Лены переживаетъ кризисъ, котораго избѣгли чисто земледѣльческія селенія, въ родѣ Заложнаго.

развиваться. На ихъ мѣсто придутъ другіе, ихъ вызоветъ къ жизни общая мать — нужда, да и условія для нихъ будутъ тогда другія. Но это будущее, занавѣсъ котораго спущенъ".

Въ селеніяхъ Чикановскомъ, Грѣховскомъ, Чертовскомъ начинается промыселъ, столь характерный для Киренскаго уѣзда,—почтовая гоньба.

Звѣропромышленность распространена въ сѣверныхъ крестьянскихъ селеніяхъ.

Верхоленскій уѣздъ лежитъ настолько сѣверно, что земледѣліе здѣсь уже не можетъ такъ широко развиваться, какъ въ другихъ мѣстностяхъ. Въ большинствѣ случаевъ, пашни располагаются высоко, по хребтамъ. На низинахъ хлѣбъ мерзнетъ. Но горы имѣютъ довольно тонкій слой плодородной почвы. Распашка ея дѣлаетъ неустойчивой, подвижной, вѣтеръ „выдуваетъ" пашни.

Однимъ земледѣльческимъ трудомъ и здѣсь населеніе не можетъ прожить.

Трудныя условія земледѣльческаго хозяйства и большое количество свободнаго зимняго времени, казалось бы, должны способствовать развитію кустарнаго производства,—тѣмъ болѣе, что удаленность отъ Иркутска затрудняетъ дешевое пріобрѣтеніе необходимыхъ предметовъ. Но, на самомъ дѣлѣ, мы встрѣчаемся съ тою же бѣдностью промысловаго развитія, которую мы видѣли въ описанныхъ трехъ уѣздахъ.

Если оставить въ сторонѣ постройку судовъ, вызванную къ жизни ленскимъ сплавомъ, и значительное бондарное производство въ Еланцинскомъ вѣдомствѣ, вызванное байкальскою рыбопромышленностью, мы будемъ имѣть опять передъ собою лишь скудныя формы домашняго производства.

„Кустарныхъ промысловъ,—пишетъ корреспондентъ изъ Тимошина [1],—не существуетъ: а если и есть какія *домаш-*

---

[1] На Илгѣ. *Бирюльская вол.* (на Ленѣ). „Такія подсобныя занятія къ земледѣлію, какъ кожевенное, горшечное, кирпичное, чеботарное, кузнечное и т. п., хотя и имѣются среди населенія, но занятія эти *не создаютъ продуктовъ для продажи* на рынкѣ". „Тканьемъ и пряжей занимаются зимой и выдѣлываютъ зипуны, чулки, потники и пр. преимущественно *для своего употребленія*". Въ *Верхнекудинскомъ вѣд.* все покупаютъ въ Иркутскѣ или въ сосѣднихъ селахъ, за исключеніемъ сыромятныхъ кожъ, бурятскихъ саней и телѣгъ". *Анга*: „есть только 4 кузнеца, работающіе по заказу отдѣльныхъ лицъ". *Бутаково* и *Костромишино*: есть 3 кузнеца и 1 столяръ;—„первые куютъ лошадей и поправляютъ телѣжныя колеса, навариваютъ сошники и топоры, и проч. *старую поправку*; второй переходитъ изъ дома въ домъ".

нія занятія, то они даже не удовлетворяютъ и мѣстнымъ потребностямъ. На рынокъ же сбыта таковыхъ не бываетъ, а сбывается только единственно хлѣбъ, который составляетъ главное занятіе здѣшняго населенія".

Изъ общихъ для губерніи промысловъ мы можемъ указать на кирпичный. Но кирпичный промыселъ, строго говоря, нельзя считать кустарнымъ. Занимающіеся имъ не могутъ уже обработывать землю, такъ какъ производство возможно лишь лѣтомъ, во время полевыхъ работъ. Поэтому кирпичники—или отставшіе отъ земледѣлія крестьяне, или никогда незанимавшіеся хлѣбопашествомъ поселенцы [1]).

Затѣмъ не вызвано особыми мѣстными условіями производство трубокъ—„гаванокъ" изъ лиственничнаго корня или кости въ Бохолдоевскомъ улусѣ Баяндаевскаго инородческаго вѣдомства [2]).

Остальныя распространенныя въ Верхоленскомъ уѣздѣ производства вызваны къ жизни мѣстными условіями. Это, во первыхъ, постройка различныхъ судовъ (барокъ, полубарокъ, паузковъ, карбазовъ, лодокъ) въ приленскихъ селеніяхъ; во вторыхъ, производство шерстяныхъ чулковъ, сбываемыхъ преимущественно на паузки и, въ третьихъ, приготовленіе бочекъ и лагуновъ въ Еланцинскомъ вѣдомствѣ для нуждъ байкальской рыбопромышленности.

Первое мѣсто по распросраненности занимаетъ безусловно постройка судовъ. Происхожденіе промысла должно быть отнесено къ первымъ временамъ заселенія Сибири, когда для государевыхъ хлѣбныхъ запасовъ" строились по большимъ рѣкамъ „дощаники" и „кочи". Въ настоящее время на Ленѣ наблюдается перемѣщеніе строительной дѣятельности съ верховьевъ Лены къ устью Илги, съ измѣненіемъ направленія торговаго движенія; но и теперь еще въ Качугѣ и Верхоленскѣ строятся суда.

---

[1]) Выработка производится самымъ примитивнымъ способомъ. Напр., въ Кутульскомъ ул. глину въ формы утаптываютъ ногами, выравниваютъ обломкомъ литовки, сушатъ на солнцѣ.

[2]) „Такъ какъ инородцы всѣ почти курятъ, не исключая дѣтей и женщинъ, то промыселъ этотъ вызванъ большою потребностью въ трубкахъ". (Корресп., см. приложеніе).

Промыселъ такимъ образомъ захватываетъ все теченіе Лены отъ Качуга до границы Киренскаго уѣзда [1]).

Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ артелью,—но опять того же типа, какъ изображенная нами ранѣе. Артель вызвана техническими условіями, а не экономическими. Послѣ посѣва хлѣбовъ начинаютъ заготовлять, т. н, „черный лѣсъ" (кокоры, карги, греби, башмаки [2]). Съ наступленіемъ морозовъ добывается „бѣлый лѣсъ" (сосна—на днища и борта судовъ), т. к. „въ морозъ колоть далеко лучше, чѣмъ въ теплое время". Уже въ февралѣ и отчасти въ мартѣ, „по хорошей зимней дорогѣ" вывозятъ этотъ лѣсъ на „плотбища". Постройка судовъ производится съ 1 марта по 20 апрѣля, ко вскрытію рѣкъ [3]).

Заготовка матеріала производится въ лѣсу, далеко отъ селеній. И пилка, и рубка требуютъ соединенныхъ усилій нѣсколькихъ человѣкъ. Поэтому, тамъ, гдѣ семья малочисленна, или не достаточно богата денежными средствами для найма рабочихъ, она соединяется съ другими такими же семьями [4]). Такая артель не прочна. Она составляется только для выполненія даннаго подряда. „Работа простая,—говоритъ одинъ корреспондентъ,—каждый хозяинъ привыкаетъ скоро: науки не требуется" [5]). Инструменты употребляются обычные плотничьи: топоръ, пилы, рубанокъ,

---

[1]) Корреспонденціи обнимаютъ с.с. Усть-Илгу, Тутуру, Чупаново, Балахну, Чикановское, Чертовское, Грѣховское, Верхоленскъ, Бирюльское, Дальнозакорское общ. и др.

[2]) Около 20 мая въ Дальнозакорскомъ обществѣ, въ іюнѣ и сентябрѣ въ Тутурѣ съ окрестными селеніями.

[3]) Описанія для Тутуры, Чупановой, Балахны, Дальнозакорскаго общ—ва. Въ Чикановскомъ—съ 1 февраля по 1 мая.

[4]) Въ Чикановскомъ, Грѣховскомъ, Чертовскомъ „работаютъ артелями въ 4—5 хозяевъ", въ Тутурѣ, Чупановскомъ, Кузнецовскомъ, Балахнѣ, Рудовскомъ—„постройка судовъ требуетъ отъ 2 до 6 чел.; поэтому составляется артель". Въ Усть-Илгѣ—„въ большинствѣ случаевъ артелями отъ 2 до 4 человѣкъ". Въ Дальнозакорскомъ тоже артелями Но практикуются и „помочи", и наемка рабочихъ. Плата наемнымъ рабочимъ 12—15 рублей въ мѣсяцъ, на хозяйскихъ харчахъ. Въ Верхоленскѣ и ближайшихъ селеніяхъ артелей, повидимому, нѣтъ.

[5]) Корреспонденція изъ Дальнозакорскаго общ—ва. Корреспондентъ изъ Верхоленска находитъ, что пріемы производства настолько обыкновенны и примитивны, что описаніе ихъ не можетъ представить интереса.

стружокъ, конопатка, колотушка. Эта простота пріемовъ и инструментовъ способствуетъ непрочности артельнаго начала. Раздѣленія труда нѣтъ—есть лишь совмѣстная работа (пилятъ двое, рубятъ дерево двое, трое). Сбытъ судовъ, безъ сомнѣнія, невеликъ. Поэтому самый распространенный способъ—заказъ, подрядъ. Артель и является лишь временнымъ соединеніемъ для выполненія подряда.

Приготовленіе шерстяныхъ чулковъ очень распространено. Вязаньемъ занимаются женщины. Такъ какъ приготовленіе чулка требуетъ труда одного человѣка, то нѣтъ и никакихъ артельныхъ соединеній. Сбываются чулки или прямо на „паузки", или въ мѣстныя лавочки. Чулки требуются и нуждами сплава, и сѣверными районами, гдѣ промыслы еще менѣе развиты [1]).

Рыбопромышленность создала и поддерживаетъ бондарный промыселъ въ Еланцинскомъ вѣдомствѣ. Здѣсь мы встрѣчаемся опять съ тѣмъ-же интереснымъ явленіемъ—отсутствіемъ артелей. Производство бочекъ и лагуновъ не вызываетъ необходимости въ соединенныхъ физическихъ усиліяхъ нѣсколькихъ человѣкъ. Между тѣмъ рядомъ, въ рыбномъ промыслѣ, мы находимъ въ томъ же вѣдомствѣ артельныя соединенія. Тамъ одинъ человѣкъ безсиленъ. Опять таки и здѣсь вопросъ объ артеляхъ не является вопросомъ экономическаго порядка [2]).

Вопросъ о рынкѣ и въ Верхоленскомъ уѣздѣ представляется серьезнымъ. Въ большинствѣ случаевъ мѣстомъ сбыта является мѣстный рынокъ. Бохолдоевскія трубки—„гаванки", по большей части, идутъ мѣстнымъ жителямъ меньшая часть—торговцамъ [3]). Суда, чулки или дѣлаются на заказъ, или ждутъ покупателя. „Все изготовленное сбывается на мѣстѣ производства,—пишетъ одинъ корреспондентъ [4]),—куда являются потребители, плывя по спопут-

---

[1]) Въ Кутульскомъ улусѣ и выселкѣ производство чулковъ, очевидно, вызвано рыбопромышленностью. Сбытъ на Ольхонской ярмаркѣ (15 іюня—15 іюля), „гдѣ скупаютъ пріѣзжіе торговцы, по большей части, обмѣнивая на товаръ, а иногда и за наличныя деньги".

[2]) Тоже самое въ неводномъ промыслѣ на о. Ольхонѣ.

[3]) Небольшими партіями, шт. 30.

[4]) Верхоленскъ и окрестныя селенія.

ности Леной. Особыхъ скупщиковъ нѣтъ. Цѣны колеблются въ зависимости отъ спроса. Лодки и чулки идутъ внизъ по Ленѣ: чулки—для Киренскаго уѣзда и Якутской области, лодки—лицамъ, ѣдущимъ искать заработковъ“.

Что касается значенія наличныхъ кустарныхъ промысловъ, то въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ, повидимому, земледѣліе слабо развито по климатическимъ и топографическимъ условіямъ, тамъ отмѣчается выгодность промысла [1]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ промыселъ имѣетъ безразличное значеніе, не повышая и не понижая хозяйственной силы крестьянина [2]). Иногда промыселъ прямо невыгоденъ [3]).

Корреспонденты не видятъ средствъ къ развитію промышленности. Еланцинскій корреспондентъ указываетъ на желательность „мастерскихъ“, — очевидно, образцовыхъ. Промыселъ постройки судовъ падаетъ, но корреспонденты не находятъ путей для выхода. Они просто констатируютъ фактъ. „Постройка сплавныхъ посудъ уменьшается. Уменьшеніе послѣдовало потому, что товары и припасы начали доставляться пароходами“ [4]). „Вообще нужно замѣтить, — замѣчаетъ Бирюльскій корреспондентъ [5]), — что кустарные промыслы среди мѣстнаго населенія мало развиты, а тѣ, которые существуютъ, какъ сказано выше, то таковые находятся въ зачаточномъ состояніи. Между тѣмъ богатство и разнообразіе лѣса, окружающаго описанную мѣстность, могло бы развить бондарный и экипажный кустарные промыслы, которые находили бы большой сбытъ по сплаву по р. Ленѣ. Для поднятія же кустарныхъ промысловъ среди крестьянскаго населенія необходимо открытіе ремесленныхъ или сельско-хозяйственныхъ школъ, которыя могли бы во многомъ поднять благосостояніе крестьянъ“.

---

[1]) С. Чекановское, Еланцинское вѣдомство.

[2]) Верхоленскъ, Тутура, Чупаково, Кузнецовское, Рудовское. „Постройщики живутъ также, какъ и непостройщики (т. е. судовъ); земли засѣвается меньше, т. к. постройка отнимаетъ время“.

[3]) Ольхонъ. „Занятіе кустарнымъ промысломъ много отвлекаетъ отъ рыбопромышленности“, являющейся источникомъ существованія.

[4]) Усть-Илга.

[5]) Тоже въ корр—ціи Верхоленска.

Киренскій уѣздъ.

Въ Киренскомъ уѣздѣ земледѣліе перестаетъ быть основнымъ занятіемъ жителей. Населеніе его составилось отчасти путемъ принудительной колонизаціи, отчасти привлечено торговымъ движеніемъ по Ленѣ. Суровыя климатическія условія и отчасти неблагопріятная общественная обстановка препятствовали развитію сельскаго хозяйства. Нужды администраціи, казеннаго хозяйства, золотопромышленности заставили правительство напрягать силы мѣстнаго населенія въ отбываніи натуральныхъ повинностей. Самое населеніе отчасти создалось путемъ указныхъ поселеній ямщиковъ. Земледѣліе поэтому болѣе развито по Тунгускѣ и по рѣчкамъ, впадающимъ въ Лену, чѣмъ на Ленѣ [1]). На Ленѣ главнымъ промысломъ часто является почтовая гоньба,—земледѣліе стоитъ на второмъ планѣ [2]). Подсобные промыслы находятся также въ зависимости отъ вышеуказанныхъ общихъ условій. Это работы по сплаву, на пароходахъ, доставка рыбы, мяса, сѣна по Ленѣ для нуждъ золотопромышленности, перевозка разнаго рода

---

[1]) Пашинское, Шаманское, Гармонское, Владимирское, Подъеланское, Аникинское, Сѣдаковское, а также Мартыновское, Преображенское, на ряду съ рыбной ловлей и звѣропромышленностью.

[2]) Витимская волость, Мухтуйское общество—„хлѣбопашество въ небольшихъ размѣрахъ". Въ с.с. Курейскомъ, Солянскомъ, Паршинскомъ, Рысьинскомъ, Чуйскомъ, Сѣркинскомъ, Неледуйскомъ и Крестовскомъ—развито сѣнокошеніе. Скота и лошадей мало. Въ Ичерской волости „земледѣліе служитъ лишь подспорьемъ и находится въ совершенномъ упадкѣ, ибо засѣвающихъ болѣе десятины очень мало". Сбытъ сѣна сопряженъ со страшнымъ вредомъ для мѣстнаго населенія. „По Ленѣ,—пишетъ г. Кокоулинъ,—луговъ мало, все горы. Сѣна мало. А крестьяне зимой забираются у подрядчиковъ подъ сѣно и товаромъ, и деньгами настолько, что не въ силахъ выплатить. И вотъ все свое сѣно они должны осенью сдать на пріиски, а свой скотъ кормятъ тальникомъ. Поэтому въ уѣздѣ мало скота, мало молочныхъ продуктовъ. Къ Киренскѣ, городишкѣ съ 2 тыс. жителей, мясо продается зимой по 4, а лѣтомъ по 6 рублей,—и то отъ привознаго скота. Случалось, что въ Киренскѣ мясо привозили изъ Томска".

На пріиска уходитъ до 300.000 пуд. сѣна; подъ нимъ до 1000 плотовъ.

клади. Затѣмъ лѣсъ и рѣки вызвали къ жизни звѣро- и рыбопромышленность.

Въ смыслѣ развитія кустарнаго производства Киренскій уѣздъ является еще болѣе бѣднымъ, нежели другіе уѣзды Иркутской губерніи. Въ Витимской волости и въ Мухтуйскомъ обществѣ, „начиная съ чашки и ложки, все покупается“, кустарныхъ промысловъ не существуетъ; въ Ичерской волости производится выгонка смолы и выжиганіе извести—но только ссыльными. Въ Мартыновскомъ отмѣчено производство лодокъ. Какъ и въ другихъ уѣздахъ, существуетъ домашнее производство —производство, по выраженію Глуховскаго корреспондента,—„предметовъ домашней необходимости“, — „лишь для собственной надобности“, а не для продажи. Въ Глуховскомъ выдѣлываются на продажу лишь колеса, довольно первобытнаго типа, изъ корня [1]). Вотъ описаніе производства. „Первоначально вырубаютъ изъ толстыхъ березовыхъ стволовъ ступицы, обыкновенно осенью; изъ пеньковъ этихъ стволовъ добываются корни для обода; на „пальцы“ употребляется сухая листвень. Ступицы обтесываются по возможности кругло (по циркулю), на нихъ выдалбливаются долотомъ гнѣзда для пальцевъ, приготовляются сами пальцы, затѣмъ выдѣлываются изъ корней (кривыхъ) коренья (ободья) по шаблону (4 или 5), на этихъ послѣднихъ выдалбливаются, или повертываются „напарьей“ (или центровкой) также гнѣзда для пальцевъ, затѣмъ эти (4 или 5) кореньевъ надѣваются на

---

[1]) „Колесный промыселъ, какъ надо полагать, перенятъ отъ поселенцевъ, т. к. по разсказамъ стариковъ, за 50 л. до этого вмѣсто нынѣшнихъ „корневыхъ“ колесъ, пользовались круглыми обрубками дерева, затѣмъ стали дѣлать ободья колеса изъ корней березы, нынѣ уже практикуютъ гнутыя ободья въ двѣ половины изъ ствола той же березы, но до точеныхъ трубицъ (ступицъ) еще не дошли.

Колеса топорной работы — общее явленіе для уѣзда. „Нужно знать,—пишетъ коченгскій корр—тъ, что во всей коченгской волости, за исключеніемъ трехъ деревень (Мукскаго, Избушинскаго и Суворкинскаго на Ленскомъ и Ангарскомъ волоку) сообщеніе между населенными пунктами лишь только Илимомъ, да верхомъ, колесныхъ дорогъ нѣтъ. Отсюда понятно, что и имѣющіяся колеса вовсе непригодны для путешествія по дорогамъ съ пассажирами или съ большимъ грузомъ, а только для своза навоза, да хлѣба, на разстояніи 1—2 верстъ“.

пальцы, послѣ этого въ ступицѣ провертывается дыра для оси—и колесо готово. Колеса эти не шинують, они такъ и служатъ".

Въ Мартыновскомъ селеніи лодочный промыселъ дѣлается все болѣе труднымъ. Лѣсъ около рѣки сталъ рѣдокъ. За матеріаломъ приходится ходить далеко. Доставка дерева къ рѣкѣ не подъ силу отдѣльному человѣку. И опять мы встрѣчаемъ артель [1]). Артель опять не представляетъ изъ себя производительной кооперацiи,—тѣмъ менѣе—потребительной.

Мнѣ приходилось быть,—пишетъ г. Кокоулинъ, дѣлая общую характеристику промысловаго развитія уѣзда [2]),—во всѣхъ углахъ обширнаго Киренскаго уѣзда. Послѣ того какъ въ 92 году Отдѣлъ Геогр. Общества собиралъ свѣдѣнія о кустарной промышленности въ губерніи, я ближе познакомился съ этимъ вопросомъ по нашему уѣзду.— Думаю, насколько знаю, что во всемъ Киренскомъ уѣздѣ нѣтъ кустарей. Предметы домашняго обихода,—одежда, посуда, сбруя, орудія,—или изготовляются каждымъ семействомъ для себя, или покупаются въ магазинахъ и лавкахъ, гдѣ весь товаръ привозный. Домашнее приготовленіе одежды, холста и сукманины, годъ отъ году сокращается.

---

[1]) „На промыселъ ходятъ артелями, человѣкъ по 5". Лодки угоняются въ Киренскъ однимъ изъ артели (на ярмарку). Заработокъ на ней 25-30 рублей. Эти данныя не прибавляютъ существенно новаго къ сдѣланной нами ранѣе характеристикѣ.

[2]) То же говоритъ корр—тъ изъ Коченгскаго селенія: „Кустарные промыслы въ Коченгской волости отсутствуютъ положительно. Мѣстное населеніе пользуется для своего домашняго обихода или издѣліями собственнаго приготовленія, какъ-то: колесами, санями, веревками, смолою, дегтемъ; или же привозными—горшками, или издѣліями по заказу—бондарными, подѣлками изъ металла". „Въ Киренскомъ уѣздѣ,—по замѣчанію К. К. Кокоулина,—жителей столько, сколько въ одномъ гор. Иркутскѣ.—Можетъ быть, отсутствіе кустарей имѣетъ причины и въ черезвычайно рѣдкомъ, разбросанномъ населеніи уѣзда".

Распространенное по селеніямъ кирпичное производство въ Киренскомъ уѣздѣ непостоянно. Обыкновенно богатый мужикъ нанимаетъ проходящаго поселенца. Выстраивается сарай, наготовляется кирпичъ. Затѣмъ поселенецъ уходитъ дальше, а крестьянинъ торгуетъ наготовленнымъ кирпичемъ. Если же производится большая постройка (напр., церкви) подыскивается мастеръ—и строится для выдѣлки кирпича сарай.

Обувь, даже ичиги, всегда покупается; шапка, фуражка— тоже. Столовой и кухонной посуды, самой простой, крестьянской, на базарѣ, въ городѣ, не купишь, тѣмъ болѣе—по деревнямъ. Нужно ждать ярмарки, сплава на паузкахъ. Вообще, купить что либо для домашняго обихода очень трудно". „Здѣсь,—пишетъ Коченгскій корреспондентъ,—за рѣдкими исключеніями, каждый домохозяинъ старается изготовить все необходимое для своего хозяйства самъ, собственными силами и умѣньемъ: онъ сколачиваетъ колесо, сооружаетъ сани, вьетъ веревку, выкуриваетъ смолу и деготь, выдѣлываетъ кожу для обуви и самъ же шьетъ чирки; въ кирпичѣ не нуждается: печки бьются изъ глины. Все это, конечно, изготовляется первобытнымъ способомъ и на изящество претендовать не можетъ, да, впрочемъ, аборигены не ахти какіе эстеты; у нихъ пока одно требованіе: было бы дешево, толсто и прочно. Правда и то, что собственныя ихъ издѣлія не отвѣчаютъ этимъ требованіямъ, за исключеніемъ одного—„толсто". Собственныя издѣлія, хотя и кажутся имъ дешевыми, въ томъ смыслѣ, что ими самими изготовлены безъ затраты капитала; но это—недоразумѣніе: умѣй оцѣнить затрачиваемое на это время, они увидѣли бы противное. Но вѣрно и то, что здѣсь негдѣ приложить труда въ свободное отъ обработки земли время и потому оно обезцѣнивается [1]). А времени отъ обработки земли и охотничьяго промысла остается очень много. Въ отхожіе промыслы отваживаются пускаться только очень немногіе, храбрые люди. Масса же крѣпко сидитъ на своихъ мѣстахъ, терпитъ нужду и перепѣваетъ свое горе на разные лады".

Г. Кокоулинъ отмѣчаетъ спросъ на кули, но этотъ

---

[1]) Г. Кокоулинъ задавался вопросомъ, что дѣлаетъ мѣстное населеніе зимою. Онъ перечисляетъ молотьбу, рубку дровъ, строевого лѣса, извозъ (уходятъ въ Иркутскъ и оттуда подряжаются вести клади), охоту, почтовую гоньбу. Во время послѣдней по замѣчанію г. Кокоулина, всего ярче бросается отсутствіе ремеслъ, знаній какого либо мастерства. „Въ ожиданіи почты или рѣдкаго проѣзжаго крестьянинъ иногда день или два совершенно ничего не дѣлаетъ.—Почему ты ничего не дѣлаешь? спрашиваю я, ну хоть бы лопату строгалъ или корыто ковырялъ!—Да я чо рая (развѣ) лопаты дѣлать пришелъ сюда,— я поди душу обгаиваю".

спросъ „не вызываетъ кустарнаго производства"; тоже самое—съ неводами, требующимися для Якутской области: есть лишь отдѣльныя лица, изготовляющія въ годъ 1—2 невода. Веревокъ совершенно не дѣлаютъ. Изъ льна, который сѣется въ Киренскомъ уѣздѣ, приготовляются только для себя и „хорошими хозяйками" скатерти и полотенца.

„Привозный матеріалъ не отличается ни изяществомъ, ни прочностью, ни дешевизною, и потому не можетъ поднять у населенія искусство выработки издѣлій" [1]).

Изъ изложеннаго вытекаетъ довольно опредѣленный отвѣтъ на поставленный въ заголовкѣ вопросъ. Кустарной промышленности въ губерніи не существуетъ. Могутъ быть отмѣчены лишь отдѣльные промыслы, вызванные или мѣстными экономическими условіями района (посуда для рыбы, судно для сплава), или легко добываемымъ матеріаломъ (избоина, сѣра), или внѣшнимъ, болѣе или менѣе случайнаго типа, потребителемъ (винный складъ, золотосплавочная лабораторія).

Надо оговориться, что тотъ матеріалъ, который данъ корреспондентами и на которомъ основываются изложенные выводы, весьма скуденъ и не всегда заслуживаетъ безбоязненнаго пользованія имъ. Достаточно сказать, что изъ болѣе, чѣмъ 150 опросныхъ программъ, разосланныхъ въ 1899 году, было возвращено лишь 33, изъ коихъ 12 съ простою отмѣткою объ отсутствіи промысловъ и одинъ отвѣтъ въ двухъ экземплярахъ,—такъ что болѣе или менѣе подробные отвѣты получены лишь на 20 листахъ (10—12%). Изъ полученныхъ въ 1901 г. 65 программъ 37 съ простою отмѣткою объ отсутствіи промысловъ (57%). Тѣмъ не менѣе то, что сообщено въ полученныхъ отвѣтахъ, настолько однородно, настолько даетъ общую картину, что мы сочли возможнымъ не отказываться отъ сводки матеріала [2]).

---

[1]) Сита и, повидимому, горшки идутъ изъ Верхоленскаго уѣзда.

[2]) Къ этому слѣдуетъ присоединить матеріалъ, данный изслѣдованіемъ 1898 года и обработанный мною и А. Н. Ушаковымъ въ статьѣ *„Свѣдѣнія о состояніи и видахъ на урожай травъ и хлѣбовъ лѣтомъ 1898 года, объ обезпеченности населенія запасами хлѣба и постороннихъ заработкахъ въ Иркутской губерніи"*.

Афанасій Прокопьевичъ Щаповъ [1]).

И день иде, и ничь иде...
И голову хопивши въ руки,
Дивуесся, чому не иде
Апостолъ правды и науки?...

Эти, за душу хватающія, трогательныя слова украинскаго народнаго поэта любилъ цитировать въ моменты грустнаго настроенія нашъ великій сибирскій писатель. Афанасій Прокопьевичъ Щаповъ самъ родился однимъ изъ такихъ „апостоловъ правды и науки". Природа надѣлила его крупнымъ, мощнымъ, исключительнымъ талантомъ, какіе только бываютъ у людей, становящихся во главѣ большихъ общественныхъ и научныхъ переворотовъ, или оставляющихъ въ духовной жизни общества неизгладимую борозду.

Его имя считаютъ полузабытымъ, но это только отчасти справедливо. Забвеніе здѣсь объясняется чисто внѣшними причинами. При всемъ желаніи познакомиться съ этимъ писателемъ, до послѣдняго времени лишь въ исключительномъ случаѣ можно было достать какой-либо его трудъ. Выходившія отдѣльными изданіями немногія изъ его сочиненій стали библіографической рѣдкостью, которой нельзя найти у столичнаго букиниста-антикварія, а большинство трудовъ Щапова было погребено въ періодическихъ изданіяхъ, ставшихъ такою же рѣдкостью, или изъятыхъ изъ обращенія.

Оригинальный и сильный талантъ Щапова совпалъ съ крайне оригинальной, блестящей эпохой русскаго обще-

---

[1]) Рѣчь на общемъ собраніи Вост.-Сиб. Отдѣла Геогр. Общества, посвященномъ памяти Афанасія Прокопьевича Щапова, 4 марта 1901 года, по поводу 25-лѣтія со дня смерти.

ственнаго развитія. Одинъ изъ талантливыхъ петербургскихъ профессоровъ, выясняя генезисъ историческаго міросозерцанія Щапова, очень остроумно выразился, что идеи, развитыя Щаповымъ, „носились въ воздухѣ“ въ его время. Теоріи Щапова были новы, высказывались впервые имъ; ученія своего онъ ни у кого не заимствовалъ, не былъ чьимъ-либо послѣдователемъ. Но идеи, легшія въ основу этихъ теорій, имѣли свою исторію, вырабатывались русской мыслью продолжительное время.

Уже въ прошломъ столѣтіи были крупные изслѣдователи народной жизни, какъ Новиковъ, Радищевъ, или плеяда молодыхъ ученыхъ, группировавшихся около Академіи. Послѣ появленія знаменитаго труда Карамзина интересъ къ отечественной исторіи возросъ чрезвычайно. Стоитъ вспомнить, что историческими изслѣдованіями занялся въ области русскаго прошлаго самъ А. С. Пушкинъ, а даровитый сибирякъ, самоучка-писатель Полевой принялся за „исторію русскаго народа“. „Архивные юноши“, въ томъ числѣ Погодинъ, производили массу черновой работы, подготовлявшей путь для позднѣйшихъ широкихъ обобщеній свѣтилъ русской исторической науки.

Къ срединѣ 30-хъ годовъ свѣдѣній о нашемъ прошломъ было накоплено уже довольно много, было много и передумано.

Русское общество пережило нѣсколько потрясающихъ событій, больше сплотилось. Направленія общественной мысли, въ передовыхъ ея ступеняхъ, выразились въ образованіи двухъ общественно-историческихъ школъ, извѣстныхъ подъ названіями западниковъ и славянофиловъ. Русская исторія служила здѣсь главной основой и доминирующимъ интересомъ.

Народъ — вотъ главный историческій дѣятель, на который было обращено вниманіе дѣятельной, нервной мысли членовъ обоихъ кружковъ. Формы государственнаго устройства, культура, учрежденія, литература, домообзаводство — все это, выражаясь слогомъ нынѣшнихъ общественно-литературныхъ партій, признавалось несамостоятельнымъ, производнымъ, — „надстройкой“ надъ тѣмъ, что тогда называли „духомъ народнымъ“.

На изученіе этого основного агента исторической жизни

и направилась пытливая, вооруженная западно-европейскимъ философскимъ и научнымъ знаніемъ, мысль передового человѣка того времени.

Изученіемъ этимъ занялись какъ отдѣльныя лица, такъ и лица, соединенныя въ организованное сотрудничество. Крупнымъ представителемъ послѣдняго явилось Географическое Общество. Многіе изъ этихъ работниковъ вскорѣ выступили практическими дѣятелями, когда наступила эпоха преобразованій. „Учрежденіе Общества, — говоритъ историкъ Географическаго Общества, его высокопочтенный Вице-Предсѣдатель П. П. Семеновъ, — совпало весьма счастливо съ эпохою сороковыхъ годовъ, когда въ молодыхъ поколѣніяхъ начало уже пробуждаться русское народное чувство, когда, согласно съ указаніями свыше, передовые люди начали работать не только надъ возрожденіемъ русской народности, но и надъ освобожденіемъ русскаго народа отъ крѣпостной зависимости, и когда первою заботою всѣхъ и каждаго должно было быть изученіе родины и ея народныхъ массъ“. Великія реформы 60-хъ годовъ были и отвѣтомъ на настойчивую общественную потребность, и вмѣстѣ глубоко всколыхнули общественную толщу. Все энергичное, мыслящее выдвинулось впередъ: масса жизненной работы вызвала и много работниковъ, заставила дѣлать, и многое дѣлать не по указкѣ, а самостоятельно. Самостоятельность, насущная необходимость самодѣятельности, личной и общественной инціативы сказывались и ново и ярко.

Щаповъ былъ ученикомъ такъ-называемыхъ славянофиловъ, воспитался на трудахъ изслѣдователей народнаго быта, народной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выступилъ въ пору напряженной общественной работы, въ періодъ яркаго проявленія общественной иниціативы и личной самодѣятельности.

Щаповъ сталъ во главѣ своеобразной исторической школы, наряду съ знаменитымъ Костомаровымъ, но совершенно самостоятельно, независимо отъ послѣдняго. Двумя кардинальными пунктами его историческаго міросозерцанія, исторической теоріи, являются, во-первыхъ, „народъ, духъ народный, творящій исторію“, и, во-вторыхъ, начало областности, земской союзности. Очевидно, что, если историче-

ская наука занимается не безотносительнымъ и абстрактнымъ развитіемъ различныхъ формъ жизни, юридическихъ формъ, политическихъ и административныхъ учрежденій, а именно самимъ народомъ, то этотъ народъ надо брать въ его реальной полнотѣ жизни, во всей суммѣ проявленій этой жизни, во всемъ разнообразіи его этнографическихъ, историко-географическихъ, культурно-экономическихъ различій и оттѣнковъ.

Щаповская теорія занимаетъ самостоятельное мѣсто наряду съ Костомаровской („федералистической"), хотя они оба стоятъ принципіально на одной точкѣ зрѣнія, являются представителями одного направленія, и теоріи ихъ во многомъ совпадаютъ. Это были двѣ независимыя, параллельныя работы. Различія легко объясняются изъ условій работы, характера матеріала, надъ которымъ оперировали тотъ и другой историкъ, изъ различія собственнаго личнаго склада ихъ ума, изъ различія, наконецъ, если хотите, ихъ родины, воспитанія.

Южанинъ, малороссъ, Костомаровъ, родившійся на рубежѣ трехъ народностей, проведшій тамъ свою юность и молодость до зрѣлаго возраста, постоянно наталкивающійся на различія языка, міросозерцанія, права, обычаевъ, историческихъ преданій, долженъ былъ сильно выдвинуть на первый планъ элементъ этнографическій, при томъ съ политической, правовой и религіозной окраской, обратить вниманіе на внѣшнія отношенія племенныхъ группъ. Сѣверянинъ, сибирякъ, Щаповъ выросъ въ странѣ, не имѣющей политическихъ, національныхъ преданій, никогда не бывшей большой ареной столкновенія народныхъ группъ, борьбы политическихъ тѣлъ, культурныхъ началъ, языковъ. Передъ его глазами была открыта иная картина—картина упорной, незамѣтной, но мощной дѣятельности колониста, этого представителя трудящихся, рабочихъ массъ, упорной, почти стихійной, борьбы съ суровой, дикой природой, созидательной работы піонера культуры въ дебряхъ лѣсовъ, на берегахъ великихъ рѣкъ... И Щаповъ ведетъ рѣчь въ своихъ трудахъ объ *архитектоникѣ* исторіи. На блестящихъ, художественно написанныхъ страницахъ историческихъ трудовъ Костомарова много драматизма, много движенія, много именъ, героевъ. Въ изслѣдованіяхъ Щапова,

написанныхъ нѣсколько неуклюжимъ, своеобразнымъ, какъ-бы упорнымъ, языкомъ, нѣтъ именъ, нѣтъ славныхъ героевъ. Или—здѣсь одинъ герой,—это безъимянная масса народа; его исторія—исторія колоссальной борьбы съ природой за свою жизнь, за счастье—или лучше благосостояніе безъимяннаго-же потомства. Этнографическій элементъ присутствуетъ, но—слившись съ экономическимъ. У Костомарова на исторической сценѣ—*племя*, у Щапова—*община, земля*. Поляне Костомарова съ ихъ вѣчемъ, бурнымъ и кипучимъ, съ подвижнымъ княземъ, не похожи на какихъ—нибудь Пермячей, Усольцевъ, Поморцевъ, которыми занятъ Щаповъ, съ полнымъ отсутствіемъ внѣшнихъ историческихъ событій, съ дѣловымъ, сельско—хозяйственнымъ міромъ... Костомаровъ болѣе примыкаетъ къ политическимъ историкамъ, Щаповъ—къ культурнымъ и соціальнымъ.

Однимъ изъ важныхъ факторовъ въ образованіи міросозерцанія, склада ума и воззрѣній является безусловно происхожденіе, условія и обстановка воспитанія и жизни. Біографія Щапова весьма интересна и поучительна, хотя чрезвычайно проста и несложна. На его примѣрѣ довольно рельефно обрисовывается *субъективный элементъ* въ историческихъ изслѣдованіяхъ, роль историка въ выборѣ матеріала, группировкѣ и освѣщеніи его.

Афанасій Прокопьевичъ Щаповъ родился 18 января 1830 года, въ селеніи Ангѣ, Верхоленскаго уѣзда, въ 210 верстахъ отъ Иркутска“ [1]). Отецъ его былъ ангинскій дьячекъ, Прокопій Андреевичъ Щаповъ [2]), женатый на буряткѣ [3]). Такіе браки были весьма нерѣдки въ Верхоленскомъ краѣ.

Инородческая кровь обильно вливалась въ русское населеніе, образуя смѣшанное поколѣніе метисовъ, съ свое-

---

[1]) Аристовъ, Афан. Прок. Щаповъ, стр. 4; „Извѣстія“ Сиб. Отд. Геог. Общ. 1876 г., т. VII, № 1—2, стр. 35 (Некрологъ, М. З-на).

[2]) Щаповъ. Сельская осѣдло-инор. и русско-крест. община въ Кудинско—Ленск. краѣ. „Изв.“ Сиб. Отд. 1875, т. VI, № 3, стр. 111 и указ. выше.

[3]) Шашковъ утверждалъ, что на тунгускѣ, но едва ли это справедливо. „Новое Время“ 1876 г. № 176.

образнымъ типомъ, „не раздѣлявшее въ одинаковой степени признаковъ обѣихъ родоначальныхъ расъ“ [1]).

Аристовъ въ своей извѣстной книгѣ сообщаетъ слѣдующія генеалогическія свѣдѣнія о Щаповѣ, со словъ самого его:

„Афанасій Прокопьевичъ въ Петербургѣ передавалъ мнѣ, что его прадѣдъ или прапрадѣдъ по отцу служилъ священникомъ въ одномъ изъ селъ средней губерніи (а какой—онъ и самъ не зналъ), и сосланъ былъ за неизвѣстное преступленіе въ Восточную Сибирь. „Я думаю, говорилъ Щаповъ, что предокъ мой переселенъ за упорство въ раскольничьихъ убѣжденіяхъ, и вотъ на какомъ основаніи. Въ именномъ спискѣ выборныхъ депутатовъ въ екатерининскую комиссію о сочиненіи проекта уложенія значится депутатомъ отъ раскольничьихъ слободъ войсковой обыватель Іванъ Щаповъ“. Онъ указалъ мнѣ дѣйствительно этого выборнаго подъ № 143 въ „Матеріалахъ для исторіи Кимиссіи“, напечатанныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Потомъ прибавилъ съ добродушнымъ смѣхомъ: „Вотъ какая моя знаменитая родословная! Видно, когда священника—моего предка—сослали, братъ его улизнулъ къ казакамъ. Все это могло быть!“—заключилъ онъ“ [2]). Въ одномъ изъ своихъ этнографическихъ трудовъ самъ Щаповъ передаетъ намъ о своей родинѣ и предкахъ слѣдующія свѣдѣнія: „Первый крестьянинъ Щаповъ, пришедшій изъ Россіи черезъ низово-ленскій илимскій уѣздъ, поселенъ былъ въ 1693 году, въ числѣ другихъ крестьянъ—тоже выходцевъ изъ Россіи, въ только что строившуюся тогда ангинскую слободу. Отъ этого-то крестьянина прежде всего въ самой ангинской слободѣ народился небольшой родъ крестьянъ Щаповыхъ до второй половины XVIII вѣка. Одинъ изъ этого ангинскаго русско-крестьянскаго рода Щаповыхъ, съ основаніемъ въ ангинской свободѣ церкви, по совершенному отсутстію бѣлаго духовенства, выбранъ былъ ангинскими крестьянами въ дьячки ангинской церкви,—и отъ него пошелъ духовный родъ Щаповыхъ, представляю-

---

[1]) Ср. Щаповъ, Историко-геогр. этнолог. замѣтки о сибир. населеніи. „Извѣстія“ 1872, т. III, № 4.

[2]) *Аристовъ*, назв. соч. стр. 3.

щій въ прошломъ, въ ангинской слободѣ, непрерывную генеалогію дьячковъ и пономарей, женатыхъ большею частію на крестьянкахъ и жившихъ совершенно покрестьянски, а на сторонѣ, въ разныхъ мѣстахъ иркутскаго округа развѣтвившійся на побочныя сродныя линіи или отрасли одного духовнаго рода Щаповыхъ" [1]). Семейная обстановка, въ которой родился и подросъ будущій знаменитый писатель-ученый, была очень бѣдная. У него было два брата и три сестры. Отецъ не могъ содержать семью на доходы дьячка и пополнялъ средства, занимаясь хлѣбопашествомъ. Сыновья ему помогали въ полевыхъ работахъ; сестры принимали участіе въ домашнихъ хлопотахъ матери, ходившей всегда въ мѣстномъ крестьянскомъ платьѣ. Крестьяне, повидимому, хорошо относились къ отцу Щапова. „Дѣдушко, твой покойный родитель, Прокофей Андреичъ,—говорилъ много лѣтъ спустя Щапову, производившему изслѣдованія въ Верхоленскомъ краѣ, одинъ крестьянинъ [2]),—бывало, дай Богъ ему царство небесное, все толковалъ намъ по писанью, даромъ что былъ изъ нашего мужицкаго роду пономарь и такой же пахарь, какъ и мы. Тепере и его не стало". Старшій братъ Афанасія Прокопьевича также учился въ Казанской академіи. Тамъ сохранились о немъ воспоминанія, какъ о чрезвычайно дикомъ, неукротимомъ характерѣ. Это былъ безпокойный человѣкъ. Въ пьяномъ видѣ онъ ходилъ къ ректору бранить его за дурное управленіе. Товарищи боялись его, и онъ былъ уволенъ изъ академіи передъ самымъ окончаніемъ курса. Аристовъ, сопоставляя дикія выходки, вспыльчивость, безпощадную откровенность и смѣлость Афанасія Прокопьевича, а также страсть къ вину, съ данными объ его братѣ, склоненъ былъ объяснять дѣло на-

---

[1]) *Физическое развитіе Верхоленскаго населенія*, ст. *Щапова* въ Изв. Сиб. Отд. 1876., VII, № 2—3, стр. 54. Въ ст. „*Физич. и этнолого-генеалогич. разв. Кудинскаго и Верхол. насел.*", въ Изв. 1875 г., т. VI, № 5—6, Щаповъ, говоря объ условіяхъ жизни и рождаемости, указываетъ какъ на продуктъ нѣкоторыхъ ненормальныхъ условій, на случаи сумашествія въ Ангинскомъ районѣ, но и отмѣчаетъ сопутствующіе случаи даровитости. Митрополитъ Московскій Иннокентій приходился Щапову сродни.

[2]) „Изв." Сиб. Отд. 1875, т. VI, № 3, ст. 111.

слѣдственностью [1]). Иркутяне называютъ еще нѣсколько примѣровъ проявленій дикой натуры въ родѣ Щаповыхъ. Но сваливать все на наслѣдственность было бы неосторожно. У Афанасія Прокопьевича, какъ мы ниже увидимъ, была черезвычайно нѣжная натура, мягкое доброе сердце. Онъ часто растрогивался до слезъ. Учась въ академіи, онъ органически не выносилъ алкоголя. Но я забѣжалъ впередъ. Сестры Щапова остались безграмотными. Мальчики же были выучены отцомъ азбукѣ и отвезены въ Иркутскую бурсу (духовное училище). Афанасій Прокопьевичъ поступилъ въ бурсу на десятомъ году. Кто читалъ „Очерки бурсы" Помяловскаго, описаніе Иркутской бурсы у М. В. Загоскина [2]) Шашкова [3]), тотъ имѣетъ представленіе объ этомъ ужасномъ типѣ учебнаго заведенія. Грязная, холодная и голодная жизнь, дикій характеръ запуганныхъ, забитыхъ и озлобленныхъ дѣтей, отсутствіе книгъ, даже учебниковъ; дикія сцены самодурства педагоговъ, dранье розгами при колокольномъ звонѣ, въ присутствіи толпы любопытныхъ, битье, нерѣдко кончавшееся увѣчьями [4]),—вотъ краткая характеристика этой жизни. И изъ этой грязи, отъ этого голода, отъ насѣкомыхъ и одичалыхъ педагоговъ дѣти бѣжали домой,—ихъ ловили, снова запирали, подвергая жестокимъ наказаніямъ.

За то сколько нѣжнаго чувства, поэзіи въ описаніи Щапова своихъ поѣздокъ на каникулы! Большую часть дороги шли пѣшкомъ, оборванные, но среди мощной величавой природы, на чудномъ воздухѣ лѣсовъ и полей, вдали отъ школьной грязи, наказаній. Эта природа не ненавидѣла и не озлобляла, она давала волю и отдыхъ. Какъ же было не полюбить ее? и Щаповъ страстно любилъ ее, любилъ и тотъ простой народъ, крестьянъ и дьячковъ, которые съ

---

[1]) Аристовъ, стр. 38—39.

[2]) „*Магистръ*", неоконч. ром., нап. въ „Сборникѣ газ. Сибирь" 1876 г.

[3]) *Автобіографія*, „Вост. Обозр." 1884, № 30.

[4]) „Въ перемѣну между утренними классами, по корридорамъ раздавался продолжительный звонъ большого училищнаго колокола, и ученики всѣхъ классовъ съ криками „публика, публика", собирались въ самую большую комнату нижняго отдѣленія. Приходило начальство и ученика, провинившагося въ чемъ-нибудь особенно серьезномъ, К. (сторожъ) сѣкъ немилосердно". Шашковъ, ibid.

такой добротой относились къ маленькимъ путешественникамъ, подвозили, кормили. Вотъ, быть можетъ, почему и впослѣдствіи, въ своихъ историческихъ занятіяхъ Щаповъ избѣгалъ городовъ, городскихъ высшихъ слоевъ населенія; его тянуло къ „чернымъ лѣсамъ", къ рабочему черному люду...

У Щапова, какъ бѣдняка, не было книжекъ; онъ бралъ освобождавшіеся учебники у товарищей и наскоро выучивалъ урокъ. Какъ покупали ученики общія ложки и „перехлебывались" ими за обѣдомъ, такъ и учились по одной книжкѣ. Тѣмъ не менѣе Щаповъ блестяще учился и перешелъ въ 1846 году въ семинарію.

Здѣсь матеріальная обстановка была болѣе сносной, но царствовала прежняя грубость, а въ преподаваніи—схоластика. Наукъ всего преподавалось 43. „Не всякій умъ,—говоритъ Шашковъ [1]), могъ вмѣстить въ себя такую бездну премудрости, да и тѣ, которые вмѣщали, удерживали ее въ своей головѣ только до окончанія курса", Щаповъ кончилъ курсъ въ 1852 году. „Мало знаній онъ вынесъ изъ семинаріи: изъ всей русской литературы, напримѣръ, онъ былъ хорошо знакомъ только съ исторіей Карамзина; объ иностранныхъ же литературахъ почти не имѣлъ понятія" [2]). Но работалъ Щаповъ и въ семинаріи усердно, упорно. Способность къ труду въ немъ укрѣпилась и развилась. Въ числѣ лучшихъ учениковъ онъ былъ на казенный счетъ отправленъ въ Казанскую академію.

Строй Казанской академіи былъ таковъ, что располагалъ къ труду, къ научнымъ занятіямъ. Для послѣднихъ,

---

[1]) „Новое Время", № 1876, № 198. См. списокъ наукъ въ его-же *Автобіографіи*, „Вост. Обозр. 1884, № 32, стр. 13. Въ числѣ наукъ было даже сельское хозяйство, землемѣріе, черченіе, медицина и т. д.

[2]) Шашковъ „Новое Время" 1876, № 198. Свѣтская литература, чтеніе свѣтскихъ книгъ строго преслѣдовалось. „Я кому-то изъ товарищей,—вспоминаетъ Шашковъ,—далъ читать „Письма русскаго путешественника" Карамзина: Петръ (инспекторъ) отобралъ ихъ, потребовалъ утромъ меня и далъ мнѣ жестокій нагоняй: „что читаешь! что ты - путешественникомъ что ли готовишься быть — безтолковый? Читалъ бы „Христіанское Чтеніе",—тамъ языкъ-то языкомъ, а мысли-то мыслями". Книга полетѣла въ топившуюся печку, а на меня Петръ крикнулъ: „пошелъ вонъ, безтолковый". *Автобіографія*, „Вост. Обозр." 1884, № 30, стр. 13.

несмотря на схоластически-богословскую программу академіи, было много благопріятныхъ условій. Жизнь русскаго общества уже измѣнялась, и измѣненіе сказывалось и на замкнутой академической жизни. Было нѣсколько образованныхъ свѣтскихъ профессоровъ съ сильнымъ стремленіемъ къ научному знанію, дѣйствовавшихъ на занятія студентовъ. Было много учебныхъ, хотя и не отличавшихся разнообразіемъ, пособій. Бывшій воспитанникъ академіи, современникъ Щапова, Рождественскій, такъ, между прочимъ, говоритъ объ академической жизни того времени. „Умственной свѣжей, здоровой пищи, кромѣ затхлой казенщины, почти негдѣ было взять: „Исторія цивилизаціи" Гизо считалась „ужасной книжкой", а извѣстное сочиненіе Гиббона въ нѣмецкомъ переводѣ держали въ страшной тайнѣ; на свой счетъ студенты выписывали „Отечественныя Записки" и „Современникъ", но читали по возможности скрытно отъ начальства". „Журналы прежнихъ годовъ брали студенты изъ библіотеки Сахарова, а о современныхъ живыхъ интересахъ не имѣли ни малѣйшаго понятія". „Но—странное дѣло!—во многихъ изъ насъ все-таки была какая-то либеральная закваска. Споры и разговоры, неизбѣжные у молодежи, какъ бы она ни была пришиблена, по большей части отличались схоластически-отвлеченнымъ характеромъ, но и тутъ обнаруживался у нѣкоторыхъ своего рода либерализмъ. Гегель, толкуемый и вкривь, и вкось, увлекалъ многихъ оригинальностью воззрѣній и широтой системы". „Не знаю, чему приписать,—пишетъ онъ дальше,—то замѣчательное обстоятельство, что Казанская академія, духовная оффиціально, управляемая монахами, съ самаго перваго курса получила свѣтскій характеръ, и всѣ почти лучшіе студенты всегда охотнѣе занимались свѣтскими науками, чѣмъ богословскими. Въ теченіе десяти лѣтъ академія поставила только трехъ монаховъ и потомъ еще нѣсколько человѣкъ, тогда какъ другія академіи очень щедры были на поставку монаховъ. Тамбовскихъ студентовъ не любили товарищи именно за то, что они шли въ монахи охотнѣе другихъ. Духъ ли времени, отъ котораго не спасешься ни за какими стѣнами и оградами, бралъ свое, или съ самаго основанія академіи не было въ ней сильныхъ, нравственно-вліятельныхъ монаховъ начальниковъ и

профессоровъ,—студенты терпѣть не могли всего, что отзывалось монашескимъ". „Богословіе всякаго сорта, догматическое, нравственное, обличительное и проч., надоѣло еще въ семинаріи, да и въ академіи читалось по схоластической методѣ; вотъ мы съ голоду и нападали на все новое и свѣтское; даже сочиненія курсовыя брали не богословскаго характера, напримѣръ, „библейская ботаника", „библейская зоологія" (мы еще слушали въ академіи естественныя науки)" [1]).

Въ академіи учились юноши со всѣхъ концовъ Россіи. Здѣсь были и поморцы, и кавказцы, и поволжане, и сибиряки. Это были уроженцы весьма разнообразныхъ мѣстъ, съ своеобразнымъ каждое населеніемъ, съ отличными обычаями, мѣстнымъ говоромъ. Часто самый типъ былъ уже не великорусскій. Особенно должны были отличаться сибиряки, а между послѣдними забайкальцы. Всѣ они жили вмѣстѣ, дѣлились воспоминаніями, мѣстными впечатлѣніями. Этнографу здѣсь можно было поучиться.

„Всѣ студенты-сибиряки, сколько я ихъ зналъ,—дѣлаетъ общую характеристику Рождественскій,—были люди очень даровитые и отличались характеромъ смѣлымъ и прямымъ; это, вѣроятно, зависѣло отъ того, что сибирское духовенство не знало приниженія, которое испытывало великорусское духовенство отъ помѣщиковъ, и было зажиточнѣе его.

[1]) Хрисговъ, н. с., стр. 8, 10, 11. «Вся почти библіотека Казанской академіи, по словамъ Рождественскаго,—образовалась изъ книгъ, пожертвованныхъ архіепископомъ, потомъ митрополитомъ С.-Петербургскимъ, Григоріемъ. Эти сочиненія были почти всѣ нѣмецкія, протестантскія; студенты первыхъ курсовъ занимались преимущественно нѣмецкой литературой, а въ ней немного вычитаешь въ пользу монашества. Самъ покойный архипастырь Григорій въ былые годы заподозрѣнъ былъ въ склонности къ протестантскимъ мнѣніямъ. Церковную исторію до V курса Андрей Игнатьевичъ Беневоленскій читалъ по Неандеру, но за либерализмъ его перевели на исторію библейскую; а онъ все твердилъ студентамъ. „Господа, не читайте, пожалуйста, доктора Давида Штрауса,—онъ всю жизнь Іисуса Христа старается превратить въ миѳъ!..." Другой профессоръ, читавшій физику и математику Димитрій Федотовичъ Гусевъ, постоянно твердилъ, что тотъ студентъ—не студентъ, который не въ состояніи отъ доски до доски прочитать съ полнымъ понятіемъ книжки „Современника" или „Отечественныхъ Записокъ".

Сибиряки-студенты въ наше время полушутя, полусерьезно называли свою Сибирь русской Америкой и говорили, что она, рано или поздно, отдѣлится отъ Россіи. Эти мысли высказывались, разумѣется, мимоходомъ и не развивались, но, можетъ быть, онѣ подали поводъ Щапову мечтать о федераціи, хотя впослѣдствіи объ этомъ не мало говорено было въ литературѣ русской, особенно Н. И. Костомаровымъ Вообще, студенты-сибиряки обладали характеромъ независимымъ и настойчивымъ". Щаповъ уже въ академіи обращалъ на себя вниманіе открытымъ и смѣлымъ характеромъ и откровенностью, не знавшей предѣла. „Вслѣдствіе духовной чистоты своей, — по словамъ Рождественскаго, — онъ не понималъ, что такое интрига, скрытность, лицемѣріе". „Искренность его соединялась съ необыкновенной смѣлостью, отвагой; онъ говорилъ одинаковымъ тономъ со сторожемъ, съ товарищемъ, съ ректоромъ и на экзаменахъ—и тутъ не было ни заносчивости, ни желанія выставиться передъ другими; смѣлость эта прямо вытекала изъ убѣжденія, изъ чистаго сердца". Онъ всегда обращалъ вниманіе лишь на дѣло, на сущность. Какъ не заботился онъ о своей внѣшности, такъ не обращалъ вниманія на форму своихъ академическихъ работъ, сочиненій. Писать ихъ онъ очень любилъ, но никогда не успѣвалъ къ сроку окончить. Его увлекала самая работа, — объ остальномъ онъ забывалъ. На первомъ курсѣ Щаповъ читалъ много и упорно и съ такимъ усердіемъ занимался, что всѣ изумились; онъ не зналъ никакихъ развлеченій, не участвовалъ въ играхъ и рѣдко выходилъ даже на прогулку. Часовъ по 17 въ сутки онъ проводилъ за конторкой, такъ что отъ его сапогъ образовались углубленія на полу; студенты водили другъ друга смотрѣть на это диво и углубленія прозвали „ямами новаго столпника блаженнаго Афанасія". „Когда Щаповъ былъ занятъ работой, онъ совершенно не замѣчалъ, что вокругъ него происходитъ; случалось, что инспекторъ или помощникъ его приходили гнать не только въ аудиторію, но и въ столовую, такъ какъ онъ не слышалъ звонка и не видѣлъ, что оставался одинъ въ камерѣ".

Въ академіи студенты старательно занимались новыми языками, особенно нѣмецкимъ, и очень интересовались

иностранной, западно-европейской литературой. Щаповъ, увлеченный работами на излюбленныя темы и не получившій предварительно никакой подготовки по языкамъ, почти не занимался ими. Это дало ему возможность массу перечитать на русскомъ языкѣ, въ то время, какъ его товарищи тратили время на занятія граматиками, но это же отразилось и неблагопріятно, съузивъ сферу его знаній, сдѣлавъ научное развитіе его одностороннимъ. Онъ почти не былъ знакомъ съ иностранными литературами и плохо зналъ западно-европейскую жизнь, съ которой знакомился по русскимъ сочиненіямъ. А по послѣднимъ въ то время немногое можно было узнать. Переводной литературы почти не было. Позднѣе на лекціяхъ онъ дѣлалъ иногда ссылки и сближенія въ области западно-европейской жизни, но случайныя и поверхностныя. Для своихъ сочиненій онъ просто отыскивалъ цитаты въ книгахъ, которыя цѣликомъ и не прочитывались имъ. Еще позднѣе, когда знакомство съ Боклемъ и естественно-историческими сочиненіями заставило Щапова приняться за пересмотръ и углубленіе всѣхъ научно-историческихъ воззрѣній, ему предстояла масса работы, осилить которую не было и времени, и средствъ.

На всѣ лекціи Щаповъ ходилъ одинаково аккуратно и прослушивалъ ихъ внимательно, какая бы не была лекція— дурная или хорошая. „Строго исполняя по внѣшности правила академической жизни, — говоритъ Калатузовъ, — онъ не проникался сознаніемъ необходимости этихъ правилъ: точно они были составлены не для него, а спутанъ онъ ими былъ по ошибкѣ". Словомъ, это былъ человѣкъ, что называется, „не отъ міра сего". Онъ привыкъ жить въ области мысли, идей, среди образовъ минувшаго. Но подъ холодной сосредоточенностью, замкнутостью скрывалась страстная, кипучая, впечатлительная натура. Очень характеренъ случай, приводимый тѣмъ же Калатузовымъ. „Въ лѣтніе каникулы 1856 г. оставшіеся въ академіи студенты временно помѣщены были въ правомъ флигелѣ, по случаю ремонта въ главномъ зданіи; Афанасій Прокопьевичъ жилъ въ отдѣльной комнатѣ и оканчивалъ свое курсовое сочиненіе. Въ каникулы тоже не освобождались студенты отъ надзора инспекціи; тоска бывала смертельная; студен-

товъ мало, все надоѣстъ — и чтеніе, и прогулка; остаются бѣдняки и не знаютъ, куда приклонить голову. Вотъ одинъ изъ студентовъ, шагая по комнатѣ, затянулъ съ горя пѣсню:

„Ахъ, подруженьки, какъ грустно
„Цѣлый годъ жить въ заперти,
„Изъ-за стѣнъ лишь любоваться
„На широкія поля!
„Намъ и пѣсни не въ веселье,—
„Отъ тоски мы ихъ поемъ“.

Вдругъ растворяется дверь,—въ комнату влетѣлъ Щаповъ. Наэлектризовавшись тоскливымъ пѣніемъ, онъ разразился чуть не со слезами на глазахъ цѣлой рѣчью: „Боже, какъ жутко жить въ заперти русской душѣ! Простору, воздуху ей надо! Потому и спитъ русскій человѣкъ и охваченъ лѣнью, что находится въ заперти и окутанъ тройными веревками; потому и чудится ему вавилонская блудница! и проч.“.

Очень сильнымъ чувствомъ было у Щапова чувство кровной связи, родства съ народомъ, съ чернымъ рабочимъ людомъ. Это чувство проходитъ черезъ всю его жизнь. Этимъ отчасти слѣдуетъ объяснить и предпочтительное его занятіе русской исторіей.

Какъ мы выше упомянули, тогда была эпоха особенно повышеннаго интереса къ народу, къ народному быту. Появлялось очень много сочиненій, статей, посвященныхъ изученію народнаго хозяйства, народнаго міросозерцанія. Не говоря объ Аксаковыхъ, Кирѣевыхъ, Самаринѣ, достаточно назвать такого большого аристократа мысли, какимъ былъ талантливый Герценъ, который изъ вопроса объ общинномъ строеніи крестьянскаго міра и общинномъ духѣ народа сдѣлалъ центръ и основу для своей журнальной дѣятельности, чтобы составить представленіе объ интересахъ тогдашней русской мысли. Щаповъ старательно перечитывалъ все, что попадалось ему изъ литературы о народномъ бытѣ.

Сюда же направляла вниманіе и обстановка всей тогдашней жизни. Крымская война подняла народное чувство. Она раскрыла язвы общественныхъ настроеній. Всѣмъ были понятны причины катастрофы. Масса рукописныхъ списковъ ходила по рукамъ и въ нихъ указывалось на зло-

употребленія военной и гражданской администраціи. Учащаяся молодежь, конечно, напускалась на этотъ родъ литературы.

„Щаповъ нерѣдко плакалъ при вѣсти о людскихъ горестяхъ,—говоритъ Аристовъ,—и общественномъ неустройствѣ въ Россіи. Никто съ такой жадностью не ловилъ газеты, какъ онъ, во время знаменитой Севастопольской обороны, и никогда не сомнѣвался, что русскіе отобьются съ честью отъ союзныхъ войскъ. Но едва ли кто изъ студентовъ переживалъ такое тяжелое горе и разочарованіе при вѣсти о взятіи Севастополя, какъ будущій профессоръ русской исторіи: горе его не имѣло предѣловъ—и онъ рѣзко громилъ злоупотребленія военныхъ чиновъ, о чемъ много ходило тогда между студентами секретныхъ записокъ и извѣстій, какъ, напримѣръ, французамъ продавали жертвованную со всей Россіи корпію, а своимъ солдатикамъ перевязывали раны сѣномъ по неимѣніи корпіи, и проч.“.

Крымская война оказала неожиданную услугу студентамъ академіи. Въ Казань была перевезена богатая рукописная библіотека Соловецкаго монастыря, осаждавшагося англичанами. Ректоръ поручилъ студентамъ составить опись рукописямъ. Съ этого началось изученіе этой богатой сокровищницы, заключавшей неоцѣнимый матеріалъ по исторіи колонизаціи Поморья, по исторіи раскола и по экономическому быту древней Россіи. Щаповъ также старательно изучалъ рукописи и впослѣдствіи увезъ выписокъ изъ нихъ цѣлый узелъ въ простынѣ.

На послѣднемъ курсѣ онъ былъ весь поглощенъ магистерской диссертаціей, отъ судьбы которой зависѣла и его судьба. Внѣ профессуры онъ не представлялъ себѣ будущаго. Наука, научныя занятія — вотъ была цѣль его жизни.

Двойственность направленій въ умственной жизни академіи,—съ одной стороны клерикально-монашеское преподаваніе, а съ другой—научно-литературные интересы, возбуждавшіеся свѣтскими профессорами и внѣшними событіями и вѣяніями русской жизни,—должна была отразиться на воззрѣніяхъ Щапова. На его магистерской работѣ эта двойственность отразилась замѣтно. Авторъ былъ поклонникъ народа, его быта, питалъ симпатію къ самобытнымъ

проявленіямъ его міросозерцзнія; но вмѣстѣ съ тѣмъ Щаповъ воспитался на полемическомъ богословіи. Нѣкоторая двойственность и отразилась на „Русскомъ расколѣ старообрядства“. Книга была новостью въ литературномъ мірѣ; на нее обратили вниманіе. Въ „Современникѣ“, наиболѣе популярномъ органѣ прогрессивной журналистики, сочиненіе молодого писателя подверглось жестокой критикѣ [1]). Щаповъ потомъ говорилъ, что, несмотря на многое несправедливое, высказанное въ рецензіи, послѣдняя многое уяснила автору. Щаповъ самъ отозвался въ предисловіи скромно о своей книгѣ, какъ „первой попыткѣ раскрыть историческіе причины появленія и распространенія въ Россіи раскола старообрядства“. На самый расколъ онъ уже высказываетъ взглядъ, какъ на „характеристическое явленіе въ историческомъ развитіи русскаго народа, особенно его *низшихъ классовъ*“. „Въ немъ, — по мнѣнію молодого ученаго, — сохранился, такъ сказать, окаменѣлый осколокъ древней Россіи, выразилась русская народность XVII вѣка, въ ея отрѣшенности отъ иноземныхъ элементовъ реформы Петра Великаго и XVIII столѣтія, проявилась преимущественно своеобразная историческая жизнь массы народа, жизнь религіозная и гражданская, жизнь умственная и нравственная“ [2]). Это уже научная точка зрѣнія; историцизмъ ея несомнѣненъ.

Демократическія симпатіи и излишняя объективность чуть не повредили Щапову. Онъ съ затрудненіями получилъ магистерскую степень и былъ оставленъ баккалавромъ по кафедрѣ русской исторіи. Въ этотъ критическій моментъ

---

[1]) Рецензія не была подписана; Щаповъ приписывалъ ее Добролюбову, какъ и біографъ его Аристовъ; то же самое повторяется и въ недавно вышедшемъ собраніи сочиненій Щапова. Виною въ послѣднемъ случаѣ редакторъ изданія: въ „Русск. Бог.“ была напечатана замѣтка другого критика „Современника“, М. А. Антоновича, который заявилъ, что рецензія принадлежала ему.

[2]) Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII. Опытъ историческаго изслѣдованія о причинахъ происхожденія и распространенія русскаго раскола. Сочиненіе А. Щапова. Казань. Изданіе книгопродавца Ивана Дубровина. 1859. Предисловіе, стр. I и III.

онъ готовъ былъ идти въ монахи. Его аскетическія привычки и тогдашній личный взглядъ на науку заставляли его видѣть мало разницы между кельей монаха и кабинетомъ ученаго.

Узнавъ объ оставленіи его въ академіи, Щаповъ съ жаромъ принялся немедленно за подготовленіе курса русской исторіи, который распадался въ академіи на двѣ части: курсъ гражданской исторіи и курсъ церковной исторіи. Щаповъ началъ съ послѣдней.

„Русскую церковную исторію ему хотѣлось излагать не съ общихъ византійскихъ началъ, — говоритъ біографъ и слушатель Щапова, — и не по опредѣленнымъ рамкамъ, какъ дотолѣ ее писали, но онъ желалъ выдвинуть на первый планъ отличительныя черты русской церкви и ея вліяніе на народъ, со всей жизненной средой и обстановкой, съ умственнымъ, нравственнымъ и экономическимъ уровнемъ развитія нашего отечества“. Чтобы уяснить эту идею Щапова, надо представить себѣ слѣдующія данныя. Христіанская религія, съ ея вѣроученіемъ и церковнымъ строемъ, есть продуктъ умственнаго развитія опредѣленной національности, въ данномъ случаѣ—греко-римскаго, византійскаго міра. Византійскій міръ имѣлъ на своихъ плечахъ тысячелѣтнюю работу мысли и религіознаго настроенія. Идея еллинистическихъ философовъ о Логосѣ, слившаяся съ еврейской идеей о Мессіи, воплотившись въ образѣ Христа, была родна византійскому міру. А около этой центральной идеи группировалась масса понятій, представленій, образовъ,—привычекъ, наконецъ, наслоившихся вѣками въ еллинскомъ умѣ. Въ русскій народъ весь этотъ строй чуждыхъ идей, непривычныхъ образовъ и непонятныхъ представленій нельзя было перелить сразу. Да такое усвоеніе во всей полнотѣ, конечно, было и недостижимо, какъ недостижимо претвореніе русскаго человѣка, сына своей природы, въ потомка еллинскаго міра, рожденнаго подъ другимъ небомъ. Христіанское ученіе, принятое русскимъ народомъ, слѣдовательно, было не христіанское вѣроученіе византійца, а нѣчто другое. Христіанство внесло массу новыхъ понятій, но не сразу; скорѣе оно иначе координировало представленія о мірѣ и добрѣ русскаго человѣка. Изъ взаимодѣйствія византійскихъ началъ съ славяно-русскимъ

міросозерцаніемъ должно было получиться нѣчто третье, новый строй религіозныхъ представленій.

Вскрытію этого реальнаго міросозерцанія и были посвящены работы молодого профессора. Часть этихъ работъ впослѣдствіи вошла въ прекрасные „Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія (православнаго и старообрядческаго)“, печатавшіеся въ журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія за 1863 г. и вышедшіе затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ. Историческій анализъ народныхъ сказаній, апокрифовъ здѣсь поражаетъ своею силою. Къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ намъ останавливаться на нихъ долго. Мы ограничимся лишь выдержками въ видѣ иллюстраціи изъ изученія преданій и легендъ о трехъ святыхъ. Проанализировавъ источники, отразившіе народныя представленія объ Ильѣ пророкѣ, этомъ еллинизированномъ въ русской обстановкѣ Перунѣ, Щаповъ говоритъ: „Въ старину, какъ видно изъ церковнаго новгородскаго чиновника, въ Ильинъ день и послѣ Ильина дня, въ теченіе недѣли, были *по завѣту* крестные ходы въ Ильинскую церковь на Славкѣ улицѣ съ молебнами *о дождѣ или ведрѣ пророку Иліи*. Такимъ образомъ церковь новгородская утверждала народное вѣрованіе и придавала ему санкцію“ [1]). „Какъ Илья Пророкъ сталъ, на взглядъ народный, олицетвореніемъ грома, молніи и дождя, въ замѣнъ Перуна Громовержца, такъ Іоаннъ Креститель сталъ въ средневѣковомъ народномъ міросозерцаніи олицетвореніемъ миѳическаго лѣтняго *огненнаго солноворота*, на мѣсто двухъ языческихъ *сварожичей—солнца и огня*. Такъ какъ солнце въ іюнѣ, въ славянскій мѣсяцъ *кресникъ*, въ мѣсяцъ *огня и жизни*, достигши высшаго проявленія въ развитіи растительности, въ оплодотвореніи всякой лѣтней жизни, поварачиваетъ съ этого времени, по народному міропредставленію, съ лѣта на зиму, какъ огненное колесо, и такъ какъ около 23 іюня славяне, во времена язычества, праздновали лѣтній солноворотъ, въ образѣ Купалы,—то со времени христіанскаго, церковнаго мѣсяцеслова, празднованіе *Креса*, іюльскаго солноворота, Купалы, пало на 23-й день іюля, на день Іоанна Предтечи. Такое соединеніе древне-языческаго представленія о лѣтнемъ

[1]) Журн. М. Н. Пр. 1863, т. CXVII, стр. 15—16.

солноворотѣ съ днемъ Іоанна Предтечи, кромѣ совпаденія древне-языческаго праздника Купалы съ днемъ Іоанна Крестителя, могло также утвердиться подъ вліяніемъ своеобразно-понятыхъ народомъ церковно-книжныхъ названій Іоанна Предтечи *денницей солнца*, *предтечей солнца*. Народъ представлялъ и донынѣ представляетъ, что въ Ивановъ день солнце выѣзжаетъ изъ своего чертога на трехъ коняхъ—серебряномъ, золотомъ и брилліянтовомъ, на встрѣчу мѣсяцу. И вотъ Іоаннъ Креститель, какъ предтеча солнца, представился ему, по его непосредственно-натуральному, антропо-морфическому міросозерцанію, предтечей солнца на поворотномъ пути къ зимѣ“ [1]).

„Какъ пророкъ Илія замѣнилъ въ средневѣковомъ народномъ міросозерцаніи Перуна, а Іоаннъ Предтеча обоихъ сварожичей—солнце и огонь, такъ Георгій храбрый въ народной эпической поэзіи носитъ миѳическій характеръ героя-полубога, устроителя земли русской. Церковь, введши праздникъ въ честь его 23-го апрѣля, предлагала въ этотъ день житіе его, повѣствовала о чудѣ, какъ онъ умертвилъ змія, дракона, и избавилъ отъ него дѣвицу, царскую дочь. Народъ, усвоивъ это церковное сказаніе, перенесъ его въ свою поэзію и передѣлалъ сообразно съ своими понятіями въ извѣстномъ духовномъ стихѣ „о Елизаветѣ прекрасной“. Въ самобытной народной поэзіи, именно *въ стихѣ о Егоріи храбромъ*, герой землеустроитель изображается въ двоякомъ видѣ. Съ одной стороны, миѳическій образъ его, какъ героя полубога, носитъ ясные оттѣнки отдаленнаго миѳологическаго „юнацкаго“ эпоса, съ другой стороны, сквозь миѳическій ликъ Егорія храбраго проглядываютъ и нѣкоторыя черты историческаго народнаго эпоса и земскаго міроустройства“ [2]).

„Простосердечная вѣра древнихъ русскихъ людей вызывала чудотворцевъ русскихъ съ того свѣта на борьбу съ лѣсными, горными и водяными духами и на помощь русскимъ святымъ призывала святыхъ греко-восточной церкви и саму Богородицу“ [3]).

---

[1]) Ibid. стр. 17—18.
[2]) Стр. 22—23.
[3]) Стр. 37.

Учителя народные, православное духовенство, по возможности старались не становиться въ рѣзкій антагонизмъ съ народнымъ міросозерцаніемъ. Они внушали народу, что „надъ каждой стихіей, надъ каждымъ явленіемъ природы Богъ поставилъ особыхъ духовъ, ангеловъ“ [1]).

Да и само духовенство скоро стало пополняться представителями русскаго народа, которые не могли отрѣшиться отъ міросозерцанія своей среды. Часто появлялись поученія въ видѣ бесѣдъ какихъ-либо чтимыхъ святителей, излюбленной формѣ древне-русской литературы, въ которыхъ христіанскія понятія своеобразно смѣшивались съ туземными, языческими. „Иванъ рече: отъ чего громъ сотворенъ бысть? Василій рече: два ангела громная есть; елленскій старецъ Перунъ и Хорсъ жидовинъ, два еста ангела молніина. Вопросъ: что есть громъ и молнія? Толкъ: ангелъ господень летая біетъ крилами и гонитъ дьявола. Молнія суть свиты ангельскія. И егда идетъ дождь, тогда дьяволъ стонетъ. И егда молнія ходитъ, стрекаются, то со гнѣвомъ ангелъ Господень зритъ на дьявола“ [2]),

„Почти каждая область, каждый городъ, рознясь между собою во многихъ мѣстностяхъ этнографическимъ составомъ населенія, изстари стремясь къ земской, территоріальной особенности, самостоятельности, по *рѣчнымъ передѣламъ*, или по *раздѣламъ земли и воды*, а также и къ мѣстному земскому самоуправленію,—и въ религіозномъ отношеніи, признавали своихъ особенныхъ мѣстныхъ святыхъ покровителей и стражей своей страны. „Псковъ и великій Новгородъ (читаемъ въ одномъ русскомъ житіи) блажитъ Варлаама и Михаила юродиваго Христа ради, Смоленскъ блажитъ князя Θеодора; московское-же царство блажитъ Петра и Алексѣя и Іону и Максима и иныхъ множество; Ростовъ блажитъ Леонтія и Игнатія, Исаію, Вассіана и Ефрема; Вологда бо блажитъ препод. Димитрія и иныя тамъ сущія многія: каяждо страна своихъ блажитъ. И мы-же (Устюжане) тебѣ, Прокопіе, сѣверная страна по Двинѣ рѣцѣ, Вага рѣка, на ней-же градъ Сенкурія, и та блажитъ Георгія Христа ради юродиваго. Соловецкій-же островъ и

---

[1]) Стр. 5.
[2]) Стр. 8.

все поморіе блажитъ Савватія и Зосиму. Мы-жъ тобя, якоже стража и хранителя, имѣемъ отчины града нашего Устюга". Народныя легенды о чужихъ святыхъ той или другой области, записанныя со словъ всякихъ чиновъ людей въ рукописныхъ житіяхъ древне-русскихъ святыхъ, характеристично выражаютъ съ многоразличныхъ сторонъ эту натурально-практическую основу народнаго вѣрованія въ чудеса святыхъ, и притомъ со всѣми мѣстными, областными, географическими и часто даже этнографическими особенностями народнаго быта; въ чудесахъ каждаго мѣстнаго, областнаго святаго вполнѣ отражаются мѣстныя физическія условія областнаго населенія и особенности областей географическія и физическія" [1]).

Изъ изложеннаго можно видѣть, какими богатыми матеріалами располагалъ Щаповъ, какую массу источниковъ онъ изучилъ, и въ кругу какихъ интересныхъ вопросовъ историко-этнографическихъ находился молодой профессоръ и его слушатели. Особенно его занималъ вопросъ объ Егоріи храбромъ, въ легендахъ о которомъ ему удалось вскрыть историческіе черты князя Юрія (Георгія) Долгорукаго , устроителя сѣверо-восточной Руси. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ сказаніяхъ отпечатлѣлось великое явленіе русской исторіи—колонизаціонно-поступательное движеніе русской народности, устроительно-культурная дѣятельность русскаго землепашца.

Конечно, лекціи эти не могли съ самаго начала получить видъ послѣдовательнаго, систематическаго курса.

Масса матеріала, толпа новыхъ идей еще не размѣстились въ рамки системы идей и фактовъ. Самая оффиціальная программа дѣйствовала стѣснительно; приходилось примѣняться и къ принятымъ по традиціи представленіямъ.

Работая надъ лекціями, Щаповъ писалъ и для новаго, періодическаго органа академіи, „Православнаго Собесѣдника», издававшагося подъ руководствомъ и редакціей ректора Іоанна. Едва-ли многимъ изъ читателей попадались въ руки эти толстыя книжки научно-духовнаго журнала. Въ свое время они обратили вниманіе ученыхъ. Въ нихъ заключаются драгоцѣнные матеріалы по исторіи и этнографіи.

---

[1]) Стр. 46.

Іоаннъ былъ умный и ученый монахъ, человѣкъ съ крѣпкой волей и организаторскимъ талантомъ. Онъ привлекъ къ сотрудничеству и профессоровъ и студентовъ. Щапова онъ очень цѣнилъ и часто давалъ ему работы для журнала.

Академическая и журнальная работа производилась надъ однимъ матеріаломъ и въ кругу одинаковыхъ вопросовъ, хотя темы статей, писавшихся для журнала, были болѣе церковно-религіознаго характера. Какъ мы выше указали, часть матеріала была позднѣе использована Щаповымъ въ „Историческихъ очеркахъ народнаго міросозерцанія", какъ напр., статья „Смѣсь христіанства съ язычествомъ въ древнерусскихъ сказаніяхъ о мірѣ", въ которой онъ ставитъ такой тезисъ. „Древнія ѳеогоническія и космогоническія преданія славяно-русскаго язычества, встрѣтившись въ началѣ христіанской эпохи съ церковно-библейскимъ ученіемъ о Богѣ и мірѣ, не скоро исчезли, а частію сохранили старое миѳологическое значеніе, частію приняли оттѣнокъ апокрифически-христіанскій, *или частнѣе,—гностико-богомильскій*". Нѣсколько статей посвящены изображенію *роли церкви и монастырей* въ древне-русскомъ обществѣ. Роль духовенства и монашества здѣсь изображается преувеличенно-радужными красками; между тѣмъ какъ для обрисовки нравственнаго состоянія общества авторъ не пожалѣлъ темныхъ красокъ. Для образчика мы приведемъ одно далеко не изъ самыхъ сильныхъ мѣстъ изъ статьи: „Древніе пустыни и пустыножители на сѣверо-востокѣ". „Въ пустынной странѣ удобно было процвѣтать такому множеству отшельническихъ пустыней, какое представляетъ исторія русской церкви. Тѣмъ болѣе это было удобно, что къ тому-же по многимъ причинамъ располагалъ благочестивыхъ людей средне-вѣковой разладъ общественной жизни въ населенныхъ мѣстахъ, въ многолюдныхъ городахъ и селахъ. При полномъ господствѣ права сильнаго, при грубости, неразвитости гражданскихъ общественныхъ правъ и отношеній, при частыхъ тяжбахъ и спорахъ изъ-за земель и имѣній, при всеобщемъ почти стремленіи къ несправедливому пріобрѣтенію имѣнья грабежами и убійствами и къ безчеловѣчному порабощенію свободныхъ людей, наконецъ, при грубости семейной и домашней жизни,—пустыня лѣсная для людей, въ стремленіи къ высшей нравственной жизни, недовольныхъ обществен-

нымъ порядкомъ вещей, не мирившихся съ грубою, угнетающею дѣйствительностью, какую представлялъ міръ,— пустыня казались отраднѣе, успокоительнѣе, вожделѣннѣе, чѣмъ богатыя палаты въ многолюдномъ городѣ, въ мірѣ, въ обществѣ. Для нихъ лучше было жить въ пустынѣ, въ сосѣдствѣ со звѣрями лѣсными, чѣмъ жить въ обществѣ съ людьми, которые, по словамъ Серапіона, епископа Владимірскаго, были „аки звѣрье" и которые посему могли препятствовать ревностному ихъ стремленію къ святой жизни" [1]). Церковь представлялась Щапову единственно-отраднымъ и активно-благодѣтельнымъ явленіемъ. „Церковь русская [2]), по его словамъ, въ эпоху первоначальнаго развитія въ Россіи рабства, уже явилась такой крѣпкой духовной силой, единственной, которая могущественно сдерживала стремленіе матеріальной силы къ порабощенію, и этому стремленію противополагала стремленіе къ улучшенію участи порабощенныхъ". Безъ сомнѣнія, проводить рѣзкое разграниченіе между обществомъ и церковью, какъ двумя антиподами, заставлялъ Щапова самъ матеріалъ, надъ которымъ работалъ историкъ. Это были, большею частью, произведенія лицъ духовныхъ, поученія, проповѣди, въ которыхъ огорченный древне-русскій пастырь, тщетно боровшійся съ общественными недугами и противорѣчіями носившемуся передъ нимъ евангельскому идеалу, употреблялъ сильныя, бьющія выраженія. Вліялъ и строй понятій академіи, а въ связи съ этимъ, можетъ быть, и точка зрѣнія профессоровъ русской исторіи. Въ этомъ отношеніи весьма интересно сопоставить картину состоянія русскаго древняго общества, набрасываемую Щаповымъ, съ изслѣдованіями бывшаго профессора Академіи и учителя Щапова, Г. З. Елисѣева [3]). Отъ временъ Елисѣева оставалось много собранныхъ имъ матеріаловъ, источниковъ. Весьма возможно и непосредственное нѣкоторое вліяніе Елисѣева на Щапова. Съ этою цѣлью интересно было бы внимательное сопоставленіе взгля-

[1]) Прав. Собес. 1860, ч. III, стр. 200—201.

[2]) *Голосъ древне-русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей*. Прав Собес. 1859, ч. I, стр. 49. Въ отдѣльномъ изданіи того-же 1859 г., стр. 11—12.

[3]) Грыцько (псевдонимъ Елисѣева), *Участіе общины въ судѣ по Р. Правдѣ*. Архивъ истор. практич. свѣд. 1863, кн. 5.

довъ обоихъ, но, къ сожалѣнію, для этой работы у насъ нѣтъ подъ руками матеріала.

Уже въ этихъ статьяхъ, на ряду съ нравственнымъ значеніемъ древне-русской церкви, Щаповъ начинаетъ выдвигать ея колонизаціонное значеніе. Онъ указываетъ, что „русская церковь въ сѣверномъ Поморьи въ XV и XVI вѣкахъ пріобрѣла весьма важное историческое значеніе. Она во-1-хъ, просвѣтила свѣтомъ христіанства обитавшія тамъ многочисленныя финскія племена; во-2-хъ, многозначительно содѣйствовала населенію огромныхъ пустынныхъ пространствъ сѣвернаго Поморья; въ 3-хъ, чрезъ своихъ свѣтильниковъ, многочисленныхъ св. отшельниковъ, по всему сѣверо-восточному краю Россіи распространяла свѣтъ духовнаго просвѣщенія и христіанскія начала гражданственности, и, наконецъ, многократно охраняла цѣлость православной вѣры и даже внѣшнюю безопасность границъ русскаго государства на сѣверѣ“ [1]).

Постепенно мысль о колонизаціонно-поступательномъ движеніи русскаго народа, о распространеніи русской земледѣльческой культуры на пространствѣ восточно-европейской Россіи становится основной идеей Щапова. „Кругомъ, посреди дремучихъ лѣсовъ, — говоритъ Щаповъ въ статьѣ „Голосъ др.-русск. церкви“ [2]),—виднѣлись однѣ деревни, да *починки.* При преобладаніи лѣса надъ полемъ, при постоянномъ стремленіи и углубленіи народа въ лѣса съ топоромъ, косой и плугомъ, при этомъ постоянномъ «*посаженьи и поставленьи деревень на лѣсахъ*», о которомъ говорятъ древніе наши акты, — деревня преобладала надъ городомъ“.

Здѣсь надо отмѣтить знакомство Щапова съ двумя замѣчательными людьми. Это были профессора Казанскаго университета: извѣстный славистъ В. И. Григоровичъ и С. В. Ешевскій. Бесѣды съ ними очень помогли Щапову въ выработкѣ научнаго міросозерцанія и научныхъ медотовъ. Особенное вліяніе оказалъ талантливый Ешевскій. Онъ въ своихъ изслѣдованіяхъ постоянно слѣдилъ и обращалъ

---

[1]) Русская церковь въ Сѣверномъ Поморьи (въ XV — XVII в.). Прав. Собес. 1860, ч. II, стр. 3 и сл.

[2]) Отдѣльн. изданіе, стр. 5.

большое вниманіе на жизнь областей, выдвигая сильно экономическую и этнографическую стороны жизни. По русской исторіи онъ оставилъ замѣчательное, въ этомъ отношеніи, изслѣдованіе „Русская колонизація сѣверо-восточнаго края“ [1]), а теоретическому выясненію вопроса имъ посвящена статья „Значеніе расъ въ исторіи“ [2]). Въ этомъ отношеніи Ешевскій очень интересенъ. Въ то время какъ выдающіеся своими талантами бывшіе профессора Петербургскаго университета, И. М. Гревсъ и покойный нынѣ В. Г. Васильевскій, въ мое время, внимательно, пристально слѣдили за процессомъ романизаціи римскихъ провинцій, ихъ пріобщенія къ римской культурѣ, цивилизаціи, увлекаясь „величественнымъ“ дѣломъ Рима, Ешевскій стоитъ на иной точкѣ зрѣнія: онъ изслѣдуетъ то, что сохранили провинціи своего туземнаго, что особеннаго, оригинальнаго внесли онѣ въ римскую культуру, а съ нею — и въ сокровищницу общечеловѣческаго прогресса. Первые, углубляясь въ самыя отдаленныя захолустья Римской Имперіи (напр., въ нынѣшнія южныя окраины Туниса и Алжиріи),—и тамъ находятъ слѣды римскихъ памятниковъ, римскихъ государственныхъ и экономическихъ порядковъ; Ешевскій, напротивъ, въ самыхъ романизованныхъ областяхъ, подъ слоемъ римскихъ началъ, открываетъ слѣды своеобразной, самобытной жизни, культуры... Эта была оригинальная точка зрѣнія, — и здѣсь будетъ кстати вспомнить, что Щаповъ впослѣдствіи высказалъ тонкую остроумную мысль, что онъ и историкъ Соловьевъ не одно нашли въ однихъ и тѣхъ же источникахъ, потому

---

[1]) Сочиненія, т. III, стр. 605. „Однимъ изученіемъ писанной лѣтописи нельзя глубоко проникнуть въ ту темную пору исторіи, а между тѣмъ вопросъ о народахъ стоитъ на очереди, обойти его нѣтъ средствъ. Геніальный Нибуръ высказалъ мысль о необходимости этнографіи. Изслѣдованія другихъ ученыхъ надъ исторіей новыхъ европейскихъ народовъ показали всю важность племенныхъ отношеній. Скрыто отъ поверхностнаго наблюденія, но тѣмъ не менѣе глубоко-существенно значеніе борьбы разныхъ народностей, поставляемыхъ историческими обстоятельствами рядомъ одна съ другой“. Далѣе онъ ставитъ вопросъ о вымираніи расъ. Ср. стр. 606, гдѣ ставится вопросъ о метисаціи и отсутствіи чистыхъ расовыхъ типовъ.

[2]) Т. I, стр. 26. Не забудемъ, что на западѣ эти вопросы разрабатывались Тьерри, Форіелемъ и др.

что Соловьевъ смотрѣлъ на то, какъ поступало, что дѣлало правительство по челобитнымъ, а онъ изучалъ то, о чемъ просили въ челобитныхъ, какія нужды и требованія высказывались въ нихъ. Съ 1858 по 1861 г. у Щапова окончательно сложились основныя воззрѣнія и взгляды на русскую исторію. Его историческую теорію можно обозначить, какъ *колонизаціонно-географическую* или *естественно-федеративную*. Уже въ статьяхъ въ *Православномъ Собесѣдникѣ* разбросаны тамъ и сямъ нѣкоторые его взгляды, но отрывочно; подробнѣе и послѣдовательнѣе развивалъ онъ ихъ на лекціяхъ. Позднѣе онъ воспользовался матеріаломъ лекцій для статей въ журналѣ „Вѣкъ".

„Въ областяхъ финскихъ, — по его словамъ, свободныя земли начинаютъ правильно разрабатываться съ постепеннымъ наплывомъ русскаго народонаселенія; появились поселки изъ вольныхъ, охочихъ людей, заселились владѣльцами *страдомыя деревни*, а съ ними прилила практически-разумная хозяйственная сила. Съ другой стороны, въ сѣверо-восточномъ краю земли русской стали воздвигаться и устраиваться монастыри, которые служили зачатками, починками заселенія необитаемыхъ лѣсныхъ и болотистыхъ мѣстностей, проводниками дальнѣйшей колонизаціи и распространенія культуры. Русскіе подвижники содѣйствовали обработкѣ неблагодарной земли, прокладывали пути сообщенія въ глухихъ трущобахъ и содѣйствовали привлеченію поселенцевъ и разработкѣ огромныхъ пустынныхъ пространствъ сѣвернаго Поморья. Путемъ народной колонизаціи совершалась побѣда надъ дикой природой, а путемъ церковной или монастырской колонизаціи византійскій элементъ помогъ воспреобладать русскому человѣку надъ дикими племенами инородцевъ и обрусить ихъ" [1]).

Богатые, совершенно новые источники, матеріалы по колонизаціи, доставленные Соловецкимъ монастыремъ, дѣйствительно давали новую, оригинальную картину историческаго развитія. Глазъ современнаго человѣка привыкъ видѣть въ исторіи дѣятельность фактора необычайной силы, именно государственнаго начала, правительственнаго порядка. Народная жизнь, по крайней мѣрѣ, на по-

---

[1]) Аристовъ, н. с. стр. 49—50.

верхности, укладывается въ рамки и нормы государственнаго строя. Сознательный, направляющій и притомъ внѣшній элементъ—слишкомъ замѣтенъ, и слишкомъ ослѣпляетъ. Совершенно другая картина представлялась Щапову въ древніе періоды русской исторіи. Земледѣлецъ—народъ двигался стихійно, самопроизвольно. Но въ этомъ движеніи не было безпорядочнаго набѣга кочевыхъ ордъ. Что-то вносило въ это движеніе элементъ чрезвычайнаго порядка, стройности. Это было не только движеніе, но и строительство. То было распространеніе культуры, возникновеніе опредѣленныхъ, поражавшихъ изслѣдователя разумностью формъ общежитія и правопорядка. Что же это былъ за зиждущій элементъ? Рукописные источники подсказывали весьма опредѣленный отвѣтъ. Это была, во-первыхъ, культурная, созидательная сила землепашца, земледѣльческой народности и, во-вторыхъ, земля, естественно-географическія условія разселенія.

„По старинному, народному принципу первоначальнаго земскаго устроенія великорусскихъ областныхъ общинъ,—говоритъ Щаповъ [1]),—*земля* составляла основу всего народнаго бытового строя. Области назывались *землями*, люди назывались *земскими людьми*". „Естественно-историческій процессъ вольно-народнаго самоустройства вѣчевого земскаго міра совершался въ такой послѣдовательности. Рядомъ, на *одной землѣ и водѣ*, въ колонизаціонно-географической и общинно-бытовой связи, сами собой, безъ всякихъ указовъ, устроялись путемъ вольнонароднаго земскаго самоустройства, два первичныхъ міра, городской и сельскій, городъ и село. Именно: на черномъ дикомъ лѣсу, напр., посажался починокъ и разростался въ село. Изъ него выселялись или къ нему приселялись новые *починки, деревни на новѣ, новыя сельца, приселья* и т. п. и всѣ въ совокупности образовывали уѣздъ или волость первоначальнаго села почему въ актахъ писалось напр.: *село* такое-то съ *уѣздомъ*. Какъ въ отдѣльности это село и каждый его починокъ, каждая деревня составляли особые маленькіе міры, такъ въ совокупности все село со всѣмъ уѣздомъ, со всею своею волостью образовало цѣлый волостной міръ. Почему въ актахъ говорилось однозначительно: *со всею*

---

[1]) *Щаповъ, Земство.* „Вѣкъ" 1862, № 7—8, стр. 38.

волостью, со всѣмъ міромъ. Изъ первичныхъ, старѣйшихъ селъ или починковъ, внѣ княжескихъ, военно-стратегическихъ сторожевыхъ линій и городовъ, на почвѣ вольнонароднаго, земскаго строенья, путемъ торга и промысла, постепенно развивались, устроялись *посады* или торгово-промышленные *города,* и образовали *посадскіе* или *городскіе міры.* Почему городскія общины также называются мірами, какъ и сельскія. Напр., о Новгородѣ, лѣтопись новгородская говоритъ, разсказавъ объ окончаніи одного вѣча: „и возрадовался весь міръ“ (т. е. новгородскій) [1]). Волостные, уѣздные міры, въ свою очередь, соединялись въ болѣе крупные міры, смыкаясь естественно-историческимъ путемъ, по рѣчнымъ системамъ и волокамъ, въ областныя общины. Въ жизни областей Щаповъ различалъ два періода, двѣ „послѣдовательно-преемственныя формы“. „Первичная, древняя форма — особно-областная. Характеристическія черты ея областности очевидны: первоначальное, вольнонародное, колонизаціонное самоустройство каждой областной общины на особой рѣчной системѣ или на отдѣльномъ волокѣ; общее стремленіе областныхъ общинъ къ особности, къ локализаціи; мѣстное, большею частью разноплеменное историко-этнографическое самообразованіе каждой областной массы населенія; мѣстное вѣчевое самоуправленіе, *земско-совѣтіе;* самобытно-мѣстное, федеративное взаимодѣйствіе и мѣстно-удѣльная между-усобная борьба областныхъ общинъ. Эта основная историческая форма земско-областной жизни естественно сложилась вслѣдствіе колонизаціонно-территоріальнаго стремленія всѣхъ областныхъ общинъ быть *особно.* Тутъ до эпохи собиранія русской земли, исторія необходимо должна говорить, главнымъ образомъ, о внутреннемъ, мѣстномъ самоустройствѣ и саморазвитіи каждой областной общины въ особенности, и потомъ о федеральномъ взаимоотношеніи всѣхъ мѣстныхъ общинъ.

Вторая историческая форма—*соединенно-областная.* Установленіе этой новой формы историческаго строя областныхъ общинъ также было мѣстно-областное. Оно окончательно совершилось послѣ великой *розни* областныхъ

---

[1]) Щаповъ, Сельская община. „Вѣкъ“, 1862, 1—6, стр. 6.

общинъ и совокупнаго рѣшенія ихъ въ смутное время на мѣстныхъ земскихъ соборахъ — быть въ *соединеніи*. Областной элементъ положенъ былъ въ основу и этой соединенно-областной формы; областныя общины, обособляясь по старымъ удѣльно-областнымъ городамъ, порѣшили на своихъ мѣстныхъ земскихъ соборахъ *быть въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеніи*, слѣдовательно — въ значеніи земско-областной федераціи [1]).

Какъ вся русская земля строилась снизу къ верху, посредствомъ смыканія, соединенія мелкихъ общинъ въ болѣе крупныя,—сельскихъ міровъ въ волостные, уѣздные, послѣднихъ — въ областные, и, наконецъ, федерацію областныхъ земель, такъ же естественно-исторически на почвѣ колонизаціоннаго устроенія и географическаго соотношенія слагалось самоуправленіе общинъ. Сельскій міръ управлялся сельскимъ мірскимъ сходомъ; обще-волостныя дѣла рѣшались на волостныхъ сходахъ; а мѣстный, областной земскій соборъ рѣшалъ вопросы, относившіеся ко всей областной общинной федераціи. Земскій соборъ всѣхъ людей русской земли былъ выраженіемъ соединенно-областной организаціи русской земли [2]).

Сама экономическая жизнь слагалась въ тѣсной зависимости отъ колонизаціонно-географическаго распредѣленія населенія. „Садясь въ городахъ, *садясь на посады*, они (посельщики) *уходили* или *уѣзжали* изъ городовъ для хозяйственныхъ промысловъ, кто по *бортнымъ путямъ, ухожаямъ и станамъ*, кто по *пашеннымъ* или *хлѣбнымъ*, кто по *рыболовнымъ*, или по *стольничему пути*, кто по бобровымъ *ухожаямъ* и *гонамъ*—каждый своеземецъ уѣзжалъ въ свое промышленное *займище, по кое мѣсто чей былъ уѣздъ*, или *куда ходилъ чей топоръ, коса и соха*, или *гдѣ въ старинныхъ ухожаяхъ бобры ловили изстари* чьи дѣды и отцы, или куда шелъ чей *слѣдъ*, гдѣ былъ чей *бортный ухожай*“ и т. д. [3]).

Основательно занимался Щаповъ и этнографическими вопросами.

---

[1]) *Щаповъ, Великорусскія области и смутное время.* „Отеч. Зап.“, 1861, № 10, стр. 580.

[2]) *Сельскій міръ и мірской сходъ.* „Вѣкъ“, 1862, № 13 — 14; *Сельская община.* „Вѣкъ“, 1862, 1—6.

[3]) *Земство.* „Вѣкъ“, 1862, № 7—8, стр. 40.

Онъ оригинально и умѣло освѣщалъ этнографическую организацію областей, постепенное претвореніе инородческихъ племенъ русскою народностью и созданіе новыхъ областныхъ типовъ.

Щаповымъ набрасывались очень широкія, но идеализированныя картины—земской жизни областныхъ земель, ихъ самоуправленія, проявленій дружественныхъ отношеній одной области къ другой, въ видѣ общихъ совѣтовъ, взаимной посылки депутацій, — всего, что Щаповымъ обозначалось, какъ „народосовѣтіе".

„Самый взглядъ Щапова на расколъ, — говоритъ Аристовъ [1]), — послѣ 1859 г. сложился подъ вліяніемъ выработки опредѣленныхъ воззрѣній на земское устройство старинной Россіи. Вмѣсто невѣжественной толпы, раскольники явились народной массой практически-разумной; мысль и ученіе ихъ были жизненны и полны глубокихъ общественныхъ вопросовъ. Расколъ выдвинулся съ выработанной системой, какъ общинная оппозиція податного земства, противъ всего государственнаго строя церковнаго и гражданскаго, противъ рабства, насилія совѣсти и всѣхъ новыхъ стѣснительныхъ мѣръ власти. Стремленіе раскольничныхъ общинъ къ особно-областному самоустройству выразилось очень рано: возникли общины *поморскія*, *стародубскія*, *донскія*, *керженскія*, *казанскія*, *сибирскія* и др.".

Изучая синкретизмъ древнерусскихъ мифологическихъ представленій съ понятіями и образами христіанскаго вѣроученія, Щаповъ внимательно, пристально изучалъ областныя отмѣны и оттѣнки въ вѣрованіяхъ, сказаніяхъ, легендахъ.

Щаповъ сталъ сразу виднымъ профессоромъ. „Лекціи его были не дѣланныя, а самобытныя, въ которыхъ онъ проводилъ свои личный взглядъ и убѣжденія, а потому содержаніе ихъ всегда отличалось простотой и задушевностью". Такъ отзывается очень строгій и разборчивый его слушатель, Аристовъ, бывшій потомъ также профессоромъ.

Но молодой профессоръ не былъ сухимъ, кабинетнымъ изслѣдователемъ старины. Это была впечатлительная, нерв-

---

[1]) Аристовъ, н. с., стр. 51.

ная натура, да и русская общественная жизнь въ то время лилась и быстро, и шумливо. Въ мысли молодого ученаго, обладавшаго обширнымъ запасомъ эрудиціи въ области древне-русской жизни и огромной начитанностью въ области народно-этнографической литературы, вся русская исторія представлялась чрезвычайно цѣлостной, начиная съ древнихъ, уходящихъ въ туманъ вѣковъ, и кончая жгучими вопросами современности. На лекціяхъ онъ часто уклонялся въ сторону современныхъ вопросовъ.

Работая запоемъ, онъ часто не приходилъ на лекціи, или приходилъ, плохо подготовившись. Но студенты знали, что онъ работаетъ надъ наукой, да и „немногое, сказанное имъ въ аудиторіи, было свѣжо и плодотворно".

„Иногда появлялся Щаповъ на лекцію ни съ чѣмъ: придетъ, бывало, сильно стѣснится и скажетъ: „Ничего я, господа, сегодня не приготовилъ для лекціи; поговоримъ такъ о чемъ-нибудь"... И поведетъ со студентомъ рѣчь объ ученомъ предметѣ; разговоръ тянулся спокойно и серьезно, какъ-будто читалась въ самомъ дѣлѣ настоящая лекція. Изъ такихъ неподготовленныхъ бесѣдъ студенты выносили нерѣдко то новыя воззрѣнія, то неизвѣстныя имъ свѣдѣнія о минувшей жизни русскаго народа" [1]).

„Онъ читалъ съ необычайной быстротой и въ одинъ часъ прочитывалъ добрыхъ три лекціи; оттого не всегда хватало у него заготовленнаго матеріала,—и чѣмъ сильнѣе увлекался самъ содержаніемъ лекціи, тѣмъ поспѣшнѣе и невнятнѣе онъ сообщалъ ее. Поэтому, онъ просилъ останавливать его, если чтеніе пойдетъ черезчуръ неразборчиво; дѣйствительно, мы постоянно ему напоминали, чтобы читалъ рѣже, чуть не черезъ каждыя 5 — 7 минутъ. Впрочемъ, иногда и жаль его было останавливать, когда онъ съ воодушевленіемъ излагалъ интересовавшія его идеи, говорилъ превосходно и возвышался до изображенія поэтическихъ картинъ".

Свободное время Щаповъ любилъ проводить со студентами. Разговоръ вели о научныхъ темахъ. Говорили о русской исторіи, объ изученіи народнаго быта [2]).

---

[1]) Аристовъ, стр. 36.
[2]) Ibid., стр. 36—37.

„Такимъ образомъ, Щаповъ сильнѣе и сильнѣе возбуждалъ интересъ къ отечественной наукѣ въ студентахъ, которые съ своей стороны знакомили его со многими этнографическими особенностями разныхъ краевъ Россіи, что было для него весьма дорого [1]). Студенты дѣлились также находками въ рукописяхъ. Среди нихъ были знатоки нѣмецкой философіи, и бесѣда переходила на философскія темы.

Что касается личной жизни Щапова, то она складывалась неудачно. Уже извѣстный въ ученомъ мірѣ и популярный среди студентовъ, профессоръ оставался прежнимъ непрактичнымъ, неумѣлымъ въ житейскихъ отношеніяхъ человѣкомъ. Въ то время какъ товарищи его на то-же баккалаврское жалованіе устраивались сносно, онъ вѣчно нуждался въ самомъ необходимомъ. Деньги у него быстро улетучивались. Онъ не только не могъ запастись платьемъ, но нуждался, чтобы кто-нибудь заботился доставать ему письменныя принадлежности. Во время работы, Щаповъ осаждалъ знакомыхъ студентовъ просьбами о бумагѣ [2]).

Во время студенчества Щаповъ не пилъ вина, и не выносилъ совершенно спиртныхъ напитковъ. Подготовляясь къ своему первому курсу, онъ принужденъ былъ работать изо всѣхъ силъ—дни и ночи напролетъ. Утомленный, онъ поддерживалъ силы крѣпкимъ чаемъ и сигарами. Но потомъ силы упадали, чай и табакъ перестали возбуждать,— и Щаповъ прибѣгъ къ рому. Ромъ, подливавшійся въ чай, очень помогалъ работѣ. Но это средство имѣло роковыя послѣдствія, приведшія Щапова къ недугу, сгубившему въ Россіи много научныхъ и литературныхъ силъ. Страстная, подвижная, впечатлительная натура не ставила преградъ пагубной привычкѣ. Вино часто давало возможность забываться въ моменты грусти, созданія разлада общественной жизни, печальныхъ впечатлѣній. Щаповъ, сначала охотно выпивалъ легкаго вина, въ компаніи студентовъ, но скоро перешелъ къ водкѣ и началъ покучивать. Была здѣсь усиливающая опасность сторона: у Щапова не было никака-

---

[1]) Аристовъ, стр. 37.

[2]) См. у Аристова, стр. 129.

кихъ почти знакомствъ,—и изъ кабинета, гдѣ онъ работалъ, онъ прямо переходилъ въ кутящую компанію.

Но работать онъ продолжалъ съ привычнымъ жаромъ: дѣло изученія подвигалось впередъ. Научные горизонты расширялись. Упрочивалась и его ученая репутація.

Въ 1860 году, въ самомъ началѣ академическаго года, покинулъ кафедру русской исторіи въ Казанскомъ университетѣ, съ переходомъ въ Москву, адъюнктъ Н. А. Поповъ, рекомендовавшій на свое мѣсто Щапова. Вотъ мѣсто изъ его представленія. Перечисливъ печатные труды Щапова, онъ говоритъ:

„Всѣ эти сочиненія, относящіяся преимущественно къ исторіи русской церкви, касаются многихъ сторонъ общественной и государственной жизни Россіи, а потому, кромѣ своихъ спеціальныхъ достоинствъ, представляютъ нѣкоторыя данныя вообще для русской исторіи. Мнѣ извѣстно также, что, г. Щаповъ посвящаетъ свои труды изслѣдованіямъ по части исторической этнографіи Россіи; такъ, онъ занятъ теперь изученіемъ историко-географической основы областного дѣленія Великороссіи и колонизаціи сѣверной и восточной Россіи. Отрывки изъ этихъ изслѣдованій посланы имъ для напечатанія въ редакцію „Русскаго Слова“, куда также отправлены еще „Очерки изъ исторіи народнаго легендарно-эпическаго міросозерцанія“; всѣхъ очерковъ восемь. Большая часть изданныхъ, а равно и всѣ неизданные труды г. Щапова внесли въ русскую историческую литературу много свѣдѣній, до тѣхъ поръ бывшихъ неизвѣстными и скрытыми въ рукописныхъ источникахъ, которые онъ первый открылъ и разработалъ“.

Факультетъ допустилъ Щапова къ преподаванію русской исторіи.

11 ноября состоялась его вступительная лекція въ университетѣ, въ залѣ, переполненной слушателями. „Встрѣтили студенты Щапова съ предубѣжденіемъ, какъ „семинариста“. Но съ первыхъ-же словъ лекторъ поразилъ оригинальностью, новизной своихъ воззрѣній и приковалъ общее вниманіе горячей, одушевленной рѣчью.

„Скажу напередъ,—говорилъ новый профессоръ: не съ мыслью о государственности, не съ идеей централизаціи, а съ идеей народности и областности, я вступаю на уни-

верситетскую кафедру русской исторіи.—Въ настоящее время кажется утвердилось убѣжденіе, что главный фактъ въ исторіи и есть самъ народъ, духъ народный, творящій исторію, что сущность и содержаніе исторіи есть жизнь народная. Это убѣжденіе уже не ново; его начали проводить, осуществлять и въ наукѣ русской исторіи. Но вотъ другое начало, которое еще не сознано ясно въ нашей наукѣ: начало областности—позвольте, мнѣ его такъ выразить. У насъ доселѣ господствовала въ изложеніи русской исторіи идея централизаціи; развилось даже какое-то чрезмѣрное стремленіе къ обобщенію, къ систематизаціи разнообразной областной исторіи; всѣ разнообразныя особенности, направленія и факты провинціальной исторической жизни подводились подъ идею государственнаго развитія. Съ эпохи утвержденія московской централизаціи, въ нашихъ исторіяхъ все общѣе и общѣе говорится о внутреннемъ бытѣ различныхъ провинцій. Между тѣмъ, намъ кажется, ни въ одной европейской исторіи такъ не несвойственно, невозможно подобное изложеніе, какъ въ исторіи обширнѣйшаго въ свѣтѣ государства русскаго. Русская исторія, въ самой основѣ своей, есть, по преимуществу, исторія различныхъ областныхъ массъ народа, исторія постояннаго территоріальнаго устройства, разнообразной этнографической организаціи, взаимодѣйствія, борьбы, соединенія и разнообразнаго политическаго положенія областей до централизаціи и послѣ централизаціи. Только въ русской исторіи вы встрѣтите своеобразное, территоріальное и этнографическое самообразованіе областей путемъ колонизаціи. Разнообразныя областныя лѣтописи долго будутъ повѣствовать вамъ про вѣковую, особую самобытность, раздѣльную жизнь и взаимную борьбу областей. Потомъ московская лѣтопись заговоритъ о развитіи громадной, государственной, географической централизаціи московской, а въ областныхъ лѣтописяхъ раздается самый энергическій протестъ, вопль областныхъ жителей противъ насилія москвичей, противъ централизаціи, противъ *собиранія русской земли*. Такъ, областной элементъ былъ самымъ жизненнымъ, господствующимъ, началомъ, главнымъ мотивомъ историческаго движенія до централизаціи; онъ выдержалъ энергическую вѣковую борьбу съ соединительной, централизующей силой государства; онъ многозначи-

тельно выразился *въ смутное время*, во время этой великой борьбы областныхъ общинъ, проявлялся на земскихъ соборахъ XVII вѣка, сказался въ разнообразныхъ областныхъ бунтахъ, демократическихъ и инородческихъ, надѣлалъ чрезвычайно много хлопотъ правительству въ теченіе всего XVIII в. и въ началѣ XIX-го столѣтія, — во время этой длинной процедуры учрежденія губерній и провинцій, возбуждая въ либеральныхъ умахъ, въ знаменитое время тайныхъ обществъ, разные планы и проекты относительно конституціоннаго устройства областей и т. д.,—и мы, изучая русскую областную исторію оставляемъ почти безъ вниманія этотъ областной элементъ, сколько загадочный, столько-же, быть можетъ, зиждительный, плодотворный элементъ нашей будущей цивилизаціи. Русская исторія, основанная на идеѣ централизаціи, исключающая идею областности, есть то же, что отрицаніе существеннаго, жизненнаго значенія областей, какъ разнообразныхъ органовъ въ составѣ и развитіи цѣлаго политическаго организма—всего народа. А кто не знаетъ, что *безъ знанія устройства и отправленій различныхъ отдѣльныхъ органовъ тѣла нельзя понять жизни и отправленій цѣлаго организма*? Такъ точно и безъ знанія разнообразной историко-этнографической организаціи, характера, понятій, воззрѣній, вѣрованій, сочувствій и антипатій областныхъ массъ народныхъ невозможно полное и отчетливо ясное пониманіе русской исторіи. Невозможно тѣмъ болѣе, что слишкомъ многосложенъ историко-этнографическій строй нашихъ многочисленныхъ и обширныхъ областей.—Какъ нѣтъ въ Европѣ государстра, которое-бы едва могло равняться съ одною изъ областей Россіи, такъ нѣтъ въ Европѣ народа, который-бы отличался такимъ провинціальнымъ этнографическимъ разнообразіемъ, какъ народы, обитающіе въ разныхъ русскихъ областяхъ. Много-ли общаго, напр., между малорусскимъ, бѣлорусскимъ и сибирскимъ народонаселеніемъ. Много-ли общаго между Польшею и Камчаткою, или между Кавказомъ, Архангельскою областью и Казанскимъ краемъ и т. д.? А разныя областныя нарѣчія, изъ которыхъ составился особый, цѣлый словарь? А эти характеристическія присловья, которыми такъ мѣтко характеризуютъ у насъ жители одной области жителей другихъ?

А существованіе у насъ территоріальныхъ округовъ, совершенно независимо отъ округовъ административныхъ, отличныхъ правами жителей, языкомъ, промыслами и т. д.? Все это такъ выразительно, такъ рельефно рисуетъ обширную Россію во всемъ исторически-этнографическомъ разнообразіи ея многочисленныхъ областей,—и въ наукѣ русской исторіи доселѣ необъяснено, отчего образовались такія *областныя особенности*, какое онѣ имѣютъ значеніе въ исторіи,—не говоримъ уже о томъ, *какое значеніе* имѣли и *могутъ имѣть въ примѣненіи къ государству*, *къ администраціи, къ народному матеріальному и нравственному быту* и т. д. Уже въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, не только люди науки, но и лучшіе государственные мужи сознавали и оффиціально высказывали то убѣжденіе, что „должно обращать вниманіе на совокупныя права многихъ и великихъ областей, составляющихъ обширную Россійскую имперію, что государство должно вполнѣ соотвѣтствовать всѣмъ выгодамъ мѣстнаго положенія различныхъ областей и главному характеру народовъ, населяющихъ эти области“. Если когда, то особенно въ наше время, наукѣ русской исторіи необходимо, существенно необходимо, уяснить исторію, духъ, характеръ и этнографическія особенности различныхъ областныхъ массъ народныхъ. И весьма утѣшительно, что въ послѣднее время, кажется, и въ самыхъ провинціяхъ стала пробуждаться потребность самосознанія. По крайней мѣрѣ, отрадное явленіе представляютъ мало-по-малу возникающіе въ нашей литературѣ областные сборники, историко-статистическія описанія губерній и провинцій и изданія областныхъ актовъ и памятниковъ. Областные сборники могутъ служить не только руководствомъ нашего областного самопознанія, но и органами возбужденія въ провинціальныхъ массахъ—идеи политическаго самосознанія и саморазвитія въ составѣ цѣлаго государственнаго союза.—Итакъ, съ мыслью объ областности и народности, я избираю для своихъ чтеній исторію великорусскаго народа, или великорусскихъ областныхъ общинъ, въ связи съ Сибирью. Здѣсь, въ Великой Россіи, былъ центръ исторической борьбы областного элемента и народности съ централизаціей. Здѣсь рѣшалась судьба всѣхъ многочисленныхъ, обширныхъ и разнообразныхъ областей и

сосредоточилась ихъ новая историческая жизнь—государственно-союзная, и, если можно такъ сказать, здѣсь сковывается, держится будущее нашихъ областей. Кромѣ того, въ этой части русской исторіи есть много такихъ важныхъ, первоклассныхъ вопроссвъ, которые доселѣ ждутъ еще изслѣдованія, какъ напр., вопросъ о колонизаціи и значеніи ея въ Русской исторіи, или хоть тотъ же современный вопросъ—объ историческомъ значеніи московской централизаціи и т. д. Безъ дальнихъ предисловій, спѣшу сообщить вамъ, м.м. г.г., общій взглядъ на исторію великорусскаго народа до централизаціи и послѣ централизаціи областей" [1]).

„Лекція,—говоритъ Аристовъ [2]),—представляла мастерской очеркъ и совершенно самобытный обзоръ исторической русской жизни съ древняго времени до освобожденія крестьянъ. Но не однимъ богатствомъ и новостью мыслей, не одной самостоятельной разработкой и по мѣстамъ художественнымъ и прочувствованнымъ пересказомъ лекція Щапова произвела *потрясающее дѣйствіе на студентовъ*: большинство изъ нихъ очарованы были необычайной независимостью воззрѣній и живымъ энтузіазмомъ". Вдохновенная рѣчь и величественная фигура Щапова гармонировали одна съ другой.

„Успѣхъ вступительной лекціи, — передаетъ Аристовъ [3]), — былъ громадный и неожиданный; попечитель, профессора, лица изъ публики и студенты пришли въ восторгъ—и зала потряслась отъ рукоплесканій".

„Съ этихъ поръ,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ университетскихъ слушателей Щапова [4]),—г. Ща-

---

[1]) Первый шагъ. «Сборникъ». Казань, 1876, стр. 407—412. Ср. *Великорусскія области и смутное время.* «Отеч. Записки» 1861, № 10, стр. 579—586.

[2]) Стр. 57.

[3]) Стр. 56.

[4]) Первый шагъ, стр. 406. «Трудно представить себѣ фигуру человѣка, болѣе способную произвести впечатлѣніе на образованную массу съ перваго-же раза. Щаповъ вышелъ въ простомъ черномъ сюртукѣ, носившемъ почти домашній характеръ, какъ будто вышелъ къ вамъ человѣкъ изъ своего рабочаго кабинета: ни оффиціальный мундиръ, ни черный фракъ и бѣлый галстухъ не напоминали ни о какой мелочной подготовкѣ ученаго къ появленію на каѳедрѣ. Напро-

повъ *сдѣлался идоломъ студенческой массы*: по-крайней мѣрѣ, мѣсяцъ ажитація въ средѣ студентовъ не могла улечься... Пока занималъ каѳедру русской исторіи, онъ царилъ въ университетѣ; каждое его появленіе на каѳедрѣ было своего рода тріумфомъ; когда онъ читалъ лекціи, всѣ аудиторіи

тивъ, нѣкоторая небрежность въ костюмѣ показывала, что профессоръ и не вздумалъ позаботиться о «представительности», предоставивъ попеченіе объ этомъ предметѣ своему служителю, какому-нибудь академическому сторожу изъ отставныхъ солдатъ, не имѣвшему ни малѣйшаго понятія объ этикетѣ. Не смотря на то, что г. Щаповъ былъ съ подвязанной щекой, его выразительныя черты лица невольно бросались въ глаза съ перваго взгляда. Онъ былъ блѣденъ, его маленькіе черные глаза блестѣли и бѣгали болѣе обыкновеннаго, обнаруживая неистощимый запасъ энергіи и энтузіазма. Надъ этими глазами низко нависли густыя брови, придавая лицу видъ сосредоточенности и глубокой серьезности, безъ малѣйшаго оттѣнка суровости. Вы тотчасъ-же замѣчали, что эти брови сдвинуты внизъ не нарочно, не по привычкѣ, а самой природой, какъ будто для того, чтобы высокій, прямой лобъ ученаго казался еще открытѣе, еще болѣе придавалъ какого-то величія его внѣшнему виду и яснѣе обнаруживалъ смѣлую, стремительную энергію. Прибавьте къ этому огромную массу мелко-вьющихся волосъ на головѣ, придававшихъ какой-то гордый, львиный видъ всей фигурѣ Щапова и вы поймете, что уже одинъ его выходъ долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе на студенческую массу. Вмѣсто смиреннаго и скромнаго труженика, говорящаго «понеже» и «поелику», какъ не шутя ожидали нѣкоторые изъ студентовъ, не хотѣвшіе вѣрить, что и изъ Галилеи пророкъ приходитъ, предъ взорами толпы появилась фигура, величественная при всей своей внѣшней простотѣ и быстрыми шагами взошла на высокую актовую каѳедру.

Воцарилась тишина. Тихимъ, но внятнымъ голосомъ, пріятнымъ баритономъ, проговорилъ Щаповъ свою первую фразу—и тотчасъ-же долженъ былъ остановиться на нѣсколько минутъ: какой-то ропотъ и гулъ пробѣжалъ по залѣ, всѣ переглянулись, послышались вопросы, обращенные другъ къ другу: «что, что такое? что онъ сказалъ?»—хотя каждый слышалъ эти краткія, но рѣшительныя слова и у каждаго на всю жизнь они запали въ памяти: до такой степени, въ томъ тонѣ, которымъ они были сказаны, въ блескѣ глазъ, сопровождавшемъ ихъ, во всей фигурѣ говорившаго ихъ отражалась внутренняя сила, убѣжденіе, страстность и энергія. Что особеннаго было въ этихъ нѣсколькихъ словахъ, которыя читатель сейчасъ увидитъ, — и, однако, они произвели цѣлый переполохъ, длившійся нѣсколько минутъ: вся масса, точно морская волна, набѣгающая на берегъ, какъ-то разомъ подалась впередъ, ближе къ каѳедрѣ; ряды стульевъ моментально смѣшались, всѣ были на ногахъ; прошло еще нѣсколько минутъ и г. Щаповъ стоялъ на своей каѳедрѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ тѣсной тол-

пустѣли, городская публика стремилась послушать „знаменитость“ на каѳедрѣ, какъ сбѣгается слушать „знаменитость“ на сценѣ... Одно время во всемъ городѣ только и рѣчи было, что о Щаповѣ, а о студентахъ и говорить нечего: они ходили, какъ ошалѣлые, отъ восторга“.

Рождественскій, на воспоминанія котораго мы уже ссылались, передаетъ бесѣду о Щаповѣ съ однимъ изъ бывшихъ слушателей послѣдняго. „Берви былъ студентомъ Казанскаго университета, когда читалъ лекціи Щаповъ, и хотя слушалъ математическія науки, но посѣщалъ и лекціи его и бывалъ у него на квартирѣ. О характерѣ чтеній Афанасія Прокофьевича Берви замѣтилъ, что дикція его была чрезвычайно плоха, но онъ увлекалъ студентовъ неслыханной своей откровенностью, искренностью и смѣлостью, говорилъ открыто о лицахъ и событіяхъ все, что самъ зналъ. Разъ въ концѣ чтенія онъ заявилъ, что на слѣдующей лекціи онъ станетъ говорить о декабристахъ. Само собою разумѣется, что 7-я аудиторія къ назначенному часу была биткомъ набита; едва успѣлъ Щаповъ взойти на каѳедру, растворилась дверь, вошелъ помощникъ попечителя Тихомандрицкій и занялъ мѣсто. Наступила мертвая тишина... Лекторъ отъ неожиданности немного растерялся: досталъ изъ кармана бумажку, на которой написанъ былъ конспектъ, повертѣлъ ее въ рукахъ и опять положилъ въ карманъ; потомъ опять вынулъ конспектъ и тотчасъ заявилъ, что лекція его имѣетъ предметомъ исторію декабристовъ... Онъ началъ говорить съ такой свободой и о такихъ подробностяхъ, какъ будто дѣло шло о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ между близкими пріятелями; эту лекцію Щаповъ заключилъ стихами:

«Иной возстанетъ грозный мститель,
«Иной родится мощный родъ:
«Страны своей освободитель,
«Проснется дремлющій народъ!»

пой студентовъ; внизу каѳедры, цѣпляясь за ея края, кругомъ — на стульяхъ на плечахъ другъ у друга, на самой каѳедрѣ, рядомъ съ профессоромъ, почти стѣсняя его,—всюду лѣпились фигуры, изображавшія изъ себя самое напряженное вниманіе, наэлектризованныя вдохновенной рѣчью, затаивши дыханіе»...

Первый шагъ, стр. 407—408.

„Восторженный взрывъ рукоплесканій и криковъ, какъ буря, пронесся съ трескомъ и гуломъ и проводилъ смѣльчака—доцента“ [1]).

Основной темой лекцій Щапова служилъ вопросъ о древне-русскомъ міросозерцаніи. Но вопросы объ исторической судьбѣ народа, переплетавшіеся съ жгучими вопросами современности, отвлекали его отъ этой основной темы и заставляли посвящать лекціи политическимъ и общественнымъ событіямъ близкаго прошлаго.

Наступилъ многознаменательный 1861 годъ. Былъ опубликованъ манифестъ 19 февраля. Общественная пульсація достигла высшей напряженности. Жилось лихорадочно, повышенно. Впечатлительный Щаповъ отдавался весь жгучимъ вопросамъ момента. Нервы были напряжены. Всякая неурядица, общественное бѣдствіе болѣзненно отзывалось на немъ. Въ это время случилось происшествіе, совершенно перевернувшее судьбу Щапова.

Въ с. Безднѣ, Казанской губерніи, при объявленіи манифеста случилось прискорбное недоразумѣніе. Крестьяне, введенные въ заблужденіе раскольничьимъ начетчикомъ, отказались признать манифестъ за „настоящій“. Были призваны войска, начавшія стрѣлять въ безоружную толпу,— и оказалось много жертвъ... Происшествіе это произвело подавляющие дѣйствіе на общество. Впечатлительная молодежь рѣшила отслужить панихиду и пригласила на нее Щапова. Пылкій, страстный, болѣвшій сердцемъ за народъ, молодой ученый, послѣ панихиды по „рабамъ Божіимъ, во смятеніи убіеннымъ“, произнесъ горячую рѣчь... Въ результатѣ участниковъ постигла жестокая кара. Нѣкоторые, — среди нихъ находились выдающіеся впослѣдствіи люди, — были разосланы въ ссылку, другіе заключены въ монастыри. Щаповъ былъ отправленъ въ Петербургъ.

Изъ Казани онъ выѣхалъ безъ оффиціальнаго спутника,—и студенты проводили его до пароходной пристани на лодкахъ. Характерные были это проводы. Лодки неслись по рѣкѣ, и грустная пѣсня лилась изъ груди провожающихъ юношей:

---

[1]) Аристовъ, стр. 59.

„Вверхъ по Волгѣ рѣкѣ, къ Нижню городу
„Снаряженъ стружокъ какъ стрѣла летитъ;
„А на томъ стружкѣ, на снаряженномъ,
„Удалыхъ гребцовъ двадцать два сидятъ,
„Вотъ одинъ изъ нихъ, добрый молодецъ,
„Призадумался, пригорюнился“...

Въ Нижнемъ Щаповъ былъ арестованъ и до Петербурга проѣхалъ уже съ жандармскимъ офицеромъ.

Простодушная, дѣтски-чистая душа Щапова и здѣсь сказалась. Онъ мирно сошелся съ офицеромъ, велъ путевыя записки объ областяхъ, черезъ которыя проѣзжалъ, распрашивая своего спутника, и потомъ сообщалъ, что онъ „отлично и весело доѣхалъ до Петербурга“. Помѣщеніемъ-же, которое ему отвели въ III-мъ отдѣленіи, онъ прямо восхитился. „Отличная комната, высокая, въ три большихъ окна; а чистота такая, какой у меня не бывало въ квартирѣ“.

Къ Щапову, изъ уваженій къ его таланту, отнеслись снисходительно; вмѣсто слѣдствія, предложили написать подробное объясненіе. Щаповъ охотно выполнилъ это порученіе и съ обычной прямотой изобразилъ въ запискѣ тяжелую исторію русскаго народа, постепенное отнятіе у него правъ, самоуправленія, постепенное закрѣпощеніе,— словомъ „горько-слезную его судьбу“. Онъ указывалъ также на неизбѣжность протеста со стороны народа и ошибочное усвоеніе протесту значенія бунта. Далѣе слѣдовало объясненіе личныхъ мотивовъ участія въ панихидѣ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ взялъ Щапова на поруки и назначилъ чиновникомъ своего министерства по раскольничьимъ дѣламъ, объяснивъ лично, что Щаповъ можетъ заниматься своими научными работами, не стѣсняясь службой.

Въ Петербургѣ Щаповъ попалъ въ весьма неблагопріятныя условія жизни. Чиновникомъ, даже на такихъ льготныхъ условіяхъ, какъ упомянутыя, онъ не могъ быть. Атмосфера чиновничьяго, бумажнаго отношенія къ дѣлу, къ народу, раздражала его. Онъ отъ всей души возненавидѣлъ этихъ „скрипачей живого горя народнаго“, какъ онъ, на своемъ своеобразномъ языкѣ, окрестилъ чиновниковъ и перестала являться въ департаментъ даже за жалованіемъ,

которое стали посылать ему съ курьеромъ, а затѣмъ онъ былъ отчисленъ. Для Щапова открылась перспектива первой, срочной, урывчатой работы журналиста, къ какой ученый изслѣдователь не былъ способенъ.

Онъ попалъ въ сутолоку столичной жизни, въ кругъ незнакомыхъ людей. Между тѣмъ, это была страстная, кипучая натура, требовавшая живого обмѣна мыслей. Кто-то назвалъ его прирожденнымъ „трибуномъ". „Ему нужны были,—говорилъ его некрологъ въ „Отеч. Запискахъ" [1]),—люди, которымъ онъ могъ-бы лично сообщать результаты работы, могъ-бы лично видѣть, какъ въ нихъ зажигается его мысль, какъ она постепенно овладѣваетъ ими, какъ по мѣрѣ его одушевленія растетъ ихъ одушевленіе; однимъ словомъ—ему нужна была громадная аудиторія, напряженное вниманіе слушателей, восторженныя лица"...

При совершенномъ неумѣніи устраивать свою жизнь, къ которому присоединялась привычка къ вину, переходившая подъ вліяніемъ жизненныхъ неудачъ въ запой, пребываніе Щапова въ Петербургѣ представляется какимъ-то лихорадочнымъ состояніемъ. Читая страницы книги Аристова, посвященныя этимъ двумъ годамъ жизни, вы испытываете жуткое чувство. Окончательную катастрофу вы уже предчувствуете.

Столичная жизнь тогда била ключемъ. Съ одной стороны, послѣ освобожденія крестьянъ, готовились и совершались „великія реформы"; все устраивалось на новыхъ началахъ самоуправленія и относительной свободы. Земская реформа должна была перестроить организацію народнаго финансоваго хозяйства и внести измѣненія въ провинціальную админастрацію. За нею видѣлось преобразованіе на тѣхъ-же началахъ и центральнаго управленія. Судъ присяжныхъ, преобразованіе суда и судопроизводства также стояли на очереди. Съ другой стороны, въ обществѣ обострилась потребность знанія, просвѣщенія. Недостатокъ учебныхъ пособій, научныхъ книгъ, незнакомство съ современнымъ состояніемъ научнаго знанія въ передовыхъ странахъ запада чувствовались остро. Въ интеллигентныхъ

---

[1]) „Отеч. Зап." 1876, № 5, стр. 181 (Внутр. Обозр.); *Аристовъ* стр. 82—83.

кругахъ тогда съ пылкостью неофитовъ напустились на наиболѣе запущенныя нами естественныя науки. Это была пора, когда молодой, блестящій публицистъ преподалъ знаменитому русскому сатирику благой совѣтъ бросить „невинные цвѣты юмора", а заняться,—благо слогъ хорошій,—популяризаціей естественно-историческихъ знаній.

Впечатлительная натура Щапова чутко отзывалась на вопросы дня.

Мы уже видѣли, что въ научныхъ изслѣдованіяхъ Щапова исторія русскаго народа не представлялась разорванной на части, живущія въ антагонизмѣ. Жизнь народа была цѣлостна и едина; она основывалась на выработанныхъ естественнымъ, историческимъ путемъ, началахъ.

Еще въ Казани, на частномъ собраніи своихъ слушателей-студентовъ, онъ развилъ свои воззрѣнія на историческія судьбы русскаго народа и задачи современности въ такъ называемой „ученой бесѣдѣ".

„Клянусь, — говорилъ онъ тогда [1]), — безъ основательнаго, жизненнаго пониманія исторіи нашего народа, безъ историческаго и историко-этнографическаго самосознанія, мы вдругъ не создадимъ полномъ реформы, которая обошлась-бы безъ бунтовъ, удовлетворила-бы всему народу или, вѣрнѣе, всѣмъ народамъ...

Напрасно мы будемъ льстить себя надеждой создать что-нибудь новое или поддержать отжившее, наперекоръ историческимъ основаніямъ; даже геніальное творчество, равно какъ и самая фанатическая любовь къ старинѣ, должны волей-неволей подчиняться закону исторической послѣдовательности... Наперекоръ исторической организаціи и жизни нашего народа мы не создадимъ ничего прочнаго, новаго, не улучшимъ вдругъ быта нашего народа,—многое даже можемъ испортить, какъ и были уже опыты въ нашей исторіи. Мы только, при лѣнивомъ и во многихъ отношеніяхъ еще не початомъ изученіи бытовой внутренней исторіи нашего народа, мы только не знаемъ еще тайны потребностей, инстинковъ, желаній, вѣковыхъ исканій нашего рода. А народъ выразилъ ихъ уже въ своей прожитой исторіи, выразилъ нестройно, нескладно, только лишь

---

[1]) Аристовъ, стр. 64—65.

естественно, потому что недоставало искусственности и раціональности, той европейской раціональности, какую долженъ былъ внести въ Россію Петръ Великій. Онъ внесъ это вспомогательное, существенно необходимое, начало нашей новой исторической жизни. Оно, хотя и сквозь уродливыя, нестройныя историческія формы конца XVII и начала XVIII столѣтія, но внеслось, внѣдрилось въ нашу жизнь и дало ей европейское направленіе. И значеніе Петра тѣмъ кончено.

Для Россіи настанетъ пора новаго историческаго разумно-сознательнаго бытія! И вотъ почему, мнѣ кажется, въ наше время особенно необходимо всестороннее и глубокое самосознаніе наряду съ современнымъ политическимъ самосознаніемъ. Великая всенародная реформа народнаго самоуправленія тогда только удовлетворитъ всѣмъ разнообразнымъ потребностямъ народовъ, населяющихъ Россію, тогда только мирно водворится въ русской землѣ, когда будетъ плодомъ нашего всесторонняго и глубокаго историческаго самопознанія и будетъ согласоваться съ историческимъ духомъ и характеромъ народа. А безъ всесторонняго историческаго самопознанія невозможно правильное и естественное удовлетвореніе всѣхъ его высокихъ, обширныхъ и разнообразныхъ потребностей, развившихся въ теченіе исторіи. Вотъ почему въ наше время жизненно необходимо глубокое и всестороннее изученіе исторической организаціи древней Россіи столько-же, какъ и изученіе новой Россіи. Послѣдняя органически связана съ древней. Элементы древняго быта Россіи еще глубоко коренятся во многихъ слояхъ нашего современнаго общественнаго слоя... Недаромъ ученые и поэты молодой Россіи съ особенной симпатіей уносились въ міръ древней Россіи".

Изъ этого вы видите, что Щаповъ вовсе не сбивался съ прежняго своего пути, когда въ прекрасныхъ очеркахъ, помѣщавшихся имъ въ журналѣ „Вѣкъ" и др. органахъ, наряду съ изображеніемъ древне-русской жизни, отдавался и современнымъ вопросамъ, стараясь органически связать то и другое. „Великимъ крестьянскимъ вопросомъ нарушенъ былъ,—писалъ онъ въ одной статьѣ [1]),—спячій квіе-

---

[1]) *Сельская община.* Вѣкъ 1862, 6—7, стр. 6.

тизмъ, нарушена была монотонность, апатія нашей жизни. Мы лицомъ къ лицу обратились къ самой почвѣ нашего саморазвитія, къ народу. Преобразованіе быта огромнѣйшей массы провинціальнаго народонаселенія—крестьянства нарушило вѣковой застой и въ самой провинціальной жизни, гдѣ онъ былъ еще сильнѣе. Общее стремленіе къ дѣятельности кипитъ или по крайней мѣрѣ проявляется повсюду. А между тѣмъ, когда присматриваемся, видимъ, что дѣла-то собственно дѣлается вездѣ очень мало. Вездѣ больше словъ, больше теорій, никуда не пригодныхъ. Вообще дѣлается большею частью или *не то* или *не такъ*. Это зависитъ отъ того, что мы не умѣемъ сблизиться съ народомъ, не умѣемъ въ чистомъ родникѣ народной жизни изучить ея законныя требованія и стремленія и направить нашу дѣятельность сообразно этимъ вѣчно истиннымъ требованіямъ и стремленіямъ, а не произвольно измышляемымъ нами теоріямъ и утопіямъ".

Бросая взглядъ вглубь русской старины, Щаповъ видѣлъ самобытное, естественное развитіе гражданскаго порядка на естественныхъ родныхъ началахъ самоуправленія и самоустроенія. Какъ естественно организовались общинные міры, такъ-же естественно они устраивали управленіе. Мірскіе сходы, земскіе соборы создавали „мірскія уложенія", регулировали правовой порядокъ. Излюбленные міромъ старосты, головы и т. п. должностныя лица заправляли текущими дѣлами. Міръ распоряжался землею, своими финансами; онъ не былъ пассивенъ и въ церковно-религіозной жизни, участвуя въ выборѣ мѣстнаго духовенства, бывшаго также „излюбленнымъ". „Міръ въ сельскихъ общинахъ, въ волостяхъ, былъ полноправный государь" [1]). „Міръ, начинаясь съ малыхъ круговъ, внутренно самобытныхъ и въ себѣ законченныхъ міровъ сельскихъ, связуя ихъ общинною, естественно-бытовою связью съ мірами городскими, также внутренно-самобытными и въ себѣ законченными, и смыкая тѣ и другіе по землѣ и по водѣ вмѣстѣ—въ самостоятельные земскіе міры, посредствомъ федеративной совокупности послѣднихъ, естественно возро-

---

[1]) *Сельскій міръ и мірской сходъ.* Вѣкъ 1862, 13 — 14, стр. 154. Ср. *Городскіе мірскіе сходы.* Вѣкъ 1862, 12.

стаетъ и расширяется, такимъ образомъ, во всенародный русскій земскій міръ“ [1]).

По мнѣнію Щапова, и современныя реформы надо было начать снизу, съ организаціи сельскихъ міровъ, на началахъ исконнаго русскаго самоуправленія,—и отъ нихъ уже, на тѣхъ же началахъ, организовать болѣе крупныя единицы земскаго самоуправленія, и, наконецъ,—центральное управленіе.

„Будучи устроены,—писалъ онъ,—изъ выборныхъ отъ всѣхъ деревушекъ, городовъ и областей или отъ всѣхъ городскихъ и сельскихъ міровъ и мірскихъ сходокъ въ каждой областной общинѣ,—земскія собранія и областные совѣты равномѣрно распредѣляютъ по частямъ, по мѣстамъ благоустроительныя силы, средства и заботы; избиратели уполномочиваются заявлять, что имъ нужно, какъ и какими силами и средствами лучше устроиться и удобнѣе удовлетворять всѣмъ мѣстнымъ, прямымъ, истинно-извѣданнымъ на мѣстѣ нуждамъ“. Они соберутъ точныя данныя статистическія, географическія, этнографическія и, смотря по мѣстнымъ условіямъ, могутъ опредѣлять раздѣленіе или сліяніе уѣздовъ и областей, какого требуетъ естественная жизнь народа, правильно устроить податную систему, мѣстное сельское хозяйство, развитіе образованія, поддержаніе народнаго здравія. „Далѣе, земскія собранія и областные совѣты могутъ устроить земскія думы изъ выборныхъ отъ всѣхъ міровъ или отъ городскихъ и сельскихъ сходокъ, излюбленныхъ головъ, старостъ, судей, надзорщиковъ за благочиніемъ и вообще устроить излюбленный самосудъ, самоуправленіе и полицейское самоохраненіе“ [2]). Совершавшейся земской реформой онъ не былъ доволенъ, особенно введеніемъ имущественнаго ценза, какъ учрежденіемъ совершенно не русскимъ, искусственнымъ [3]). „Достойно вниманія,—говоритъ писавшій въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ Аристовъ [4]),—что высказанная мысль Щапова, 20 лѣтъ тому назадъ, о непрактической постановкѣ земскихъ учреж-

---

[1]) Вѣкъ 1862, 1—6, стр. 8.
[2]) Аристовъ, 79—80.
[3]) Ibid., стр. 79.
[4]) Аристовъ, стр. 109—110.

денiй въ Россiи, въ настоящее время вполнѣ оправдалась на дѣлѣ и сознана всѣми. Онъ тогда еще предлагалъ взяться за мелкiя единицы управленiя, въ родѣ мiровъ и сходовъ, и оканчивалъ общимъ земскимъ соборомъ". Дѣйствительно, какъ извѣстно, съ цѣлью пересмотра земскихъ учрежденiй и внутренняго управленiя была упреждена извѣстная *Кохановская комиссiя*, собравшая богатые матерiалы, но практическихъ результатовъ не имѣвшая, такъ какъ затѣмъ началась критика земскихъ учрежденiй и сопутствовавшихъ имъ реформъ съ иной точки зрѣнiя.

Переходя къ другому многозначительному пункту ученой судьбы Щапова,—именно къ его увлеченiю естествознанiемъ,—мы и здѣсь должны будемъ установить отсутствiе какого-либо неожиданнаго перелома, переворота въ воззрѣнiяхъ. Обыкновенно принято думать, что Щаповъ, увлеченный модными вѣянiями, сбился со своего истиннаго призванiя, и не имѣя средствъ сдѣлаться первоклассным естествоиспытателемъ, даромъ погубилъ свой первоклассный талантъ историка [1]).

Это ошибочный взглядъ. Съ самаго начала своей научной дѣятельности, Щаповъ старался проникнуть въ сокровенные тайники народно-исторической жизни, уловить естественные процессы народнаго развитiя. Поиски естественныхъ, коренящихся въ законахъ природы, основъ культуры, построенiе русской исторiи на открытыхъ имъ естественноисторическихъ началахъ, составляло и смыслъ научной работы нашего историка, и его заслугу. Какъ мы видѣли Щаповъ не получилъ широкаго, естественно-научнаго образованiя. А между тѣмъ именно здѣсь лежало для него могущественное орудiе для болѣе внимательнаго, глубокаго, дальнѣйшаго труда въ избранномъ имъ направленiи. И Щаповъ съ обычной пылкостью, страстностью и прямолинейностью взялся за изученiе, съ азбуки, естественныхъ наукъ. Онъ не могъ, не имѣлъ средствъ справиться съ поставленной задачей,—но это уже другой вопросъ.

„Щаповъ хотѣлъ приложить къ русской исторiи, — го-

---

[1]) Аристовъ, стр. 111: «Но увлеченiе естественными науками испортило всѣ его дальнѣйшiе труды». Ср. стр. 106, а также «Отеч. Зап.» 1876. № 5, «Вн. Об.», стр. 183.

ворить его некрологъ,—естественно-научный методъ и съ жадностью проглатывалъ выходившія въ свѣтъ изданія по естественнымъ наукамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если-бы онъ оставался профессоромъ на каѳедрѣ исторіи, имѣлъ обезпеченное матеріальное положеніе, время и всѣ средства, то, рано или поздно, онъ совладѣлъ-бы съ этою огромною задачею. Но онъ поставленъ былъ въ необходимость писать и писать что-нибудь, чтобы не сидѣть безъ хлѣба. Понятно, что вмѣсто зрѣлыхъ трудовъ онъ долженъ былъ давать только недоноски, часто въ зачаточномъ состояніи въ особенности въ послѣднее время"...

Если попробуемъ сдѣлать общую оцѣнку научной дѣятельности Щапова, и опредѣлить его мѣсто въ наукѣ, то мы, прежде всего должны указать на незаконченность его работы. Эта незаконченность усиливается еще тѣмъ что масса прекрасныхъ работъ Щапова была затеряна, студентами, редакціями, его знакомыми, имъ самимъ,—и затеряна, вѣроятно, невозвратимо. „Самыми лучшими работами Щапова,—говоритъ его некрологъ, принадлежащій перу компетентнаго лица [1]),—останутся несомнѣнно работы перваго времени, основанныя на изученіи грамотъ, актовъ, лѣтописей, вообще—исключительно историческихъ памятниковъ, безъ особаго увлеченія естествознаніемъ... Если-бы онъ, держась прежняго пріема и не задаваясь никакими болѣе широкими программами, разработалъ всю нашу исторію, то трудъ вышелъ-бы несомнѣнно очень замѣчательный и, во всякомъ случаѣ, очень полезный въ нашей исторической литературѣ".

Во всякомъ случаѣ, покойнымъ историкомъ было возбуждено много новыхъ идей, привлечено къ изученію много новаго, неизвѣстнаго матеріала; разныя явленія прошлаго стали оцѣниваться иначе. Его мысль о значеніи историко-географической основы разселенія русскаго народа и образованія областныхъ единицъ замѣтно отражена въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ историческихъ трудахъ. Мы можемъ указать, напр., на замѣчательный трудъ извѣстнаго профессора Ключевскаго („Боярская Дума").

Въ современной наукѣ русской исторіи царитъ напра-

---

[1]) „Отеч. Зап". 1876, № 5, стр. 183 (Вн: Обозр.).

вленіе, отличное отъ направленія 40—60-хъ годовъ, поднята группа вопросовъ иного порядка. Этнографическіе и чисто-экономическіе вопросы сошли съ перваго плана. Историческая наука снова подошла къ вопросамъ политическимъ—къ вопросамъ административныхъ, фискальныхъ и церковныхъ учрежденій, хотя ставятся эти вопросы иначе, чѣмъ прежде,

Дѣло въ томъ, что въ 80-хъ годахъ былъ рѣзко—и практически—поставленъ вопросъ о примѣнимости въ Россіи западно-европейскихъ формъ государственнаго устройства и жизни и о самобытности, отличности коренныхъ началъ государственнаго устроенія русскаго народа, которыя признаны неимѣющими ничего родственнаго съ принципами политическаго правосознанія западно-европейскихъ государствъ. Чуткая русская научно-историческая мысль и направилась въ сторону этихъ вопросовъ, подвергая пересмотру старыя теоріи, и углубляясь въ детальное, всестороннее изученіе политическихъ, административно-фискальныхъ и церковныхъ учрежденій древней Россіи. Основательные, капитальные труды современныхъ историковъ, напр., г.г. Дьяконова [1]), Милюкова, Лаппо-Данилевскаго [2]), также изслѣдованія Платонова [3]), Кизеветтера [4]), Сергѣевича [5]),—посвящены этимъ вопросамъ.

Основательной оцѣнкѣ трудовъ и распространенію взглядовъ Щапова препятствовало до послѣдняго времени отсутствіе собранія его сочиненій. Его статьи можно было достать лишь въ Императорской Публичной Библіотекѣ, и изученіе, конечно, было связано съ трудно-преодолимыми препятствіями [6]).

Обращаясь къ личной жизни Щапова, мы видимъ его

---

[1]) Изслѣдованія развитія единодержавія, по писцовымъ книгамъ и фискальной организаціи и пр.

[2]) Изслѣдованія податного устройства, финасоваго хозяйства, въ связи съ развитіемъ политическихъ учрежденій

[3]) Изслѣдованія о смутномъ времени.

[4]) Статьи по вопросу о развитіи политическихъ идей въ до-Петровской Руси.

[5]) „Русскія юридическія древности“, изслѣдованія по исторіи права.

[6]) Въ 1908 году въ изданіи Пирожкова вышли, въ 3 т.т., „Сочиненія А. П. Щапова“,—къ сожалѣнію далеко не въ полномъ составѣ.

въ угнетенномъ состоянiи духа. Кромѣ того онъ болѣлъ и погибалъ отъ запоя. А пилъ онъ страшно, какъ всѣ топящіе въ винѣ свое горе.

„Ахъ, спасибо-же тебѣ, синему кувшину,—
„Ты размыкалъ, разогналъ злу тоску-кручину!“

Пѣлъ онъ обыкновенно пьяный и тутъ-же плакалъ, рыдалъ, отъ сознанія разбитой жизни, своихъ гибнущихъ силъ.

Безпорядочная жизнь, знакомства съ прогрессивными, находившимися подъ подозрѣніемъ кругами, неосторожныя рѣчи—создали и поддерживали о Щаповѣ дурную репутацію въ полицейскихъ сферахъ. Рѣчь заходила о высылкѣ его изъ столицы. Сначала грозную тучу удалось отвести— но не надолго.

Въ концѣ пребыванія въ Петербургѣ Щаповъ познакомился съ О. И. Жемчужниковой, которая передъ высылкой Щапова вышла за него замужъ. Это была оригинальная, умная дѣвушка, воспитавшаяся въ одномъ частномъ пансіонѣ, основательно владѣвшая французскимъ языкомъ и много читавшая. Она жила въ домѣ своего дяди, протоіерея, гдѣ собиралась учащаяся молодежь и нѣкоторые литераторы. Съ общей эмансипаціей русской жизни тогда заговорили и о женскомъ образованіи. Но никакихъ еще шаговъ къ практическому рѣшенію этого вопроса не было сдѣлано. О. И. собственными силами пополняла свое образованіе находилась всецѣло подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній, новыхъ запросовъ. Это сообщало ей нѣсколько восторженный характеръ, мечтательное настроеніе, готовность беззавѣтно и самоотверженно увлечься какой-либо идеей. Съ произведеніями Щапова она была еще раньше знакома и очень ими увлекалась. Когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, до нея доходили слухи объ этой оригинальной, сильной личности. Она проникалась жалостью къ гибнущему огромному дарованію. Щаповымъ въ Петербургѣ интересовались: литераторы искали знакомства съ нимъ, издатели приглашали сотрудничать. Герценъ, тогдашній властитель душъ, привѣтствовалъ научно-литературную дѣятельность Щапова, отмѣчая ея свѣжесть, оригинальность, и въ частномъ письмѣ ободрялъ его.

Познакомившись лично со Щаповымъ, Ольга Ивановна рѣшила спасти его и стать его женой.

Щаповъ также увлекся дѣвушкой, которая проявила къ нему столько симпатіи, самоотверженной любви. Но онъ слишкомъ уже былъ надорванъ. Сдержанности, уравновѣшенности у него не было нисколько. Аристовъ приводитъ нѣсколько странныхъ, дикихъ выходокъ Щапова по адресу своей невѣсты, которую онъ ни съ того, ни съ сего ревновалъ. Нужно удивляться той громадной силѣ воли, тому запасу нѣжности, любви, которыя были у молодой дѣвушки, ни на шагъ не отступившей отъ исполненія взятой на себя миссіи [1]).

Въ 1864 году Щаповы уѣхали въ Иркутскъ, мѣсто ссылки Щапова. Сначала его сослали въ Ангу, но затѣмъ было получено разрѣшеніе жить въ городѣ.

Въ Иркутскѣ разыгрывался послѣдній актъ жизненной трагедіи знаменитаго писателя.

„Щапова и въ Иркутскѣ, по словамъ Елисѣева, нельзя было почитать человѣкомъ окончательно потеряннымъ. Напротивъ, можно думать, что, при болѣе обезпеченномъ матеріальномъ положеніи, при большемъ участіи къ нему общества, при надеждѣ на возвращеніе въ Петербургъ, онъ могъ-бы явиться туда обновленнымъ и съ болѣе зрѣлыми силами для литературы". Но какъ разъ ни того, ни другого не было. Въ Иркутскѣ Щаповъ не могъ не только найти матеріала для работъ, но и хорошей библіотеки. Поэтому онъ принужденъ былъ брать искусственныя темы для работы, чтобы использовать имѣющійся привезенный запасъ матеріаловъ. Работы выходили и дѣланными, и мало интересными. А это въ свою очередь отзывалось на заработкѣ, такъ-какъ редакціи часто не могли помѣщать присылаемыхъ статей. Сначала служилъ подспорьемъ заработокъ О. И., которая взяла уроки въ женской гимназіи. Но это было и недостаточное, и недолговременное подспорье. Ща-

---

[1]) Вотъ описаніе ея наружности у Вагина: „Черезъ нѣсколько минутъ вышла молодая и недурная блондинка, съ свѣтлыми голубыми глазами и до плечъ остриженными волосами; не трудно было догадаться, что эта Ольга Ивановна. Щаповъ не счелъ нужнымъ познакомить насъ, но она тотчасъ-же завела разговоръ со мной какъ со старымъ знакомымъ". „Спб. Сб." 1889, II, стр. 65.

повы оба были люди непрактичные, жить не умѣли,—и имъ приходилось голодать. А потомъ О. И. тяжело захворала и прострадала до самой своей смерти.

Она добилась поставленной цѣли, — Щаповъ въ Иркутскѣ пересталъ пить. Онъ много работалъ, и въ работахъ ему помогала жена. О. И. перечитала массу научныхъ книгъ и настолько вошла въ кругъ идей и работъ мужа, что могла участвовать въ его работахъ. Она читала научныя сочиненія, дѣлала выписки, сообщала интересное изъ прочитаннаго; указывала на то, что являлось противорѣчіемъ выводамъ Щапова. Часто она и не соглашалась съ этими выводами, и умно, дѣльно оспаривала ихъ. „Она сидѣла у его письменнаго стола, — говоритъ одинъ иркутскій знакомый Щапова [1]),—слѣдила за тѣмъ, что онъ писалъ, и подвигала ему записочки съ необходимыми ему цитатами. Словомъ, жена и мужъ были одно существо и одна мысль. Щапова скончалась на моихъ глазахъ, сказавши: „Я умираю, испытавъ одну бѣдность, но я узнала прелесть жизни въ ея умственныхъ задачахъ".

По пріѣздѣ въ Иркутскъ Щаповъ вскорѣ-же постарался примкнуть къ мѣстной научной работѣ.

Надо сказать, что онъ ѣхалъ въ Сибирь съ довольно радужными ожиданіями. Дѣйствительность жестоко его разочаровала. Онъ нашелъ инертную, невѣжественную массу и небольшую группу образованныхъ, интеллигентныхъ дѣятелей. Это былъ какъ разъ промежутокъ времени послѣ прекращенія газеты „Амуръ" и основаніемъ газ. „Сибирь". Общество отнеслось апатично къ знаменитому ученому.

Въ 1865 г. онъ попробовалъ выступить на юбилеѣ Ло-

---

[1]) Воспоминанія Н. П. Суворова въ *„Русск. Обозрѣніи"* 1894 № 1, стр. 100. Вагинъ въ своихъ воспоминаніяхъ передаетъ: „Общество Ольги Ивановны было гораздо пріятнѣе общества ея мужа. Разговоръ ея былъ серьезенъ и логиченъ, но безъ педанства; онъ не держался исключительно на одномъ предметѣ, иногда совершенно неинтересномъ для собесѣдника. Ольга Ивановна говорила о многомъ говорила умно и большею частію справедливо; Щаповъ, напротивъ, ни о чемъ не могъ говорить, кромѣ того, что занимало его въ данную минуту. а многое изъ этого не имѣло общаго интереса. Въ разговорѣ его всегда былъ виденъ ученый, занятый только своимъ предметомъ; въ разговорѣ его жены—умная и образованная женщина, которой „ничто человѣческое не чуждо". „Сибирск. Сборн." 1889, вып. II, стр. 69.

моносовскомъ съ рѣчью; но читалъ рѣчь не самъ Щаповъ, а Б. А. Милютинъ. Эта рѣчь неблагопріятно отозвалась на успѣхѣ хлопотъ о возвращеніи Щапова въ Петербургъ [1]). Въ это время Сибирскій (теперь Вост.-Сибирскій) Отдѣлъ Географическаго Общества снарядилъ экспедицію для изслѣдованія Туруханскаго края. Въ качествѣ этнографа присоединился къ экспедиціи Щаповъ, поѣхавшій въ путешествіе съ женой.

Результаты изслѣдованій были обильны. Щаповъ изслѣдовалъ по возможности, кромѣ общихъ отличныхъ анатомическихъ типовъ и индивидуальностей разноплеменныхъ Туруханскихъ жителей, ихъ ростъ, физическую рабочую силу, плодовитость женщинъ, физіологическій день остяцкій и тунгузскій, или распредѣленіе въ теченіе сутокъ покоя, сна и рабочаго движенія, голода, ѣды и т. п.; затѣмъ распредѣленіе по временамъ года браковъ, рожденій, численный составъ семействъ, среднюю продолжительность и ея распредѣленіе по временамъ года, болѣзни, преимущественно мѣстныя эпидемическія и этнологическія или племенныя, и наконецъ, физіологическое смѣшеніе или метисаціи разноплеменныхъ туруханскихъ жителей. Этнологическія иcлѣдованія Щапова, касаясь весьма разностороннихъ вопросовъ, дали богатый матеріалъ для науки и дали намъ довольно полное понятіе о туруханскихъ обитателяхъ. При недостаточности времени для краніологическихъ изслѣдованій, Щапову, однакожъ, удалось собрать нѣкоторыя свѣдѣнія по этой части, а потомъ и самому сдѣлать весьма обстоятельныя наблюденія и опыты надъ физическими особенностями инородцевъ; кромѣ того, онъ собралъ 14 череповъ, съ полнымъ означеніемъ мѣстъ ихъ нахожденія, какому роду и племени они принадлежатъ и времени ихъ погребенія“ [2]).

Этотъ трудъ постигла печальная судьба. Отдѣлъ не имѣлъ средствъ напечатать его на свой счетъ. Географическое Общество также почему-то не сочло возможнымъ

---

[1]) Эта рѣчь напечатана въ одной брошюрѣ съ рѣчью Н. И. Попова. Изд. 1865 г (въ типографіи штаба) стр. 10—19.

[2]) *Исторія полувѣковой дѣятельности Имп. Русск. Геогр. Общ.*, ч. I, страница 226.

помѣстить его въ своихъ изданіяхъ, и при Иркутскомъ пожарѣ 1879 года рукопись сгорѣла [1]).

Въ концѣ 60-хъ годовъ Комитетъ Сибирскаго Отдѣла рѣшилъ сосредоточить свои изслѣдованія въ Иркутской губерніи. Вслѣдствіе такого рѣшенія Чекановскій (потомъ Черскій) взялъ на себя изслѣдованія по геологіи, Годлевскій и Дыбовскій—по зоологіи, а Щаповъ — этнографическія изслѣдованія въ Верхоленскомъ краѣ [2]).

Щаповъ произвелъ обширныя изслѣдованія и открылъ много интереснаго. Особенно его интересовалъ вопросъ о метисаціи русской народности съ инордческими. Для рѣшенія этого вопроса онъ собиралъ статистическія данныя, производилъ наблюденія, дѣлалъ распросы, прибѣгалъ къ иструментальнымъ измѣреніямъ. Щаповъ констатировалъ пока еще „хаотическое смѣшеніе племенъ"; но изъ этого неяснаго состоянія выдѣлялось нѣсколько болѣе или менѣе опредѣленныхъ слѣдствій. Во-первыхъ, русская народность, заселившая Сибирь и вышедшая изъ устойчиваго состоянія, подвергалась, подъ вліяніемъ климатическихъ и топографическихъ условій и подъ дѣйствіемъ физіологическаго смѣшенія съ азіатскими народностями, типическимъ измѣненіямъ [3]), во-вторыхъ, метисы представляютъ племя „не раздѣляющее въ одинаковой степени типическихъ отличительныхъ свойствъ родоначальныхъ расъ—славяно-русской и сибирско-азіатскихъ" [4]); въ 3-хъ, смѣшанное населеніе—„ясачные", по жизненной устойчивости, занимаютъ средину между русскимъ населеніемъ, болѣе крѣпкимъ, и инородческимъ, болѣе слабымъ [5]), въ 4-хъ, въ осѣдло-инородче-

---

[1]) *Вагинъ*, „Сиб. Сборн." 1889, II, стр. 67—68. Вагинъ здѣсь говоритъ, что какая-то статья въ „Вост. Обозр." или одномъ изъ сборниковъ напомнили ему статью Щапова, и онъ спрашиваетъ, не сдѣланы-ли кѣмъ-нибудь выписки изъ статьи.

[2]) *Очеркъ двадцатипятилѣтней дѣятельности Сибирскаго Отдѣла* 1876, стр. 11—22. Щаповъ былъ въ 70-хъ годахъ членомъ Распор. Комитета, а до этого членомъ Ревиз. Комиссіи. Одинъ изъ ревиз. отчетовъ всецѣло принадлежитъ ему, какъ это видно по его своеобразному стилю.

[3]) Историко-географич. и этнологич. замѣтки о сибирск. населеніи „Извѣстія Спб. Отдѣла" 1872, № 5, стр. 243.

[4]) „Извѣстія" 1873. № 4, стр. 203.

[5]) „Извѣстія" 1876, т. стр. VII, № 2—3.

скихъ смѣшанныхъ поселеніяхъ преобладаетъ женское население, что по мнѣнію Щапова, объясняется тѣмъ, что женщина русская внесла болѣе жизненный, свѣжій элементъ въ кровь туземцевъ и дала, вмѣстѣ съ тѣмъ, перевѣсъ своему полу [1]).

Въ связи съ метисаціей и процессами измѣненія народности, Щапова очень интересовали случаи мѣстныхъ болѣзней, напр., распространеніе зоба, кретинизма, уродствъ, особенно въ связи съ условіями размноженія населенія [2]).

Съ большимъ рвеніемъ производились Щаповымъ наблюденія и надъ общинною жизнью Кудинско-Ленскаго края,—здѣсь играла роль и его исконная симпатія къ общинѣ, и теоретическій интересъ, возбужденный „переработкой основныхъ принциповъ политической экономіи и соціологіи“ на западѣ, направившей ученыхъ на изслѣдованіе общественнаго развитія людей въ ихъ первобытномъ, естественомъ состояніи“ [3]).

По вопросамъ исторіи Сибири, Щаповъ написалъ большую статью, по поводу труда Вс. Ив. Вагина о Сперанскомъ, — „Сибирское общество до Сперанскаго“ [4]), и въ „Отечественныхъ Запискахъ“ статью „О развитіи высшихъ человѣческихъ чувствъ. Мысли сибиряка при взглядѣ на нравственныя чувства и стремленія сибирскаго общества“ [5]). Тѣ же мысли у него разсѣяны и въ „Историко-географическихъ замѣткахъ“. Онъ больше останавливается на ближайшей исторіи сибирскаго общества и очень много даетъ простора негодующему чувству. Стоитъ отмѣтить оригинальный взглядъ Щапова на положеніе вещей до Сперанскаго. Онъ очень мрачно изображаетъ плутократическое господство олигархіи сильнаго купечества, и симпатіи его, вопреки распространенному взгляду, склоняются на сто-

---

¹) Ibid., стр. 63.

²) *Развитіе уродствъ между бурятами кудинскаго, верхоленскаго и ленскаго вѣдомства и вліяніе на него замкнутаго родового генезиса.* „Изв.“ 1875, т. VI, № 5—6, со стр. 89. Ср. *Историко-географ. замѣтки.*

³) *Бурятская улусная родовая община.* „Изв.“ 1875, т. V, № 3—4, стр. 131. Ср. *Сельская осѣдло-инородческая и русско-крестьянская община въ Кудинско-Ленскомъ краѣ.* „Изв.“ 1875, т. VI, № 3.

⁴) „Изв.“, 1873, т. IV, №№ 4 и 5 и 1874, т. V, № 1.

⁵) 1872, т. CCIV, № 10, стр. 459—504.

рону Трескина. Оригиналенъ взглядъ Щапова на значеніе открытія Сибири для русскаго общественнаго развитія, во многомъ подобный принятому воззрѣнію на значеніе открытія Америки въ исторіи цивилизаціи Европы. По мнѣнію Щапова, открытіе Сибири расширило умственный горизонтъ русскаго народа, извлекши его изъ исторически-опредѣленныхъ границъ, пробудило духъ предпріимчивости; Петръ Великій для изслѣдованія Сибири пригласилъ западно-европейскихъ ученыхъ и твердо поставилъ вопросъ объ естественно-научномъ изученіи.

Въ древнемъ періодѣ сибирской исторіи (XVI—XVII в.) онъ видѣлъ продолженіе колонизаціоннаго движенія русскаго народа. Это былъ періодъ вольно-народной колонизаціи. „Вольные, охочіе люди“ первые изслѣдовали вдоль и поперекъ новую страну, разыскивая соболя, драгоцѣнные минералы, лекарственныя травы. „И, самое главное, первые обстроили Сибирь, для будущаго развитія въ ней высшей, *соціально-гуманной общественности и научно-сознательной культуры;* обстроили ее не столько острогами, городами, зимовьями ясачными, казачьими, сколько свободными государственными слободами, селами, деревнями, заимками. Въ XVII в. шла гигантская работа русскаго крестьянства и казачества въ дремучихъ тайгахъ и хребтахъ сибирскихъ. Повсюду въ лѣсахъ темныхъ, дремучихъ, непроторенныхъ, непроѣзжихъ, гдѣ жили соболь да лисица съ волкомъ и медвѣдемъ, повсюду стучалъ топоръ, строились слободы на пнѣ да колодѣ. Повсюду по гигантскимъ рѣкамъ неслись богатырскою силою казаковъ дощаники съ хлѣбными и другими запасами и, въ частности, съ сѣменами для пашенъ, съ Указами Царей Московскихъ о размноженіи „пашенныхъ слободъ“ на льготѣ („чтобъ сибирская земля пространялась и людьми полнилась“). Повсюду „слободчики“, „крестьянскіе садчики“, выходившіе, по доброй волѣ, большею частію, изъ крестьянъ, изъ казаковъ, а иногда даже изъ новокрещенныхъ татаръ,— повсюду эти „слободчики“, находя угожія мѣста, слободы строили, „называли вольныхъ гулящихъ, но не бѣглыхъ людей“ и „садили ихъ въ слободы на десятинную Государеву пашню“. Повсюду казаки и крестьяне или, вообще, промышленные люди на-

ходили мѣсторожденія соли, всякихъ рудъ и проч., — и устраивали первые заводы" [1]).

Это былъ первый періодъ. Когда истощились запасы природныхъ богатствъ и новыхъ „землицъ" уже не сыскивалось, начиналось осѣданіе населенія. Изъ рабочаго, земледѣльческаго люда выдѣлился торгово-промышленный слой насенія, характеризуемый Щаповымъ, какъ „отличающійся зачатками коммерческо-буржуазныхъ понятій и стремленій" [2]). Выдѣленіе это произошло съ половины XVIII стол., съ убылью соболя. Бродившее населеніе вышло изъ тайги, осѣло, развилось земледѣліе, скотоводство. „Отъ этого въ хлѣбѣ и скотѣ почувствовался такой избытокъ, что необходимо было выдѣлить изъ сельскаго населенія часть для занятія ремеслами въ городахъ" [3]).

Условія дѣятельности промышленно-торговаго класса оказали чрезвычайно отрицательное вліяніе на нравственное состояніе сибирскаго общества, развивъ „эгоистически-пріобрѣтательныя наклонности". Сильное вліяніе оказало, по мнѣнію Щапова, въ этомъ направленіи и сожительство съ „сѣверными, сибирскими азіятцами", способствуя развитію „матеріалистическаго умонастроенія и семейно-родовыхъ стремленій", сильныхъ и въ духовномъ складѣ русскаго народа...

Извѣстенъ жестокій приговоръ Щапова надъ сибирскимъ обществомъ. „Сибиряки, — писалъ онъ [4]), — болѣе корыстны и буржуазны, чѣмъ великорусскій народъ. Интересы и стремленія эгоистически-пріобрѣтательныя, своекорыстно-матеріальныя, денежныя и дохозяйственныя суть, можно сказать, единственные стимулы ихъ умонастроенія, житейской дѣятельности и общественныхъ чувствъ и отношеній".

Къ сожалѣнію, значительная доля справедливости скрыта въ этомъ приговорѣ,—и самимъ Щаповымъ этотъ приговоръ былъ глубоко выстраданъ.

---

[1]) *Что такое рабочій народъ въ Сибири.* Сибирь, 1875, № 11. Ср. „Отечеств. Зап.", 1872, № 10, стр. 473.

[2]) „Отеч. Зап.", ibid.

[3]) Ibid.

[4]) „Отеч. Зап.", 1872, № 10, стр. 476.

Когда Вагинъ приступилъ къ изданію „Сибири", онъ пригласилъ сотрудничать и Щапова. Послѣдній помѣстилъ въ газетѣ пять статей. Эти статьи (кромѣ некролога Н. С. Балкъ) были посвящены исконнымъ вопросамъ сибирской журналистики, — университетскому, рабочему, инородческому. Университетскому вопросу была посвящена статья: „Какіе факультеты необходимы въ сибирскомъ университетѣ" [1]). На университеты Щаповъ смотрѣлъ очень высоко и отводилъ имъ въ органическомъ порядкѣ государственнаго строя большое мѣсто. „Университеты, какъ голова, какъ разумъ въ организмѣ народномъ, должны были выработать за народъ всѣ основныя начала его самосознанія и саморазвитія", писалъ онъ въ 1862 году [2]). Онъ и въ газетѣ „Сибирь" настаивалъ на необходимости скорѣйшаго открытія въ Сибири университета, притомъ въ полномъ объемѣ четырехъ факультетовъ. Очень интересны его указанія на измѣненіе программъ, которое онъ считалъ необходимымъ, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, напр., введеніе кафедры восточныхъ языковъ въ число кафедръ историко-филологическаго факультета, присоединеніе кафедры агрономіи [3]) и т. д.

13-го марта 1874 года скончалась Ольга Ивановна Щапова, послѣ долгой, мучительной болѣзни. Послѣ нея Щаповъ не протянулъ и двухъ лѣтъ.

Звено, еще связывавшее его съ жизнью въ этомъ „ангелѣ-хранителѣ", какъ онъ называлъ жену, порвалось. Силы окончательно надломились. Потрясенный несчастіемъ Щаповъ снова заболѣлъ. Онъ жилъ недолго, но это была ужасная, страшная жизнь. Лишенный ласки, уютнаго угла, Щаповъ — озлобленный приходилъ на могилу жены искать мира своему истерзанному сердцу, успокоенія разбитой жизни. Онъ часто голодалъ, но продолжалъ работать. Чахотка положила конецъ этой мучительной жизни. Онъ умеръ, строя планъ статьи для „Сборника", изданнаго потомъ газетой „Сибирь". Смерть его послѣдовала 27 февраля

---

[1]) **Сибирь**, 1875, № 3.

[2]) **„Вѣкъ"**, 1862, 1—6, стр. 6.

[3]) Въ послѣднее время такія примѣнительныя къ мѣстнымъ потребностямъ измѣненія и дополненія сдѣланы въ программѣ Технологическаго Института въ Томскѣ.

1876 г. Похороны были очень скромны. Администрація запретила извѣщенія объ его смерти. За гробомъ шли правитель дѣлъ Отдѣла, А. Ѳ. Усольцевъ, Вагины и еще человѣкъ 7—8. Афанасія Прокофьевича похоронили рядомъ съ женой на Знаменскомъ кладбищѣ,—куда они вмѣстѣ ходили обыкновенно отдыхать.

М. В. Загоскинъ и его значеніе въ исторіи развитія сибирской общественности.

(Изъ исторіи областного движенія).

Возникновеніе общественности въ Сибири встрѣчало въ начальной ея исторіи неблагопріятныя условія. Извѣстный географъ Реклю склоненъ считать всю начальную исторію Сибири „звѣроловческой экспедиціей". И онъ имѣетъ основанія для этого. Партіи промышленныхъ людей и казаковъ шли для добычи пушнины и цѣнныхъ минераловъ; правительство, со своей стороны, было такимъ же промышленникомъ, — партіи котораго, лучше вооруженныя и дисциплинированныя, постоянно двигались по завоеваннымъ странамъ. Желаніе обезпечить операціи этихъ промышленныхъ партій имѣло слѣдствіемъ созданіе земледѣльческаго хозяйства, какъ *продовольственной организаціи.* Такимъ образомъ, непосредственныя задачи правительства, казаковъ и промышленниковъ по эксплуатаціи богатствъ новой страны создали зимовья, остроги, города; задачи продовольственной организаціи — деревни, слободы.

И промышленные и служилые люди, и пахотные крестьяне не осѣдали прочно. Казакъ превращался въ земледѣльца; крестьянинъ легко дѣлался казакомъ. Тотъ и другой передвигался на новыя лучшія мѣста.

Такими же подвижными и непрочными были мѣстныя общественныя организаціи, возникавшія иногда не подъ внѣшнимъ вліяніемъ, а самостоятельно.

Въ этомъ отношеніи характерны бунты и побѣги на Амуръ служилыхъ людей въ XVII вѣкѣ. Это были своеобразныя общественныя организаціи, ставившія цѣлью

„идти на море *острова искать*", жить „заодно особо, а у государевыхъ воеводъ подъ началомъ не быть и не даватца — *стоять заодно*", „*самимъ*" жить.

Дѣйствительность была тяжела, невыносима, но просторъ, общее броженіе манили перспективой найти какіе-нибудь „острова", гдѣ нѣтъ насильничающихъ воеводъ; гдѣ бѣглецы получатъ возможность жить самостоятельно, особо.

Характеренъ и извѣстный бунтъ въ Иркутскѣ конца XVII вѣка. Фактическое содержаніе этого мирнаго событія таково. Въ Иркутскъ былъ назначенъ новый воевода, но дорогой умеръ; пріѣхала его вдова съ малолѣтнимъ сыномъ. Преемникъ покойнаго воеводы оказался дурнымъ правителемъ. Служилые люди собрались и „отказали" ему отъ воеводства. Воеводой былъ избранъ малолѣтній сынъ покойнаго, а регентомъ одинъ изъ высшихъ мѣстныхъ казачьихъ чиновъ. Служилые люди отписали о случившемся въ Москву, откуда было получено утвержденіе малолѣтняго воеводы и своеобразнаго регентства. Здѣсь отъ дурного воеводы не двигались на неизвѣстные острова; ему самому отказали отъ мѣста. Но, по существу, явленіе носитъ тотъ же характеръ. Мѣстные служилые люди, тяготясь дѣйствительностью, стали *особо*, вышли изъ-подъ „начала воеводы", но ничего, въ сущности, не измѣнили.

Въ XVII вѣкѣ не было еще мѣстныхъ общественныхъ элементовъ. Они начинали формироваться.

Къ срединѣ этого вѣка складывается и этнографическій типъ сибиряка, или, какъ тогда выражались,—„сибирянина". Въ одномъ оффиціальномъ документѣ, относящемся къ 1684 году, описаны броскія черты представителя этого этнографическаго типа (черные волосы, сѣрые глаза, скуловатость, татарковатость, слабая растительность на бородѣ); этотъ же документъ свидѣтельствуетъ объ образовавшихся особенностяхъ въ одеждѣ („чулки по сибирскому").

Въ концѣ XVII вѣка начинаетъ складываться представленіе о Сибири, какъ цѣльной, объединенной нѣкоторыми общими потребностями странѣ, какъ о нравственно-общественномъ цѣломъ, — словомъ, о „сибирствѣ", какъ характерно и колоритно выразился одинъ изъ тогдашнихъ сибирскихъ патріотовъ.

Авторъ т. н. „Краткой Сибирской Лѣтописи“ витіеватымъ стилемъ, столь свойственнымъ лѣтописцамъ, пишетъ:

„Обаче попеченіе имѣти должни есмы да нашему сибирству во вѣки пребывати, дабы отчизна наша когда тогда нынѣ требуетъ совѣта и мудрости и подлиннымъ совѣтомъ здравымъ, а не спыльчивымъ, что исцѣлити добрыми образцы, которыми мочно междуусобные и градскіе ухищренія и злобы утишити“ [1]).

Въ разсужденіяхъ этого патріота мы не найдемъ опредѣленныхъ общественныхъ взглядовъ, кромѣ общихъ разсужденій на тему, что „философне довлѣетъ правду во всѣхъ дѣлахъ хранити“; но несомнѣнно его чувство своего родства съ „природными—въ Сибирстѣй странѣ“, какъ онъ выражается, и опредѣлившееся сознаніе долга передъ родиною.

Въ XVIII вѣкѣ продолжается осѣданіе населенія и зарожденіе мѣстныхъ, преимущественно городскихъ, общественныхъ союзовъ. Обильные запасы пушного звѣря истощились. Съ другой стороны, окрѣпло земледѣліе, возросло въ уѣздахъ земледѣльческое населеніе. Въ городскихъ поселеніяхъ переходятъ отъ грубыхъ хищническихъ пріемовъ обогащенія къ правильнымъ торгово-промышленнымъ предпріятіямъ. Образуется купеческій классъ, располагающій все увеличивающимся капиталомъ. Реформы XVIII вѣка, дававшія организацію городскимъ поселеніямъ, способствовали складыванію мѣстныхъ общественныхъ союзовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо отмѣтить экономическое основаніе общественной группировки. Горожане дѣлятся на богатый купеческій классъ, оффиціально призываемый къ руководству городской жизнью, и низшій классъ мелкихъ ремесленниковъ и прочей мелкоты. Рядомъ, внѣ связи съ

---

[1]) Текстъ, очевидно, испорченъ переписчиками, да можетъ быть, не былъ отдѣланъ и авторомъ. Но смыслъ цитированнаго мѣста понятенъ. Правильно и литературно его можно передать такъ: „Прежде всего, попеченіе имѣть мы должны о томъ, чтобы наше сибирство пребывало вовѣки; отчизна наша, если когда, то именно нынѣ имѣетъ потребность въ мудромъ совѣтѣ, — притомъ, въ совѣтѣ спокойномъ и здравомъ, а не внушенномъ раздраженіемъ,—чтобы посредствомъ добрыхъ примѣровъ исправить то, что можно, и по мѣрѣ возможности положить конецъ городскимъ нестроеніямъ и неурядицамъ, успокоить общее озлобленіе“.

названными группами, стоитъ могущественная, неограниченная бюрократія.

Послѣдняя, опираясь на свое оффиціальное положеніе представительницы верховной власти, ревниво оберегаетъ монополію на руководство мѣстной жизнью, лишаетъ произвольно законныхъ правъ купеческое сословіе. Съ другой стороны, купеческая олигархія вступаетъ въ борьбу противъ произвола бюрократіи. Весь XVIII вѣкъ наполненъ потрясающими, иногда кровавыми картинами этой борьбы сибирской капиталистической олигархіи и пріѣзжей бюрократіи,— борьбы, финальныя перипетіи которой разыгрывались во времена Пестеля и Трескина, въ первой четверти XIX вѣка. Пытки и казни представителей купечества чередовались съ казнями высшихъ представителей мѣстнаго чиновничества. Послѣднее проявило самый необузданный произволъ, невѣроятное лихоимство и исключительную жестокость. Своеобразный стиль канцеляріи Петра Великаго констатировалъ, что „хотя всѣмъ извѣстенъ эксемпелъ, который учиненъ князю Гагарину, однако же здѣсь, въ Сибири, не унимаются бездѣльники". Кровавыя дѣянія, связанныя съ именами Жолобова, Крылова, наконецъ — Трескина, довольно извѣстны.

Если представители купечества поражаютъ насъ иногда своимъ безсиліемъ, а аттестованные выше „бездѣльники" — своею безнаказанностью, то объясненіе этому явленію мы найдемъ въ томъ, что низшіе классы отнюдь не были на сторонѣ сибирскихъ олигарховъ, экономически эксплуатировавшихъ ихъ.

Симпатіи низшихъ классовъ, если и не склонялись на сторону насильничавшей чиновничьей клики, то не были и на сторонѣ олигарховъ. Населеніе было склонно видѣть въ Трескинѣ устроителя гражданскаго порядка, въ которомъ можно было найти поддержку противъ могущественнаго олигарха.

Низшіе классы были вообще въ загонѣ и физически, и нравственно. Еще въ XVII вѣкѣ на упреки, обращенные сибирскимъ митрополитомъ относительно незначительнаго проявленія набожности, мелкота давала своеобразное оправданіе, ссылаясь на то, что церкви имъ посѣщать „зазорно", такъ какъ въ нихъ воеводы бываютъ. Для выс-

шаго чиновника считалось, слѣдовательно, унизительнымъ одновременное присутствіе въ храмѣ молящагося простолюдина.

Просвѣщенія, этого великаго эгалитарнаго фактора, не было въ Сибири, какъ не было его и въ Россіи. Не создалось еще того очень неопредѣленнаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, реальнаго и вліятельнаго общественнаго слоя, который носитъ названіе интеллигенціи.

Но въ XVIII столѣтіи въ Россіи, послѣ реформъ Петра, появился рядъ просвѣщенныхъ людей. Пока интересы этихъ образованныхъ одиночекъ направлялись на содѣйствіе правительству въ его реформаторской дѣятельности и къ новымъ умственнымъ эмоціямъ, общественное значеніе этихъ первыхъ интеллигентныхъ людей было незначительно. События, послѣдовавшія за смертью Петра,—движеніе въ пользу государственныхъ реформъ при Аннѣ Ивановнѣ, управленіе придворной знати со всѣми ужасами Бироновщины, дворцовыхъ переворотовъ, забвеніемъ народа,—сыграли значительную роль и были школой, въ которой воспитались общественныя чувства интеллигентовъ.

Я сказалъ—„чувства", такъ какъ мнѣ кажется, что началомъ было именно ощущеніе недовольства гнетущей дѣйствительностью, чувство скорби вслѣдствіе доходящаго до сознанія непрерывнаго потока страданій и долетающаго до слуха стона несчастія. Знаете ли вы, какъ, напр., знаменитый Радищевъ сдѣлался тѣмъ великимъ народолюбцемъ, общественнымъ дѣятелемъ, политическимъ мученикомъ, какимъ его знаетъ исторія русской общественности. Онъ, молодой офицеръ, ѣхалъ изъ Петербурга въ Москву. На одной изъ станцій онъ хорошо закусилъ и, довольный, спокойный, усѣлся удобно въ возокъ и задремалъ. Ямщикъ вдругъ запѣлъ отъ скуки, и страдающіе, скорбные звуки народной пѣсни коснулись слуха дремавшаго молодого офицера. „Отчего такъ печальна эта пѣсня?" подумалъ офицеръ, котораго безпокоилъ тоскующій мотивъ. И онъ сталъ думать надъ причинами тоски народа, надъ причинами народнаго горя, превратившаго пѣсню въ стонъ... И когда офицеръ доѣхалъ до Москвы, онъ былъ уже тотъ Радищевъ, страстная рѣчь котораго въ защиту народа

рѣзко отзовется на сердцахъ русскихъ людей, а его самого перенесетъ къ Восточную Сибирь.

Съ небольшой неточностью мы можемъ сказать, что Радищевымъ открывается безконечный рядъ лучшихъ представителей просвѣщенной части русскаго общества, проходящій предъ глазами сибирскаго населенія. Это были люди, въ большинствѣ случаевъ, исполненные пламенной вѣры въ грядущее торжество своихъ идеаловъ, люди высокой чистоты личной жизни и просвѣщеннаго ума. На некультурное, жившее одними матеріальными интересами сибирское общество они производили сначала странное, граничащее съ недоумѣніемъ, впечатлѣніе, потомъ возбуждали удивленіе, иногда почти благоговѣйное поклоненіе... Съ началомъ царствованія Императора Николая I-го „сто двадцать“ декабристовъ, окруженные ореоломъ мученичества, появились въ средѣ сибирскаго населенія. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ—многочисленные поляки-повстанцы, потомъ петрашевцы, опять поляки и т. д., то въ одиночку, то группами, появлялись эти люди. Нѣкоторые оставались въ Сибири, составляя мѣстный культурный элементъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждая чуждые интересы и запросы.

Кто изъ насъ, сибиряковъ, въ своей семьѣ, или семьѣ знакомыхъ не знаетъ благотворнаго, культурнаго воздѣйствія декабристовъ, поляковъ, русскихъ либераловъ и революціонеровъ. Наши бабушки, матери учились у нихъ музыкѣ, живописи, учились интересоваться книгой, получали навыкъ къ чтенію. Наши дѣды и отцы имѣли въ лицѣ этихъ людей первыхъ наставниковъ,—и если въ послѣдующей жизни сохраняли искру божію, то часто относили все это сохранившееся хорошее на счетъ вліянія своихъ учителей.

Но что же представляло изъ себя сибирское общество первой половины XIX вѣка?

Мы уже говорили, что вплоть до т. н. эпохи Сперанскаго шла ожесточенная борьба между представителями мѣстной плутократической олигархіи и представителями россійской бюрократіи. Мы указывали, что далеко не всѣ симпатіи были на сторонѣ представителей купечества, отданныхъ въ жертву произволу администраціи. Противъ купечества у мѣстнаго населенія былъ избытокъ вражды. Но

тотъ режимъ, который былъ обусловленъ борьбою двухъ партій, отражался на всемъ. Шпіонство, доносы, произвольныя высылки, заключенія въ тюрьму, полная зависимость отъ настроенія спасающаго отечество и себя администратора создавали удушающую атмосферу пресмыкательства и страха. Если иркутскаго милліонера, по распоряженію Трескина, отправляли безъ суда въ Якутскую область, то не былъ огражденъ отъ произвола и всякій обыватель. Съ простолюдиномъ еще меньше церемонились. И ему лишь оставалось утѣшаться мыслью, что предъ произволомъ онъ добился равенства съ какимъ-нибудь Мыльниковымъ или Сибиряковымъ. Человѣкъ высылался просто „за возмутительныя мысли о дѣйствіяхъ мѣстной власти".

Уже прошли времена Трескина, кончилось время Сперанскаго, а въ управленіе „кроткаго" Лавинскаго говорили, что „въ нынѣшнее время надобно говорить обо всемъ съ большою осторожностью".

На всю Восточную Сибирь была одна гимназія, да духовная семинарія. Преподаватели первой и профессора второй составляли значительную часть культурнаго слоя столицы Восточной Сибири—Иркутска. Этотъ культурный слой дополнялся пріѣзжимъ высшимъ чиновничествомъ. Но единства въ этомъ слоѣ не было. Были лишь кружки знакомыхъ, водившихъ другъ съ другомъ хлѣбъ-соль или обмѣнивавшихся вычурными визитами, что называлось тогда „политикой на столичный манеръ". Наиболѣе объединяющій элементъ—были карты. Женщины, по замѣчанію, современника „вели еще затворническую жизнь".

Это отсутствіе общественной жизни сказывалось даже на внѣшнемъ видѣ города. Вотъ какъ передаетъ одинъ проѣзжій конца 20-хъ годовъ свои впечатлѣнія.

„Бродя по улицамъ на закатѣ солнца, когда скатывалась съ нихъ волна дневной суматохи, я не слыхалъ нигдѣ ни одного музыкальнаго звука, ни одной рулады вокальнаго (?) пѣнія. Все было тихо, какъ въ пустой храминѣ, только изрѣдка въ торговыхъ домахъ звучали цѣпи сторожевыхъ собакъ и раздавался тревожный набатъ поколотки. Если случалося встрѣчать запоздалыя дрожки, то онѣ мчались по пустой улицѣ опрометью и моментально исчезали во дворѣ подъ воротами. Потомъ снова воцаря-

лась могильная тишина—и какая-то безотвѣтная тоска закрадывалась въ мою душу" [1]).

Таково было впечатлѣніе человѣка случайнаго, проѣзжаго. Мѣстнаго жителя, не лишеннаго умственныхъ интересовъ, охватывало мучительное сознаніе одиночества, пустоты, тягости жизни.

„Жизнь общественная, — писалъ покойный Вагинъ о 40-хъ годахъ, — была очень однобразна, или, вѣрнѣе, ея вовсе не было. Оффиціальные обѣды у Руперта (генералъ-губернатора), зимою вечера у него, въ благородномъ собраніи и у Пятницкаго (губернатора), лѣтомъ гулянья въ городскомъ саду, разводы и зори съ церемоніей — вотъ и всѣ тогдашнія проявленія этой жизни и всѣ мѣстныя развлеченія".

Извѣстный публицистъ Шашковъ въ своей „Автобіографіи" о томъ же времени передавалъ.

„Вмѣсто спектаклей горожане развлекались зрѣлищемъ столь частыхъ въ то время солдатскихъ ученій, парадовъ и разводовъ, привлекавшихъ массы зрителей. Не менѣе народа привлекало гоняніе солдатъ сквозь строй и наказаніе на эшафотѣ кнутомъ, или на кобылѣ плетьми уголовныхъ преступниковъ. Были любители, не пропускавшіе ни одного изъ такихъ представленій". „Да и какъ было не огрубѣть чувству, не отупѣть нервамъ, когда, бывало, только и видишь, что кого-нибудь порютъ, слышишь дробь барабана, свидѣтельствующую, что ведутъ преступника на эшафотъ или гонятъ солдата сквозь строй".

„Домъ моего отца былъ подлѣ казармъ, и ежедневно слышались вопли наказываемыхъ. Семинарія стояла недалеко отъ казачьихъ казармъ, и тѣ же вопли нерѣдко доносились до насъ во время классовъ".

Умственные интересы въ массѣ того, что можно было бы назвать обществомъ, были въ самомъ зачаточномъ состояніи. Читатели преимущественно чиновники и немногіе образованные купцы. Духовенство читало мало". То же

---

[1]) Объ Иркутскѣ 40-хъ годовъ Вагинъ писалъ: „Не было и уличнаго движенія; можно было пройти всю большую и нѣсколько побочныхъ улицъ и не встрѣтить ни одного человѣка".

самое отмѣчаетъ для двадцатыхъ годовъ Александровъ въ своемъ „Воздушномъ тарантасѣ“ [1]).

Книга занимала очень небольшое мѣсто въ жизни общества, была чужда ему, да и не поощрялась къ обращенію представителями тогдашней попечительной власти. Приводимъ очень характермый разсказъ того-же Александрова.

Авторъ, узнавшій передъ этимъ, объ отсутствіи книжной лавки, отправляется побродить и посмотрѣть на „мелочной базаръ.

„Въ одномъ углу подъ драничнымъ навѣсомъ я наткнулся на книжную лавку съ минералогическими древностями и съ цѣльными скалами кремнистаго и плавленнаго мѣлу. Книги, находившіяся на полкахъ, подъ полками и въ ящикахъ на земляномъ полу, судя по ихъ наружности, всѣ были допотопныхъ изданій; большая часть изъ нихъ не имѣла ни корешковъ, ни политорокъ, ни даже заглавныхъ листовъ, по которымъ можно было бы узнать наименованіе или фирму книги. Тутъ были и газеты и періодическія изданія прошлаго столѣтія, избитые псалтыри и часословы, поученія святыхъ отцовъ, новѣйшіе пѣсенники времени Сумарокова и Нелединскаго“.

„Черезъ нѣсколько дней я опять завернулъ мимоходомъ на малый базаръ съ намѣреніемъ еще порыться въ книжной лавкѣ, но къ немалому удивленію нашелъ этотъ балаганчикъ пустымъ и уже полуразрушенымъ. На вопросъ мой: что бы это значило? Хозяинъ сосѣдняго балагана, набитаго старымъ платьемъ и мѣховыми лоскутьями, отвѣчалъ мнѣ, что ономнясь частный приставъ, пересматривая книги, нашелъ въ нихъ одну запрещенную, на какомъ-то иностранномъ нарѣчіи. По этой оказіи всѣ книги съ каменьями, плавленнымъ мѣломъ и съ хозяиномъ забраны въ полицію.

Тутъ я припомнилъ, что дѣйствительно при пересмотрѣ мною книгъ, находившихся на верхней полкѣ, мнѣ попа-

---

[1]) „Генералъ-губернаторъ, губернаторъ и нѣкоторые купцы выписываютъ газеты московскія, петербургскія, да и то почти безъ надобности; сегодня получатъ, а дня черезъ два барскіе лакеи тащатъ ихъ на базаръ“ (передается бесѣда съ содержателемъ гостиницы).

лись подъ руку печатанныя въ прошломъ столѣтіи на французскомъ языкѣ пятая или шестая часть Руссовой Элоизы и Вольтерова сатирическая брошюра безъ начала и конца: „человѣкъ въ 30 сребренниковъ". Бѣдный книгопродавецъ! подумалъ я, лучше бъ ты торговалъ однимъ мѣломъ или же благовонною сѣркою, шибко полезною для зубовъ и десенъ нѣжнаго иркутскаго пола: обширная и выгодная торговля этимъ невиннымъ продуктомъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ подвергнуться конфискаціи".

Отсутствіе умственныхъ интересовъ, если не вызывалось, то поддерживалось въ значительной степени искусственно. Этими же неблагопріятными условіями поддерживались отрицательныя стороны въ характерѣ сибиряковъ и сибирскаго общества. На первомъ планѣ, стояло обвиненіе сибирскаго населенія въ склонности къ „ябедѣ", къ „кляузамъ". Это обвиненіе обычно исходило отъ представителей администраціи, которымъ приходилось иногда считаться съ этимъ явленіемъ. Другое обвиненіе указывало на „лукавство", „скрытность" сибиряковъ. Это обвиненіе было также очень распространено и высказывалось даже такими благожелательными людьми какъ мистически-настроенная жена извѣстнаго декабриста Фонъ-Визина. Въ одномъ изъ опубликованныхъ писемъ, относящемся къ 1850 году, она писала, между прочимъ:

„Мѣстность ли, климатъ ли, или система общаго воспитанія въ Сибири и въ сибирскихъ семействахъ, первыя впечатлѣнія дѣтства [1]), первыя неизгладимыя начертанія и примѣры,—какъ бы то ни было, въ сибирякахъ и въ злыхъ и въ добрыхъ отличительная черта характера, основное свойство всѣхъ сибиряковъ-скрытность, или, какъ ее здѣсь величаютъ, скромность".

Фонъ Визина далѣе еще рѣзче обрисовываетъ скрытность и жестокость сибиряка, которыя вызвали на свѣтъ, можетъ быть, и остроумное, но едва ли справедливое представленіе, о „лохматомъ сердцѣ" [2]).

---

[1]) Шашковъ дѣлаетъ въ своей „Автобіографіи" отмѣтку, что вслѣдствіе вспыльчивости отца у него развилась скрытность; но это вообще продуктъ патріархальнаго воспитанія.

[2]) Характеристика, сдѣланная Фонъ-Визиной (Литературный сборникъ 1855 г.), вызвала слѣдующее замѣчаніе Ядринцева:

Такое мнѣніе у людей, ближе сходившся съ туземцами, вызывало энергичныя возраженія. Писатель начала XIX в., Семивскій, охарактеризовавъ иркутянъ, какъ „примѣрныхъ русскихъ хлѣбосоловъ", счелъ нужнымъ сдѣлать слѣдующее заявленіе:

„Передъ цѣлымъ свѣтомъ *клятвенно* утверждая, удостовѣряю всѣхъ, что нѣтъ въ *Иркутскѣ*, какъ и во всей *Иркутской губерніи* изъ *тамошнихъ уроженцевъ* ни *кляузниковъ*, ни *ябедниковъ*, какъ нѣкоторые объ нихъ думаютъ говорятъ и пишутъ.—Сими гнусными, по одной отдаленности выдуманными на нихъ *клеветами*, при собственныхъ, всегдашнихъ ихъ занятіяхъ *заниматься* имъ *некогда* и *не для чего*" [1]). Семивскій просто констатируетъ результатъ своихъ наблюденій. Но его современникъ дѣлаетъ попытку объяснить причины возникновенія такого обвиненія. Онъ передаетъ разговоръ на эту тему между пріѣзжимъ чиновникомъ и мѣстнымъ жителемъ, урожденцемъ Якутска.

Хозяинъ-чиновникъ въ разговоры упоминаетъ о репутаціи якутянъ, какъ ябедниковъ.

„Послушайте, г. хозяинъ, — произнесъ якутъ съ энергіей, — я увѣренъ, что вы шутя сдѣлали это замѣчаніе. Знаете ли, что такое значитъ ябеда? Знаете ли вы прошлое и настоящее положеніе Якутскаго края? Знаете ли его естественный быть и духъ тамошняго народа—духъ Якутовъ, которыхъ во всей области считается до 200 т.? Извѣстны ли вамъ событія, волновавшія этотъ отдаленный край съ половины прошлаго столѣтія? Извѣстно ли вамъ вліяніе мѣстныхъ русскихъ и особенно инородческихъ властей на массу народа, т. е. вліяніе силы на безсиліе... Ябеда, ябеда!.. То-то и есть... Знаю, что такое мнѣніе о моихъ землякахъ сдѣлалось почти общимъ; но это мнѣніе ложное, обидное и чрезвычайно вредное для цѣлаго края. Овцы кричатъ тогда, когда голодны; осы кусаются, когда ихъ раздразнятъ. Ябеда, восклицалъ Якутъ, грустно улыбаясь. Деспотизмъ никогда не жалуется на рабство, а ра-

„Приведенная характеристика далеко не безпристрастна и показываетъ только ту массу предубѣжденій и озлобленія, которая характеризуетъ наѣзжій, особенно ссыльный элементъ въ Сибири, которая не миновала и декабристовъ".

[1]) Курсивъ подлинника.

бовъ наказываютъ за то, что они дерзаютъ вопіять на господъ своихъ“...

Дѣлались попытки и общей характеристики сибирскаго общества Сибири, попытки опредѣлить значеніе и будущность страны. Эти попытки, на фонѣ темной дѣйствительности, дѣлались людьми, или теоретически, изъ книгъ, знакомыми со страной, или познакомившимися поверхностно, проѣздомъ. Нельзя сказать, чтобы эти характеристики были глубоки и благожелательны.

Александровъ писалъ:

„Трудно было въ то время опредѣлить общій характеръ жителей Иркутска; казалось, онъ не имѣлъ тогда никакого мѣстнаго колорита. Торговля и нажива, вотъ два термина, которые ярко блистали на горизонтѣ Иркутскомъ въ то время и въ центрѣ которыхъ, какъ въ фокусѣ зажигательнаго стекла, сосредоточивались жизнь и жизненная дѣятельность — и нечему было удивляться: это — первородный элементъ, осуществившій самое бытіе Сибири; это нравственный Сибирскій Баобабъ, котораго корни глубоко вросли въ сердце народнаго тѣла обширной страны, дряхлѣвшей нѣсколько столѣтій подъ грубою корою Азіатской иноплеменной анархіи“.

Очень мрачную картину будущаго Сибири нарисовалъ Герсевановъ въ своей статьѣ. „Замѣчанія о торговыхъ отношеніяхъ Сибири къ Россіи“, напечатанной въ „Отеч. Зап.“ 40-хъ годовъ. „Природа, писалъ онъ, ссылаясь на Мальтбрена, дала каждой части Азіи характеръ, котораго искусство человѣка не только не въ состояніи измѣнить, но даже сколько нибудь смягчить. Пока на земномъ шарѣ будутъ существовать нынѣшніе законы природы, до тѣхъ поръ устья Оби и Лены будутъ загромождены льдами; вѣтеръ не перестанетъ бушевать на огромныхъ равнинахъ степи Коби... Монголамъ искони суждено быть скотоводами, а обитателю Сибири звѣроловомъ... Страшная неподвижность азійской природы, климатъ, котораго искусство не въ силахъ улучшить, правильный оборотъ временъ года, обработываніе однихъ и тѣхъ же произведеній и, слѣдственно, единообразіе въ жизни,—все это неминуемо имѣло вліяніе на умственный характеръ Азіатцевъ, дѣйствуя съ одной стороны на ихъ нервную и мускульную систему, съ

другой на воображеніе, утомленное возвратомъ однихъ и тѣхъ же ощущеній. Неподвижность природы во всей Азіи, конечно, не мало способствовала усиленію привязанности Монгола къ кочевой жизни; она объясняетъ постоянную безпечность, лѣнь и униженіе Индійца, и неутомимую промышленную дѣятельность Китайца. Умственная неподвижность народа не можетъ имѣть мѣста въ климатѣ перемѣнчивомъ".

Итакъ, природа не представляетъ для Сибири въ будущемъ никакихъ видовъ на лучшее.

И Герсевановъ дѣлаетъ такое заключеніе: „Однимъ словомъ, съ какой стороны ни смотрѣть на Сибирь, на ея климатъ, географическое положеніе, физическое образованіе, произведенія, нынѣшнія торговыя обстоятельства, полудикое устройство странъ, прилегающихъ съ юга, недостатокъ сообщеній,—все заставляетъ думать, что ей надолго еще *суждено остаться* пустыней".

Герсевановъ дѣлалъ совершенно логичный выводъ, что, разъ Сибирь представляетъ пустыню и непроизводительно высасываетъ „соки Россіи, сама оттого не тучнѣя", то необходимо вывести изъ нея производительныя силы и капиталы, употребивъ ихъ на экономическое оживленіе метрополіи. Такъ должны были думать и другіе вдумчивые русскіе патріоты, для которыхъ были важны не интересы группы капиталистовъ, предпринимателей, а интересы родной страны. Они смотрѣли на вопросъ естественно не съ точки зрѣнія мѣстныхъ сибирскихъ интересовъ, а съ точки зрѣнія своихъ русскихъ нуждъ и идеаловъ. Сибирь имѣла для нихъ значеніе лишь постольку, поскольку она могла служить источникомъ извлеченія доходовъ для метрополіи, а не быть непроизводительнымъ, даже разорительнымъ бременемъ. Русскій человѣкъ,—т. е. то большинство русскихъ людей, которое представляло народные интересы,—мало выигрывалъ отъ славы накопленія обширныхъ земельныхъ пространствъ и отъ тѣхъ выгодъ, которыя извлекали золотопромышленныя, напр., компаніи, состоявшіе изъ купцовъ, откупщиковъ и высшей придворной знати.

Но имъ были чужды и нужды туземнаго населенія.

Не совсѣмъ доступно пониманіе мѣстныхъ интересовъ и пріѣзжему элементу. „Ubi bene-ibi patria", говоритъ рим-

ская пословица. Разъ гдѣ-нибудь плохо, можно уѣхать туда, гдѣ лучше. Другое дѣло, когда человѣкъ прочно связанъ съ мѣстомъ, когда для него латинское изреченіе измѣняетъ свой смыслъ и превращается въ формулу: тамъ гдѣ я живу,— т. е. въ моемъ отечествѣ,—должно быть хорошо.

Мы уже упоминали, какъ сибирскій патріотъ конца XVII вѣка былъ озабоченъ, чтобы его и его земляковъ *сибирство* вовѣки пребывало, и задумывался надъ вопросомъ, какъ междоусобныя и градскія ухищренія и злобы утишити. Такихъ людей, задумывавшихся надъ окружающею жизнью и надъ способами уврачеванія ея нестроеній и недуговъ, должно было являться все больше и больше.

Есть два порядка умонастроенія, есть двѣ категоріи мыслящихъ людей. Одни обращаютъ вниманіе на природу человѣка,—и худое и хорошее въ жизни ставятъ въ зависимость отъ человѣческой организаціи. Люди должны дѣлаться лучше. Къ этому должны быть направлены всѣ усилія благомыслящихъ, всѣ ихъ заботы, вся ихъ дѣятельность. Когда люди станутъ честными, нравственными, умственно-развитыми, тогда не будетъ мѣста для злобы и междоусобныхъ ухищреній. Внѣшній общественный порядокъ не имѣетъ значенія самъ по себѣ; онъ результатъ нравственнаго и умственнаго состоянія членовъ даннаго общества.

„Люди всегда останутся людьми-существами себялюбивыми, брюзгливыми, упрямыми"—говорилъ одинъ изъ интеллигентныхъ иркутянъ первой четверти XIX ст. Поэтому надо приноравливать свое поведеніе такъ, чтобы миновать столкновеніе со зломъ; во всякомъ случаѣ избѣгать борьбы съ нимъ.

Дѣлай добро, будь честнымъ, просвѣщеннымъ человѣкомъ, служи хорошимъ примѣромъ для другихъ—вотъ практическая программа этой категоріи людей. Въ первой половинѣ XIX в. въ Сибири было извѣстное число такихъ благожелательно настроенныхъ людей. Таковъ былъ купецъ Дудоровскій, съ которымъ знакомились „всѣ проѣзжіе путешественники" и котораго очень хорошо обрисовалъ Александровъ въ „Воздушномъ Тарантасѣ".

Вотъ какъ описываетъ Александровъ свой визитъ къ этому просвѣщенному старожилу.

„Старикъ съ длинными сѣдыми волосами, опускавшимися до плечъ, въ домашнемъ сюртукѣ изъ черной канфы, встрѣтилъ меня на крыльцѣ своей обители, осыпалъ чисто русскою неподдѣльною привѣтливостью, ввелъ въ залу и усадилъ на широкій старомодный пуховый диванъ, накрытый цвѣтнымъ штофомъ. Въ комнатѣ никого не было, кромѣ меня и хозяина. Окна залы были заставлены разными живыми оранжерейными растеніями, отъ чего въ залѣ царствовалъ пріятный полусвѣтъ, такъ обворожительно дѣйствовавшій на мое зрѣніе и чувства. Мебель старинной формы съ бронзовою отдѣлкою, мраморные угловые столики, яшмовыя трубы, великолѣпныя гравюры на стѣнахъ въ роскошныхъ рамахъ за стеклами, кіотъ съ святынею въ ярко золоченныхъ серебряныхъ ризахъ, полъ, устланный коврами, а въ смежной комнатѣ или въ кабинетѣ великолѣпный шкафъ съ книгами и письменный столъ, заваленный бумагами, бумажными трубками и разными кабинетными аттрибутами, все это возрождало во мнѣ живѣйшее любопытство и желаніе коротко узнать самого хозяина этой мирной, обворожительной обители“.

Александровъ рисуетъ въ очень симпатичныхъ чертахъ фигуру этого живого, любознательнаго, вдумчиваго и освѣдомленнаго старика.

Таковы были, съ другой стороны, мѣстные друзья науки въ родѣ С. С. Щукина. Это энциклопедистъ-изслѣдователь. Онъ собиралъ энтомологическія коллекціи, гербаріи, производилъ метеорологическія наблюденія, рылся въ архивахъ. Ученые, совершавшіе научныя экспедиціи въ предѣлахъ Восточной Сибири, находили въ лицѣ этого мѣстнаго изслѣдователя освѣдомленнаго и дѣятельнаго помощника, дѣлившагося съ ними своими богатыми свѣдѣніями и научными собраніями.

Очень привлекателенъ и не лишенъ живописности образъ этого живущаго умственными интересами, окруженнаго книгами, памятниками старины, научными собраніями туземца.

Среди общества, погруженнаго въ узко-матеріальныя, личныя и семейныя заботы, гоняющагося за призраками грубыхъ чувственныхъ удовольствій, общества недалекихъ

и эгоистичныхъ людей, пріятно встрѣтиться съ живымъ исключеніемъ, съ живымъ человѣческимъ оазисомъ.

Но, какъ ни привлекателенъ этотъ типъ лично совершеннаго, нравственно-высокаго человѣка, уединенно стоящаго,—въ человѣческомъ обществѣ, какъ мы выше упоминали, есть другая категорія активныхъ людей, представителей другого умонастроенія.

Представители этого умонастроенія берутъ человѣка не изолированнаго, а въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ живетъ. Человѣкъ—очень малая и ничтожная величина. Его личное совершенство—величина, которой можно пренебречь. Сила въ природныхъ и общественныхъ условіяхъ. Личность пріобрѣтаетъ иногда исключительное могущество, но какъ орудіе или выразитель общественныхъ силъ. Самая ничтожная, маленькая личность можетъ занять вліятельное положеніе, и свѣтлый геній отодвигается на задній планъ нивелирующимъ вліяніемъ общества; его значеніе дѣлается ничтожнымъ, разъ общественныя условія неблагопріятны или враждебны ему.

„Съ волками жить по волчьи выть“—грубо отмѣтилъ народъ свое наблюденіе. Человѣкъ порочный будетъ безвреденъ среди крѣпкаго, культурнаго общества. Злодѣй не имѣетъ возможности совершить преступленія, если государственный порядокъ хорошъ, общественная безопасность обезпечена. И, наоборотъ, представители государственнаго порядка, оффиціальные защитники общественной безопасности вступаютъ въ союзъ съ преступниками и совершаютъ злодѣйства, разъ общественный порядокъ дуренъ.

Всѣ знаютъ литературные примѣры, а многіе видѣли и живые примѣры, какъ „среда заѣдала“ очень хорошихъ, очень умныхъ людей. Непосильный трудъ—заниматься спасаніемъ отдѣльныхъ людей. До тѣхъ поръ, пока будутъ топящія условія, топящая среда, будутъ и утопленники.

Личная нравственность ничтожная величина. Люди, можетъ быть, неискоренимо эгоистичны, неизлѣчимо своекорыстны, но ихъ и незачѣмъ дѣлать ангелами. Дайте такія общественныя условія, чтобы эгоизмъ одного не наносилъ ущерба другому; привяжите собакъ на цѣпь, а камнямъ, служащимъ для защиты, не давайте примерзать къ землѣ,—и не надо будетъ ждать того фантастическаго

будущаго, когда добродѣтель соединитъ людей въ одно блаженное стадо.

Такъ приблизительно разсуждаютъ люди второй категоріи.

Между первой и второй категоріями стояли люди, наиболѣе склонные къ кабинетной работѣ, но задумывавшіеся надъ причинами общественныхъ настроеній, старавшіеся вскрыть источники общественной „междуусобицы".

Въ тридцатыхъ годахъ извѣстный сибирскій историкъ Словцовъ, — „праздный въ старости и свободный отъ суетъ,—какъ онъ выражался на своемъ своеобразномъ языкѣ,—„рѣшился собрать—сказанія о Сибири въ одинъ составъ". Но, собирая эти „сказанія", Словцовъ не былъ простымъ любителемъ-коллекціонеромъ. Онъ проникнутъ сознаніемъ долга передъ родиной, сознаніемъ необходимости активной любви къ ней.

И «принимая къ сердцу какъ усмѣшку, такъ и скорбь родины», Словцовъ считаетъ высокополезнымъ и необходимымъ дѣломъ «возобновить въ памяти сибиряковъ» ихъ исторію, выяснить «мѣры и виды Правительства, болѣе или менѣе по обстоятельствамъ поспѣшествовавшаго благоустройству или безопасности страны, выставить учрежденія *ускорявшія или замедлявшія проявленія силъ жизни*». Словцовъ останавливается надъ вопросомъ, имѣетъ ли смыслъ и интересъ исторія страны невеселой», не знавшей «мечтаній славы, проявленія генія, побѣдъ, политики, исторія, не видавшая у себя великихъ міра, кромѣ *великихъ изгнанниковъ его*», не имѣющая яркихъ, величественныхъ памятниковъ. «Но,—съ трогательной задушевностью отвѣчаетъ угрюмый сибирскій историкъ,—если были въ странѣ *свои отмѣльныя* обстоятельства, свои занятія при особыхъ видахъ правительства, свои послѣдствія, если *замѣтны переходы въ усовершенствованіи быта частнаго и общественнаго*, вѣроятно, читатель усмотритъ предметы не недостойные его размышленій, особенно, когда представится *ему самому возможность судить, чему и съ которой поры Сибирь одолжена была возрастаніемъ, не такъ скорымъ?* характеру ли ея правителей, или *невольному шествію вещей;* учрежденіямъ ли, собственно для нея изрекавшимся или вліянію общихъ государственныхъ узаконеній»?

Не забудемъ, что это писалось въ тридцатыхъ годахъ,

когда и ясная мысль требовала для своего выраженія въ словѣ туманнаго образа [1]).

Такимъ образомъ, въ сибирскомъ обществѣ первой половины XIX столѣтія были значительные зачатки общественной жизни и умственныхъ интересовъ. Эти зачатки отчасти были туземнаго происхожденія, отчасти были обязаны вліянію пришлыхъ элементовъ.

Для характеристики послѣднихъ вліяній можно вспомнить слѣдующее мѣсто въ воспоминанія покойнаго Ядринцева: «У отца бывало лучшее общество Тобольска, онъ былъ знакомъ съ декабристами Анненковымъ, Свистуновымъ и друг., но особенной дружбой пользовался баронъ Штенгель. Скоро баронъ Штангель по какому-то доносу о томъ, что онъ *имѣетъ вліяніе на дѣла*, подвергся высылкѣ въ Тару».

Извѣстный сибирякъ-докторъ Н. А. Бѣлоголовый писалъ: «Они (т. е. декабристы) сдѣлали меня человѣкомъ, своимъ вліяніемъ разбудили во мнѣ живую душу и пріобщили ее къ тѣмъ благамъ цивилизаціи, которыя скрасили всю мою послѣдующую жизнь».

Не слѣдуетъ преувеличивать значенія этихъ постороннихъ туземцамъ вліяній. Широкому вліянію препятствовало и исключительное, неблагопріятное положеніе тѣхъ же декабристовъ, находившихся подъ зоркимъ и злобнымъ надзоромъ грубой и завистливой администраціи, и отсутствіе сплоченной общественной среды съ проявленіями организованнаго общественнаго мнѣнія. Сами „великіе изгнанники", перенесшіе всѣ ужасы разразившейся надъ ними катастрофы, видѣвшіе крушеніе своихъ святыхъ надеждъ и торжество грубой и темной силы, получили наклонность къ самоуглубленію. Образъ религіозно, мистически настроеннаго человѣка часто соединяется съ представленіемъ о декабристахъ въ Сибири. Администрація даже пыталась эксплуатировать это религіозное настроеніе для созданія

---

[1]) По словамъ Г. Н. Потанина, „Словцовъ былъ первымъ будильникомъ умственной жизни въ Сибири"; „онъ оставилъ послѣ себя толпу учениковъ, которой умѣлъ въ большей или меньшей степени передать ту любовь, которой горѣло его собственное сердце" (Авесовъ, Сибирь 1876, № 5).

церковно-полицейскихъ процессовъ по обвиненію декабристовъ въ сектантскомъ прозелитизмѣ.

Слѣдуетъ признать несомнѣнно сильное *гуманистическое* вліяніе декабристовъ; вліяніе облагораживающей *чистоты и интеллигентности.*

Вліяніе журналистики также было ограничено. И Ядринцевъ, и Вагинъ, и Шашковъ дружно отмѣчаютъ, что вліяніе публицистики Бѣлинскаго и его друзей было весьма мало до конца 40-хъ годовъ. И это понятно. Въ столицахъ и другихъ русскихъ центрахъ формировались многочисленные кружки. Въ нихъ горячо обсуждались и комментировались статьи «Отеч. Записокъ» и «Современника»; поэтому эти статьи давали больше, чѣмъ въ отдаленныхъ окраинныхъ городахъ, гдѣ былъ непонятенъ условный философскій жаргонъ и не вполнѣ ясно содержаніе.

Общественное воспитаніе имѣло корни прежде всего въ томъ общемъ недовольствѣ, которое создавалось гнетущимъ режимомъ, основывавшимся на матеріальной силѣ, на широкой поддержкѣ общественной розни, взаимнаго недовѣрія и вражды, доносительства, кровавыхъ сценъ жестокости, эгоизма, укрѣплялось отсутствіемъ надежды на измѣненіе тяжелой обстановки.

Впослѣдствіи, когда русское общественное движеніе 50—60-хъ годовъ донесло свои волны до Сибири, это туземное недовольство нашло опредѣленное выраженіе для безпокойнаго ощущенія неловкости жизни...

Такъ, съ двухъ сторонъ, произошло созданіе туземнаго прогрессивнаго, мыслящаго общества, туземнаго общественнаго мнѣнія и общественныхъ идеаловъ.

Сибирская деревня первой половины XIX в. была почти совершенно лишена интеллигенціи и умственной жизни. Бѣдный умственными силами городъ не могъ дать деревнѣ и отраженнаго свѣта.

Вмѣсто подробной характеристики условій деревенской жизни я позволю себѣ привести здѣсь первую главу изъ романа М. В. Загоскина «Магистръ». Эта глава, какъ и весь романъ, по яркой художественности образовъ, по своеобразному языку, заслуживаетъ вниманія.

Глава носитъ заголовокъ „Мирное житіе тальянскаго причта“.

„Какъ хороша жизнь сельскихъ причтовъ, особенно гдѣ-нибудь вдали отъ большой дороги! Какая тишина, какое невозмутимое спокойствіе! пріѣдетъ разъ въ годъ отецъ благочинный, употчуютъ его, ублаготворятъ елико возможно,—и опять на цѣлый годъ водворяется глубокій, ничѣмъ не нарушаемый миръ. Все дышетъ здѣсь какою то патріархальностью, все носитъ какой-то древній характеръ... Вотъ небольшая, почернѣвшая отъ времени церковь; обширная церковная ограда заросла высокой травой, изъ которой выглядываютъ тамъ и сямъ деревенскіе мавзолеи, старыя, черныя домовища, представляющія собою въ миніатюрѣ цѣлую деревню. Въ оградѣ дружно пасутся овцы и телята, принадлежащія причту. А вотъ, тотчасъ за оградой и дома священнослужителей, стоящіе на-особицу и гордо выглядывающіе на неопрятныя крестьянскія избы, которыя, какъ бы стыдясь своего неряшества и низкаго происхожденія, раздались на обѣ стороны и образовали большую площадь, идущую прямо къ рѣкѣ... Тучныя свиньи, вдоволь наѣвшись мірскаго хлѣба и улегшись подъ забором, за солнышкомъ, лѣниво поворачиваются съ боку на бокъ и задумчиво похрюкиваютъ. Множество куръ роется въ навозѣ,—и тутъ же, въ красненькихъ рубашенкахъ возится цѣлая куча ребятъ—поповскихъ, дьяконскихъ и пономарскихъ дѣтей.

Небольшая рѣчка, Еловка какая-нибудь, неторопясь катитъ мимо села свои желтоватыя воды, а за ней, прямо противъ села, возвышается некрутая гора, на вершинѣ которой, изъ за рѣдкихъ кустовъ березняка, выглядываютъ кресты деревенскихъ могилъ. Но, виноваты, эта рѣчка—вовсе не Еловка, и эта гора—не простая гора. Это потокъ Кедрскій, и гора—гора Елеонская, съ Гефсиманіей. Такъ все въ глазахъ мирнаго сельскаго причта, постоянно вращающагося въ сферѣ библейскихъ событій, принимаетъ историческій, нѣкоторымъ образомъ священный характеръ. Въ самомъ селѣ и людямъ и даже зданіямъ часто усвоивается какое-нибудь старинное названіе. Есть тамъ и благообразный Іосифъ—старый, сѣдой мельникъ, безвозмездно мелящій хлѣбъ на причтъ; есть Марфа и Марія — сестры Лазаревы, двѣ одинокія, бойкія солдатки, которымъ всѣ молодые ребята деревни приходятся Лазарями и которымъ

самъ о. Ефимъ, всегда скажетъ, когда проходитъ мимо и онѣ съ лукавымъ смиреніемъ подходятъ къ нему подъ благословленіе:

— Ой, вы, Марфа и Марія, сестры лазаревы!

Разговоры между духовенствомъ также почти всегда имѣютъ оттѣнокъ древности.

— Взыдемъ-ка, о. дьяконъ, въ Капернаумъ, говоритъ о. Ефимъ, выходя послѣ службы изъ церкви. И они величавыми шагами отправляются въ стоящій на самой площади домикъ съ надписью.

— Пойдемъ-ка, выпьемъ, отче—святый, по красаулѣ, стомаха ради и частыхъ недуговъ!

Идутъ и выпиваютъ въ складчину.

Бываетъ иногда, что послѣ этого десница о. Ефима коснется шуей щеки о. дьякона.

Сокрушу зубы грѣшниковъ! говоритъ въ такомъ случаѣ о. Ефимъ.

— Нѣтъ, врешь, о. Ефимъ, возражаетъ дьяконъ. Не сокрушишь!

— Сокрушу! повторяетъ о. Ефимъ,—и сокрушаетъ.

— Ты что, о. Ефимъ дерешься? Вздурѣлъ, что-ли, продолжаетъ о. дьяконъ.

— Дуракъ ты, дуракъ, дьяконъ! Развѣ я тебя бью? Я-те не бью, а добру учу!..

Бываетъ также, что самъ о. Ефимъ, „пріобщившись прескренне", изобразитъ собою праведнаго Ноя въ виноградникѣ и его ведутъ, еле-можаху, подъ руки, ведутъ, аможе не хощетъ... Но всѣ эти событія, облеченныя въ такую почтенную форму, ни мало не нарушаютъ патріархально-мирнаго теченія жизни".

Въ такой-то деревенской обстановкѣ, въ 1830 году, родился Михаилъ Васильевичъ Загоскинъ.

Онъ не оставилъ автобіографическихъ записокъ, и мы для ознакомленія съ его дѣтствомъ можемъ пользоваться лишь указаніями того же романа „Магистръ", имѣющаго автобіографическое значеніе.

Въ этомъ романѣ описывается, какъ „нашъ юный герой пасетъ стада отца своего". На ряду съ крестьянскими дѣтьми участвуютъ въ пастьбѣ скота и „попята".

„Вотъ шумною ватагой,—говоритъ авторъ,– собрались

они (т. е. маленькіе пастухи) у околицы. Какой оживленный говоръ, какая непритворная веселость царствуетъ въ этой толпѣ. Все движется, говоритъ и поетъ. И откуда эти чертенята набираются вѣстей, какъ находятъ они, о чемъ говоритъ другъ съ другомъ. Ребятишки безъ умолка лепечутъ всю дорогу и не только не затрудняются въ выборѣ предметовъ для разговора, но перебиваютъ другъ друга и проглатываютъ слова, торопясь выгрузить неистощимый запасъ новостей!" Юный герой романа-сынъ пономаря. Михаилъ Васильевичъ былъ сынъ священника. Но существенной разницы, видимо, въ условіяхъ дѣтства не было.

Дѣтство на лонѣ природы должно было оставить прочныя впечатлѣнія. „Говорятъ,—писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ о гимназіи Н. М. Ядринцевъ,—что сибиряки угрюмы, сухи и неспособны чувствовать красоты природы; это едва ли такъ. Что дѣлаетъ жизнь впослѣдствіи, это другой вопросъ. Но я замѣчалъ въ душѣ моихъ товарищей и земляковъ неизгладимую печать этой природы; подъ вліяніемъ ея слагались нѣжныя чувства и истинное стремленіе къ прекрасному, котораго такъ добивался добрый „Пашенька" (учитель словесности)". Михаилъ Васильевичъ уже шестидесятилѣтнимъ старикомъ писалъ: „Какъ уроженца деревни, проведшаго свое дѣтство среди сельской природы и деревни и никогда не прерывавшаго связей съ крестьянами, меня всегда тянуло въ лѣса и поля, словомъ въ деревню". Посмотрите, какъ этотъ начитанный, окруженный вѣчно книгами, старикъ отъ дѣлового описанія отвлекается въ сторону при воспоминаніи о веснѣ. „Какъ ни говорите,—а хорошо быть и сосѣдомъ и будто хозяиномъ всей этой весенней прелести. И сидишь цѣлые часы гдѣ-нибудь на пригоркѣ или у мутной, играющей воды, и много забудешь горестей и черныхъ думъ, навѣянныхъ чтеніемъ и размышленіемъ о дѣлахъ грѣшнаго міра". „Зацвѣли и черемуха и яблоня, настало самое лучшее въ Сибири время года—съ 20 мая по 20 іюня,—истинная сибирская весна"... «Идешь на пашни и хоть не всегда весело глядѣть на тощихъ лошадокъ, едва волокущихъ жалкую соху, но все-таки хорошо: одинъ запахъ взрываемой, сырой еще земли чего стоитъ! А цвѣты—и шиповникъ, и лилія, и жаркія съ

синими колокольчиками? Три-четыре версты незамѣтно уйдешь отъ дому, то составляя букетъ, то останавливаясь покурить и покалякать съ отдыхающимъ пахаремъ и сѣятелемъ"... [1]). Прошу извинить меня за эти длинныя выписки. Мнѣ хотѣлось словами самого Михаила Васильевича подтвердить справедливость сдѣланнаго Ядринцевымъ наблюденія.

Лучшія стихотворенія Омулевскаго посвящены описаніямъ сибирской природы. Даже суровое, ожесточенное сердце Шашкова замѣтно смягчалось при воспоминаніяхъ родной природы.

Умственное развитіе ребенка въ деревенской обстановкѣ находило своебразную пищу. Грязныя стороны семейной и личной жизни взрослыхъ проходили предъ глазами дѣтей не прикрытыя почти ничѣмъ.

Удивительно совпадаютъ воспоминанія сибирскихъ писателей о родителяхъ. Суровый, заставляющій бояться дѣтей, отецъ и добрая покровительница-мать. Суровость и вспыльчивость отца пріучили Шашкова, по его воспоминаніямъ, къ скрытности. У героя романа Загоскина „впервые, подъ розгой открылось его умственное зрѣніе", и „многое уже запечатлѣлось въ его мозгу, что бы, можетъ быть, и захотѣлъ онъ послѣ стереть и позабыть, но что не забудется и не сотрется, не смотря ни на какія усилія". Но если мать Ядринцева, живя въ городѣ, къ своей добротѣ могла, путемъ чтенія, присоединить кое-какіе умственные запросы, деревенская матушка была лишена этой возможности. Воспитаніе Михаила Васильевича должно было быть очень неважное въ дѣтствѣ. О своемъ юномъ героѣ онъ говоритъ. „А сколько уже было у него въ запасѣ крѣпко засѣвшихъ разсказовъ о чертяхъ, вѣдьмахъ, лѣшихъ и домовыхъ! Полудницу и чертовку онъ и самъ уже успѣлъ повидать—одну въ огородѣ, въ крапивѣ, а другую—нагую, чешущую волосы, на берегу рѣки. Дома, на улицѣ, отъ большихъ и отъ маленькихъ, отъ чужихъ и родныхъ онъ только слышалъ: чортъ, дьяволъ, вѣдьма, кикимора!".

Я позволяю себѣ опять обратиться къ воспоминаніямъ Ядринцева, именно къ его т. н. „автобіографіи".

---

[1]) „Десять лѣтъ въ деревнѣ" въ „Сиб. сборн". 1890.

„Впослѣдствіи цѣлую жизнь я не могъ отдѣлаться отъ нервнаго и болѣзненнаго чувства. Нервность эту развили много обстоятельствъ съ самаго дѣтства, а родители не понимали и не сознавали, что это былъ болѣзненный задатокъ и что меня надо было укрѣплять. Впрочемъ не я одинъ обязанъ былъ и дурному воспитанію инстинктивнымъ страхомъ. Впослѣдствіи взрослыми людьми, отрѣшившись отъ всякихъ предразсудковъ, мы разъ чистосердечно бесѣдовали съ нѣсколькими товарищами. милѣйшимъ философомъ А. Х. Христофоровымъ и С. С. Шашковымъ, лицами, далекими отъ всякаго суевѣрія, о нашихъ предубѣжденіяхъ и инстинктахъ, и пришли къ выводу, что никто изъ насъ не пойдетъ на кладбище и въ церковь ночью. Просто не въ силахъ будетъ преобороть инстинктъ".

Лѣтъ десяти Загоскинъ попалъ въ бурсу. Я не стану подробно останавливаться на описаніи обстановки бурсы 30—40-хъ годовъ. Читатели съ нею знакомы по роману Помяловскаго. Разыскивая матеріалы для біографіи Загоскина, я хотѣлъ перечитать „Магистра" и — каюсь не могъ дочитать до половины; нервы не выдержали, не смотря на добродушный юморъ, которымъ скрашивается этотъ автобіографическій романъ.

Въ одномъ мѣстѣ этого романа у М. В. вырвались слѣдующія слова, въ которыхъ слышно рыданіе безсильнаго сочувствія и крикъ негодованія.

„Слезы и вопли, читатель! Вопли, раздирающіе душу! И цѣлые годы истязаній, этихъ слезъ и воплей, издаваемыхъ дѣтьми, не имѣющими даже яснаго сознанія о томъ, за что ихъ истязуютъ! Счастливъ тотъ, кто, вынесши всѣ эти муки, не окаменѣлъ сердцемъ, въ комъ осталась еще способность что-нибудь понимать, чувствовать, любить что нибудь! Но много ли такихъ счастливцевъ? И что удивительнаго, если послѣ многихъ лѣтъ (самыхъ счастливыхъ лѣтъ человѣческой жизни), проведенныхъ дѣтьми въ этой смрадной, удушливой атмосферѣ розогъ и всякаго рода униженій, въ наготѣ, холотѣ и голодѣ, изъ нихъ выходили въ жизнь дикіе уроды, мрачные фанатики и черствые эгоисты? Что удивительнаго, что эти люди, ставъ на мѣста своихъ воспитателей, цѣлую жизнь мстили на дѣтяхъ за свою погибшую молодость, губя и слѣдующее поколѣніе?"

М. В. не окаменѣлъ сердцемъ и не утратилъ умственныхъ силъ подъ педагогическимъ воздѣйствіемъ пастырей стада Христова. Онъ блестяще вынесъ и бурсацкую, и семинарскую муштру.

Опять не останавливаясь подробно на семинарской жизни, я напомню только, что въ тогдашней семинаріи преподавалось болѣе 40 наукъ, и въ томъ числѣ—медицина, сельское хозяйство, черченіе, но большинство наукъ, конечно, было богословскихъ. Средняго юношу такая масса наукъ подавляла и выбрасывала за стѣны учебнаго заведенія.

Но способныхъ эта же пестрота и многочисленность занятій пріучала къ труду и умственной ловкости, съ которой надо было умѣть выбрать наиболѣе пригодное, — конечно, въ школьно-экзаменаціонномъ смыслѣ, — и распоряжаться имѣвшимся въ головѣ запасомъ свѣдѣній.

Загоскинъ какъ-то разсказывалъ, что передъ пріостановкой газеты „Сибирь" цензоръ особо свирѣпствовалъ: не прошло почти ни одной статьи: „Тогда я, не имѣя болѣе никакого матеріала,—передавалъ М. В.,— взялъ да и составилъ весь номеръ изъ цитатъ изъ Библіи. Я ее всю почти наизусть зналъ. Ну, а тамъ хорошія мѣста есть"... „Ну, и что же?" спросили мы. „Не пропустили номера", отвѣтилъ М. В., усмѣхаясь при воспоминаніи объ этой оригинальной попыткѣ выпустить очередной номеръ.

По свидѣтельству самого М. В. Загоскина, очень хорошее вліяніе имѣло преподаваніе сельскаго хозяйства.

„Чтобы ни говорили, — говоритъ Загоскинъ въ некрологѣ бывшаго своего учителя Токарева („Сибирь", 1881, № 25), — о попыткѣ бывшаго прокурора гр. Протасова ввести въ курсъ семинарскаго преподаванія естественныя науки, сельское хозяйство и медицину, но опытъ этотъ, по крайней мѣрѣ, въ Иркутской семинаріи, имѣлъ самые благотворные результаты. Съ появленіемъ двухъ свѣтскихъ преподавателей, обучавшихъ совершенно новымъ наукамъ и по новымъ методамъ, — повѣяло въ семинаріи новымъ духомъ. Старая схоластика совсѣмъ рухнула... по крайней мѣрѣ, на время. Съ новыми науками явилась и новая — наглядная—метода. Появленіе скелетовъ, чучелъ и растеній въ семинарскихъ классахъ живительно подѣйствовало на

засушенные въ мертвыхъ схоластическихъ формахъ мозги учениковъ.

Новымъ наукамъ стали учиться съ увлеченіемъ... Преподаваніе сельскаго хозяйства, съ неизбѣжными указаніями на состояніе хозяйства въ Сибири, на бытъ крестьянъ, ихъ нравы и отношеніе къ духовенству, — въ первый разъ для юношей, небывавшихъ или забывшихъ деревню, открыло многія стороны будущей ихъ обстановки, какъ сельскихъ пастырей. Повѣрятъ ли, что до того времени — ни одинъ наставникъ, ни одна изъ бездны разныхъ „истинъ" ничего не говорили о томъ, что такое русскій сельскій пастырь и какія условія его окружаютъ. Само „пастырское богословіе" ни словомъ объ этомъ не обмолвливалось. Медицина и сельское хозяйство первыя объ этомъ заговорили. Плодомъ этого было то, что первые курсы, по введеніи этихъ наукъ, дали лучшихъ священниковъ. Покойный Щаповъ былъ изъ первыхъ учениковъ П. П. Токарева. Знакомство съ естественными науками, пріобрѣтенное Щаповымъ въ семинаріи, не осталось безплоднымъ, какъ извѣстно всѣмъ, изъ трудовъ его. Отъ того же П. П. мы узнали о существованіи политической экономіи и объ Адамѣ Смитѣ".

Совершенно закупорить отъ внѣшнихъ вліяній учебное заведеніе было нельзя. А между тѣмъ въ 40-хъ годахъ, къ которымъ относятся школьные годы Загоскина, уже начиналось смутное броженіе, пробивались первые ростки общественнаго, если не сознанія, то чувства.

Вагинъ такъ вспоминаетъ объ этомъ времени.

„Во второй половинѣ десятилѣтія произошла еще и другая [1]) перемѣна въ умственномъ настроеніи нашего общества. Перемѣна эта отчасти тоже была слѣдствіемъ вліянія литературы, но здѣсь дѣйствовали и другія причины. Передовые умы понимали эти причины, но масса только чувствовала ихъ и инстинктивно поддавалась ихъ дѣйствію. Общество уже не довольствовалось прежнимъ апатическимъ состояніемъ, уже не „благодушествовало", какъ начали тогда выражаться. Это недовольство, правда, не имѣло еще у насъ ни опредѣленнаго предмета, ни яснаго

---

[1]) Передъ этимъ Вагинъ говоритъ о вліяніи беллетристики т. н. „натуральной школы".

выраженія. Оно отражалось только на пустякахъ и проявлялось въ жалобахъ на мѣстные порядки и отдѣльныя личности; но корень его таился гораздо глубже. Только черезъ десять лѣтъ, съ наступленіемъ новаго царствованія, сдѣлалось яснымъ, о чемъ болѣла тогда наша душа, чего намъ не доставало: воздуха и свѣта".

Въ романѣ Загоскина „Магистръ" сдѣлана авторомъ попытка набросать и типъ человѣчнаго семинарскаго учителя, относящагося съ отрицаніемъ къ безсмысленному долбленію и жестокой школьной рутинѣ. Фигура этого учителя полна жизни и, видимо, выхвачена изъ дѣйствительности.

Учитель даетъ молодымъ людямъ „хорошія" книжки, разспрашиваетъ ихъ о прочитанномъ, знакомитъ съ лучшими писателями.

По окончаніи курса въ Иркутской семинаріи Загоскинъ, какъ лучшій ученикъ, былъ отправленъ въ Казанскую Духовную Академію.

Воспитанники этой Академіи въ своихъ воспоминаніяхъ дружно указываютъ на свѣтскія тенденціи, которыя въ то время въ ней господствовали. Казанская Академія очень мало поставляла монаховъ, но дала рядъ выдающихся ученыхъ и публицистовъ. Вспомнимъ одного изъ вождей радикальной партіи 60--70-хъ годовъ—Г. З. Елисѣева, Щапова, Аристова, Шашкова... Академики увлекались естествознаніемъ и даже курсовыя сочиненія приноравливали къ естественно-историческимъ темамъ (напр., „библейская зоологія"). „Студенты терпѣть не могли всего, что отзывалось монашескимъ", свидѣтельствуетъ одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ Академіи.

„На свой счетъ студенты выписывали „Отечественныя Записки" и „Современникъ", но читали, по возможности, скрытно отъ начальства". Были либерально настроенные профессора. Одинъ изъ нихъ, Беневоленскій, читавшій (по Неандеру, — тогда у профессоровъ была манера придерживаться какого-нибудь иностраннаго руководителя) церковную исторію, за либерализмъ былъ перемѣщенъ на каѳедру библейской исторіи. И, читая этотъ курсъ, опальный профессоръ лукаво говорилъ слушателямъ: „Господа, не читайте, пожалуйста, доктора Давида Штрауса, — онъ

всю жизнь Іисуса Христа старается превратить въ миѳъ". Гегельянство давало темы для теоретическихъ споровъ студентовъ.

Есть что-то особенно привлекательное въ человѣкѣ, сбросившемъ съ себя собственными мощными усиліями бремя отжившихъ взглядовъ и міросозерцанія.

Читавшіе Ренана должны помнить прелестныя страницы „Souvenirs d'enfance et de jeunesse", посвященныя изображенію душевнаго перелома, сомнѣній, гибели старыхъ боговъ, торжества чуждаго, холоднаго, но неотразимаго новаго міросозерцанія. „J'arrivai aux vacances de 1845, — пишетъ Ренанъ, — que j'allai passer, comme les precedentes, en Bretagne. Là, jeus beaucoup plus de temps pour refléchir; des grains de sable de mes doutes s'agglomèrent et devinrent un bloc" [1]). Изобразивъ безплодныя попытки примирить христіанизмъ съ научной философіей, при чемъ за образецъ брался Гердеръ, который могъ „penser tout cela et rester ministre, prédicateur chrétien" [2]), Ренанъ вспоминаетъ: „Une voix secrète me disait: „Tu n'es plus catholique; ton habit est un mensonge: quitte-le" [3]). Въ концѣ этой главы воспоминаній Ренанъ говоритъ: „Je descendis donc, pour ne plus les remonter en soutane, les marches de séminaire Saint-Sulpice, le 6 octobre 1845" [4]).

Не осталось свѣдѣній объ аналогичномъ эпизодѣ въ жизни М. В.; да ему и не пришлось, вѣроятно, выдержать жестокую внутреннюю борьбу изъ за сутаны. Его въ это одѣяніе не облекали. Ни на родинѣ, ни въ Академіи не было той дисциплинированной, сплоченной, вооруженной великими традиціями и большою интеллигентностью клерикальной среды, какая окружала его великаго французскаго современника.

---

[1]) „Настали каникулы 1845 г., которыя я готовился провести, какъ и предыдущіе, въ Бретани. Тамъ я имѣлъ больше времени для размышленія. Небольшія песчинки моихъ сомнѣній срослись и превратились въ огромную глыбу".

[2]) „Думать такъ и оставаться христіаниномъ — священнослужителемъ и проповѣдникомъ".

[3]) „Внутренній голосъ говорилъ мнѣ: ты не католикъ уже: твое церковное одѣяніе — ложь: сбрось его".

[4]) „Я спустился, чтобы никогда по нимъ уже не подняться въ сутанѣ, по ступенямъ семинаріи С.-Сульписъ, 6 октяаря 1845 г.".

Въ Иркутскѣ мы видимъ М. В. Загоскина въ качествѣ молодого просвѣщеннаго и вполнѣ свободнаго отъ клерикальныхъ взглядовъ общественнаго дѣятеля. Обладатель ученой академической степени, М. В. является, прежде всего, однимъ изъ выдающихся преподавателей въ Иркутскѣ.

„Лучшими учителями,—говоритъ въ своей автобіографіи Шашковъ,—были преподаватель исторіи М. В. Загоскинъ и словесности—Домскій“.

Впослѣдствіи Загоскинъ былъ учителемъ въ военной прогимназіи и техническомъ училищѣ, и вездѣ онъ оставилъ въ своихъ ученикахъ самое теплое и свѣтлое воспоминаніе. Эти бывшіе ученики, часто на своемъ жизненномъ пути далеко уходившіе отъ завѣтовъ своего гуманнаго и просвѣщеннаго учителя, по отношенію къ нему обнаруживали трогательное чувство любви и уваженія и, видимо, находили освѣжающее удовольствіе провести нѣсколько часовъ въ его обществѣ. М. В. былъ учитель по призванію, учитель талантливый, стоявшій на высотѣ современнаго просвѣщенія. Когда преподавательская дѣятельность въ правительственныхъ школахъ для него закрылась, прервалась и кипучая работа въ газетѣ, старый общественный боецъ удалился на свой хуторъ и открылъ тамъ безплатную школу для ребятъ сосѣдней деревни. Онъ училъ деревенскихъ дѣтей болѣе двадцати лѣтъ, покупая всякую школьную мелочь—азбуки, грифеля, доски, съ трогательнымъ безпокойствомъ слѣдя за первыми жизненными шагами учениковъ, огорчаясь ихъ неудачами, горюя надъ ложными шагами и стараясь сязать ихъ жизнь со школьными завѣтами [1]).

Можетъ быть, то же призваніе учителя въ широкомъ смыслѣ этого слова влекло Загоскина на публицистическое поприще.

Всѣ его статьи написаны яснымъ, черезвычайно простымъ языкомъ и посвящены выясненію животрепещущихъ вопросовъ окружающей жизни. Въ нихъ виденъ публицистъ—учитель, терпѣливо объясняющій самыя, казалось бы, элементарныя, но еще непонятныя малокультурному читателю вещи.

---

[1]) Ко времени преподавательской дѣятельности въ Иркутскѣ относится изданіе Загоскинымъ учебника по географіи Иркутской губ.

И М. В. не замедлилъ выступить „на оный путь, журнальный путь". Это былъ уже сформировавшійся общественный дѣятель, съ выдающейся энергіей, обширнымъ, разностороннимъ образованіемъ и большимъ организаторскимъ талантомъ.

Попробуемъ представить себѣ тѣ условія, въ которыхъ М. В. Загоскинъ выступилъ на поприще общественной дѣятельности, и осмыслить ту программу, которой онъ долженъ былъ руководиться.

Мы видѣли, что въ Сибири—и въ частности, въ Иркутскѣ—были лица очень интеллигентныя, съ умственными запросами, люди благожелательные и имѣвшіе искреннее желаніе работать „на общую пользу".

Но эти люди не были объединены общностью стремленій и взглядовъ, они жили изолированной, разрозненной жизнью, были разбросаны по разнымъ городамъ и весямъ. Взгляды, общественное міросозерцаніе этихъ людей были неопредѣленны и шатки.

Чувство недовольства, жажда лучшаго не облекались въ опредѣленныя формулы.

Г. Н. Потанинъ въ своихъ воспоминаніяхъ о петрашевцѣ Дуровѣ очень мѣтко и рельефно описываетъ это, какъ онъ выражается, „политическое двоевѣріе„.

„Благодаря такому составу учителей,—говоритъ онъ, сдѣлавъ характеристики преподавательскаго персонала Омскаго кадетскаго корпуса [1],—мы вышли изъ корпуса съ большимъ интересомъ къ общественнымъ дѣламъ. Еще на школьной скамьѣ мы задумывались, какъ мы будемъ служить прогрессу. Любовь къ прогрессу у насъ включалась въ любовь къ родинѣ. Жданъ-Пушкинъ (инспекторъ классовъ) хотѣлъ, чтобы любовь къ родинѣ являлась руководящей идеей въ будущей нашей жизни и любовь къ Россіи, дѣйствительно, стала религіей нашего сердца. О прогрессѣ вообще мы могли думать не иначе, какъ только такъ, что мы будемъ толкать Россію по пути прогресса. Мы смотрѣли на себя, какъ на будущихъ борцовъ, а реформы могли быть встрѣчены нами только рукоплесканіями. Мы даже сочувствовали революціямъ тамъ, гдѣ общество

---

[1]) Сборникъ *„На славномъ посту"*.

не могло мирными средствами проложить путь къ прогрессивнымъ учрежденіямъ; мы поклонялись Петру Великому, но за современную намъ Россію мы были спокойны. Конечно, мы не представляли себѣ русскую жизнь въ розовомъ свѣтѣ, но намъ казалось, что недостатокъ ея заключался только въ дурныхъ нравахъ, и что люди съ добрыми намѣреніями не лишены иниціативы въ дѣятельности, направленной къ исправленію нравовъ. Предстоявшія намъ задачи казались намъ гораздо болѣе легкими, чѣмъ онѣ были на самомъ дѣлѣ: съ дѣйствительными отрицательными сторонами русской жизни мы были не ознакомлены и дезидераты передъ нами не были поставлены. Гласность, свобода слова, судъ присяжныхъ, самоуправленіе,—все это термины, которые совсѣмъ не существовали въ нашемъ словарѣ; выраженія: крѣпостное право, крѣпостной столъ, я помню, вызывали въ моемъ умѣ представленіе о крѣпостныхъ стѣнахъ съ зубцами и башнями, такъ какъ истинное значеніе этихъ выраженій сибирская жизнь намъ не могла подсказать". Въ другомъ мѣстѣ Г. Н. Потанинъ отмѣчаетъ: „Я тогда еще не понималъ, что дѣло въ системѣ управленія, а не въ отдѣльныхъ личностяхъ".

Слишкомъ долго было ждать результатовъ узко-поставленной учительской дѣятельности въ школѣ. Учитель долженъ превратиться въ публициста, въ журналиста. Газета можетъ обращаться ко всѣмъ мѣстнымъ сочувствующимъ людямъ и во всѣхъ углахъ края, можетъ обсуждать сомнительные вопросы, давать ясныя, сознательныя формулы неопредѣленнымъ чувствамъ, смутнымъ стремленіямъ, и объединить людей опредѣленной, доступной всѣмъ программой, а также и симпатіями къ газетѣ, которая такимъ образомъ становится органомъ группы.

Съ другой стороны, въ мѣстномъ обществѣ,—да и у правительства,—не было знанія края,—знанія мѣстныхъ нуждъ и потребностей. Капитальные труды Палласа, Гмелина, Миллера и позднѣйшихъ изслѣдователей были доступны только для кабинетныхъ эрудитовъ, интересовавшихся не судьбами края, а разными теоретическими вопросами въ отдѣльныхъ научныхъ дисциплинахъ. Въ 1851 г. былъ основанъ Сибирскій Отдѣлъ Географическаго Общества. Но его изданіе—„Записки"--увидѣли свѣтъ лишь въ 1856 г.

и печатались въ Петербургѣ. Это было слишкомъ академическое изданіе. Кромѣ того, Отдѣлъ въ первое время объединялъ небольшой кругъ лицъ, въ большинствѣ случаевъ, близко стоявшихъ къ генералъ-губернатору и главному управленію, и былъ въ значительной степени какъ бы ученымъ отдѣломъ главнаго управленія.

Опять таки и въ этомъ отношеніи газета представляла болѣе эластичный, доступный и живой органъ.

50-е годы въ Иркутскѣ были интереснымъ временемъ. Та перемѣна въ обществѣ, которая была отмѣчена Вагинымъ для второй половины 40-хъ годовъ, сказывалась все шире и глубже. Прежняя удушающая атмосфера, съ ея солдатскими смотрами и экзекуціями вмѣсто общественныхъ удовольствій, уступала мѣсто стремленію, прежде всего, къ интеллигентнымъ наслажденіямъ. „Сибирь рѣшительно становится отечествомъ меломановъ, — писалъ сотрудникъ первой Иркутской газеты въ 1857 году.,—страною любителей музыки. Всѣ извѣстія, которыя мы получаемъ изъ разныхъ мѣстъ, наполнены отчетами о концертахъ, изображеніемъ того высокаго, неземного блаженства, которымъ наслаждались слушатели, „когда на нихъ широкимъ потокомъ лились волны музыкальной гармоніи“.

Еще въ 30-хъ годахъ, усиліями преимущественно С. С. Щукина, была создана публичная библіотека (1832). Но она не имѣла большого значенія и впослѣдствіи была передана въ Отдѣлъ географическаго общества; въ 1860—61 г. организовалась для завѣдыванія ею особая группа членовъ-учредителей, числомъ 131 (въ томъ числѣ были Б. А. Милютинъ, Мордвиновъ, Шелеховъ). Въ 1864 г., „по приговору городского общества“, библіотека сдѣлалась достояніемъ города. Рядомъ шли попытки основать частныя публичныя библіотеки. Таковы были библіотеки Болдакова и Ст. Ст. Попова (1840-е годы) и Протопопова. Въ 1858 году библіотека Протопопова перешла къ М. П. Шестунову.

Значеніе послѣдней выясняется изъ одного мѣста воспоминаній Шашкова.

„Въ открывавшейся тогда публичной библіотекѣ собирался интиллегентный кружокъ, въ которомъ обсуждались всякіе общественные вопросы и будировали противъ мѣстнаго начальства, которое злилось на библіо-

теку и называло ее якобинскимъ клубомъ. Я былъ подписчикомъ и нерѣдко, читая въ библіотекѣ газеты, подслушивалъ интересныя для меня бесѣды, ведшіяся въ сосѣдней комнатѣ между членами кружка"[1]).

„Колоколъ" и другія изданія великаго рускаго эмигранта Герцена доходили до Иркутска, и въ свою очередь Герценъ имѣлъ корреспондентовъ среди иркутянъ. Дальше я укажу на любопытную страничку отношеній иркутской интеллигенціи и Герцена.

Во главѣ управленія Восточной Сибирью тогда стоялъ самый видный и талантливый послѣ Сперанскаго генералъ-губернаторъ, Н. Н. Муравьевъ. Это былъ безусловно просвященный дальновидный государственный дѣятель Правда, во главѣ его дѣятельности не стояло широкой общественно-политической программы: это участь многихъ талантливыхъ представителей бюрократіи; да едва ли Муравьевъ, хотя и облеченный диктаторской властью, могъ à part, за свой страхъ, выступать въ части имперіи съ самостоятельной программой какихъ либо соціально-политическихъ реформъ.

Его „внутренняя" политика сосредоточилась на борьбѣ съ злоупотребленіями, преслѣдованіи казнокрадства и лихоимства, т. н. „упорядоченіи" различныхъ отраслей административнаго управленія, заботахъ о проложеніи новыхъ путей сообщеній и колонизаціонныхъ опытахъ. „Внѣшняя политика" Муравьева, главнымъ образомъ и занимавшая его, была направлена на присоединеніе Пріамурья, побережья Тихаго Океана, на пріобрѣтеніе доступа къ открытому морю. Блестящіе результаты этой политики, достигнутые Муравьевымъ, извѣстны.

Я долженъ здѣсь только отмѣтить, что отношеніе къ наступательной политикѣ на Востокѣ со стороны передовыхъ элементовъ русскаго общества той эпохи было самое сочувственное.

---

[1]) Къ началу 60-хъ годовъ былъ составленъ проектъ „Общества грамотности", подъ которымъ подписалось болѣе 200 человѣкъ. Проектъ не получилъ утвержденія. Къ 1861 г. относится основаніе двухъ воскресныхъ школъ и учительскихъ собраній. Предположеніе открыть учительскіе курсы потерпѣло такую же неудачу, и какъ и проектъ общества грамотности.

Россія стряхнула съ себя оковы рабства, предъ ней, въ глазахъ прогрессивныхъ русскихъ людей, рисовались самыя блестящія перспективы, великое будущее. Казалось, что просвѣщенная, свободная и великая—Россія вступаетъ вліятельнымъ членомъ въ семьи передовыхъ народовъ. И ей надо было дать средства для высокой цивилизаторской роли...

Самъ Герценъ горячо привѣтствовалъ присоединеніе Амура и берега Великаго Океана, этого, по его выраженію," средиземнаго моря будущаго". Я не имѣю подъ руками ни „Колокола", ни „Полярной Звѣзды", — и передаю на память мысль Герцена. Конечно,—приблизительно такъ писалъ онъ,—это присоединеніе было необходимо; Россіи незачѣмъ мерзнуть у береговъ Ледовитаго океана и въ Якутскѣ, когда есть Минусинскъ и теплый Уссурійскій край.

Такимъ образомъ, и въ Иркутскѣ это была эпоха общественнаго оживленія, широкаго интереса къ общественно-политическимъ вопросамъ, эпоха большихъ надеждъ и великой вѣры.

При такихъ условіяхъ возникло изданіе первой Иркутской газеты въ видѣ неоффиціальной части „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей". Первымъ редакторомъ газеты былъ Петрашевецъ Н. А. Спѣшневъ, а вскорѣ, послѣ отъѣзда Спѣшнева,—М. В. Загоскинъ. Муравьевъ нуждался въ образованныхъ и способныхъ людяхъ, и оба названныхъ дѣятеля стояли очень близко къ нему.

М. В. какъ-то вспоминалъ, что въ генералъ-губернаторскомъ домѣ была отдѣльная комната, въ которой лежали различныя изданія, между прочимъ и „Колоколъ". Бывавшіе въ генералъ-губернаторскомъ домѣ заходили въ эту комнату и брали нужныя книги. Въ этой же комнатѣ происходили бесѣды.

Открывшій борьбу съ злоупотребленіями мѣстнаго чиновничества, генералъ-губернаторъ предоставилъ нѣкоторую свободу нападкамъ на темныя стороны мѣстной жизни и обличеніямъ. „Напрасно,—писалъ впослѣдствіи В. И. Вагинъ,—министерство внутреннихъ дѣлъ посылало свои замѣчанія на „неприличіе" такого направленія въ оффиціальномъ изданіи и даже дѣлало выговоры высокопоставлен-

нымъ лицамъ, вступавшимъ въ полемику съ газетой (Падалкѣ). Графъ Муравьевъ-Амурскій, не смотря на замѣчанія, разрѣшалъ газетѣ продолжать печатаніе обличительныхъ статей. Публика скоро поняла духъ „Губернскихъ Вѣдомостей", и въ редакцію посыпались обличительныя корреспонденціи не только изъ всѣхъ мѣстъ Восточной, но и Западной Сибири. Газетка сдѣлалась грозой всѣхъ взяточниковъ, казнокрадовъ и кулаковъ. Въ то же время она сдѣлалась и вліятельнымъ органомъ, такъ какъ графъ Амурскій обращалъ особенное вниманіе на помѣщаемыя въ ней обличенія; кромѣ того, они перепечатывались и въ столичныхъ изданіяхъ".

Не слѣдуетъ преувеличивать въ данномъ случаѣ роль газеты. Обличительныя статьи имѣли не прямое значеніе, а косвенное. Онѣ воспитывали общественное мнѣніе, пріучали общество активно интересоваться общественными дѣлами и вліять на нихъ.

Въ газетѣ шла одушевленная пропаганда просвѣтительныхъ и образовательныхъ предпріятій и выяснялось ихъ значеніе. Какъ небольшой примѣръ можно отмѣтить статью образованнаго туземца М. П. Шестунова. „Мысли объ устройствѣ въ Иркутскѣ публичной библіотеки", въ № 29 „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" за 1857 г.

„Въ настоящее время нельзя не замѣтить поразительнаго явленія въ русскомъ обществѣ, именно, что въ немъ какъ бы всѣ вполнѣ сознали несостоятельность прежней жизни, той, можно сказать, апатіи, которой они доселѣ предавались. Летаргія прошла, и общество, стряхнувъ съ себя ея оковы, естественно ощутило потребность къ измѣненію началъ, лежавшихъ въ основаніи прежней жизни. Нынѣ перестали вѣрить людямъ на слово, усомнились въ авторитетѣ и, одушевясь желаніемъ сознать себя, получа довѣріе къ своимъ силамъ, двинулись впередъ на пути къ самоусовершенствованію, самосознанію".

„Современная литература, — говоритъ далѣе авторъ, — благородно сознавъ свое великое назначеніе, освободившись изъ подъ нравственнаго, тяготѣвшаго надъ нею гнета, своимъ содержаніемъ коснулась тѣхъ истинъ, о которыхъ прежде не смѣли думать, она смѣло начинаетъ высказывать современникамъ тѣ мысли, которыя невыраженными въ теченіе

многихъ лѣтъ, воспитывались въ душахъ ихъ, и этимъ самымъ рѣзко отдѣлила начавшуюся новую эпоху образованія".

Въ первомъ же году изданія М. В. Загоскинъ началъ рядъ статей по крестьянскому вопросу, который его болѣе всего интересовалъ, и изученію котораго онъ посвятилъ значительную часть своей жизни [1]).

Это первая серьезная работа, посвященная быту сибирскихъ крестьянъ и инородцевъ. Формы пользованія пахотными и сѣнокосными угодьями, экономическое положеніе поселянъ, положеніе сельскаго хозяйства, санитарныя условія, положеніе народнаго образованія и т. д. все это изображено съ глубокимъ знаніемъ дѣла и обнаруживаетъ большую начитанность автора съ агрономической литературѣ. Назаконченностью практической программы слѣдуетъ объяснять нѣкоторую неопредѣленность во взглядахъ автора на ближайшія задачи въ деревнѣ.

Описавъ невозможныя санитарно-гигіеническія условія сельской жизни, Загоскинъ писалъ: „А отъ чего? Отъ того, по моему мнѣнію, что мужикъ-ребенокъ: его надо руководить, ему нужны няньки и мамки. Онъ, пожалуй, и не понимаетъ, какое зло происходитъ отъ его неряшества. Растолкуйте ему всю пользу чистоты и опрятности, и онъ пойметъ васъ. Присмотрите за нимъ, и онъ сдѣлаетъ все, какъ слѣдутъ". Но уже далѣе авторъ продолжаетъ скептически: „Да кто присмотритъ? Правда, есть и присмотрщики, есть няньки и мамки, но эти присмотрщики — сами по уши въ грязи, эти няньки и мамки не ходятъ и не питаютъ, а сами питаются отъ трудовъ земледѣльца... А дѣло все таки на ладъ не идетъ".

Черезъ 24 года Загоскинъ писалъ [2]): „Читатель, пожалуй, подумаетъ; что крестьяне наши уже такъ устроены, что не могутъ разумно и съ выгодой для себя пользоваться и своимъ сельскимъ судомъ и своимъ самоуправленіемъ". „Такое заключеніе было бы весьма ошибочно. *Даже такъ называемое „невѣжество" тутъ не причемъ*.—Причины исправимости и безвыходно жалкаго положенія сельскаго управ-

---

[1]) „Замѣтки о бытѣ поселянъ Иркутскаго уѣзда".

[2]) *„Сибирскіе крестьяне"*. Сибирь 1881.

ленія коренятся въ чрезвычайно обширной власти земскихъ чиновъ“ [1]).

Эта подавляющая, произвольная власть, заглушающая самодѣятельность, идетъ рядомъ съ безправнымъ, пригнетеннымъ положеніемъ населенія. „Не можемъ не отмѣтить того деморализующаго вліянія, которое имѣетъ на человѣка обращеніе съ нимъ, какъ съ безправнымъ, безотвѣтнымъ, „быдломъ“: такое обращеніе не только въ крестьянинѣ, но и въ лицахъ гораздо повыше, убиваетъ энергію, сознаніе своего человѣческаго достоинства и, унижая нравственно, ведетъ къ безхарактерности, апатичности въ дѣлахъ и распущенности“. Оффиціальное насажденіе грамотности не достигаетъ цѣли. Школы стоятъ далеко отъ жизни, даютъ небольшое число грамотныхъ и скорѣе обременяютъ населеніе. Учителя обыкновенно высокомѣрно сторонятся отъ населенія. Дѣло, не контролируемое обществомъ, ведется небрежно. Половина школъ стоитъ безъ учителей. Нужна совершенно другая постановка дѣла.

„Лучше предоставить крестьянамъ самимъ, какъ знаютъ, учить своихъ ребятъ, чѣмъ устраивать такія школы и съ такими учителями, отъ которыхъ они бѣгутъ. Лучше не портить дѣло напредки“.

Въ этихъ статьяхъ, относящихся къ 1881 году, Загоскинъ дѣлаетъ опредѣленный выводъ, указывающій на наличность уже законченной программы.

„Полагаемъ, что сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться, что только совокупныя усилія общества и правительства могутъ, съ одной стороны, пресѣчь внѣдрившіеся въ нашей деревнѣ недостатки болячки, а съ другой положить твердыя основы правильному, здоровому росту населенія и такому устройству его быта, которое бы *вело* къ благосостоянію экономическому и *обезпечило* физическое и умственно-нравственное развитіе.

Сибирь — страна отсталая, обдѣленная; ей надо еще *догонять свою метрополію и хлопотать объ учрежденіяхъ, давно уже введенныхъ и привившихся тамъ.* Если намъ скоро да-

---

[1]) Т. е. земской полиціи (исправниковъ и земскихъ засѣдателей власть коихъ отошла въ область преданій въ 1898 г., но съ замѣною ихъ крестьянскими начальниками).

дутъ земскія учрежденія и новые суды, если похлопочутъ по крайней мѣрѣ удесятерить число школъ и затѣмъ, по уничтоженіи натуральныхъ повинностей, болѣе равномѣрно и безобидно разложатъ даже существующія повинности, то сибирскому мужику еще можно будетъ жить хоть не припѣваючи, то по крайней мѣрѣ безъ нужды“ [1]).

Мы зашли впередъ и отдалились отъ разсматриваемой эпохи. Мнѣ казалось необходимымъ, въ общихъ чертахъ, указать, какъ крупнѣйшій областной публицистъ, на ходу огромной работы претворялъ накапливаемый обширный матеріалъ въ требованія опредѣленной и ясной программы, во главѣ которой стояли: свобода, самодѣятельность, прогрессъ.

Возвращаясь къ «Иркутскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ», мы должны отмѣтить, что добрыя отношенія между генералъ-губернаторомъ и редакціей поддерживались недолго.

Борьба генералъ-губернатора съ злоупотребленіями была вполнѣ аналогична работѣ данаидъ надъ ихъ бочками.

Причины зла, конечно, не въ дурныхъ чиновникахъ и не въ отдѣльныхъ порочныхъ личностяхъ, а въ общей системѣ.

„Мы помнимъ, — вспомнилъ много лѣтъ спустя Загоскинъ,—одного замѣчательнаго администратора, который, не смотря на свою громадную власть, „обманомъ“, черезъ заднія двери принималъ отъ крестьянъ жалобы и поступалъ съ жалобщиками такъ, какъ извѣстный въ сибирской исторіи Саламатовъ просилъ поступить съ нимъ, когда явился въ Петербургъ съ жалобами на Трескина [2]). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о Муравьевѣ, что послѣднему приходилось „черпать воду рѣшетомъ“ и бороться съ условіями, противъ которыхъ никакой геній не въ силахъ ничего сдѣлать.

Кромѣ того личныя симпатіи Муравьева, при его власт-

---

[1]) Сибирь 1881, № 8.

[2]) Саламатовъ, боясь быть убитымъ, по преданію, просилъ имп. Александра I заключить его въ тюрьму (такъ передавалъ эту исторію, между прочимъ, Герценъ).

ныхъ замашкахъ, сказывались въ нетерпимомъ отношеніи къ нападкамъ на его любимцевъ.

Нашумѣвшая дуэль между Беклемишевымъ и Неклюдовымъ раздѣлила интеллигентное иркутское общество на два враждебныхъ лагеря.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ.

Два чиновника, Беклемишевъ и Неклюдовъ, поссорились, и первый вызвалъ второго на дуэль. Говорили, что въ этой исторіи участвовали видные чиновники, въ родѣ вице-губернатора Извольскаго, полиціймейстера Сухотина, что Неклюдова заставили силою принять дуэль и просто убили его. Беклемишевъ былъ любимецъ Муравьева, его родственникъ.

Раздраженіе, давно накипѣвшее среди интеллигенціи, рѣзко проявилось.

Въ губернской типографіи были отпечатаны повѣстки о похоронахъ, Петрашевскій готовился сказать надгробную рѣчь, полиціймейстеръ и секунданты принуждены были выслушивать на улицахъ оскорбительныя реплики... Муравьевъ вмѣшался въ дѣло. Петрашевскій былъ высланъ въ Енисейскую губернію; совѣтникъ губернскаго правленія Ольдекопъ, производившій слѣдствіе и давшій заключеніе, что это была не дуэль, а убійство, попалъ въ острогъ [1]); Загоскину за статью въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ сдѣланъ выговоръ; библіотека Шестунова была закрыта, и самъ онъ высланъ за Байкалъ.

На этомъ дѣло не остановилось. Докторъ Бѣлоголовый, побывавшій предъ этимъ въ Иркутскѣ и познакомившійся съ группировкой партій, на основаніи полученныхъ писемъ, помѣстилъ въ прибавленіи къ „Колоколу“—„Подъ Судъ“—статью, посвященную дуэли и разоблаченію мѣстныхъ отношеній. Статья „произвела въ Иркутскѣ большой переполохъ, при чемъ встрѣчена была иркутской публикой съ радостью, въ средѣ же приближенныхъ Муравьева вызвала скрежетъ зубовный и тщетное желаніе добраться до виновника столь непріятнаго для нихъ разоблаченія“.

Въ 1860 г. пріѣхалъ въ Иркутскъ извѣстный Бакунинъ, приходившійся племянникомъ Муравьеву и встрѣченный

---

[1]) Такъ фактъ переданъ Шашковымъ.

послѣднимъ очень радушно. Онъ сталъ посредникомъ между Муравьевымъ и Герценомъ, и въ „Колоколѣ“ было напечатано возраженіе, „Онъ, какъ свѣжій человѣкъ, не могъ знать ни обстоятельствъ дѣла, ни отношеній иркутскихъ партій“. „Къ тому же вся эта борьба двухъ элементовъ пришлаго и туземнаго, вращавшаяся въ узкой сферѣ провинціальныхъ интересовъ не могла интересовать его, коновода общечеловѣческой революціи“. Герценъ затѣмъ былъ освѣдомленъ о невѣрномъ освѣщеніи дѣла Бакунинымъ, но, щадя послѣдняго, вынесшаго заключеніе въ австрійскихъ и русскихъ тюрьмахъ, отказался допустить дальнѣйшую полемику на страницахъ „Колокола“.

Къ этому эпизоду относится обостреніе отношеній между туземной интеллигенціей и представителями пришлой бюрократіи, получившими названіе „*навозныхъ*“.

Стремленіе создать болѣе независимое положеніе, а также произвести болѣе опредѣленное разграниченіе партій заставило небольшую группу интеллигентныхъ сибиряковъ [1]), во главѣ съ Загоскинымъ, основать первую частную газету въ Иркутскѣ. Это былъ «Амуръ», къ которому примкнули и независимые представители пришлой интеллигенціи, напр., Петрашевскій, Горбуновъ (воспитатель Трубецкихъ). „Амуръ“ началъ выходить подъ редакціей Загоскина, уже по редакціи „Вѣдомостей“ заручившагося большими связями съ корреспондентами и разными освѣдомленными людьми. Отношенія съ Муравьевымъ также не были совершенно порваны, и генералъ-губернаторъ, лично на себя взявшій цензуру изданія, часто, не читая, подписывалъ представляемые ему листы. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Муравьевъ примѣнялъ своего рода послѣдовательную цензуру. Неблагопріятныя статьи объ Амурѣ или приближенныхъ Муравьева, навлекали на газету его гнѣвъ. Между тѣмъ вопросы амурскіе доминировали въ газетѣ. Амуръ, только что присоединенный, привлекалъ общее вниманіе, и далеко не все шло въ новомъ краю благополучно. Особенно много разоблаченій давали статьи декабриста Завалишина [2]).

---

[1]) С. С. Поповъ, И. И. Пиленковъ, А. А. Бѣлоголовый, М. П. Шестуновъ.

[2]) Послѣдній, можно сказать, спеціализировался въ „амурскомъ вопросѣ“.

Смѣнившій Муравьева генералъ-губернаторъ Корсаковъ еще более стѣснилъ газету.

Цѣлые номера приходилось набирать съизнова: въ редакцію присылались обширныя опроверженія. Однажды было прислано опроверженіе на нѣсколько печатныхъ листовъ при собственноручной запискѣ генералъ-губернатора, съ приказаніемъ напечатать немедленно. „Издатели,—писалъ Вагинъ,—оскорбились такимъ вмѣшательствомъ и рѣшили закрыть газету. Редакторъ М. В. Загоскинъ доложилъ объ этомъ С. С. Корсакову. „Газета должна существовать", сказалъ Корсаковъ. Г. Загоскинъ возразилъ, что, за отказомъ издателей и по малочисленности подписчиковъ, газета не будетъ окупать издержекъ, и потому существованіе ея немыслимо. . Корсаковъ обѣщалъ помочь газетѣ лишь, бы она не прекращалась. И дѣйствительно, газетѣ было ассигновано пособіе изъ амурскихъ суммъ (заглавіе ея тутъ пришлось очень кстати) по 800 р. въ годъ. Такимъ образомъ, „Амуръ" сдѣлался субсидируемой газетой. Это, однакожъ, не измѣнило ея направленія. Самолюбію Корсакова и Муравьева было пріятно, что въ ихъ краѣ издается газета, да еще и либеральная. Но объемъ газеты сильно уменьшился. Вмѣсто двухъ большихъ листовъ, сталъ выходить только одинъ маленькій. Всѣ прежніе члены редакціи отстали отъ газеты, и весь трудъ редакціи остался на одномъ Загоскинѣ. На него посыпались нареканія, что онъ передался муравьевской партіи; въ „Искрѣ" была напечатана каррикатура или замѣтка въ этомъ родѣ. Но въ этихъ нападкахъ было упущено изъ виду, что Загоскинъ спасъ единственную частную газету въ Сибири и что газета сохранила свой характеръ и продолжала приносить свою пользу, не смотря на казенную субсидію".

Такія объективныя соображенія считалъ нужнымъ привести въ защиту Загоскина его ближайшій впослѣдствіи сотрудникъ. Я не думаю, чтобы такая защита была необходима. Легко усчитывать сдѣланныя ошибки и оцѣнивать несбывшіяся мечты. Въ то время нельзя было предвидѣть всѣхъ результатовъ, опредѣленно оцѣнить пользу или безполезность всѣхъ практическихъ шаговъ,

Мы выше уже указывали на отношеніе къ „амурскому

вопросу“ прогрессивной части общества,—и въ томъ числѣ—Герцена.

Въ краткой некрологической замѣткѣ, посвященной въ № 48 „Сибири“ за 1881 г. Муравьеву-Амурскому и принадлежащей, очевидно перу М. В., многозначительно говорится: „Что бы ни сказала впослѣдствіи исторія объ этомъ событіи, все же оно *останется событіемъ очень крупнымъ и для Сибири знаменательнымъ.* Покойный вложилъ въ это дѣло всю энергію и способности. Онъ весь преданъ былъ своему любимому дѣтищу и *если была ошибка* въ этомъ дѣлѣ, то это произошло *не отъ недостатка добрыхъ намѣреній* со стороны Муравьева“. Въ 1878 году въ статьѣ „Окно и двери въ Европу“, написанной по поводу поднятаго вопроса о сѣверномъ морскомъ пути, М. В. Загоскинъ попутно дѣлаетъ очень цѣнное и съ автобіографической точки зрѣнія замѣчаніе:

„Разъ уже мы радовались по поводу прорубленнаго, хоть не въ Европу, окна, но радость наша была нѣсколько преждевременна: по крайней мѣрѣ *далеко не всѣ наши тогдашнія надежды осуществились.* Мы говоримъ объ Амурѣ и возможности имѣть „прямое“ сообщеніе съ другими народами черезъ океанъ“.

„Мы думаемъ,—еще говоритъ онъ,—что не мелкость амурскаго лимана и не морскія опасности не дали развиться торговлѣ на Амурѣ, но прежде всего *условія нашей жизни и сухопутныя преграды*, которыя мы ставимъ сами себѣ“.

„Амуръ“ просуществовалъ недолго. Въ 1861 году пріѣхалъ въ Иркутскъ Б. А. Милютинъ,—братъ извѣстныхъ Н. А. и гр. Д. А. Милютиныхъ,—человѣкъ дѣятельный и энергичный, и принялъ участіе въ изданіи. Подъ газетою появились двѣ подписи; Загоскина и Милютина, но скоро между ними вышли разногласія, и Загоскинъ снялъ съ газеты свою подпись. Газета прекратилась въ началѣ 1862 года. Таковы были два первыхъ опыта создать мѣстную журналистику,—сдѣланныхъ представителями мѣстной интеллигенціи во главѣ съ М. В. Загоскинымъ.

Отзывы современниковъ даютъ основаніе думать, что эти первые опыты были, во многихъ отношеніяхъ, удачны.

Загоскину съ его группой удалось дать выраженіе сла-

гавшемуся общественному мнѣнію и тѣмъ направить и ускорить ростъ послѣдняго.

Давъ выраженіе тѣмъ мыслямъ, „которыя, по словамъ Шестунова, невыраженными, въ теченіи многихъ лѣтъ, воспитывались въ душахъ“, газета способствовала общественной дифференціаціи, болѣе опредѣленной и сознательной группировкѣ общественныхъ элементовъ. Газета дала массу новыхъ свѣдѣній о мѣстной жизни, мѣстныхъ нуждахъ, произвела по нимъ путемъ переписки съ корреспондентами своего рода референдумъ, и этимъ путемъ заставила сознательно относиться къ явленіямъ мѣстной жизни и предъявлять извѣстныя требованія. Она способствовала выработкѣ мѣстной общественно-политической программы.

Это главная и крупнѣйшая заслуга Загоскина. Нужна была выдающаяся энергія и огромный талантъ, чтобы создать независимый органъ въ странѣ, гдѣ не только не было высшихъ учебныхъ заведеній, но на территорію раза въ два больше Европы приходилось одно свѣтское среднее учебное заведеніе, гдѣ просвѣщенные люди появились со вчерашняго дня.

Организаторскій талантъ Загоскина несомнѣненъ и незауряденъ. Организаторской дѣятельности его способствовало и то, что газета была для него не профессіей, не „кускомъ хлѣба“, а средствомъ объединенія и борьбы, органомъ слагавшейся партіи. Поэтому каждый сотрудникъ, каждый корреспондентъ съ опредѣленными взглядами разсматривался какъ сочленъ организаціи, находилъ самое теплое отношеніе и готовность помочь, и не только въ матеріальномъ отношеніи.

У меня было въ рукахъ случайно сохранившееся письмо М. В. Загоскина къ одному изъ корреспондентовъ, видимо, лично ему незнакомому, но извѣстному редакціи. Оно написано вѣжливо сдержаннымъ тономъ, сквозь который пробивается призывъ къ общей работѣ; въ письмѣ подробно обсуждается значеніе и планъ корреспонденцій.

Такихъ писемъ нынче не принято писать: матеріалу хоть отбавляй, говоритъ редакторъ, а на сотрудниковъ и корреспондентовъ теперь свои взгляды какъ на поставщиковъ лишь матеріала. Я, конечно, говорю объ обычномъ типѣ мѣстной газеты. Есть, вѣроятно, исключенія. Въ то время

найти сотрудника, корреспондента для газеты было трудно не только изъ за недостатка интеллигентныхъ людей.

Вотъ характерное „объявленіе", помѣщенное какимъ-то чиновникомъ въ Клиндеровской „Сибири" въ 1873 году:

„Едва успѣлъ я прибыть въ г. Якутскъ, какъ нѣсколько вечеровъ съ ряду, нѣкоторыя лица осмѣливались открывать ставни моей квартиры, чтобы видѣть, чѣмъ я занимаюсь. Состоя на государственной службѣ, я имѣю полное право заниматься, въ свободное время, всѣмъ, чѣмъ мнѣ угодно, даже писать газетныя статьи; ни у кого не намѣренъ спрашивать никакихъ разрѣшеній, и прибѣгаю къ газетному объявленію, чтобы склонить г.г. якутскихъ любопытныхъ прекратить свои неумѣстныя вечернія рекогносцировки".

Надо было бороться съ боязнью гласности, непривычкой и враждой къ публичности. Еще и теперь есть начальствующія лица, люди съ высшимъ образованіемъ, интеллигентные, которые прежде всего увѣщеваютъ своихъ подчиненныхъ не выносить сору изъ избы. Тогда еще менѣе сознавалась разница между личными и общественными дѣлами.

Необходимо затратить массу самоотверженнаго труда, энергіи и силъ, чтобы съ успѣхомъ выполнять миссію созданія мѣстной журналистики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общественнаго мнѣнія.

До начала 70-хъ годовъ мы не имѣемъ свѣдѣній, чтобы Загоскинъ и его единомышленники пытались организовать новое повременное изданіе.

За то М. В. продолжаетъ проявлять кипучую энергію. Онъ становится однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ мѣстнаго Отдѣла Географическаго Общества, участвуетъ въ разныхъ его предпріятіяхъ. Дѣятельности Отдѣла Загоскинъ и его группа стараются придать жизненный характеръ и выдвигаютъ впередъ вопросы научно-прикладнаго значенія. Кромѣ того, вмѣсто единоличнаго веденія дѣлъ, создается Распорядительный Комитетъ; общія собранія дѣлаются болѣе частыми, и на нихъ обсуждаются и направленіе работъ, и новыя предпріятія Отдѣла, и способы ихъ выполненія. Можно удивляться разнообразію занятій Загоскина. Напр., въ Иркутскѣ случается большое наводненіе, и при горячемъ участіи Загоскина организуется изслѣдо-

ваніе причинъ наводненія; Загоскинъ странствуетъ по улицамъ, разспрашиваетъ, хлопочетъ объ устройствѣ постоянныхъ изслѣдованій, водомѣровъ, организаціи предохранительныхъ мѣръ. Дѣятельное участіе онъ принимаетъ и въ мѣстномъ Отдѣленіи Техническаго Общества и его предпріятіяхъ. Одновременно идетъ изученіе доминирующаго для Загоскина вопроса—вопроса крестьянскаго.

Между тѣмъ посѣянныя сѣмена даютъ ростки. Обнаруживается ростъ сознательныхъ общественныхъ силъ. Масса накопленныхъ свѣдѣній о жизни края, его потребностяхъ стовитъ вопросъ о необходимости и своевременности задачи дать удовлетвореніе этимъ вопросамъ жизни. Слагается подробная программа опредѣленныхъ реформъ. Общественнымъ силамъ имѣется уже извѣстный подсчетъ. Выдвигается вопросъ о томъ, чтобы получить возможность добиваться осуществленія требованій мѣстной общественно-политической программы.

Во главѣ этой программы стоитъ требованіе самоуправленія, общественной самодѣятельности. Для этого, на первую очередь, достаточными признаются тѣ формы, которыя даны для Россіи земской реформой. Надо, чтобы общественной самодѣятельности не стоялъ поперекъ пути произволъ и отсутствіе личной неприкосновенности.

Отсюда требованія суда присяжныхъ. Но однихъ учрежденій мало. Необходимо для нихъ въ уровень стоящее общество, нужны просвѣщенные, образованные люди, словомъ—нуженъ мѣстный разсадникъ просвѣщенія, необходимъ сибирскій университетъ.

Для осуществленія этой программы и нужно мобилизировать общественное мнѣніе. Слѣдовательно, нужна газета.

Здѣсь я долженъ сдѣлать отступленіе въ сторону, чтобы сдѣлать понятнымъ послѣдующее.

Въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ въ Петербургѣ собралась группа студентовъ сибиряковъ, и среди нихъ старшій годами, но пламенный патріотъ Г. Н. Потанинъ. Образовалось первое земляческое собраніе, въ которомъ, подъ вліяніемъ Г. Н. Потанина, дебатировались преимущественно вопросы о сибирскомъ университетѣ и сибирскихъ реформахъ. Извѣстныя студенческія волненія, повлекшія закрытіе университета, заставили сибиряковъ, часть которыхъ до-

вольно прочно объединилась на почвѣ одинаковыхъ общественно-политическихъ симпатій,—выѣхать изъ Петербурга. Сначала они разсѣялись по разнымъ сибирскимъ городамъ. Г. Н. Потанинъ занялъ мѣсто преподавателя въ томской гимназіи и сталъ работать въ томскомъ статистическомъ комитетѣ. Въ только что возникшей неоффиціальной части „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, въ которой онъ видѣлъ зарожденіе мѣстной журналистки, Потанинъ принялъ дѣятельное участіе и на помощь пригласилъ изъ Омска Н. М. Ядринцева. Оба патріота пишутъ горячія статьи о необходимости основанія сибирскаго университета; Ядринцевъ читаетъ по тому же вопросу публичныя лекціи. Мало этого,—они списываются съ Шашковымъ, который читаетъ лекціи сначала въ Иркутскѣ, а потомъ ѣдетъ читать въ Красноярскъ. Этой молодой, одушевленной дѣятельности скоро былъ положенъ обычный конецъ. Возникло печально-знаменитое дѣло по обвиненію молодыхъ сибиряковъ въ стремленіи отдѣлить Сибирь отъ Россіи, съ ниспроверженіемъ существующаго порядка.

Сидя въ Омскомъ острогѣ, сибирскіе патріоты не прекращаютъ работы. Ядринцевъ собираетъ обширные и для того времени совершенно новые матеріалы для своей книги „Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ“; Потанинъ работалъ надъ архивнымъ матеріаломъ, и результатомъ этихъ работъ было цѣнное изданіе „Матеріалы для исторіи Сибири“. Затѣмъ мы находимъ эту талантливую, энергичную группу на сѣверѣ Россіи, въ маленькихъ городишкахъ (передъ этимъ Потанинъ отбылъ крѣпостныя работы въ Свеаборгѣ).

Безъ дѣла они жить не могутъ. Потанинъ скоро присоединяется къ работѣ въ казанской „Камско-Волжской Газетѣ“ [1]) и привлекаетъ къ ней Ядринцева. Можно только пожелать, чтобы статьи обоихъ сибиряковъ, напечатанныя въ этой газетѣ, увидѣли снова свѣтъ. Такъ много еще теперь онѣ даютъ новаго и интереснаго для человѣка,

---

[1]) Въ этой газетѣ объединилась интересная группа писателей—областниковъ. (К. В. Лаврскій, Гацисс履кій и др.). Ихъ позднѣйшее изданіе—сборникъ „Первый шагъ“ (т. е. первый шагъ самостоятельнаго литературнаго движенія въ провинціи),— составленный очень живо и интересно, но проникнутый легко понятнымъ полемическимъ задоромъ, вызвалъ горячую полемику въ столичной прессѣ (1876 г.).

занимающагося сибирскими вопросами; такимъ благороднымъ красивымъ и убѣжденнымъ языкомъ онѣ написаны.

Въ 1874 г. талантливые сибирскіе писатили получили амнистію и появились въ Петербургѣ,

На первыхъ же порахъ они заботятся возобновить и освѣжить сибирскія связи и начинаютъ хлопотать о какомъ-либо связующемъ органѣ,—и, конечно, это газета, посвященная сибирскимъ вопросамъ. Здѣсь и завязываются сношенія между Иркутской группой Загоскина и Вагина, съ одной стороны, и петербургской группой Потанина и Ядринцева—съ другой.

Въ Петербургѣ основать газету не удалось: не удалось получить разрѣшенія и на изданіе новой газеты въ Иркутскѣ. Тогда обѣ группы рѣшили купить издававшуюся въ Иркутскѣ военнымъ инженеромъ Клиндеромъ небольшую газетку „Сибирь“.

Это была убогая газета, влачившая жалкое существованіе. Она наполнялась льстивыми восхваленіями мѣстной администраціи, описаніями торжествъ и богослуженій. Обильный матеріалъ давали проѣзды высокопоставленныхъ лицъ со встрѣчами и рѣчами. Передъ началомъ переговоровъ Клиндеръ имѣлъ всего девять подписчиковъ и къ своимъ сотрудникамъ обращался съ „покорнѣйшей“ просьбой „обратить болѣе вниманія на слогъ своихъ статей“.

Клиндеръ отказался продать газету, но уступилъ ее на два года въ руки В. И. Вагина. Ближайшее участіе въ новой редакціи принялъ М. В. Загоскинъ. А петербургскіе сибиряки сдѣлались дѣятельнѣйшими сотрудниками.

Сначала вкратцѣ мы попытаемся очертить внѣшнюю исторію газеты.

Едва успѣло получиться утвержденіе новаго редактора, какъ у него и у лицъ, такъ или иначе близкихъ къ редакціи, были произведены обыски по подозрѣнію въ политическомъ преступленіи. Потомъ оказалось, что уголовный ссыльный, случайно узнавшій приготовленіе къ новому изданію и имена сотрудниковъ, сдѣлалъ доносъ, въ которомъ изобразилъ дѣло, какъ организацію преступнаго тайнаго общества. Было заготовлено даже донесеніе о „неразрѣшеніи выхода“ газеты; но авторъ этого донесенія былъ самъ заподозрѣнъ въ служебныхъ злоупотребленіяхъ и въ растратѣ.

Дѣло о „заговорѣ“ замяли. При обыскахъ редакціонная переписка была забрана. Это обстоятельство сказалось въ замедленіи разсылки приглашеній о сотрудничествѣ.

„Этотъ обыскъ,—писалъ Г. Н. Потанинъ въ 1881 г.,—все-таки имѣлъ поводомъ доносъ; обстоятельство, прямо указывавшее на виновность редакціи; но потомъ администрація производила обыски въ редакціи, не имѣя на нее никакихъ указаній; въ городѣ двумъ-тремъ лицамъ подброшены угрожающія письма, у сотрудниковъ газеты, особенно у г. Вагина и у г. Загоскина обыски; бѣгутъ изъ острога политическіе преступники—опять обыски у г. Вагина и у г. Загоскина и другихъ сотрудниковъ газеты“.

Нѣсколько разъ дѣлались представленія о закрытіи газеты за вредное направленіе статей, „не шедшихъ дальше корректурныхъ листовъ“. „Главное управленіе,—по свидѣтельству одной изъ столичныхъ газетъ, — охлаждало нѣсколько порывы и стремленія сибирской администраціи въ дѣлѣ „сокрушенія“ единственной мѣстной газеты; но администрація не унималась“.

Рядомъ шла, такъ сказать, частная иниціатива въ преслѣдованіи газеты. Одинъ изъ примѣровъ мы находимъ уже въ № 5 газеты „Сибирь“ за 1875 годъ. Нѣкто Гаккель прислалъ грубое письмо, въ которомъ, изливъ свой гнѣвъ, заявилъ о своемъ намѣреніи привлечь редакцію къ суду. Редакція по этому поводу помѣстила замѣтку, раскрывающую нѣкоторыя стороны газетной работы.

„Изъ послѣднихъ словъ г. Гаккель,—писала редакція,—слѣдуетъ заключить, что онъ намѣренъ преслѣдовать насъ судомъ. Мы будемъ очень довольны этимъ. Судебное рѣшеніе лучше всего можетъ разъяснить темныя для многихъ права печати. И кромѣ того искать справедливости законнымъ путемъ,—въ тысячу разъ умнѣе и честнѣе, чѣмъ врываться, подъ предлогомъ личныхъ объясненій — даже не въ редакцію, а въ частную квартиру редактора, и забываться до дерзости, какъ позволяютъ себѣ иные господа, по непонятному самообольщенію считающіе себя порядочными людьми“.

Въ такихъ условіяхъ приходилось работать редакціонному кружку.

Спустя полтора года газета имѣла шестьсотъ подписчи-

ковъ. На нее обратила вниманіе и съ ней стала считаться столичная печать. Тогда владѣлецъ газеты, Клиндеръ, предъявилъ требованіе купить у него изданіе за 3 тысячи рублей, пригрозивъ, въ противномъ случаѣ, продать газету въ другія руки. Пришлось выкупать собственное свое созданіе; Клиндеръ получилъ 2 тысячи рублей.

Въ 1878 году издательство перешло въ руки А. П. Нестерова, а отвѣтственнымъ редакторомъ сталъ чиновникъ Тюменцевъ. Фактическимъ редакторомъ былъ Загоскинъ.

Лѣтомъ 1879 года редакціонный кружокъ пережилъ ужасы извѣстнаго большого Иркутскаго пожара. Загоскинъ уже раньше мечталъ перебраться на постоянное житье въ деревню. Теперь, потерявъ все свое имущество, онъ выѣхалъ на арендованную близь деревни Грановщины землю, гдѣ началъ постройку дома. Въ августѣ явились къ нему чины Иркутской полиціи и пригласили его выѣхать вмѣстѣ съ ними въ сосѣднее село Урикъ для допроса. Они категорически заявили при этомъ, что дѣло ограничится снятіемъ показаній. Но изъ Урика Загоскинъ успѣлъ только написать домой записку, чтобы прислали подушку и одѣяло. Онъ былъ отвезенъ въ иркутскій острогъ.

Обыскамъ и арестамъ подверглись и другіе сотрудники газеты. Было возбуждено „политическое дѣло", по которому было предъявлено обвиненіе молодому сельскому учителю, оказавшемуся случайнымъ корреспондентомъ газеты „Сибирь". Этимъ воспользовались, чтобы „пріобщить къ дѣлу" и редакціонный кружокъ.

Дѣло тянулось довольно долго и только по распоряженію графа Лорисъ-Меликова были „всѣ оставлены свободными, по неимѣнію какихъ бы то ни было данныхъ къ обвиненію".

Затѣмъ была сдѣлана попытка совершенно уничтожить газету.

Къ началу 1880-го года газета, въ матеріальномъ отношеніи, стала ставать на ноги. Всѣ трудились даромъ и копили деньги, чтобы завести свою типографію. Представился счастливый случай ускорить покупку послѣдней. Извѣстный сибирскій общественный дѣятель, А. М. Сибиряковъ, предложилъ заимообразно 17 тысячъ рублей. На эти деньги

была куплена въ Петербургѣ старая типографія и пополнена новыми шрифтами.

По прибытіи новой типографіи въ Иркутскъ, въ началѣ 1880 года, начались злоключенія. Контора А. В. Сибирякова почему-то выдала, вмѣсто обѣщанныхъ 17 тысячъ, лишь 12 тысячъ. Чтобы произвести всѣ платежи по покупкѣ и перевозкѣ типографіи и найму квартиры, пришлось затратить скопленныя 4 тысячи рублей и всю подписку за 1880 годъ. Такимъ образомъ всѣ денежные запасы были истощены. Мало этого, въ мартѣ произошелъ пожаръ въ типографіи, и „всѣ надежды редакціи, по выраженію Г. Н. Потанина, улетѣли съ дымомъ на воздухъ". Всѣ эти бѣдствія осложнились бѣдствіями другого свойства.

Послѣ Иркутскаго большого пожара, въ № 46 „Сибири" отъ 18 ноября была напечатана слѣдующая замѣтка.

„По случаю дороговизны хлѣба носятся разные слухи. Говорятъ, что закроютъ винокуренные заводы и запретятъ заводчикамъ дѣлать закупы хлѣба; говорятъ, что будутъ освидѣтельствованы амбары у всѣхъ зажиточныхъ крестьянъ и что имѣющихъ большіе запасы хлѣба заставятъ вывозить его на продажу. Разумѣется, все это не болѣе какъ слухи. Если во дни народныхъ бѣдствій, крайность и заставляетъ прибѣгать къ подобнымъ средствамъ, и если бы мы находились въ подобной крайности,—то и тогда слѣдовало начать не съ крестьянскихъ амбаровъ, а съ сундуковъ, на которыхъ возсѣдаютъ разжившіеся отъ чужого труда милліонеры".

Смыслъ замѣтки опредѣленный. Иркутскъ не находится въ такой крайности, чтобы прибѣгать къ реквизиціи крестьянскаго достоянія; да если бы и была крайность, то реквизиціи должны подвергаться въ первую очередь болѣе состоятельные люди. Но представители иркутскаго купечества заволновались и бросились жаловаться къ губернатору (генералу Шелашникову [1]), толкуя замѣтку, какъ призывъ къ раздѣлу имущества,—призывъ, слѣдовательно, совсѣмъ коммунистическій.

Губернаторъ предписалъ произвести слѣдствіе и назна-

---

[1]) Послѣ отъѣзда барона Фредерикса Шелашниковъ исполнялъ обязанности генералъ-губернатора.

чилъ новаго цензора. Новый цензоръ и слѣдователь потребовали выдачи имени автора замѣтки. Отвѣтственный редакторъ Тюменцевъ отказался назвать автора, попросивъ обосновать требованіе опредѣленной статьей закона. Сначала была сдѣлана ссылка на распоряженіе генералъ-губернатора, но затѣмъ указали статью 61. Но оказалось, что статья 61, говорившая о сообщеніи именъ авторовъ цензурѣ, была въ старомъ изданіи устава, а въ новомъ ея не было. Завязалась переписка съ Петербургомъ, и вліятельный въ то время начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати Григорьевъ разъяснилъ, что слѣдуетъ руководствоваться изданіемъ 1857 года, т. е. старымъ.

Пока шли пререканія, цензура задерживала номера, до сообщенія именъ авторовъ; затѣмъ однѣ телеграммы обошлись издателю болѣе чѣмъ въ 200 рублей.

Тюменцеву его служебное начальство предложило или оставить службу, или отказаться отъ редакторства. Тюменцевъ службы оставить не могъ, и пришлось искать новаго отвѣтственнаго редактора.

Администрація не хотѣла утверждать ни одного изъ подысканныхъ лицъ: пришлось вступить въ соглашеніе съ уволеннымъ въ отставку управляющимъ Контрольной Палатой Блоковымъ, лицомъ совершенно не подходящимъ для редакціи, но онъ былъ утвержденъ спустя пять дней послѣ представленія.

Еще въ Петербургѣ, вслѣдствіе ареста одного изъ нанятыхъ редакціей наборщиковъ, купленные шрифты, по распоряженію жандармскаго начальства, были опечатаны и было произведено перевѣшиваніе ихъ

Послѣ этого было выдано разрѣшеніе на вывозъ ихъ изъ столицы.

Вѣроятно, не безъ связи съ сплетнями и доносами, пущенными въ Иркутскѣ [1]), было сдѣлано распоряженіе произвести вторичное перевѣшиваніе шрифтовъ. Подъ предсѣдательствомъ жандармскаго офицера особой комиссіей было произведено вторичное перевѣшиваніе. Все было

---

[1]) Въ Иркутскѣ, между прочимъ, распространяли слухъ, что г. Сибиряковъ далъ не 12,000, а 40,000 рублей, и цѣль покупки шрифтовъ „тайная“.

найдено въ порядкѣ. Оставалось только, по словамъ самого жандармскаго маіора, составить „общую вѣдомость“ и приготовить „оттиски каждаго шрифта“, при чемъ обѣ работы были поручены заботамъ самого Нестерова. Это, конечно, свидѣтельствовало о полномъ отсутствіи „подозрѣній“. Кассы были распечатаны. Были изготовлены затребованные „оттиски“, а затѣмъ приступили къ печатанію очереднаго номера. Но, черезъ день, зданіе, гдѣ помѣщалась типографія, сгорѣло [1]).

Администрація приняла „энергичныя“ мѣры. Иркутскій полиціймейстеръ предложилъ слѣдственному приставу „тотчасъ же приступить къ производству самаго строгаго и тщательнаго изслѣдованія и слѣдствія, въ присутствіи Окружнаго Стряпчаго и помощника начальника Иркутскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія, маіора Халтурина, „о причинахъ пожара“. При этомъ онъ считалъ „нужнымъ обратить вниманіе“ слѣдователя „на спросъ прислуги г. Нестерова, съ тѣмъ чтобы ей была *пресѣчена всякая возможность* въ сговорѣ при дачѣ показаній“. Можетъ быть, еще являясь отзвукомъ оцѣпеняющаго дѣйствія знаменитаго „слова и дѣла“, обвиненія и подозрѣнія въ политическомъ преступленіи производятъ ошеломляющее впечатлѣніе и вызываютъ желаніе стремительно выскочить изъ круга дѣйствія подозрѣнія. Мы выше сказали, что шрифты были перевѣшены, провѣрены, а кассы затѣмъ распечатаны. Это было 14 марта. Жандармскій офицеръ на 16 марта назначилъ подписываніе вѣдомости и оттисковъ шрифтовъ, т. е. чисто формальную сторону дѣла. Въ ночь на это число сгорѣла типографія, и 16-го же марта тотъ же маіоръ Халтуринъ дѣлалъ „секретный“ докладъ исправлявшему обязанности генералъ-губернатора Шелашникову, что „причина пожара, происшедшаго въ помѣщеніи типографіи подполковника Нестерова, весьма сомнительна и навлекаетъ по нѣкоторымъ (моимъ) соображеніямъ подозрѣніе на подполковника Нестерова“. Онъ „полагалъ бы впредь до разъясненія обстоятельствъ происшедшаго пожара под-

[1]) Пожаръ начался во второмъ часу ночи. Дамы и мужчины выскочили въ одномъ бѣльѣ. Нестерова, задыхавшагося отъ дыма, вытащилъ черезъ окно одинъ изъ служащихъ типографіи.

вергнуть г. Нестерова строгому аресту, съ воспрещеніемъ ему всякихъ свиданій съ частными лицами". Поэтому маіоръ Халтуринъ просилъ „распоряженіе объ отводѣ *секретнаго помѣщенія* для подполковника Нестерова".

По распоряженіямъ администраціи, Нестеровъ былъ посаженъ въ тюремный замокъ; Загоскинъ, находившійся, въ то время въ деревнѣ, подвергнутъ домашнему аресту, и къ нему приставленъ былъ караулъ; прислуга Нестерова и квартировавшей въ томъ же домѣ г-жи Трусовой, а также всѣ наборщики подвергнуты заключенію въ тюрьмѣ и въ участкахъ; у А. М. Сибирякова, пріѣхавшаго, спустя нѣкоторое время, въ Иркутскъ, былъ произведенъ обыскъ. Слѣдственный приставъ, жандармскій маіоръ и стряпчій усиленно работали, допрашивали арестованныхъ и вели обширную переписку [1]). Рядомъ шла частная инициатива. Назначенный отвѣтственнымъ редакторомъ Блоковъ получилъ агентуру Русскаго Страхового Общества, и желая избавить его отъ платежа, писалъ различнымъ властямъ не лишенные ядовитости запросы. Такъ уже 18 марта онъ „по производящемуся слѣдствію о пожарѣ"—„покорнѣйше просилъ" полиціймейстера „дознать: 1) гдѣ и сколько и въ какой посудѣ хранилось керосину для освѣщенія типографіи; 2) гдѣ таковой покупался и въ какомъ количествѣ; 3) гдѣ, сколько и въ какой посудѣ хранилось олифы и скипидару для литографіи; 4) гдѣ таковые пріобрѣтались; 5) сколько въ одномъ изъ подваловъ хранилось сала; 6) гдѣ было начало пожара".

Аресты производились съ нарушеніемъ формальностей (безъ постановленій). Положеніе арестованныхъ было очень тяжелое, какъ показываетъ слѣдующее письмо Нестерова.

„Милостивый Государь, Иванъ Петровичъ! Уже съ самаго начала моего ареста, а именно со времени передачи меня подъ военный караулъ, прокуроръ, какъ мнѣ извѣстно, настаивалъ на отобраніи той комнаты, въ которой я арестованъ, и сегодня, кажется, рѣшено, какъ объявилъ мнѣ смотритель, перевести меня изъ этой комнаты въ комнату,

---

[1]) У одного изъ близкихъ къ редакціи людей, Я. Н. Артенова, обыскъ былъ произведенъ по непосредственному распоряженію генералъ-губернатора, какъ видно изъ слѣдственнаго дѣлопроизводства.

которая находится внизу подлѣ кордегардіи, гдѣ обыкновенно сидятъ арестованные офицеры.—Обращаюсь къ Вашему заступничеству и прошу Васъ отстоять теперешнее мое помѣщеніе за мною, такъ какъ я пропаду въ предполагаемой для меня комнатѣ, ибо, какъ мнѣ передаютъ, тамъ почти невозможно жить: воздухъ крайне удушливый, отъ того, что содержавшіеся тамъ зиму офицеры . . . . прямо подъ полъ; кромѣ того тамъ негдѣ помѣститься приставленному ко мнѣ вѣстовому, и онъ долженъ спать въ одной со мною комнатѣ, а также туда же будутъ садить всякаго арестованнаго офицера или чиновника. Будьте такъ любезны—отстойте мое теперешнее убѣжище. Съ почтеніемъ имѣю честь быть А. Нестеровъ“ [1]).

Лишь въ концѣ апрѣля стали освобождать заподозрѣнныхъ лицъ.

Въ нѣкоторой части мѣстнаго общества несчастія „Сибири“ вызвали ликованія. Говорили, что одно значительное чиновное лицо, обрадованное событіями, послало въ Томскъ знакомому такую телеграмму: „Типографія была окружена жандармами и горитъ; газета погибла окончательно“.

„Дѣйствительно, — писала газета „Молва“ въ октябрѣ того же года, — можно сказать, что та „превратность судебъ“, которой подверглась газета „Сибирь“ и ея сотрудники, безпримѣрна въ лѣтописяхъ русской печати. Доносами и обысками встрѣтило мѣстное чиновничество самую мысль объ изданіи газеты и довело дѣло до тюрьмы. Теперь громадная территорія Сибири остается безъ мѣстнаго органа печати. Значитъ, люди охочіе „ловить рыбу въ мутной водѣ“, въ концѣ концовъ добились своего“. Можетъ быть, „превратность судебъ“ газеты „Сибирь“ и не безпримѣрна въ грустныхъ лѣтописяхъ многострадальной русской печати, но она достаточно поучительна.

Черезъ два мѣсяца былъ освобожденъ А. П. Нестеровъ и, какъ казакъ, обратился въ штабъ за разъясненіемъ, на какомъ основаніи и по чьему распоряженію онъ былъ посаженъ въ острогъ. На запросы штаба гражданское начальство отвѣтило, что оно не причемъ, и что къ Не-

---

[1]) По копіи письма, снятой жандармскимъ офицеромъ.

стерову обвиненія въ поджогѣ не предъявляется; жандармское начальство, въ свою очередь, отвѣтило, что и оно не предъявляетъ обвиненія по дѣлу о шрифтахъ. Наконецъ, губернскій судъ представилъ губернатору дѣло о пожарѣ съ заключеніемъ о преданіи суду слѣдователя [1]).

Такимъ образомъ, дѣло кончилось очень некрасиво [2]).

Это обстоятельство имѣло результатомъ, что къ слѣдующему году редакторомъ былъ утвержденъ М. В. Загоскинъ, о чемъ прежде и мечтать не могли.

Но отзвуки дѣла о пожарѣ сказывались еще долго. Упомянутый уже Блоковъ, въ стремленіи избавить страховое общество отъ платежа, снова поднималъ дѣло о поджогѣ, обвиняя редакцію въ томъ, что она въ Петербургѣ купила не 400, а 800 пудовъ шрифта и половину передала типографіямъ извѣстнаго тайнаго общества „Земля и Воля“.

Очень любопытна отповѣдь редакціи „Сибири“ по этому поводу въ № 14 за 1881 годъ.

Мы нарочно изложили возможно подробно всю эту исторію, чтобы охарактеризовать положеніе мѣстнаго журналиста и мѣстной газеты четверть вѣка тому назадъ. Это положеніе требовало наличности большого гражданскаго мужества, самоотверженности, громадной энергіи. Только такіе люди, какъ Загоскинъ и его друзья, люди, совершенно лишенные личнаго честолюбія, заботъ о комфортѣ, могли твердо стоять на своемъ посту.

„Сибирь“ 70—80-хъ годовъ не имѣла никакихъ связей съ администраціей. Муравьевъ былъ крупной, даровитой личностью; союзъ съ нимъ могъ, при неопредѣлившихся общественныхъ отношеніяхъ и задачахъ, представлять общественныя выгоды. Планы Муравьева часто могли

---

[1]) Изъ „дѣла“ видно, что слѣдователь — слѣдственный приставъ — привлекался къ отвѣтственности за незаконное задержаніе подъ арестомъ, безъ постановленій, двухъ лицъ и за противозаконное устройство „очныхъ ставокъ“.

[2]) Исторія пожара и дѣла была изложена въ „Отеч. Зап.“, т. CCLV (1881 г.), въ статьѣ Г. П. (Г. Н. Потанина) — „Изъ исторіи провинціальной прессы“. Мы имѣли возможность ознакомиться съ содержаніемъ „слѣдственнаго дѣла“. Изложеніе въ указанной выше статьѣ въ общемъ совершенно правильно. Мелкія неточности вполнѣ понятны у автора, не посвященнаго въ канцелярскую переписку и чиновничьи взаимныя отношенія.

совпадать съ планами мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей. Въ 70-хъ годахъ послѣдніе держатся совершенно особнякомъ и сознательно устраняютъ себя отъ какихъ-либо соглашеній и компромиссовъ.

А. П. Нестеровъ, теперь тоже покойный, разсказывалъ однажды случай, характеризующій, какъ рѣзко, даже грубо, обрывались заигрыванія отдѣльныхъ представителей администраціи съ редакціей. „Ну, что у насъ могло быть съ ними общаго“, пояснилъ свой разсказъ старикъ.

Газета „Сибирь“ подъ редакцію Вагина и Загоскина перешла въ довольно интересный моментъ исторіи сибирской общественности.

Во-первыхъ, цѣлый рядъ даровитыхъ и образованныхъ сибиряковъ выдвинулся къ этому времени на литературномъ и ученомъ поприщѣ. Многіе изъ нихъ съ горячей симпатіей примкнули къ редакціи новой газеты. Среди нихъ выдавались, помимо Вагина и Загоскина, Г. Н. Потанинъ, Щаповъ, Ядринцевъ; примкнули нѣкоторые и не-сибиряки, напр., талантливый областной дѣятель Гацисскій (нижегородецъ) [1]. Во-вторыхъ, въ 1875 г. былъ окончательно рѣшенъ вопросъ объ основаніи сибирскаго университета. Въ-третьихъ, въ мѣстномъ обществѣ проявлялось повышенное оживленіе. Щаповъ и другіе члены мѣстнаго Отдѣла Географическаго Общества читали лекціи, дѣлали научныя сообщенія,—и публика, по воспоминаніямъ современниковъ, усердно посѣщала эти научно-просвѣтительныя конференціи. Было основано въ 1875 году Общество оказанія пособій учащимся, поставившее задачей привлечь къ дѣлу просвѣщенія въ Сибири общественную иниціативу; въ основаніи общества принималъ участіе и М. В. Загоскинъ. Въ-четвертыхъ, годы 1875 — 1877 были порою ожиданія реформъ, оживленно обсуждавшихся, какъ въ столичной, такъ и мѣстной прессѣ. Въ-пятыхъ, реформы эти какъ-будто уже начинались введеніемъ новаго городового положенія. Оба общественные дѣятели, Вагинъ и Загоскинъ, приняли, въ качествѣ гласныхъ, дѣятельное участіе въ городскомъ самоуправленіи. Отчеты о думскихъ засѣ-

---

[1]) Интересенъ рядъ его статей подъ общимъ заголовкомъ „Изъ-за Камня“ (т. е. изъ-за Урала, изъ Россіи).

даніяхъ постоянно сообщаютъ то объ ихъ рѣчахъ, то о выборѣ въ разнообразнѣйшія комиссіи.

Однимъ изъ отраженій напряженнаго ожиданія реформъ является интересная статья въ № 23 „Сибири“—„Наканунѣ реформъ“. Въ этой статьѣ доказывается, что, приступая къ реформамъ, прежде всего, нужно уничтожить ссылку. „Какъ страна ссылки, — говорится въ статьѣ, — Сибирь никогда не могла быть равноправною; она не могла быть страною прочной культуры и гражданственности, потому что здѣсь не было безопасности; она не могла содѣйствовать развитію торговли и промышленности; колонизація ея задерживалась, ибо штрафная колонизація задерживала вопросъ о развитіи свободной; наконецъ, ей недоступны были реформы, потому что ея населеніе раздѣлялось на два класса, свободныхъ и ссыльныхъ, т. е. своего рода неполноправныхъ, крѣпостныхъ“. Отмѣна ссылки въ Сибири признавалась такой же необходимой предварительной мѣрой, какъ отмѣна крѣпостного права въ Россіи.

Редакціонный кружокъ имѣлъ твердо установленное опредѣленное отношеніе ко всѣмъ явленіямъ мѣстной жизни. Программа была строго выдержана и развивалась съ логической послѣдовательностью.

Въ № 1 въ статьѣ „Вопросы дня“ эта программа сформулирована въ такихъ краткихъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ:

„Общій прогрессъ страны состоитъ въ правильномъ и быстромъ развитіи всѣхъ сторонъ ея жизни. Изъ этихъ сторонъ всего важнѣе умственное, экономическое и политическое положеніе страны; сюда примыкаютъ и отсюда зависятъ всѣ другія условія, изъ которыхъ слагается физіономія данной страны. Политика — не наше дѣло; потому мы займемся другими сторонами развитія страны, и преимущественно экономической, отъ которой, въ значительной степени, зависятъ и умственные успѣхи.

Что нужно для успѣшнаго развитія экономическаго благосостоянія страны? Прежде всего, нужно, чтобы личность и собственность каждаго были достаточно обезпечены; а для этого нужны хорошая, правильно организованная администрація и хорошій, правдивый судъ“.

Въ № 4 редакція опредѣляетъ роль и значеніе своего

органа въ развитіи общественныхъ силъ края и его мѣсто среди остальной прессы:

„Мѣстный сибирскій органъ, — говорится въ этой статьѣ, — не можетъ тягаться со столичными, да и не въ томъ его задачи. Вопросы мѣстные онъ долженъ предпочесть общимъ, содержательные факты—летучей вѣтренной новости. У насъ слишкомъ много дѣла на очереди простого и обыденнаго, чтобы гоняться за блестками. Нашъ языкъ грубъ, наша рѣчь неумѣла, но мы говоримъ свое слово. Наша печать тотъ же сибирскій балаганъ, отстраиваемый въ лѣсу; а сибирскій издатель—тотъ простой сельскій работникъ, который одинъ кроетъ крышу сельской церкви, кладетъ печи, краситъ крышу, рубитъ ступени, такъ же, какъ пишетъ образа и водружаетъ крестъ, да, пожалуй, одинъ же и молится въ ней. *Умаляя значеніе редакціи, мы стараемся предоставить самому краю и его жителямъ выражать свои нужды и желанія.* Мы болѣе всего дорожимъ сохраненіемъ единственнаго живого органа для нашей родины, а его совершенствованіе и судьбу предоставляемъ суммѣ выражаемыхъ мнѣній, накопленію литературныхъ силъ въ краѣ, смыслу и силамъ самого общества“.

Редакція не добавила только, что въ этой „суммѣ выражаемыхъ мнѣній“ и „накопленіи литературныхъ силъ“ первое мѣсто должно было быть отводимо энергичному труду самой редакціи.

Мы уже видѣли, что на первый планъ газета выдвинула въ своей profession de foi экономическіе вопросы.

Вторая половина 60-хъ и 70-е годы, ознаменовавшіеся усиленіемъ реакціонныхъ, въ соціально-политическомъ отношеніи, теченій, были эпохой особаго расцвѣта промышленныхъ и финансовыхъ предпріятій, эпохой „грюндерства“.

Сибирь съ двухъ сторонъ не избѣгла вліянія экономическихъ увлеченій и иллюзій.

Во-первыхъ, на нее было обращено вниманіе предпринимателей, какъ на страну неисчерпаемыхъ природныхъ богатствъ, поставщицу разнообразныхъ естественныхъ произведеній, сырья. Дѣльцы, оцѣнившіе значеніе Сибири, какъ сырьевого рынка, стали энергично хлопотать, прежде всего, о созданіи доступа къ этимъ естественнымъ богатствамъ, объ устройствѣ путей для вывоза. Отсюда много-

численные проекты сибирскихъ желѣзнодорожныхъ путей.

Во-вторыхъ, нѣкоторые представители сибирскаго общества, и не принадлежавшіе къ заинтересованнымъ капиталистичессимъ кругамъ, увлеклись мыслью о возможности быстраго пріобщенія Сибири къ міровой экономической и умственной жизни.

Въ началѣ 70-хъ годовъ противъ этихъ увлеченій выступили Г. Н. Потанинъ и Ядринцевъ. Особенно хороши и убѣдительны статьи перваго въ „Камско-Волжской газетѣ" („Сырьевая дорога"). Одну изъ нихъ Г. Н. Потанинъ закончилъ словами: „Проводить въ Сибирь желѣзную дорогу, значитъ начинать дѣло съ конца".

Иркутская газета пришла къ тѣмъ же выводамъ.

Прежде всего, экономическіе вопросы слѣдуетъ рѣшать съ точки зрѣнія экономическихъ интересовъ мѣстнаго населенія. Въ интересахъ послѣдняго должно быть широкое, полное развитіе производительныхъ силъ страны, экономическаго благосостоянія, а не расхищеніе, не вывозъ природныхъ богатствъ, влекущій оскудѣніе и разореніе страны. Программное значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ статья въ № 13 за 1876 годъ: „Какіе пути нужнѣе для Сибири".

„Внутренніе пути торговли и облегченіе ихъ,—говоритъ газета, — должны всегда предпочитаться внѣшнимъ, какъ содѣйствующіе развитію мѣстной промышленности, точно такъ же, какъ усиленіе производства и потребленія въ краѣ должно предпочитаться вывозу, и особенно вывозу сырья. Сибирь нынѣ должна заботиться о поднятіи собственной промышленности, а не объ одномъ сбытѣ. Если,— говоритъ одинъ экономистъ, — вы хотите оставить страну пустынной, бѣдной и закабаленной, вывозите и вывозите изъ нея сырье. Но если вы хотите получить въ тысячу разъ больше богатствъ, если вы хотите видѣть ее населенной, цвѣтущей, если вы хотите, чтобы пути ея окупались, то поощряйте ея мѣстную заводскую промышленность, развивайте промыслы, земледѣліе и облегчайте внутренніе пути".

Въ слѣдующемъ году (№ 47—„Мысли по поводу нашихъ международныхъ сношеній") газета парируетъ возраженія и упреки, которые могли обращаться къ ней. „Мы далеки

отъ мысли, чтобы слѣдовало замыкаться и не вести внѣшнихъ сношеній и торговли. Мы не желаемъ, чтобы сибиряки были поклонниками китаизма и замкнутости. Мы готовы привѣтствовать открытіе путей и сношеніе съ міромъ, гдѣ царитъ цивилизація, но мы должны вмѣстѣ съ этимъ позаботиться и о своемъ всестороннемъ развитіи и твердо помнить, въ чемъ искать настоящихъ средствъ этого развитія. Чтобы выступить на международный торгъ и соперничество, нужно быть самимъ сильными и увѣренными, дабы, вмѣсто эмансипаціи, не создать торговаго рабства".

Надо отмѣтить, что въ пору очень сильнаго увлеченія земледѣльческой общиной, когда народничество, понимаемое въ самомъ широкомъ и благородномъ смыслѣ этого слова, почти какъ обязательный постулатъ программы, включало и земледѣльческую общинную организацію, вожди сибирской интеллигенціи усиленно выдвигаютъ на передній планъ значеніе фабрично-заводской промышленности и необходимость для экономической независимости промышленно-торговаго развитія. Особенно рѣшительно заявленіе Г. Н. Потанина. „Хотя земледѣліе и составляетъ по мнѣнію философовъ, — писалъ знаменитый впослѣдствіи ученый путешественникъ, — фундаментъ всякаго прочнаго общественнаго быта, но на него слѣдуетъ смотрѣть только, какъ на переходную степень къ дальнѣйшему развитію. На зарѣ цивилизаціи земледѣліе было повсюду удѣломъ раба или пролетарія".

„Вся исторія человѣчества заключается въ томъ, что человѣкъ, ставъ рабомъ-земледѣльцемъ, старается освободиться изъ этого рабства; онъ послѣдовательно борется съ рабствомъ, наложеннымъ иноземцемъ, съ кабалой, съ мануфактурнымъ игомъ, съ могуществомъ капитала".

Въ газ. „Сибирь", хотя также выдвигавшей значеніе фабрично-заводской промышленности, такой рѣзкой постановки вопроса не было. Редакція находила необходимымъ прежде всего—считаться съ реальными силами страны. А главной реальной силой,—по крайней мѣрѣ, въ количественномъ отношеніи,—была крестьянская масса, составлявшая (вмѣстѣ съ поселянами-инородцами) до 90% всего населенія и опиравшаяся на общинную организацію. „Общинное землевладѣніе въ Сибири есть явленіе живое и повсемѣстное,—

говоритъ газета,—а не какъ отжившая форма, обязательное только по преданію и закону". Жизнь показала, что общинныя формы очень эластичны, способны приспособляться къ измѣняющимся условіямъ, обнаруживаютъ способность общины къ развитію. Большое значеніе имѣетъ то обстоятельство, что Сибирь чисто крестьянская страна, обладающая только общиннымъ землевладѣніемъ. „Мы всегда думали,—писала „Сибирь" въ 1877 г. по поводу слуховъ о насажденіи въ Сибири помѣщичьяго землевладѣнія, — что отсутствіе частной поземельной собственности въ Сибири, особенно собственности крупной, есть одинъ изъ залоговъ ея великаго будущаго, какъ страны по возможности равномѣрнаго распредѣленія благосостоянія и развитія главнаго промысла земледѣльческаго. Вліяніе крупнаго землевладѣнія испытали на себѣ многія страны; испытываетъ и Россія; оно служитъ прецедентомъ многихъ соціальныхъ болѣзней и разстройства и ставитъ тяжелыя, трудно разрѣшимыя задачи въ будущемъ. Было бы большою ошибкою искусственно создавать такія задачи въ странѣ, счастливо избѣгнувшей подобныхъ учрежденій".

Сообразно съ сознаніемъ такого доминирующаго положенія въ экономикѣ страны крестьянскаго земледѣлія, газета удѣляла больше всего мѣста вопросамъ крестьянской жизни и вопросу о необходимости реформъ въ этой области. Накопленныя свѣдѣнія и знаніе сельской жизни, притекавшій свѣжій матеріалъ рисовали безотрадную картину крестьянской дѣйствительности.

На лицо было „безправіе, царящее въ деревнѣ, отсутствіе скораго, правильнаго и дешеваго суда и совершенная безотвѣтственность крестьянина".

Въ сферѣ административно-хозяйственной, было полное безконтрольное хозяйничанье земско-полицейской власти, темные поборы, насилія. „Крестьянское самоуправленіе въ Сибири,—говоритъ въ одной изъ своихъ статей Загоскинъ,— представляетъ самую жалкую, неприглядную картину".

Наконецъ, бросалось въ глаза „страшное невѣжество", которое гибельно отражается на всемъ бытѣ крестьянскомъ. Не говоря о повальномъ суевѣріи и отсутствіи самыхъ элементарныхъ знаній, научныхъ, историческихъ и религіозныхъ, крестьянинъ дорого оплачиваетъ свое невѣ-

жество. Онъ платитъ знахарямъ и знахаркамъ, платитъ писарямъ и сочинителямъ прошеній, просчитываетъ въ куплѣ и продажѣ и т. д. и т. д. Никакое самое полезное нововведеніе немыслимо при настоящей темнотѣ". Сопровождаемое безправіемъ, невѣжество проникаетъ всѣ стороны жизни. И умъ, и воля одинаково парализованы у крестьянина. „Надо еще дивиться,—замѣчаетъ Загоскинъ въ обширной статьѣ „Сибирскіе крестьяне" (1881 г.),—какъ нашъ крестьянинъ совсѣмъ не одичалъ подъ такими условіями".

Рядомъ и какъ необходимое слѣдствіе, растущее пьянство, дающее „главный источникъ нашихъ государственныхъ доходовъ",—„эта отвратительная торговля", по выраженію Загоскина, неустанно всю жизнь воевавшаго съ этимъ зломъ.

Редакція смотрѣла прямо въ глаза дѣйствительности. Никакіе миражи не стояли передъ ея взоромъ. Школами нельзя помочь дѣлу. Эти школы могутъ быть полезны лишь „при преданности дѣлу, знаніи условій жизни и умѣньи понимать крестьянина и столковаться съ нимъ". А офиціальная школа, съ ея ежегоднымъ выпускомъ 2—3 учениковъ, отдаленностью и высокомѣрнымъ настроеніемъ учителя, имѣетъ ничтожное значеніе. Лучше предоставить крестьянамъ самимъ вѣдать свое школьное дѣло. Нужны коренные реформы. Вотъ резюме программы этихъ реформъ въ статьѣ „Сельское управленіе" (1881, № 30):

„Отдѣленіе полицейскаго и судебнаго элементовъ отъ хозяйственнаго; сосредоточеніе перваго въ особомъ, невыборномъ вѣдомствѣ, съ строгою отвѣтственностью его предъ закономъ; сельскіе и мировые суды съ гласностью и публичностью, какъ первыя инстанціи, съ правомъ апелировать на нихъ и, наконецъ, сельскія общества самоуправляющіяся, какъ города (въ идеѣ) черезъ своихъ головъ или старшинъ съ міромъ внѣ думы, посылающіе выборныхъ своихъ въ уѣздныя и губернскія земства, исполняющія *обязательныя постановленія* какъ своихъ сходовъ, такъ и земскихъ собраній. Неисполненіе обязательныхъ постановленій преслѣдуется, какъ всякое нарушеніе закона, чрезъ судебную власть".

Замедленіе судебной и, главнымъ образомъ, земской реформъ, народное невѣжество привлекали тѣмъ большее

вниманіе, что въ сибирской экономической дѣйствительности начинался новый процессъ.

„Присматриваясь втеченіе трехъ десятилѣтій къ здѣшней крестьянской жизни,—писалъ М. В. Загоскинъ въ 1881 г.,— мы пришли къ слѣдующему заключенію: по сравненію съ прежними временами (лѣтъ 30 назадъ), между крестьянами замѣчается сосредоточеніе достатка и даже богатства въ рукахъ немногихъ и увеличеніе числа совершенныхъ бѣдняковъ“. Въ статьѣ „Чумазый въ Сибири“ газета писала: „А мы то, простяки, думали, что Сибирь, богатая естественными дарами, не знакомая съ западнымъ строемъ общественныхъ отношеній, Сибирь, съ ея умнымъ отъ природы населеніемъ, не знавшимъ крѣпостного права, что она лучше, чѣмъ всякая другая страна, можетъ миновать бѣдствій кулачевскаго строя и прямо вступить на лучшій путь трудоваго производства. Нѣтъ, видно, и намъ придется испытать горькую чашу рабства, худшаго, чѣмъ крѣпостное,—рабства предъ капиталомъ и его представителемъ, „чумазымъ“.

Вопросъ о болѣе разномѣрномъ распредѣленіи среди земледѣльческаго населенія земельныхъ фондовъ, какъ извѣстно, занималъ очень большое мѣсто въ программахъ передовыхъ партій и группъ 60—70-хъ годовъ, а также и начала 80-хъ годовъ. Были изданія, спеціально посвященныя этому вопросу. Коренной постановки о государственномъ значеніи земельнаго фонда и порядкѣ его распредѣленія провинціальная газета, конечно, сдѣлать не могла. Тѣмъ не менѣе, въ рамкахъ возможнаго, вопросъ этотъ обсуждался. М. В. Загоскинымъ ему посвящена самостоятельная статья въ № 14 „Сибири“ за 1875 г., подъ заглавіемъ „Одна изъ настоятельныхъ нуждъ Сибири“. Загоскинъ сдѣлалъ опытъ и практическаго примѣненія своихъ взглядовъ. Переселившись на житье въ деревню и присмотрѣвшись къ быту мѣстныхъ крестьянъ, онъ склонилъ ихъ къ производству передѣла. Это былъ первый опытъ примѣненія общиною своихъ правъ, и опытъ, по свидѣтельству самого Загоскина, хорошо удавшійся. „Меня пригласили,—писалъ онъ,—бывать на сходахъ и помочь раскладкѣ и правильному записыванію въ особую книгу новыхъ надѣловъ на каждую землю. Въ четыре схода дѣло было закончено: кромѣ записи надѣловъ

въ книгу, каждому домохозяину выданъ былъ точный бланкъ его надѣльной земли съ показаніемъ урочища и смежныхъ владѣтелей [1]).

Вопросъ объ экономическихъ судьбахъ сибирской деревни приводитъ къ общему вопросу о судьбахъ экономическаго и культурнаго развитія Сибири.

Прежде всего, изслѣдователь и общественный дѣятель должны наталкиваться на рѣдкость населенія, недостатокъ рабочихъ рукъ. Штрафная колонизація, вносившая неурядицу въ гражданскія отношенія, не могла дать никакихъ положительныхъ результатовъ. Вольныя переселенія были стѣснены правительствомъ въ интересахъ русскаго помѣщичьяго хозяйства; лишь въ 90-хъ годахъ правительство открыло доступъ въ Сибирь народнымъ массамъ и взяло на себя организацію и регламентацію движенія. Въ 70—80-хъ годахъ переселенческое движеніе было неправильно, сопровождалось страшными бѣдствіями.

Редакція „Сибири“ принялась агитировать за организацію мѣстной общественной помощи переселенцамъ. „Никто болѣе не заинтересованъ въ судьбѣ переселенцевъ и устройствѣ ихъ,—говоритъ передовая статья въ № 7 за 1880 г., — какъ сибирское общество. Это золотыя руки страны, это ея будущая экономическая сила, богатство, могущество. Помните это, сибиряки!“

Положеніе сибирскихъ инородцевъ, представлявшее помимо соображеній гуманности и справедливости, печальную картину безполезной и неразумной растраты народныхъ силъ и народнаго благосостоянія, привлекало также постоянное вниманіе редакціи.

Занятая вопросомъ о развитіи производительныхъ силъ страны, газета посвятила много труда разработкѣ вопроса о значеніи для края золотопромышленности, дававшей уродливое и непроизводительное направленіе этимъ силамъ. „Сибирь“ много содѣйствовала выясненію истиннаго значенія золотопромышленности для Сибири,—значенія, ранѣе неправильно оцѣнивавшагося.

Ставя первымъ условіемъ для развитія матеріальныхъ и

[1]) „Десять лѣтъ въ сибирской деревнѣ“. Сиб. сборн. 1890. вып. I стр. 8—11.

духовныхъ силъ страны общественную самодѣятельность,— а отсюда требуя земской и судебной реформъ. — „Сибирь“ сознавала необходимость для этого достаточно зрѣлыхъ, умѣющихъ постоять за себя общественныхъ силъ. „Для успѣшнаго развитія страны,—читаемъ мы въ № 8 за 1875 г.,— мало хорошей администраціи и хорошихъ учрежденій. Нужна еще самодѣятельность общества; нужно, чтобы само общество сознавало потребность улучшеній и самымъ энергичнымъ образомъ содѣйствовало удовлетворенію этой потребности. Въ нашемъ обществѣ, въ извѣстной степени, есть и сознаніе собственныхъ недостатковъ и сознаніе потребностей страны; но это сознаніе далеко еще не созрѣло“.

Отсюда интересная полемика съ столичными газетами, отрицавшими необходимость или наличность потребности въ сибирскомъ университетѣ.

Въ статьѣ „По поводу мнѣнія „Отечеств. Записокъ“ о сибирскомъ университетѣ“ въ № 10 за 1875 г, М. В. Загоскинъ горячо пишетъ: „Ужъ если Сибири не надо университета, то о другихъ реформахъ, совершенныхъ въ Россіи, и говорить нечего. По нашему сибирскому мнѣнію, для успѣшнаго развитія края, и въ частности, для успѣшнѣйшаго примѣненія къ Сибири новыхъ учрежденій, прежде всего и нуженъ ей университетъ. Отсутствіемъ научно-развитыхъ людей на всѣхъ поприщахъ государственной службы и частной дѣятельности и теперь страдаетъ нашъ край. Дряблость и ненадежность дѣятелей, отсутствіе подготовки, при самыхъ честныхъ намѣреніяхъ, недостатокъ нравственной выдержки, при малѣйшихъ соблазнахъ корысти и страха іудейскаго—эти характеристическія черты, замѣчаемыя даже въ лучшихъ нашихъ дѣятеляхъ,—развѣ это не достаточные поводы желать учрежденія высшаго учебнаго заведенія, которое одно въ состояніи дать намъ персоналъ судей честныхъ и знающихъ, и дѣятелей земскихъ, понимающихъ средства и нужды страны, и адвокатовъ и врачей, и учителей“.

Въ 1876 г. „Сибирь“ писала: „Куда ни взгляни: администрація, учебное дѣло, земледѣліе, промышленность, торговля,—все нуждается въ людяхъ свѣдующихъ и просвѣщенныхъ“. „Наконецъ, они (т. е. литературные противники

забываютъ то могущественное нравственное значеніе, которое имѣетъ уже одно имя университета, одно присутствіе его въ извѣстномъ городѣ, значеніе вполнѣ независимой, самостоятельной корпораціи“ (1875 г.).

Это выдвиганіе на передній планъ университетскаго вопроса передъ другими реформами, вызывавшее иногда искреннее недоумѣніе у противниковъ и людей, дружественно расположенныхъ, но недостаточно освѣдомленныхъ въ мѣстныхъ отношеніяхъ [1]), совершенно понятно для газеты, стремившейся прежде всего къ созданію мѣстныхъ сознательныхъ общественныхъ силъ и въ ихъ наличности только видѣвшей реальную возможность осуществленія необходимыхъ реформъ. Мы уже приводили взгляды самой „Сибири“ на ея роль въ организаціи общественнаго мнѣнія въ краѣ и сильныхъ общественныхъ союзовъ.

Насколько эта задача доминировала, насколько газета стремилась къ прочному единенію съ обществомъ, желая видѣть его организованнымъ и сильнымъ, свидѣтельствуетъ трогательное обращеніе къ читателямъ въ № 1 за 1881 годъ. послѣ годичнаго почти перерыва, произведеннаго пожаромъ и погромомъ газеты, о которомъ мы говорили выше.

„Ровно почти годъ, какъ мы, волею судебъ, вынуждены были прекратить свои бесѣды съ читателемъ. Не знаемъ, чувствовали ли наши читатели, за все это время, недостатокъ чего-то, или, быть можетъ, имъ было не до того“.

„Руководимые, по прежнему, сознаніемъ, что печатное слово, какъ бы ни было оно „скромно“, все же имѣетъ свое значеніе въ процессѣ общественнаго самосознанія, мы снова принимаемся за прерванныя бесѣды съ читателемъ“.

Много мѣста удѣляла „Сибирь“ „городскому дѣлу“.

---

[1]) Можно еще указать на полемику въ «Сборникѣ историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири», издававшемся въ 1875 г. въ Петербургѣ Б. А. Милютинымъ. Въ статьѣ «Значеніе истекающаго 1875 года для Сибири и сопредѣльныхъ ей странъ“ газетѣ „Сибирь“ приписана такая даже мысль: „Дайте намъ университетъ, провозгласила она (т. е. „Сибирь“), и намъ *не нужно будетъ никакихъ реформъ*“. Курсивъ здѣсь принадлежитъ автору указанной статьи. Нечего говорить, что эта подчеркнутая фраза—плодъ полемическаго увлеченія, и такой мысли „Сибирь“ не высказывала.

Отчеты о думскихъ засѣданіяхъ и городскихъ дѣлахъ не ограничиваются однимъ Иркутскомъ. Помимо отдѣла корреспонденцій, въ „Сибири“ былъ особый отдѣлъ подъ заголовкомъ „городское дѣло“, ведшійся очень обстоятельно. Сами редакторы, какъ мы говорили, были видными дѣятелями городского самоуправленія. Интересенъ взглядъ „Сибири“ на необходимость лучшей постановки выборовъ, о которой въ настоящее время такъ много говорятъ, при чемъ московскими избирателями даже сдѣланъ опытъ устройства избирательной компаніи съ совѣщаніями и предварительными собраніями. „По нашимъ наблюденіямъ,—говорила „Сибирь“ въ 1881 г. (№ 4), — неудовлетворительность состава городскихъ думъ происходитъ, главнымъ образомъ, отъ того, что *мы мало другъ друга знаемъ*, и выборы дѣлаются зря и наобумъ“.

Мы не могли взять на себя слишкомъ большой задачи дать полную характеристику журнальной дѣятельности М. В. Загоскина и газеты „Сибирь“. Нашъ очеркъ очень разросся.

Въ 1887 году „Сибирь“ была пріостановлена. Администрація не допустила снова Загоскина къ редактированію. Тогда между иркутской группой сибирскихъ писателей и петербургской состоялось соглашеніе. „Сибирь“ была закрыта, а въ Иркутскъ перенесено изъ Петербурга Ядринцевымъ изданіе „Восточнаго Обозрѣнія“, послѣ трехъ предостереженій подпавшаго подъ предварительную цензуру.

Еще ранѣе послѣ пожара 1879 г., какъ мы упоминали, Михаилъ Васильевичъ переселился на построенный на арендованной близь д. Грановщины землѣ хуторъ и пытался заняться сельскимъ хозяйствомъ.

Пока была газета, старый писатель долженъ былъ часто появляться въ городѣ. Но когда газета закрылась, послѣдніе 17—20 лѣтъ, Михаилъ Васильевичъ превратился въ того грановщинскаго отшельника [1]), безвыѣздно жившаго у себя на хуторѣ, возившагося съ обученіемъ грамотѣ ребятишекъ, лечившаго и дававшаго совѣты сосѣдямъ—крестьянамъ,—какимъ многіе его знали. Къ этому много видѣвшему, много

---

[1]) Кто-то, шутя, назвалъ этотъ грановщинскій хуторъ „сибирскимъ Фернеемъ“.

знавшему и всегда живому, интересующемуся міромъ старику ѣздили время отъ время представители интеллигенціи, начиная съ заѣхавшаго стараго ученаго и кончая мѣстнымъ молодымъ чиновникомъ, находили въ старикѣ-хозяинѣ остроумнаго и живого собесѣдника и долго сохраняли въ душѣ поучительный образъ человѣка, убѣжденнаго, прямого, глубоко увѣреннаго въ конечномъ торжествѣ идей прогресса, свободы и справедливости.

Жизнь этого человѣка вся цѣликомъ представляетъ самоотверженное служеніе обществу и идеямъ высшаго порядка. Въ ней полное отсутствіе личныхъ интересовъ, честолюбія, и непрерывная цѣпь самопожертвованія, борьбы, огромнаго и плодотворнаго труда.

Мы стоимъ въ дверяхъ, можетъ быть, лучшаго будущаго,—будущаго, манящаго нашу измученную ужасами еще не разсѣявшагося мрака душу къ лучамъ солнца свѣта, свободы, справедливости.

Михаилъ Васильевичъ до этого будущаго не дожилъ. Онъ этотъ борецъ—умеръ предъ начавшимся разсвѣтомъ [1]).

Въ глубокой ночи общественно-политической реакціи, когда общественная совѣсть дремала и спало общественное сознаніе, спящихъ и инертныхъ будилъ неустанный голосъ редактора „Сибири“.

Я позволю себѣ кончить этотъ очеркъ слѣдующими словами передовой статьи № 1 „Сибири“ за 1878 годъ:

„Кто разбудитъ это спящее царство? Откуда раздастся звонъ и громъ, способные прервать этотъ вѣковой сонъ? Жизнь не ждетъ, проходитъ годъ за годомъ; одно поколѣніе смѣняетъ другое. И все тотъ же мертвенный сонъ, все также, какъ и инфузоріи въ стоячей водѣ, копошатся люди въ темномъ житейскомъ омутѣ, ни о чемъ не помышляя, только борясь и поѣдая друга въ жалкой борьбѣ за существованіе! Проснитесь: вѣдь этотъ сонъ можетъ перейти въ смерть; эта глухая борьба, можетъ, пожалуй, кончиться истребленіемъ самой человѣческой расы. Слышите ли вы, читатель, хоть отдаленный крикъ пѣтуха, возвѣщающаго зарю дня? Чуете ли вы своимъ сордцемъ приближеніе вѣтра несущаго весну и благоуханіе? Видите ли, въ минуту

---

[1]) Онъ скончался 11 сентября 1904 г.

умственнаго просвѣтленія, признаки пробужденія нашего общества и поворота отъ состоянія нравственнаго застоя къ дѣятельности сознательной и разумной? Тамъ, на западѣ Россіи и Европы, мерцаетъ свѣтъ, обѣщающій людямъ тепло и жизнь. Здѣсь, мы не видимъ даже слабаго мерцанія. Достигнетъ ли этотъ свѣтъ до насъ и готовы ли наши свѣтильники, чтобы зажечь ихъ отъ этого свѣта? Понятенъ ли намъ смыслъ этой пѣсни, давно знакомой другимъ народамъ, даже японцамъ: „свѣтъ тихій, свѣтъ науки и просвѣшенія, свѣтъ правды и человѣчности, свѣтъ свободы и самосознанія, приди и вселися въ насъ“.

Къ постановкѣ аграрнаго вопроса въ Иркутской губерніи.

I.

Экономическая исторія сибирскаго села послѣднихъ десятилѣтій рѣзко распадается на два періода: до проведенія желѣзной дороги и послѣ проведенія желѣзной дороги. Обычно самый фактъ проведенія сибирской магистрали ставятъ въ причинную связь съ переломомъ въ экономической жизни, т. е. полагаютъ, что проведеніе желѣзнодорожнаго пути и вызвало тѣ измѣненія, которыя въ настоящее время наблюдаются. Можетъ быть, будетъ осторожнѣе не ставить такъ рѣзко это положеніе. Желѣзная дорога, съ одной стороны, явилась *однимъ* изъ факторовъ перелома; съ другой стороны—она *обострила* значеніе и дѣйстіе другихъ факторовъ. Во всякомъ случаѣ даже апріористически вполнѣ пріемлемо положеніе, что громадная страна не могла продолжительное время оставаться самодовлѣющимъ, замкнутымъ хозяйствомъ натуральнаго типа. И это тѣмъ болѣе, что періодъ натуральнаго хозяйства въ Сибири никогда не протекалъ независимо, внѣ постороннихъ воздѣйствій.

Чтобы сдѣлать понятной хозяйственную исторію Сибири, я позволю себѣ отвлечь вниманіе читателя въ довольно отдаленную старину, именно въ XVII вѣкъ.

Когда совершилось то, что называется присоединеніемъ Сибири къ Россіи, московское правительство никакими колонизаціонными планами не задавалось. Предъ нимъ стояла простая и ясная задача: организовать сборъ ясака,

т. е, пушнины, а вмѣстѣ съ тѣмъ добычу нѣкоторыхъ драгоцѣнныхъ металловъ, какъ изъ нѣдръ земли, такъ и изъ рукъ инородцевъ,—„ясачныхъ людей“. Для этого нужно было присоединять все новыя и новыя землицы и покорять все новыя и новыя племена. Требовалось содержать массу военныхъ отрядовъ — строить крѣпости — остроги, зимовья снабжать ихъ военнымъ провіантомъ. А для этого необходима была сложная *продовольственная* организація. Туземное земледѣліе было слабо развито, да и всѣ зачатки его были уничтожены казачьими набѣгами. Доставка хлѣба, соли, вина и др. провіанта изъ коренныхъ московскихъ областей, т. н. „сибирскіе отпуски“, возможные только „сплавомъ“, при сибирскихъ разстояніяхъ, конечно, не имѣли хоть сколько-нибудь исчерпывающаго значенія. Припасы плыли годами, а тѣмъ временемъ часто крупныя поселенія гибли отъ голода.

Правительству надо было организовать мѣстное земледѣльческое хозяйство.

Московское правительство было лишено творчества, оно было невѣжественно и постоянно руководилось рутиной. Неразвитый человѣкъ склоненъ рѣшать дѣло съ плеча, примѣнять грубые, съ перваго взгляда—простые пріемы. Московское правительство рѣшило создать туземное земледѣліе. Въ Пелымскомъ уѣздѣ татарское населеніе было посажено на пашню; оно должно было уплачивать „хлѣбъ за ясакъ“. Результатъ былъ плачевный. „Мурзишки“ пораззорились, а простые люди: одни съ голода погибли, другіе разбѣжались. Правительство сдѣлало и другой шагъ. Сѣверные т. н. „поморскіе“ города и уѣзды“ (теперешнія Архангельская, Вологодская и части Вятской и Пермской губерній) были обязаны выставить переселенцевъ и на свой счетъ отправить ихъ въ Сибирь, снабдивъ земледѣльческимъ и др. хозяйственнымъ инвентаремъ.

Сибирскіе историки иногда съ большимъ умиленіемъ цитируютъ эти указы, гдѣ перечисляется сколько сохъ, коней, и даже гусей и куръ должно быть дано переселенцу. Покойный проф. Замысловскій видѣлъ въ указѣ удивительную освѣдомленность и внимательность правительства, и даже выселеніе съ Поморья разсматривалъ, какъ доказательство величайшей мудрости Московскаго

правительства, принимавшаго будто бы во вниманіе сходство климатическихъ и почвенныхъ условій. Конечно, это фантазія. Путь изъ Москвы въ Сибирь шелъ черезъ Поморье, и ясно, что было естественнѣе передвинуть ближайшее населеніе, чѣмъ болѣе отдаленное.

Но и это подневольное переселеніе оказалось неудачнымъ; результатовъ сколько-нибудь замѣтныхъ оно не дало да и дать не могло.

Выручила невольно-народная колонизація. На вольныя мѣста двинулись крестьяне, убѣгавшіе отъ помѣщиковъ и бросавшіе свое раззоренное непосильнымъ тягломъ хозяйство. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Сибирь эти „вольные" переселенцы являлись почти что съ пустыми руками. У нихъ не было ни инвентаря, ни капитала. Чтобъ сѣсть на землю, имъ нуженъ былъ капиталистъ, который бы ссудилъ ихъ средствами производства и помогъ организовать хозяйство. Такимъ капиталистомъ и явилось заинтересованное въ насажденіи земледѣльческаго хозяйства Московское правительство. Оно стало давать „ссуду и подмогу" деньгами и инвентаремъ, беря „кабальныя записи".

Надо сказать, что сначала, рядомъ съ правительствомъ, замѣтенъ и частный капиталистъ-предприниматель. Это т. н. „слободчикъ", строитель деревень—слободъ. Такой слободчикъ былъ интереснымъ, къ сожалѣнію, совершенно не изученнымъ явленіемъ въ сибирской исторіи. Обладая капиталомъ, „слободчикъ" сзывалъ въ опредѣленную, отысканную имъ, удобную для хлѣбопашества, мѣстность „охочихъ" людей, искавшихъ возможности приложить свой трудъ къ землѣ, но не имѣвшихъ ничего, кромѣ своихъ рукъ,—и основывалъ слободу. Вольнымъ охочимъ людямъ затѣмъ приходилось уже отрабатывать, по „кабальнымъ записямъ", свой долгъ. Конечно, этотъ долгъ никогда не могъ быть отработанъ. И въ Сибири можно было ждать нарожденія любопытнаго типа предпринимательскаго, капиталистическаго хозяйства, отличнаго отъ служилаго, дворянскаго. Но этого развитія не совершилось. Со средины XVII в. мнѣ уже не приходилось встрѣчать въ документахъ опредѣленныхъ указаній на „слободчиковъ". И это потому, что другой предприниматель—правительство не уничтожило, а поглотило частнаго предпринимателя,

Правительстно также основывало, „строило“ слободы и эксплуатировало закабаляемыхъ „вольныхъ охочихъ людей“. Въ эти слободы назначался особый управитель—„приказчикъ“, отчасти административный чиновникъ, въ родѣ современныхъ крестьянскихъ начальниковъ, отчасти частно-хозяйственнаго типа. Вотъ эту должность приказчика правительство и стало предоставлять слободчикамъ. Послѣднимъ такое совмѣщеніе было соблазнительно. Ихъ частноправовыя отношенія къ закабаленному населенію, конечно, сохранились, да еще присоединялась обширная власть административно-юридическая, границы которой едва ли можно было фактически установить. „Слободчикъ“ исчезъ, какъ самостоятельное явленіе; его мѣсто занялъ всецѣло чиновникъ,—обстоятельство для Сибири знаменательное! Исчезновеніе это было такъ полно, что даже внимательные изслѣдователи отожествляютъ слободчика съ приказчикомъ.

Такимъ образомъ, правительство явилось монопольнымъ хозяиномъ въ земледѣліи, въ селѣ. Мелкій „денежный“ человѣкъ пошелъ къ нему на службу: болѣе богатый—перенесъ свою дѣятельность въ торговлю.

Какъ же слагалась хозяйственная жизнь села?

Всѣ пахотныя угодья были раздѣлены на участки. Одни изъ нихъ представляли „государеву“ пашню, другіе—„собину“. Каждый крестьянинъ получалъ пашню „для себя“—„собину“. Но за эту „собину“ онъ долженъ былъ пахать и сѣять „на государя“—на государевой пашнѣ. Установлялась обязательная пропорція, различная для разныхъ мѣстностей. Государева пашня называлась еще „десятинной“, т. к. десятая часть земли должна была пахаться на государя. На самомъ дѣлѣ, пропорція была гораздо выше,—обычно одна пятая. Но пашней дѣло не ограничивалось. Крестьяне были обложены разнообразными повинностями. На нихъ лежало „острожное строеніе“ (т. е. постройка крѣпостей и казенныхъ зданій), дорожное дѣло, постройка судовъ, возка и доставка припасовъ, даже такія мелкія, но тяжелыя по своему обилію, повинности, какъ доставка вѣниковъ для служилыхъ бань или доставленіе пеньки, песку, лѣсу и т. д., затѣмъ масса выборныхъ должностей—десятскихъ, сотскихъ и т. д.

Съ развитіемъ земледѣлія правительству стало невыгодно имѣть особую пашню. Постепенно оно стало переходить на—хлѣбный, сначала,—оброкъ. Крестьянинъ, запахивавшій болѣе положенной пропорціи, уже не обязывался припахивать и государевой пашни, а долженъ былъ выдѣлить съ излишка „государевъ выдѣльной хлѣбъ". Вмѣсто хлѣба, правительство, съ другой стороны, стало давать земли служилымъ людямъ, духовенству, монастырямъ.

И опять всѣ эти люди, запахивая болѣе противъ положеннаго количества, выдѣляли „государевъ хлѣбъ"—духовенство и служилые люди—десятый, крестьяне—пятый и даже третій „снопъ".

Постепенно „выдѣльной хлѣбъ" замѣнилъ государеву пашню, а затѣмъ—въ свою очередь уступилъ мѣсто денежному оброку. Указъ объ отмѣнѣ государевой пашни вышелъ въ 1761 г.; для Якутска—она была отмѣнена нѣсколько раньше: въ 1727 г. Тѣмъ не менѣе, можно сказать, что и позднѣе отношеніе правительства къ мѣстному крестьянскому населенію въ существѣ остается прежнимъ. Правительство является хозяиномъ земли; крестьяне же за оброчную подать и за массу повинностей имѣютъ право на пашню для себя. Они являются, по прежнему, тяглымъ, подневольнымъ населеніемъ.

Это—податное населеніе, не имѣющее никакого самостоятельнаго значенія въ глазахъ государственной власти. Его назначеніе—отбываніе повинностей, платежъ налоговъ; для этого оно получаетъ пашню. Его платежи иногда доходятъ до 50 процент. бюджета, что для другихъ классовъ является экономической нелѣпостью. Другіе классы имѣютъ хозяйство, предпріятія, доходы,—и въ пользу государства платятъ съ нихъ извѣстный процентъ, т. е. съ хозяйства и дохода—налогъ; наоборотъ, крестьяне уплачиваютъ налоги и относятъ повинности, и для этого пользуются пашней, ведутъ хозяйство. Вотъ ихъ политическое и экономическое положеніе въ государствѣ.

Въ Европейской Россіи они еще поставлены въ необходимость на ряду съ государствомъ поддерживать и дворянское сословіе. И поддерживая, служа тяглымъ населеніемъ для правительства и „первенствующаго" сословія, они получаютъ „собину".

Не только въ XVIII, но и XIX вѣкѣ крестьянское население въ Сибири разсматривалось „крѣпкимъ государству“, употребляя ставшій ходячимъ въ исторической наукѣ терминъ. Весь старый строй жизни села строго регламентировался. Нерадивыхъ хозяевъ подвергали понудительнымъ мѣрамъ, наказаніямъ; урожай учитывался; часть его обращалась въ запасъ, а другая—по нормированнымъ цѣнамъ—пускалась въ „вольную“ продажу.

Герценъ въ своихъ „Былое и думы“ пишетъ: „Послѣ Пестеля явился въ Тобольскъ Капцевичъ, изъ школы Аракчеева. Худой, желчный, тиранъ по натурѣ, тиранъ потому, что всю жизнь служилъ въ военной службѣ, безпокойный исполнитель, онъ приводилъ все во *фрунтъ и строй, объявлялъ* maxcimum *на цѣны*, а обыкновенныя дѣла оставлялъ въ рукахъ разбойниковъ“. Герценъ склоненъ относить такое явленіе на счетъ произвола; но это не совсѣмъ такъ. Если генералъ-губернаторъ Чичеринъ, знаменитые приказы котораго печатались лѣтъ 10—15 тому назадъ въ „Восточномъ Обозрѣніи“, дѣлалъ распоряженія, въ какое время жителямъ дозволительно изъ дома выходить, и дралъ ихъ за отпущенную безъ призора корову, то это были дѣйствія, вытекавшія логически *изъ общаго строя жизни.*

Въ Сибири было *государево хозяйство.* Административный чиновникъ являлся приказчикомъ въ этомъ хозяйствѣ, и всѣ отношенія регулировались этимъ началомъ.

Жизнь незамѣтно уничтожила это обще-сибирское государево хозяйство, сведя его территоріально къ обширнымъ владѣніямъ Кабинета Его Величества, въ административномъ отношеніи—къ попечительной власти комиссаровъ и крестьянскихъ начальниковъ, въ экономическомъ—къ тяглому подчиненію крестьянскаго хозяйства. Но *идеологически* строй государева хозяйства еще витаетъ властно надъ всѣми сторонами мѣстной жизни.

Теперь постараемся уяснить себѣ, какъ должно было сложиться, въ описанныхъ условіяхъ, поселянское хозяйство.

Мы говорили, что за ссуду и подмогу съ крестьянъ брались „кабальныя записи“. Кабальная запись, при тогдашней полицейской организаціи, была бы пустымъ звукомъ,

если бы съ ней рядомъ не было реальныхъ гарантій выполненія обязательствъ, принятыхъ „кабальнымъ“. Такимъ реальнымъ обезпеченіемъ была „круговая порука“: населеніе слободы или деревни несло имущественную и личную отвѣтственность за уклонившагося отъ выполненія обязательствъ односельчанина. Понятно поэтому, что крестьянинъ отлучался изъ селенія лишь съ разрѣшенія приказчика и „за крѣпкими поруками“ населенія. Отсюда вытекала власть мѣстнаго населенія надъ отдѣльными личностями изъ односельчанъ,—*власть міра, общины.*

Затѣмъ, въ слободѣ пашню распредѣлялъ приказчикъ,— „инымъ подлѣ государеву пашню смежно, а инымъ далѣ“. Обычно, конечно, это дѣлалось „по волѣ—гдѣ кто хотѣлъ“, но самый фактъ распредѣленія земли между сельчанами оставался. Практика шла и дальше. „Для поспѣшенья“ раздавалась государева пашня, а затѣмъ, смотря по надобности, отбиралась. Иногда, напротивъ, участокъ для государевой пашни отбирался у крестьянина, а взамѣнъ другіе крестьяне обязаны были отпахать соотвѣтствующее количество пашни тому, у кого пашня взята.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ *практикой передѣловъ*. Замѣтимъ только, что передѣлы вызывались не *малоземельемъ* въ принятомъ смыслѣ, а трудностью расчистокъ и распашекъ, малоземельемъ въ смыслѣ запаса культурной площади. Слѣдовательно, и практика, и судьба передѣловъ должны были быть отличнаго свойства, нежели въ Россіи.

Идемъ дальше. Повинности, помимо условія круговой поруки, относились сообща. Возить лѣсъ, поправлять дороги, строить казенныя зданія и суда можно лишь группами, „міромъ“. Также сообща убирался съ полей „государевъ хлѣбъ“, ссыпался въ амбары, нагружался на „дощаники“ для сплава въ другія мѣстности.

Условія совмѣстнаго пользованія землей и отбыванія повинностей совпадали, а отчасти и обусловливали совмѣстное хозяйствованіе. „Государевъ хлѣбъ“ долженъ былъ убираться въ опредѣленное время. Слѣдовательно, сразу для всего населенія являлась необходимость приноровить время уборки своихъ полей къ этому сроку.

Время уборки хлѣба для всѣхъ крестьянъ было общее. То же самое надо сказать и о посѣвѣ. Указы воеводамъ

изъ Москвы, и наказы приказчикамъ воеводъ подробно регламентируютъ операцію посѣва на государевой пашнѣ.

Очень важную роль играло право и практика выпаса скота. Крестьянинъ получалъ пашню. Я не видѣлъ документовъ, которые бы говорили о раздачѣ или предоставленіи выпаса. И это вполнѣ понятно. Земли было много, и пока въ нее не былъ вложенъ капиталъ и трудъ, она цѣнности изъ себя не представляла. Все, что не было подъ пашней, могло быть использовано для пастьбы. Точно также разъ на поляхъ не было хлѣба, тамъ могъ бродить скотъ, Но для этого было необходимо, чтобы пашни были отгорожены отъ свободныхъ пространствъ, и чтобы городьба, поскотина поддерживалась въ то время, когда на поляхъ стоитъ хлѣбъ. Городьба, поскотина не только стала повинностью, но и хозяйственнымъ дѣйствіемъ. Мало того, рядомъ съ обязательствами по отношенію къ государевой пашнѣ, она регулировала хозяйственный распорядокъ села, создавала условіе обязательнаго сѣвооборота (уже въ XVI в. было трехпольное хозяйство въ Сибири: пашни раздавались столько-то десятинъ, „а въ дву потому жъ"— это неизмѣнная формула документовъ). Такимъ образомъ, мы получаемъ общинное пользованіе землей и общинное хозяйствованіе.

Къ этому должно прибавить административный порядокъ, основавшійся на смѣшанности частно-правовыхъ и публично правовыхъ нормъ и избравшій начало круговой поруки обычнымъ своимъ орудіемъ. Круговая порука не выпускала крестьянина изъ села безъ поручительства односельчанъ; круговая порука должна была воздерживать жителей отъ тайнаго корчемничества, содержанія притоновъ разврата и азартныхъ игръ („корчмы бы и бляднн и табаку у себя не держали и зернью и карты не играли"); круговая же порука лежала въ основѣ организаціи общественной безопасности („лихимъ людямъ приходу и пріѣзду не было бы", чтобы „воинскіе люди безвѣстно не пришли и какого дурна не учинили")...

Итакъ мы имѣемъ крестьянскую общину, самоуправляющуюся въ предѣлахъ и на основѣ круговой поруки. Эта община выбираетъ своихъ старостъ, сотскихъ и десятскихъ, какъ выбираетъ она—цѣловальниковъ, дозорщиковъ.

умолотчиковъ къ государевой пашнѣ. Это—актъ самоуправленія, но и повинность. Въ литературѣ вы можете встрѣтить споръ о томъ, перенесъ ли мужикъ общину изъ-за Урала въ готовомъ видѣ, или его только общинныя тенденціи, предрасположенія создали общину въ своеобразнымъ условіяхъ Сибири. Община, общинный характеръ, общинный строй жизни—вотъ тѣ термины, которые вызываютъ представленіе о какихъ-то національныхъ, даже расовыхъ особенностяхъ, какихъ-то таинственныхъ предрасположеніяхъ народнаго духа, особенномъ укладѣ. Есть люди, которые считаютъ общину пустымъ мѣстомъ, созданіемъ романтиковъ народничества. Изъ изложеннаго можно видѣть, что въ общинѣ нѣтъ ничего ни мистическаго, ни мифическаго. Общинный строй—созданіе вполнѣ реальныхъ причинъ. Условія его созданія и понятны и просты.

Общинное землепользованіе создалось въ условіяхъ „государева“ хозяйства. Государева пашня прекратила свое существованіе, но, какъ я уже сказалъ, *идеологически* порядокъ, созданный ею, еще держится и мощно давитъ на хозяйственный строй современной деревни.>

Государство не хозяйство народа, организованное въ интересахъ самого этого народа. Оно лишь основывается на трудѣ народа. Хозяиномъ является нѣчто постороннее. Это „нѣчто“ въ народѣ называется „казна“. Народная, крестьянская масса является работникомъ этой казны, то подневольнымъ, кабальнымъ, или почти что крѣпостнымъ, то полусвободнымъ, какъ теперь. „Казна“ находится во власти командующихъ классовъ. Но не захватъ власти измѣнитъ положеніе вещей, существующій строй экономическихъ и политическихъ отношеній. Необходимо, чтобы крестьянская масса перестала быть орудіемъ для достиженія постороннихъ народу цѣлей, чтобы народное хозяйство получило самодовлѣющее значеніе и перестало быть лишь источникомъ финансовыхъ средствъ для казны. Народъ долженъ перестать быть кабальнымъ, тяглымъ „податнымъ сословіемъ“. Народъ долженъ стать хозяиномъ.

II.

Сдѣлавъ предварительный историческій очеркъ, мы переходимъ къ современному положенію деревни.

Начнемъ съ характеристики „общины“.

Собственно „общины“ въ томъ пониманіи, которое принято въ литературѣ, въ изучавшемся мною районѣ [1]) нѣтъ. Я говорю объ общинѣ—„сельскомъ мірѣ,“ владѣющемъ на общинномъ (съ передѣлами и переверстками) началѣ землею, съ принудительнымъ сѣвооборотомъ, — сельскомъ мірѣ замкнутомъ и самодовлѣющемъ. Есть цѣлый рядъ общинъ, иногда совпадающихъ, иногда перекрещивающихся, но, во всякомъ случаѣ, не сливающихся вполнѣ.

Есть сельскій міръ—сельское общество. Это административная единица, до извѣстной степени самоуправляющаяся и самооблагающаяся.

Есть такъ называемая „юридическая“ община. Это та совокупность крестьянъ, которая владѣетъ отведенной и нанесенной на планъ дачей. Такая община можетъ совпадать съ административной общиной, но въ большинствѣ случаевъ не совпадаетъ.

Но общее владѣніе плановой дачей распространяется не на всѣ земельныя угодья, а обычно—только на пашни. Пользованіе сѣнокосами является общимъ только для членовъ *покосной общины.*

Обычно плановая дача раздѣляется (въ отношеніи пользованія сѣнокосами) между нѣсколькими покосными общинами. Но возможенъ случай, что владѣльцы одной плановой дачи могутъ пользоваться покосами совмѣстно съ владѣльцами другой дачи.

Тоже слѣдуетъ сказать о *выгонной общинѣ.*

Обычно въ предѣлахъ плановой дачи всякая значительная заимка имѣетъ свой особый выгонъ. Но иногда общая поскотина охватываетъ не только нѣсколько деревень, сельскихъ обществъ, но и волостей съ особыми плановыми дачами (напр. селенія евсеевской и идинской волостей, расположенныя по берегу р. Ангары, имѣютъ общую поскотину; прежде сюда же примыкали буретская и олонская волость; т. е. всего четыре плановыхъ дачи).

Чтобы иллюстрировать изложенное, возьмемъ заларинскую волость, сѣверная часть которой имѣла двѣ плановыя дачи: заларинско-холмогойскую и мойганскую. До земле-

[1]) Центральныя части Балаганскаго уѣзда Иркутской губерніи.

устройства, напр. въ 1900 г., тамъ имѣлись двѣ юридическихъ общины (мы выбрасываемъ переселенческій участокъ и сосѣднихъ „ясачныхъ“). Въ предѣлахъ ихъ было три сельскихъ общества: заларинское, холмогойское и больше-пѣтуховское; три покосныхъ общины: холмогойская, заларинская и мойганская (часть холмогойскаго общества) и семь—выгонныхъ: мойганская, троицкая, сортовская, холмогойская, романовская, больше-пѣтуховская и заларинская. Что же мы видимъ здѣсь? Заларинское сельское общество захватываетъ заларинскую покосную общину, но входитъ лишь частью въ юридическую заларинско-холмогойскую общину, и часть заларинскихъ общественниковъ (половина деревни Романовской) пользуется особымъ выгономъ. Холмогойское общество захватываетъ покосныя общины холмогойскую и мойганскую, часть одной юридической общины и полнякомъ другую; въ него входятъ выгонныя общины: мойганская, троицкая, сортовская, холмогойская и часть романовской.

Б.-Пѣтуховское общество совпадаетъ съ выгонной общиной, но въ пользованіи сѣнокосами часть его членовъ входитъ въ составъ Холмогойской покосной общины, а часть—въ составъ Заларинской; въ отношеніи пользованія пахотными угодьями—въ составъ холмогойско-заларинской юридической общины.

Такимъ образомъ мы видимъ сложный переплетъ разнообразныхъ общинныхъ связей и отношеній. Мойганецъ и пашетъ и коситъ, и скотъ выпасаетъ въ своей общинѣ (юридической, покосной и выгонной), но въ административномъ отношеніи принадлежитъ къ холмогойскому сельскому міру. Больше-пѣтуховцы имѣютъ свое сельское общество и являются членами особой выгонной общины, но запахиваются въ предѣлахъ заларинско-холмогойской плановой дачи, а сѣно косятъ—одна часть съ холмогойцами, другая—съ заларинцами и т. д.

Если бы въ основѣ общинной жизни лежалъ особый „народный духъ“, тенденція къ особому „общинному укладу“, то такой пестроты общинныхъ организацій не было бы. Это былъ бы единый идеальный сельскій міръ, одна община, проникающая всѣ порядки, всѣ хозяйственныя отношенія. Но на самомъ дѣлѣ творитъ общинный

укладъ реальная жизненная обстановка, реальныя условія и причины.

Юридическую общину съ ея плановыми дачами создало прямо правительство, намежевавшее надѣлы (правда, формально не утвержденные [1]). Онѣ создались на нашихъ глазахъ, въ значительной части. Такимъ же административнымъ путемъ создались и сельскія общества, связанныя круговою порукою.

И съ общиннымъ пользованіемъ каждымъ угодьемъ связано отбываніе опредѣленной повинности.

Пользованіе пашней въ предѣлахъ юридической общины (или плановой дачи) связано съ уплатою, за круговою порукою, до послѣдняго времени оброчной подати. Пользованіе сѣнокосомъ предоставлялось тому, кто отбывалъ обывательскую гоньбу; обычно, отбываютъ гоньбу и пользуются сѣнокосомъ „могущія души", т. е. работники съ 17—18 лѣтняго возраста. Пользуется выгономъ тотъ, кто городитъ поскотину; разъ кто-нибудь не городитъ, онъ долженъ уплачивать обществу небольшое вознагражденіе; кромѣ того и скотъ обложенъ „съ головы". Наконецъ, усадьба обложена также податью подушной (или подушной и податью съ усадьбы особо).

Такимъ образомъ мы можемъ сказать, что хлѣбъ производить и для себя, и на продажу можетъ лишь тотъ, кто уплачиваетъ оброчную подать; сѣно получаетъ тотъ, кто относитъ обывательскую гоньбу; скотъ имѣетъ право держать, кто городитъ поскотину и уплачиваетъ налогъ „на скотъ"; самое жилище и право на семью сопряжено съ подушнымъ обложеніемъ, которое, напр., для нѣкоторыхъ обществъ мальтинской волости [2]) превышаетъ 9 рублей съ души.

Вотъ это-то обложеніе податью и повинностями создаетъ общину. Смотря по тому, какая налицо повинность и какъ ее удобнѣе относить, создается и особая община — такъ сказать, податная артель. Но вездѣ круговая порука. На общину навалена опредѣленная сумма оброчной подати: разъ кто-нибудь не уплатитъ, уплачиваютъ другіе.

---

[1]) Я говорю о годахъ, предшествовавшихъ землеустройству на основаніи закона 23 мая 1896 г.

[2]) Примыкающая къ Балаганскому уѣзду часть Иркутскаго уѣзда.

Разъ поскотина не исправлена кѣмъ-нибудь, табунъ ворвется въ поля всей общины. Крестьяне должны выставить въ сутки не меньше опредѣленнаго числа лошадей (больше— приходится выставлять); разъ кто-нибудь не явился, долженъ быть на мѣстѣ слѣдующій очередной или нанятый ямщикъ.

Податная община въ отношеніи размѣра и границъ опредѣляется удобствами отбыванія повинности. Поэтому кругъ захваченныхъ отбываніемъ извѣстной повинности лицъ не совпадаетъ съ кругомъ лицъ, захваченныхъ отбываніемъ другой повинности.

Такимъ образомъ, какъ въ XVII вѣкѣ въ основѣ общинныхъ организацій лежали кабальноподатныя отношенія, такъ тѣ же отношенія лежатъ и теперь. И это потому, что положеніе въ государственномъ строѣ поселянскаго сословія остается то же.

III.

Теперь посмотримъ, какъ въ изображенныхъ сейчасъ условіяхъ развивалась хозяйственная жизнь.

Я выше уже говорилъ, что ближайшую хозяйственную исторію сибирскаго села приходится разбивать на два періода: до желѣзной дороги и послѣ проведенія желѣзной дороги. Только надо отбросить представленіе, что до желѣзной дороги былъ періодъ натуральнаго хозяйства, а теперь — періодъ денежно-мѣнового. И прежде сельское хозяйство имѣло основаніемъ обмѣнъ.

Перенесемся мыслью лѣтъ за 15 — 20 назадъ. Сибирь была тогда страною сырья, сырьевымъ рынкомъ. Хлѣбъ, скотъ, дичь, пушнина, золото—вотъ было то богатство, тѣ блага, которыя она могла предложить въ обмѣнъ на продукты обрабатывающей промышленности. Послѣдняя почти совершенно отсутствовала въ Сибири, какъ самостоятельное явленіе. Въ срединѣ 70-хъ годовъ извѣстный публицистъ Гацисскій острилъ, что сибиряки, покупая обувь въ Москвѣ, носятъ сапоги изъ кожи той коровы, молокомъ которой они годъ тому назадъ питались. Но это было справедливо только по отношенію къ З. Сибири. Восточные сибиряки не могли дать кожи своей коровы въ обмѣнъ на обувь. Торговое движеніе шло по т. н. Московскому

тракту — обозами. Такой способъ транспортировки могли выдержать сравнительно легкіе и особенно дорогіе товары. Поэтому въ Россію и за границу шли пушнина, мамонтова кость, золото. Хлѣбъ, скотъ, дичь — оставались на мѣстномъ рынкѣ.

Здѣсь мы подходимъ къ очень важному, но мало изученному вопросу о *колоніальной политикѣ государства.* Передовые сибирскіе писатели—и во главѣ ихъ Ядринцевъ—совершенно отрицательно относились къ роли золотопромышленности въ экономикѣ края. И они были правы: историческое чутье ихъ не обманывало. Но, если я не ошибаюсь, то до сихъ поръ не было дано общей оцѣнки ни колоніальной политикѣ правительства, ни золотопромышленности,—не было дано отчетливаго отношенія, формулы.

Я ставлю рядомъ два термина: колоніальная политика и золотопромышленность. Задачей колоніальной политики и была добыча золота. Если въ XVII вѣкѣ правительство сдѣлало регаліей пушнину и для эксплоатаціи этой статьи организовало все хозяйство въ краѣ, то въ XIX вѣкѣ такой движущей силой стала другая регалія—золото.

Производительныя силы страны оставались безъ всякаго развитія. Весь верхній общественный слой заполняло многочисленное чиновничество, преимущественно наѣзжее, даже на низшихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы. Это была цѣлая армія непроизводительныхъ силъ. Рядомъ стоялъ классъ капиталистовъ, всѣ капиталы котораго были вложены въ торговлю и золотое дѣло.

Если среди чиновничества первое мѣсто по вліянію и богатству занимали горные чиновники, то среди капиталистовъ первенствующее мѣсто принадлежало золотопромышленникамъ.

Черезъ нихъ въ казну притекало золото и на нихъ сыпался, въ свой чередъ, золотой дождь. Правительство никогда не скупилось народными средствами, съ безграничной щедростью оплачивая услуги своихъ прямыхъ и косвенныхъ слугъ. Иркутскіе старожилы до сихъ поръ помнятъ, какъ въ 50-хъ годахъ какой-нибудь золотопромышленникъ Соловьевъ, окруженный почетными гостями—чиновниками, выходилъ на балконъ и бросалъ въ собиравшуюся толпу горстями деньги. Но эти горсти денегъ,

разбросанныя на улицѣ Иркутска, были мелочью въ сравненіи съ тѣмъ потокомъ, который направлялся за границу утопавшими въ роскоши и развратѣ золотыми тузами и чиновниками [1]).

Чиновничья армія и посредники — капиталисты поглощали массу денегъ, конечно, притекавшихъ изъ Россіи. Это были народныя деньги. Въ обмѣнъ правительство получало золото. Послѣднее добывалось отчасти вольнымъ, отчасти подневольнымъ трудомъ.

Во всякомъ случаѣ, обычная заработная плата не была слишкомъ выше т. н. жизненнаго уровня. Рабочій былъ лишь сытъ, очень плохо одѣтъ и прескверно снабженъ жилищемъ. Скверныя, истощающія условія обуславливали громадный спросъ на спиртъ, на алкоголь. На него уходилъ заработокъ и хищническая добыча золота. Расплата съ рабочими производилась товарами въ безграничныхъ размѣрахъ. Такимъ образомъ, въ руки золотопромышленниковъ и ихъ служащихъ и посредниковъ попадала не только прибавочная стоимость, но и заработная плата. Это была громадная „паутина“, въ которую попадалъ выжатый изъ народа трудъ. Если что-нибудь рабочій успѣвалъ сохранить, то ненадолго. На всѣхъ пріискательскихъ путяхъ его сторожили раскинутыя паутины — кабаки, притоны разврата и карточной игры, кабатчики и охотники на горбачей въ послѣднемъ счетѣ. Цѣлыя селенія жили „пріискателемъ“. Потрясающія картины этой ужасной охоты изображены въ повѣстяхъ нашего сибиряка Наумова, объединенныхъ общимъ заголовкомъ „Паутина“.

Чиновничество ревниво охраняло этотъ „порядокъ“ и получало свою долю въ чудовищныхъ доходахъ. Еще въ послѣднее время любимцы генералъ-губернатора, выслужившіеся исправники получали въ награду «кормленіе» въ видѣ должности горнаго исправника.

Такимъ образомъ и сибирское чиновничество, и золотопромышленность были громадными насосами, которые съ двухъ сторонъ выкачивали изъ народа деньги.

Посмотримъ теперь на крестьянскую массу.

---

[1]) Горные чиновники на Алтаѣ посылали для стирки бѣлье въ Парижъ. Это считалось хорошимъ тономъ.

Она была запряжена въ обслуживаніе чиновничества и торговаго движенія. Работы на тракту, обывательская гоньба, перевозка золота и доставка припасовъ занимали выдающееся мѣсто среди многообразныхъ повинностей населенія. Уже въ XVII вѣкѣ были цѣлыя ямщицкія поселенія. Правительство Московское разсаживало ямщиковъ по дорогамъ. Въ XIX вѣкѣ мы видимъ аналогичныя явленія. По Ленѣ селенія возникали также изъ ямщицкихъ поселковъ. И до сихъ поръ населеніе тамъ въ значительной мѣрѣ поддерживаетъ свое существованіе казенной ямщиной.

Населеніе было рѣдкое. И можно смѣло говорить, что значительный процентъ рабочихъ силъ края былъ занятъ отбываніемъ повинностей въ натуральномъ видѣ или работой для пріобрѣтенія денежной суммы, необходимой для уплаты податей.

Средства населенію давались земледѣліемъ (соединеннымъ со скотоводствомъ) и извозомъ.

Обычнымъ типомъ является «притрактовое» село на московскомъ тракту и на его отвѣтвленіяхъ и вспомогательныхъ путяхъ. Извозъ стягивалъ населеніе въ крупныя поселенія. Здѣсь располагались многочисленные постоялые дворы, мелочныя лавки, питейные дома, разсчитанные на ямщика и жившіе ямщикомъ. Тѣ, кто не имѣлъ двора, лавки, жилъ «бичикомъ», работалъ на ямщинѣ. «Дворникъ» обычно всего чаще являлся и подрядчикомъ, составлявшимъ обозъ. Иногда образовывались артели изъ менѣе крупныхъ хозяевъ, составлявшихъ обозъ «связками». Крестьянская мелкота нанималась къ такимъ подрядчикамъ, или вольно—на небольшія разстоянія. Но, во всякомъ случаѣ, все населеніе было впряжено въ ямщину, въ извозъ. Я уже говорилъ, что на вывозъ могло разсчитывать сырье особой цѣнности, мѣстный же рынокъ былъ, при рѣдкости населенія, весьма незначительной емкости. Но населеніе нуждалось въ значительномъ количествѣ денежныхъ знаковъ, какъ для уплаты податей, такъ и для покупки предметовъ первой необходимости, напр. одежды, табаку, чаю. Обрабатывающая промышленность — даже въ первобытной ея, кустарной формѣ, — отсутствовала: даже телѣги, колеса шли изъ Томска и Тюмени. И вотъ всю массу денежныхъ знаковъ давалъ извозъ. Послѣдній же имѣлъ значеніе

мѣстнаго рынка. Этотъ рынокъ имѣлъ свои особенности. Во-первыхъ, его емкость была ограниченныхъ и опредѣленныхъ размѣровъ, обуславливавшихъ и размѣры земледѣльческаго хозяйства. Сколько ни паши, извозъ потребитъ въ лицѣ ямщика и его лошадей лишь опредѣленное количество продуктовъ и выброситъ опредѣленное же количество денежныхъ знаковъ. Если будетъ излишекъ, то денегъ даже будетъ выброшено меньше, потому что ямщикъ съѣстъ столько же хлѣба и мяса, а заплатитъ меньше. Поэтому хозяйство нельзя было расширить во всю мѣру наличныхъ рабочихъ силъ и капитала. Во-вторыхъ, ямщикъ предъявлялъ требованія на опредѣленные продукты: хлѣбъ, мясо, овощи, овесъ, сѣно. Хозяйство должно было стать однотоннымъ, исключать цѣлесообразность варіаціи.

Такимъ образомъ, внѣшній видъ сибирской сельской жизни схематически можно представить такъ.

На тракту—большое село, стянувшее почти все окрестное населеніе къ себѣ. Въ этомъ селѣ каждый крестьянинъ имѣетъ домъ, часто постоялый дворъ, иногда лавочку, а то и кабачекъ. Здѣсь онъ занимается дворничествомъ, торговлишкой и ямщиной, — все свободное отъ полевыхъ работъ и повинностей время. На сторонѣ, иногда верстъ за 10 — 15, у него находится пашня. Если она удалена, около нея стоитъ «балаганчикъ», «юрточка», «домишко». Иногда это домъ, при немъ надворныя постройки, обязательно — «телятникъ», т. е. выпускъ для лошадей. Это — заимка. У богатаго хозяина здѣсь постоянно живутъ члены семьи и рабочіе. Средній крестьянинъ выѣзжаетъ сюда и живетъ на заимкѣ лишь во время полевыхъ работъ, пока не уберется со страдой. Заимокъ нѣтъ у тѣхъ, чьи пашни очень близко, а лишнихъ средствъ на постройку заимки нѣтъ. Такимъ образомъ, притрактовое село окружено кольцомъ заимокъ, расположенныхъ ближе къ периферіи плановой дачи.

Итакъ, вы видите, что это не было самодовлѣющее хозяйство натуральнаго типа. Въ немъ обмѣнъ и деньги играли значительную роль. Но и мѣновымъ его нельзя назвать.

Во всякомъ случаѣ, и здѣсь мы можемъ констатировать тотъ фактъ, что крестьянство играло служебную роль,

обслуживая выполненіе задачъ правительственной колоніальной политики, преслѣдовавшей чисто фискальныя цѣли. И дорогія условія транспорта, и высокія цѣны на жизненные припасы, достигавшія невѣроятнаго уровня, при чемъ въ выигрышѣ оставался крестьянинъ, но больше—купецъ, свидѣтельствуютъ съ несомнѣнной ясностью, что и здѣсь, въ сельской жизни, происходило выкачиваніе народныхъ денегъ. Московскій трактъ съ притрактовымъ населеніемъ былъ также насосомъ для выкачиванія денегъ изъ народной массы. Одинъ серьезный наблюдатель 40-хъ годовъ, Герсевановъ, писалъ въ журналѣ «Отечеств. Зап.» слѣдующія знаменательныя строки: «Можно сказать, что Сибирь, питаясь соками Россіи, сама мало отъ того тучнѣетъ, а отнимаетъ силы у своей кормилицы». Герсевановъ былъ правъ. Если Сибирь имѣла значеніе насоса, то народный трудъ лишь переливался черезъ этотъ насосъ, мало откристализировываясь и задерживаясь на его стѣнкахъ.

Таковы были результаты колоніальной политики правительства. Истощая и напрягая трудъ народной массы въ метрополіи, правительство содержитъ несмѣтную армію чиновниковъ и другихъ слугъ въ колоніи; дорогой цѣной оно пополняло истощавшійся фискъ. Уродливо направленныя производителсныя силы страны цѣпенѣли и пропадали даромъ. Это была азартная игра на народный трудъ, на народныя силы.

Скованное этими уродливыми условіями сельское хозяйство не могло развиваться нормально и свободно.

Извѣстный писатель Астыревъ, народникъ, но и большой недругъ сибирскаго населенія, въ своей книгѣ «На таежныхъ прогалинахъ», съ большимъ злорадствомъ передаетъ такой фактъ. Очень зажиточный крестьянинъ—заимочникъ держитъ большой табунъ лошадей, едва успѣваетъ наготовить сѣна на зиму. Зачѣмъ-же, спросилъ его Астыревъ, ты столько сѣна ставишь?—Чѣмъ же я буду кормить лошадей, отвѣтилъ заимочникъ. Ну, а лошадей то столько къ чему?—Не на себѣ же сѣно возить,—приблизительно такъ отвѣчалъ собесѣдникъ Астырева. Передъ нами заколдованный кругъ. Человѣкъ держитъ лошадей, чтобы возить сѣно, и возитъ сѣно, чтобы кормить лошадей. Конечно, это хозяйственная нелѣпость.

Съ другой стороны, тотъ же Астыревъ привелъ много примѣровъ лѣнивости сибирскаго населенія. Крестьянинъ, по его словамъ, не напившись чаю, на голодный желудокъ въ поле не выѣдетъ; работой себя не надсажаетъ.

Эти лементаціи покойнаго народника очень поучительны. Крестьянинъ работаетъ, умножаетъ свое хозяйство и доходитъ до хозяйственной нелѣпости: хозяйства для хозяйства. Сбыть лошадей некуда, сѣно также не имѣетъ рынка для сбыта. Табунъ ходитъ зря и поѣдаетъ запасы. Крестьянинъ отказывается отъ нелѣпости, сокращая свое рабочее время и навлекаетъ обвиненіе въ лѣности [1]).

Передъ проведеніемъ желѣзной дороги многіе крестьяне имѣли крупныя состоянія. Но эти состоянія имѣли очень слабую рыночную, денежную цѣнность и состояли въ десяткахъ головъ лошадей и скота, въ скирдахъ стараго хлѣба и часто не потребляемыхъ запасахъ сѣна. Обширныя заимки съ поскотинами въ квадратную версту и болѣе съ многочисленными надворными постройками являются свидѣтельницами былого благосостоянія. Всѣ эти состоянія исчезли. Въ заларинской волости были хозяева, табуны которыхъ славились далеко за предѣлами волости, напр. выборовская «родова»; при мнѣ былъ случай, когда крестьяне въ бурятскомъ конѣ опознали жеребенка изъ выборовскаго табуна, разогнаннаго волками за 12 лѣтъ передъ тѣмъ. Теперь этой «родовой» нѣтъ.

Всѣ эти табуны, заимки были кристализованнымъ народнымъ трудомъ. Какая же масса его пропала даромъ, не создавъ и не оставивъ взамѣнъ никакихъ матеріальныхъ благъ...

IV.

Я выше сказалъ, что переломъ въ экономической жизни совпалъ съ проведеніемъ желѣзной дороги. Уже съ начала

[1]) Вѣроятно, на этой же почвѣ развились чисто патологическія явленія. Заимочникъ ведетъ хозяйство, расширяетъ его, заводитъ многочисленный табунъ лошадей и стадо. Вдругъ начинаетъ пить. Въ одинъ прекрасный день табунъ загоняется во дворъ и обезумѣвшій хозяинъ производитъ омерзительную и безцѣльную бойню. Когда безуміе проходитъ, онъ снова принимается за хозяйство (Астыревъ).

90-хъ годовъ усилилось переселенческое движеніе; съ проведеніемъ желѣзной дороги—волна этого движенія достигла громадной величины. Возникло много новыхъ селеній. Постройка желѣзной дороги стянула массы рабочаго люда. Эксплуатація, обслуживаніе построеннаго пути требуетъ также массы рабочихъ рукъ.

Развилась каменноугольная промышленность, созданная желѣзной дорогой. Населеніе Иркутска увеличилось, по нѣкоторымъ даннымъ, не менѣе, чѣмъ на 50 процентовъ. Села, вродѣ Тулуна, Зимы, Черемховой превратились въ значительныя городскія поселенія, какъ по количеству жителей, такъ и по характеру жизни. Такимъ образомъ, произошло расширеніе мѣстнаго рынка. Съ другой стороны, явилась возможность и сравнительно дешевой транспортировки, вывоза мѣстнаго сырья и за предѣлы мѣстнаго рынка.

Прежній рынокъ, созданный и державшійся извозомъ, исчезъ.

Между тѣмъ потребность въ деньгахъ не уменьшилась, а страшно возросла. Увеличилось податное бремя. Армія чиновничества умножилась.

Вмѣсто одного «барина»—земскаго засѣдателя, превращеннаго теперь въ становового пристава, рядомъ появились: крестьянскіе начальники, мировые судьи, лѣсничіе, врачи съ фельдшерами, поземельноустроительные чиновники. Одни разъѣзды этихъ господъ требовали уймы средствъ. Въ 1901 году въ одномъ большомъ селѣ не хватало 12 паръ лошадей, выставлявшихся въ сутки. Приходилось нанимать. Для обслуживанія чиновниковъ въ томъ же 1901 году и въ томъ же селѣ было на службѣ 70 десятскихъ. Тамъ считалось за правило, что, если въ семьѣ три работника, то одинъ безсмѣнно находится на общественной службѣ.

Въ видѣ натуральныхъ повинностей народный трудъ расходовался съ поразительной, прямо преступной расточительностью. Однимъ изъ примѣровъ можетъ служить, такъ называемая, дорожная чистка. Завѣдывала чисткой полиція. Въ видахъ дисциплины рабочіе, выставленные крестьянами, работали не по близости отъ своего села, а верстъ за 100—150. Такъ что въ Заларинской волости работали какіе-нибудь бѣльскіе и олонскіе крестьяне, а заларинцевъ

угоняли въ Зиму или даже въ Нижнеудинскій уѣздъ. Крестьянамъ приходилось массу времени тратить на переѣзды и запасаться провіантомъ какъ для себя, такъ и для лошадей. Денегъ крестьяне всегда имѣли мало: а возить сѣно или траву на мѣсяцъ за нѣсколько десятковъ верстъ изъ дома вещь невозможная. Поэтому происходили потравы и захваты чужихъ покосовъ, драки, тяжбы безъ конца, анархическое расхищеніе чужого добра.

Но этого мало. «Выгнавъ», рабочихъ, администрація иногда приходила къ заключенію о цѣлесообразности отложить работы до слѣдующаго года. Начиналась переписка. И крестьянъ, потерявшихъ недѣли двѣ времени, «гнали» по домамъ, чтобы на слѣдующій годъ опять выгонять на работу.

Примѣромъ можетъ служить 1904 годъ. За послѣдніе годы работался т. н. Шалашниковскій трактъ, въ которомъ пока заинтересовано только нѣсколько купеческихъ предпріятій. Но работался онъ путемъ натуральной повинности населенія. Каждый «пятокъ», т. е. 5 дворовъ, долженъ выставить тачку съ лошадью и рабочаго. Такимъ образомъ, каждые пять дворовъ наняли рабочаго съ лошадью, запряженной въ тачку. Олонская волость (небольшая) выставила 87 тачекъ, болѣе значительныя Заларинская—213 и Идинская—113. Я не знаю, сколько платили въ Заларяхъ и Каменкѣ, но въ Олонкахъ тачка обошлась примѣрно, въ 20 рублей. На тракту цѣны должны были стоять выше. Допустимъ однако, что цѣна была одинаковая—20 руб. Такимъ образомъ *только три волости затратили около 8260 рублей*. Рабочіе выѣхали, «пролежали» на тракту двѣ недѣли, поджидая инженера. Но пришло распоряженіе, въ виду военнаго времени, отложить работы до слѣдующаго года. Крестьяне не могли хладнокровно вспоминать объ этомъ чиновничьемъ глумленіи надъ ними и безотвѣтственномъ бросаньѣ на вѣтеръ ихъ кровныхъ денегъ.

Но, кромѣ того, населеніе еще, по случаю военнаго времени, выгонялось на московскій трактъ, для исправленія и очищенія зимою отъ снѣжныхъ заносовъ; при этомъ въ крестьянскихъ дачахъ было вырублено нѣсколько десятковъ тысячъ молодыхъ сосенокъ, для огораживанія тракта отъ заносовъ. Послѣдняя повинность также была признана

нецѣлесообразной и отмѣнена, когда деревца были уже загублены, а крестьяне поработали.

Такимъ образомъ обременительныя сами по себѣ натуральныя повинности дѣлаются еще болѣе обременительными отъ безцеремоннаго, и неразсчетливаго обращенія съ ними мѣстной власти. Нѣкоторая часть ихъ населеніемъ перекладывается уже на деньги, такъ какъ трудно, конечно, уровнять повинность, когда, напр., пять дворовъ выставляютъ одну тачку. Отъ этого неурегулированнаго раскладыванія денежныхъ сборовъ, замѣняющихъ натуральную повинность, получается еще большее повышеніе платежей.

Но масса повинностей остается въ чисто натуральномъ видѣ. Населеніе выгоняется для исправленія проселочныхъ дорогъ, мостовъ, тушенія лѣсныхъ пожаровъ, перевозки многочисленной архіерейской свиты и т. д.

Усчитать хоть сколько-нибудь точно затрату рабочаго времени и перевести ее на деньги нѣтъ никакой возможности, въ виду отсутствія статистическихъ данныхъ.

Дальше мы увидимъ, какъ неравномѣрна и пестра раскладка казенныхъ и мірскихъ сборовъ.

Собственно, цифры поземельныхъ сборовъ даютъ сравнительно небольшое повышеніе, сравнительно съ общимъ ростомъ налогового и податного бремени. Для нѣкоторыхъ обществъ повышеніе за 15 лѣтъ достигаетъ 30 процентовъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ выше—60 процентовъ; но во всякомъ случаѣ казенные денежные сборы составляютъ небольшую часть налоговой массы, падающей на крестьянскія общества.

Посмотримъ, какъ разверстываются казенные и мірскіе сборы.

Объектами обложенія при раскладкѣ являются душа, пашня, скотъ, иногда усадьба и приусадебная земля; иногда платежъ наваливается на всѣ эти объекты, иногда на нѣкоторые изъ нихъ.

Чтобы показать, на сколько пестра система раскладки, возьмемъ три рядомъ лежащихъ общества: Бархатовское, (Балаганскаго уѣзда) и Монастырское (Буретское, Ирк. уѣзда).

Мы будемъ имѣть такую таблицу платежей, падающихъ на отдѣльные объекты обложенія:

НАЗВАНІЕ ОБЩЕСТВА.	Съ души.	Съ головы скота.	Съ 1-й дес. пашни.	Съ 1-й дес. усадьбы.
Бархатово (Идинск. вол.)	0,60	0,60	1,40	—
Буреть (Буретск. вол.) .	4,21	0,50	0,80	4,00
Буреть (Мальтинск. вол.)	9,00	0,25	0,70	—

Представимъ себѣ хозяйство, состоящее изъ 3 работниковъ (могучихъ душъ), при 12-ти десят. пашни, 4 лош., 5 коровахъ и 1/8 дес. усадьбы. Такое хозяйство заплатитъ податей: въ Бурети Балаганской—27 р. 23 к., въ Бурети (Иркутской)—37 р. 65 к. и въ Бархатовѣ—40 р. 20 коп. Разница весьма ощутительна. Платежъ взятаго для примѣра хозяйства—въ Бурети составляетъ 67,7% платежа такого-же точно хозяйства въ Бархатовой.

При настоящихъ высокихъ цѣнахъ такой хозяинъ отъ продажи хлѣба и соломы можетъ имѣть 240—250 рублей [1]). Онъ можетъ продать корову или пару телятъ и выручить рублей 20 еще; отъ продажи разной мелочи (яйца, птица, овощи) можетъ получить еще десятку.

Общій доходъ повысится рублей до 270—280. Около 15% составятъ платежи по податямъ. Расходъ по отбыванію натуральныхъ повинностей долженъ считаться не въ меньшей суммѣ (по вычисленіямъ, относящимся ко второй половинѣ 80 годовъ, онѣ составляли большую часть тягловаго бремени, примѣрное соотношеніе было 9: 8). Такимъ образомъ треть бюджета занята прямыми платежами. За-

---

[1]) Разочтемъ, сколько дохода можетъ получать такой хозяинъ съ пашни. Допустимъ, что имъ засѣяно 4 дес. ржи и по 2 дес. пшен. и овса (4 дес. подъ паромъ, при трехпольѣ), и что урожай далъ въ среднемъ чистаго сбора около 40 пуд. съ дес. (средняя урожайность въ Балаг. уѣздѣ около этого). Мы имѣемъ 160 пуд. ржи и по 80 пуд. пшен. и овса. 60 п. ржи и 12 п. пшен. (допустимъ, что семья изъ 6-ти душъ) нужно для прокормленія семьи и 40 п. овса для лошадей. При теперешнихъ высокихъ цѣнахъ хозяйство получитъ дохода отъ продажи: ржи (100 пуд.—1 руб.)—100 руб., пшен. (68 пуд.—1 руб. 50 коп.)—102 руб. и овса (40 пуд.—1 р.)—40 руб.; всего—242 рубля.

тѣмъ въ видѣ косвенныхъ налоговъ, казна беретъ значительную часть дохода крестьянина.

Для россійскаго крестьянства сдѣланъ расчетъ, изъ котораго видно, что лишь на предметахъ первой необходимости (чай, вино, табакъ, спички), крестьянинъ уплачиваетъ въ казну 13% своего дохода.

Итакъ, до половины дохода отъ хозяйства крестьянинъ уплачиваетъ въ видѣ налоговъ, податей и повинностей въ казну. Если урожай хлѣба удовлетворительный, процентъ тягловаго бремени понижается; неурожай — и тягловое бремя можетъ поглотить весь доходъ. При этомъ надо сказать, что при общемъ урожаѣ—цѣны на хлѣбъ понижаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ понижается и доходъ.

Во всякомъ случаѣ, лишь у состоятельныхъ крестьянъ свой хлѣбъ бываетъ до слѣдующаго урожая, у большинства его хватаетъ только до Рождества, рѣдко до Пасхи. Съ Рождества хлѣбъ начинаютъ покупать. Это очень странное положеніе, что земледѣльческое населеніе, поставляющее на рынокъ хлѣбъ, само вынуждено покупать его. Но это такъ. Дѣло въ томъ, что послѣ окончанія полевыхъ работъ начинается выколачиваніе податей. Старосты, старшины штрафуются, подвергаются арестамъ, летятъ циркуляры и понужденія изъ губернскаго правленія. Хлѣбъ около Покрова очень дешевъ. Къ Рождеству онъ остается уже у зажиточныхъ, которые его „попридерживаютъ". Цѣны поднимаются, и тѣ крестьяне, которые продавали свой хлѣбъ по полтиннику, покупаютъ для себя уже по семи гривенъ.

Я уже отмѣчалъ въ своихъ брошюрахъ, посвященныхъ сельскохозяйственному положенію 1898 г. и кустарной промышленности, что въ Иркутской губерніи нѣтъ никакихъ постоянныхъ подсобныхъ промысловъ, „заработковъ". Крестьяне живутъ или на остатки прошлаго достоянія, обращая въ деньги старыя постройки, старыя распашки, что-нибудь изъ упряжки, или на случайный промыселъ (охота, рыболовство), или случайный же заработокъ (работы по извозу, въ копяхъ и т. п.). Крестьянинъ постоянно занятъ мыслью, какъ „извернуться", „обернуться" — найти работу или выкроить для продажи что-нибудь изъ своего инвентаря.

V.

Изложеннаго въ предыдущей главѣ достаточно для того, чтобы понять, почему съ прекращеніемъ извоза крестьяне занялись усиленной распашкой новыхъ пашенъ. Какъ мы видѣли, рынокъ, создавшійся трактовымъ движеніемъ, извозомъ, закрылся, но замѣнился другимъ. Этотъ новый мѣстный рынокъ былъ созданъ приливомъ въ Иркутстую губернію населенія, вызваннымъ въ свою очередь желѣзной дорогой, связанной съ нею углепромышленностью, переселенческимъ движеніемъ и т. д. У этого мѣстнаго рынка нѣтъ той опредѣленности, какая была при извозѣ, и предъявляетъ онъ спросъ на массу дешевыхъ продуктовъ.

Потерявъ денежный доходъ, который давалъ извозъ, крестьянинъ, за неимѣніемъ другихъ промысловъ, вынужденъ былъ расширить свое земледѣльческое хозяйство. При этомъ ростъ податного и налоговаго бремени не шелъ по слѣдамъ развивающихся рабочихъ силъ семьи и хозяйства крестьянина, а заставлялъ напрягать эти силы и расширять хозяйство въ мѣру потребностей въ деньгахъ. Въ силу этого началось усиленное расширеніе площади распашки. Всѣ рѣдколѣсья были расчищены и перепаханы на значительномъ пространствѣ. Для расчистокъ изъ подъ лѣса требовалась наличность значительнаго капитала. Поэтому только богатые и зажиточные хозяева могли поднимать цѣлины въ лѣсныхъ участкахъ. Между тѣмъ ростъ повинностей, ростъ потребности въ деньгахъ не падалъ. Началась хищническая распашка общественныхъ сѣнокосовъ, а иногда и выгоновъ. Съ другой стороны, возникла аренда, созданная *относительнымъ малоземельемъ*. Эта аренда часто принимаетъ такія же ростовщическія формы, какія она имѣетъ въ помѣщичьей Россіи.

Расчистка одной десятины иногда стоитъ рублей 70—100. Поэтому арендная плата достигаетъ 10 руб. въ годъ. Конечно, есть еще мѣстности, гдѣ за десятину, проданную „на всегда", хозяинъ беретъ 2 р. 50 к.; но „эти случаи уже становятся притчей, вызываютъ недоумѣніе. Крестьяне уже говорятъ, что это „старая дурость".

Такимъ образомъ, еще недалеко то время, когда земля сама по себѣ ничего не стоила; продавая пашню, крестьянинъ желалъ получить только „за труды“, вложенные въ землю. Теперь земля уже не имѣетъ стоимости, равняющейся стоимости вложеннаго труда. Подъ вліяніемъ „земельнаго голода“ и въ Сибири создалась рента [1]). И чѣмъ гуще населеніе, тѣмъ выше рента. Эта рента входитъ составною частью въ арендную плату, въ составѣ которой погашеніе затраченнаго капитала все болѣе уменьшается въ процентномъ отношеніи.

И такъ, въ Сибири есть на лицо малоземелье, и малоземелье, достигающее иногда очень значительной остроты. Это малоземелье создается подъ давленіемъ съ одной стороны, нужды въ деньгахъ, подъ тяжкимъ давленіемъ податей и налоговъ; а съ другой стороны подъ вліяніемъ отсутствія въ мѣстномъ сельскомъ населеніи денежныхъ средствъ.

Нужда въ деньгахъ заставляетъ усиленно работать на рынокъ—производить товаръ; такимъ товаромъ по мѣстнымъ условіямъ являются почти исключительно продукты земледѣлія; вслѣдствіе этого крестьянинъ долженъ усиленно расширять площадь распашки. Для этого нужны денежныя средства, нуженъ капиталъ, которыхъ у населенія мало. Вслѣдствіе этого свободныя мѣста остаются недоступными; а культурная площадь пріобрѣтаетъ исключительную цѣнность.

Крестьянину нѣтъ возможности затратить сразу 70 рублей для распашки собственной пашни; скорѣй онъ будетъ платить по 10 рублей за старую пашню, потому что 10 руб. за одинъ разъ онъ можетъ найти.

Такимъ образомъ, при отсутствіи передѣловъ внутри юридической общины, среди крестьянскаго населенія, если и не образуется особаго класса рентьеровъ, то вполнѣ опредѣленное мѣсто имѣетъ аренда, основанная на рентѣ.

Наличность такого явленія уже способна дать начало извѣстной дифференцировкѣ, разслоенію населенія деревни.

---

[1]) Конечно, вліяніе оказываютъ и факторы общественнаго значенія, какъ близость жел. дороги, скученнаго рабочаго населенія на копяхъ и т. д.

Жизнь однако же выдвигаетъ и другія причины дифференціаціи.

Мы уже видѣли, что относительное малоземелье создано не недостаткомъ свободныхъ земель, а ограниченнымъ размѣромъ культурной площади. Послѣдній недостатокъ въ свою очередь созданъ отсутствіемъ у хозяевъ необходимыхъ средствъ, капиталовъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что тотъ, кто имѣетъ капиталъ, не только имѣетъ возможность извлекать изъ земли доходъ, вкладывая въ нее этотъ капиталъ, но, увеличивая культурную площадь, создаетъ и, возможность аренды, основанной на рентѣ. Другими словами, рентьеромъ является капиталистъ. Вотъ это расчлененіе сельскаго населенія на тѣхъ, кто обладаетъ капиталомъ, и тѣхъ, кто этого капитала не имѣетъ, составляетъ яркое явленіе въ селѣ.

Капиталистъ былъ и прежде, при извозѣ. Для того, чтобы заниматься ямщиной, нужно было имѣть оборудованное ямщицкое снаряженіе: телѣги, сани, сбрую, хорошо выдержанныхъ лошадей. Не всякій могъ въ исправности постоянно имѣть все это. Кромѣ того, купецъ не могъ нанимать каждаго ямщика порознь: это была бы хлопотливая и ненадежная постановка дѣла. Купецъ имѣлъ дѣло съ ямщикомъ—подрядчикомъ. Этотъ въ свою очередь чаще всего нанималъ не отдѣльные воза, а т. н. „связки“, т. е. извѣстныя обозныя единицы, состоявшія изъ нѣсколькихъ возовъ съ запасными лошадьми и „снастью“. Связки составлялись или артельно, или болѣе зажиточными ямщиками, къ которымъ припрягались сосѣди.

Въ результатѣ былъ рядъ богачей-заимочниковъ, имѣвшихъ большое хозяйство и бравшихъ подряды по доставкѣ товаровъ. Эти „богатѣи“ обычно занимались и „дворничествомъ“ (т. е. держали постоялые дворы). Малоимущіе крестьяне находились въ значительной зависимости отъ нихъ. Дворники-подрядчики раздавали „задатки“ подъ хлѣбъ, овесъ; часто ямщики составляли обозъ, отрабатывая долгъ. Иногда съ виду самостоятельный ямщикъ и хозяинъ работалъ на какого-нибудь кулака на своей лошади. Рабочихъ въ прямомъ значеніи слова доставляла ссылка. Ссыльные занимали положеніе худшее, чѣмъ крѣпостные. Они находились въ полной кабалѣ у хозяевъ—и только

побѣгъ или преступленіе избавляли ихъ отъ неволи. За маленькое преступленіе хозяинъ доставлялъ „поселенца“ въ волость, и тамъ ему, безъ всякаго суда и разбирательства, „всыпали“, смотря по винѣ и настроенію хозяина и волостныхъ властей. Волостные засѣдатели выбирались изъ богачей, и эта деревенская олигархія правила деспотично и жестоко, какъ всякая олигархія вообще.

Такимъ образомъ, всякій, кто вообразилъ бы бывшую при извозѣ сибирскую деревню состоящей изъ однородной массы сытыхъ и хозяйственныхъ мужиковъ, сдѣлалъ бы большую ошибку. Однородности совершенно не существовало. Однородность вообще создается въ представленіи нѣкоторымъ отдаленіемъ отъ предмета наблюденія — все равно въ пространствѣ, или во времени.

Еще большее значеніе получила дифференцировка общественныхъ слоевъ въ экономическомъ строѣ современной деревни.

Съ одной стороны, рядовой крестьянинъ принужденъ обращаться къ деревенскому капиталисту за землей, такъ какъ количество надѣльной земли очень слабо увеличивается на счетъ собственныхъ расчистокъ и не поспѣваетъ за ростомъ потребности въ деньгахъ; съ другой стороны, этотъ крестьянинъ долженъ обращаться къ тому же капиталисту для реализаціи полученнаго съ земли продукта, превращенія его въ деньги. Везти хлѣбъ на рынокъ не всегда есть возможность и время, а деньги требуются немедленно. Затѣмъ деньги нужны и до сбора урожая, и послѣдній часто въ значительной части оказывается запроданнымъ, идетъ „за долгъ“. Это при нормальномъ ходѣ дѣла. Конечно, при неурожаѣ или какихъ нибудь непредвидѣнныхъ затрудненіяхъ дѣло обстоитъ еще болѣе остро.

Такимъ образомъ получается задолженность населенія деревни мѣстнымъ богачамъ. Деревенскій капиталистъ обычно торговецъ,—„торгующій“ по мѣстной терминологіи. Сельское хозяйство онъ иногда имѣетъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе онъ отказывается отъ собственнаго хозяйства. И это понятно: хозяйство его находится въ противорѣчіи съ основнымъ его предпріятіемъ. Торговецъ имѣетъ бакалейно-колоніальную и мануфактурную лавку и скупаетъ

хлѣбъ и другіе сельско-хозяйственные продукты, преимущественно подъ товаръ.

Насколько выгодны операціи такого торговца, можно видѣть по слѣдующимъ даннымъ, Въ 1898 году мнѣ передавали, что голуметскіе поставщики хлѣба на Вознесенскій винокуренный заводъ зарабатывали съ заводчика, примѣрно, 5 процент.; но покупая этотъ хлѣбъ у окрестныхъ крестьянъ и бурятъ подъ товаръ, они зарабатывали свыше 20 процентовъ. Въ 1903 году въ одномъ изъ селеній Заларинской волости мнѣ дали такія свѣдѣнія. Если крестьянинъ покупалъ ситецъ на наличныя деньги, аршинъ ему обходился 13 коп.; если же онъ бралъ въ долгъ, выплачивая потомъ изъ урожая хлѣбомъ, аршинъ того же ситца обходился до 22 коп. За чай приходилось платить вмѣсто 40, 70—80 коп. Такимъ образомъ, торговецъ зарабатываетъ на одной операціи 90—100 процентовъ. При этомъ торговля считается невыгодной, если капиталъ не обернулся, по крайней мѣрѣ, дважды въ годъ.

Этотъ процентъ, конечно, нормируютъ и сдѣлки хлѣба на деньги. Т. е., если крестьянину нужны не ситецъ, не чай, не табакъ, а деньги для уплаты повинностей и податей, то онъ вынужденъ „ссыпать“ торговцу хлѣбъ по цѣнѣ, раза въ 1½—2 ниже рыночной.

Такъ растетъ и крѣпнетъ торговый, кулаческій капиталъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ экономическое разслоеніе населенія.

Въ верху деревенской соціальной пирамиды стоитъ небольшая кучка торговцевъ—скупщиковъ,—иногда 2—3 на деревню,—забросившихъ собственное сельское хозяйство, или не имѣвшихъ его; ниже стоятъ богачи—сельскіе хозяева, оперирующіе хлѣбомъ собственнаго большого хозяйства, ведущагося отчасти силами своей семьи, отчасти наемными рабочими. Такихъ хозяевъ становится все меньше и меньше. Обычно они удерживаются только при томъ условіи, если въ семьѣ есть нѣсколько взрослыхъ и энергичныхъ работниковъ, и есть какое-нибудь подсобное занятіе (промыселъ, дворничество и т. п.). Наемный трудъ очень дорогъ: сельскій пролетаріатъ еще не сформировался. Ссыльные, въ большинствѣ случаевъ, отлили въ города и на копи. Ихъ остается небольшое число въ деревнѣ. Новаго притока, съ

прекращеніемъ ссылки, нѣтъ. То же съ безземельными крестьянами (вѣрнѣе—не имѣющими инвентаря): они отливаютъ къ болѣе выгоднымъ работамъ на желѣзной дорогѣ, на копяхъ, заводахъ. Суррогатомъ наемнаго рабочаго является рядовой крестьянинъ, имѣющій собственное хозяйство. Онъ или продаетъ свой трудъ въ свободное время отъ работъ въ собственномъ хозяйствѣ, или уступаетъ этотъ трудъ въ формѣ „помочей". „Помочь"—это древній сельскій обычай, вызванный особенностями сельско-хозяйственныхъ работъ, требующихъ кратко-срочнаго и напряженнаго труда. „Помочь" — это сосѣдская *помощь* въ страду. Хозяинъ зоветъ помогать сосѣдей; послѣдніе являются его гостями; хозяинъ не платитъ, а угощаетъ ихъ. Теперь помощь сопряжена, по старинному обычаю, съ угощеніемъ, но часто уже является способомъ отработки задолженныхъ крестьянъ кредитору.

Недостатокъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, видимо, ведетъ къ расширенію и видоизмѣненію стараго обычая „помочи".

Мнѣ приходилось видѣть такія сцены.

На конѣ вечеромъ скачетъ по улицѣ мальчикъ и, останавливаясь, у нѣкоторыхъ дворовъ кричитъ:

„Дядя Степанъ, пойдешь за рубль пятнадцать на помочь".

Или разговариваетъ группа крестьянъ.

— Въ воскресенье помочь у Васильевыхъ...

— Почемъ?

— По рублю...

Такимъ образомъ, помочь является лишь особой формой наемнаго труда, въ которомъ чувствуется острая нужда, но достаточныхъ кадровъ котораго жизнь еще не создала.

Итакъ, ниже группа богачей—хозяевъ, получающихъ при посредствѣ семейныхъ и наемныхъ рабочихъ тысячи пудовъ хлѣба съ своихъ запашекъ, стоитъ рядовой крестьянинъ, задолженный и торговцу—скупщику, и богачу—хозяину. Этотъ рядовой крестьянинъ нанимается поденно или на помочи—поденщины, обычно отрабатывая долгъ, землю онъ пріарендовываетъ, а продукты хозяйства сдаетъ скупщику подъ товаръ, или подъ деньги. Обычно и товаръ, и деньги взяты впередъ.

Крестьянинъ, работая въ своемъ хозяйствѣ и своимъ

инвентаремъ, работаетъ на деревенскаго капиталиста. Продукты его труда уже заранѣе не ему принадлежатъ. Какъ товаромъ, ими будетъ оперировать скупщикъ.

Я уже говорилъ, что продуктами своего хозяйства рядовой крестьянинъ можетъ просуществовать лишь до Рождества. Далѣе онъ беретъ хлѣбъ въ долгъ у богача—хозяина, или покупаетъ его. Въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ долженъ заработать денегъ. Какіе же источники онъ имѣетъ для этого? Если онъ знаетъ промыселъ, онъ дѣлаетъ на запасъ дуги, колеса; чаще нанимается на работу—плотничать, рубить лѣсъ, возить дрова. Если даже онъ не возитъ чужихъ дровъ, то чаще всего всетаки возитъ отъ лица какого-нибудь подрядчика, т. е. работаетъ въ чужомъ предпріятіи, но—что характерно для крестьянина — работаетъ своимъ инвентаремъ—со своей лошадью, санями, со своимъ топоромъ и пилой.

Итакъ, работая въ своемъ хозяйствѣ или на подсобномъ занятіи, рядовой крестьянинъ является самостоятельнымъ хозяиномъ лишь въ томъ смыслѣ, что работаетъ на своей землѣ, со своимъ инвентаремъ, что у него есть свое „заведеніе". Но продукты его труда поступаютъ къ капиталисту, деревенскому капиталисту — кулаку, отъ котораго онъ зависитъ и который какъ бы раздаетъ работу. Т. е. участвуя въ производствѣ товара, рядовой крестьянинъ не принимаетъ участія въ распредѣленіи и обмѣнѣ.

Я сказалъ выше, что жизнь еще не создала достаточныхъ кадровъ сельскаго пролетаріата. Эти кадры не только не достаточны, но и ничтожны. Если развитіе крупнаго хозяйства, основаннаго на батрацкомъ трудѣ, встрѣчаетъ въ отсутствіи рабочихъ трудно устранимое препятствіе, то съ другой стороны, въ мѣстной жизни очень мало факторовъ, для созданія класса безземельныхъ рабочихъ.

Крестьянинъ, забросившій землю и хозяйство, рискуетъ превратиться не въ рабочаго—пролетаріата, а въ нищаго, бродягу, „паупера". Крайняя неразвитость промышленной и промысловой жизни въ краѣ ведетъ къ необезпеченности работой. Сельско-хозяйственныя работы требуютъ многочисленныхъ рабочихъ рукъ лишь на короткій періодъ. Какъ бы ни была высока здѣсь заработная плата, какъ бы она угнетающе не сказывалась на крупномъ хозяйствѣ, эта

плата, при краткосрочности работы, не способна обезпечить на продолжительный срокъ рабочаго.

Въ 1898 году въ брошюрѣ, посвященной характеристикѣ экономическаго положенія Иркутской губерніи лѣтомъ того года, я писалъ: „Все это представляетъ чрезвычайно бѣдную картину промысловаго развитія населенія. Заработокъ непостояненъ и невѣренъ, онъ не носитъ характера систематичности. Населеніе, въ трудную пору, изыскиваетъ или случайно получаетъ возможность заработать копѣйку, и затѣмъ промыселъ исчезаетъ. Читая всѣ эти сообщенія корреспондентовъ, невольно наталкиваешься на мысль: населеніе, якобы земледѣльческое, не обезпечено своимъ хлѣбомъ, не находитъ поддержки въ развитыхъ промыслахъ (не говоря о промышленности)... Чѣмъ же живетъ это населеніе? Каковы экономическіе ресурсы его существованія? Въ этомъ отношеніи характерно сообщеніе изъ Манзурки [1]). „Или берутъ *подъ работу*, или покупаютъ *по мелочамъ* у своихъ, или, если *случится* заработать денегъ рублей 30 или продать *что-нибудь* на такую сумму,—ѣдутъ къ бурятамъ за хлѣбомъ“. Такимъ образомъ некультурное, экономически—слабое населеніе живетъ изо дня въ день, подверженное случайностямъ необезпеченной жизни“. Съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти строки, прошло свыше 10 лѣтъ: но условія жизни къ лучшему не измѣнились.

При отсутствіи развитой мѣстной промышленности и значительныхъ рынковъ для сбыта сырья, не можетъ развиться ни капиталистическаго хозяйства, ни сельско-хозяйственнаго пролетаріата. Какъ это ни странно можетъ показаться съ перваго взгляда, но на лицо находятся всѣ условія, чтобы поддержать именно тотъ слой сельскаго населенія, который я назвалъ рядовымъ крестьяниномъ.

Крестьянинъ—богачъ идетъ на смарку. Онъ не можетъ расширить своего хозяйства до размѣровъ капиталистическаго, съ одной стороны, за неимѣніемъ подъ рукой дешевыхъ рабочихъ, съ другой стороны—за отсутствіемъ постояннаго и опредѣленнаго рынка. Сельскій пролетаріатъ также не находитъ мѣста въ этомъ своеобразномъ эконо-

---

[1]) Верхоленскій уѣздъ.

мическомъ строѣ. Ему, при данныхъ условіяхъ, нѣтъ дѣла и нѣтъ средствъ для существованія.

И въ ближайшее время, по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакихъ данныхъ для кореннаго перелома въ сельской экономической жизни.

Выше я уже отмѣчалъ, что накопленный въ предыдущій періодъ капиталъ сохранялся въ натуральномъ видѣ—въ вида табуновъ, стадъ, запасовъ хлѣба. Эти запасы были расхищены въ нѣсколько лѣтъ и, по обстоятельствамъ, не могли получить продуктивнаго назначенія. Тѣ остатки зтихъ капиталовъ, которые могли быть обращены въ болѣе современныя формы, отлили въ городъ (получивъ приложеніе, по преимуществу, въ подрядахъ на желѣзной дорогѣ) и для сельскаго хозяйства были утрачены.

То же явленіе происходитъ и теперь. Кулаческій, торговый капиталъ, переросши стадію первоначальнаго накопленія, неизмѣнно передвигается изъ деревни въ городъ. И это явленіе настолько закономѣрно, что приходится постоянно наблюдать крушеніе торговыхъ предпріятій, не успѣвшихъ во время передвинуться въ городъ. Въ деревнѣ крупному капиталу нѣтъ примѣненія; между тѣмъ по своей природѣ онъ долженъ непремѣнно возрастать, чтобы не потерпѣть крушенія.

Такимъ образомъ остается рядовой крестьянинъ, опирающійся на свое хозяйство, свой инвентарь и свой трудъ. Ни трудъ, приложенный въ своемъ хозяйствѣ, ни трудъ, продаваемый на сторону, не могутъ самостоятельно обезпечить крестьянина. Только комбинируя тотъ и другой, крестьянинъ съ грѣхомъ пополамъ добивается возможности не умереть съ голода съ семьей, рѣже—небольшаго достатка. И это касается не однихъ низовъ крестьянской массы Самый богатый мужикъ занимается и возкой дровъ, и ямщиной, и идетъ къ подрядчику.

Постоянно комбинируясь, тотъ и другой трудъ, такъ сказать, ассимилируются. Если крестьянинъ работаетъ въ своемъ хозяйствѣ, онъ все таки не перестаетъ работать на своего рода подрядчика. Хлѣбный скупщикъ всего чаще уже заранѣе пріобрѣтаетъ право на уражай; хлѣбъ будетъ ссыпанъ ему. Съ другой стороны, отчуждая свой

трудъ, крестьянинъ въ большинствѣ случаевъ является со своими „орудіями производства“.

VI.

Подведемъ итоги характеристикѣ цiэаольно-экономическихъ отношеній въ деревнѣ.

Въ верху соціальной пирамиды стоитъ „*торговецъ*“, „*кулакъ*“, *деревенскій капиталистъ.* Его капиталъ имѣетъ не промышленное, а торговое значеніе. Организующей производство роли онъ отнюдь не имѣетъ и не можетъ имѣть. Въ большинствѣ случаевъ, это капиталъ чуждый деревнѣ. Достигши болѣе или менѣе значительнаго объема, капиталъ кулака начинаетъ отливать изъ деревни,—сначала на побочныя предпріятія (напр., подряды на желѣзной дорогѣ, каменноугольное дѣло), сначала частью, а затѣмъ и полнякомъ.

Такимъ образомъ, рядовой крестьянинъ, работая на капиталиста, работаетъ въ предѣлахъ своего хозяйства и не подчиняетъ своего производства руководству капиталиста; послѣдній остается чуждымъ сельскому хозяйству.

Какъ я выше отмѣчалъ, торговецъ рѣдко имѣетъ свое полевое хозяйство и послѣднее занимаетъ, если и имѣется, второстепенное мѣсто.

Далѣе идетъ второй слой пирамиды—*крестьяне—богатѣи* (обычно—„заимочники“), ведущіе обширное хозяйство при помощи наемнаго труда, Этотъ слой идетъ къ уничтоженію. Верхи его, бросая сельское хозяйство, обращаются къ торговлѣ, т. е. сливаются съ первымъ слоемъ; низы сливаются съ рядовымъ крестьянствомъ, уменьшая размѣры хозяйства и все болѣе и болѣе отчуждая свой трудъ на сторону.

Рядовое крестьянство и характеризуется комбинаціей самостоятельнаго сельскаго хозяйства и продажи труда на сторону, при чемъ въ томъ и другомъ случаѣ наблюдается взаимодѣйствіе, интеграція экономическаго значенія. Въ томъ и другомъ случаѣ крестьянинъ пользуется собственнымъ инвентаремъ, собственными орудіями труда и отчуждаетъ свою рабочую силу посреднику—капиталисту, но въ

одномъ случаѣ—непосредственно, въ другомъ—въ видѣ продуктовъ труда [1]).

Деревенскій пролетаріатъ находится въ самомъ зачаточномъ видѣ и для его развитія въ настоящій моментъ нѣтъ никакихъ данныхъ въ экономической обстановкѣ деревни. Отдѣльные представители его отливаютъ въ городъ, на желѣзную дорогу, на копи.

Низы соціальной пирамиды заняты *пауперами*. Это престарѣлые поселенцы, бродяги, цыгане, раззорившіяся крестьянскія семьи, не приспособившіеся „малолѣтки", т. е. потомки поселенцевъ. Сильное развитіе преступности за послѣдніе годы внушительно говоритъ о количественномъ ростѣ этихъ низовъ.

Итакъ, массу сельскаго населенія составляетъ тотъ его слой, который мы назвали *рядовымъ крестьянствомъ*. Проще, да и вѣрнѣе можно будетъ его называть прямо *крестьянами*. Богачи—крестьяне, поскольку они не занимаются торговлей и скупкой хлѣба, въ сущности, не составляютъ качественно—отличнаго слоя, а представляютъ лишь верхи крестьянъ, притомъ исчезающіе подъ двойнымъ нивеллирующимъ давленіемъ правительственнаго механизма и кулацкаго капитала.

Мы указали характерные признаки крестьянства. Крестьянинъ имѣетъ собственное земледѣльческое хозяйство и собственный сельскохозяйственный инвентарь.

Земля можетъ и не принадлежать ему, какъ надѣльная; она часто взята въ аренду у мѣстнаго кулака. А если земля и надѣльная, то, кромѣ казенныхъ платежей и мірскихъ повинностей, на ней лежатъ разныя обязательства предъ капиталистомъ.

Въ инвентарь также часто вложенъ капиталъ кулака.

Такимъ образомъ, средства производства у крестьянина обременены казенными и мірскими сборами и денежными обязательствами.

Къ этому присоединяется обстановка, создаваемая административными и экономическими условіями края. Платежи

---

[1]) Хотя и въ первомъ случаѣ можно отмѣтить наличность этой особенности, т. е. отчужденія труда въ видѣ его продукта. Крестьянинъ возитъ дрова, напр., нарубленныя имъ самимъ. Онъ сдаетъ ихъ лишь подъ фирмой подрядчика, не являясь его наймитомъ—рабочимъ.

выколачиваются въ наиболѣе неблагопріятныя сроки; прочнаго, доступнаго рынка для сбыта хлѣба нѣтъ.

Продукты сельскаго хозяйства являются заранѣе отчужденными капиталисту — кулаку. Въ этихъ продуктахъ крестьянинъ отчуждаетъ свой трудъ, получая плату лишь за часть его.

Затѣмъ, каждый крестьянинъ отчуждаетъ и болѣе непосредственно свой трудъ, нанимаясь на постороннія работы, но опять таки обычно—со своимъ инвентаремъ; часто и здѣсь отчужденіе труда происходитъ въ видѣ готоваго продукта (дрова, стойки, песокъ, камень, издѣлья—въ родѣ теса, кудели).

Капиталистъ имѣетъ дѣло съ продуктами земледѣльческаго хозяйства крестьянина и никакого значенія и роли въ организаціи производства не имѣетъ, за исключеніемъ, конечно, случаевъ чисто внѣшняго и отрицательнаго воздѣйствія (вынужденнаго, непосильнаго расширенія запашки, сокращенія инвентаря и т. п.).

Марксу принадлежатъ слова, что мелкія средства производства, служащія самому производителю средствами производства и не возрастающія въ своей стоимости посредствомъ прибавленія чужого труда, вовсе не составляютъ капитала. Средства производства находящіяся въ рукахъ крестьянина, конечно, не имѣютъ никакого общественно-организующаго значенія; они настолько неотдѣлимы, при настоящихъ экономическихъ условіяхъ, отъ его рабочей силы, что дѣлаютъ изъ него лишь представителя *квалифицированнаго труда.*

Сдѣлаться самостоятельнымъ хозяиномъ — предпринимателемъ крестьянинъ не можетъ. Но нѣтъ ему дороги и въ ряды пролетаріата. Сельское хозяйство находится въ кабалѣ у капитала; капиталъ властвуетъ надъ его судьбами. Но этотъ капиталъ не организуетъ производства, не создаетъ капиталистическаго хозяйства. Это капиталъ ростовщическій, торговый, а не промышленный.

Описанный мною типъ крестьянина составляетъ крестьянскую массу. Эта масса можетъ считаться однородной, составляетъ одинъ *соціально-экономическій классъ.* Грозный ростъ пауперизма и преступности говоритъ объ экономическомъ кризисѣ. Если въ Россіи помѣщики жа-

луются, что дворянскія усадьбы превращаются въ „осажденныя крѣпости“, то въ сибирской деревнѣ начинается анархія, влекущая отсутствіе общественной безопасности и ускоряющая крестьянское раззореніе. Конокрадство, ничѣмъ, кромѣ рѣдкихъ случаевъ самосуда, не сдерживаемое, уже свело на нѣтъ остатки табуновъ и многочисленныхъ стадъ. Даже бурята сократили скотоводство.

Каждую осень пылаютъ овины деревенскихъ властей, обнаружившихъ хотя бы слабое поползновеніе бороться съ конокрадами и ворами. Съ другой стороны, иногда почтенные крестьяне попадаютъ на скамью подсудимыхъ за зарѣзанную чужую корову, — и это не преступники, а люди, лишенные нахлынувшей нищетою воли и разсудка.

Никакія полицейскія мѣры здѣсь помочь не могутъ. Сами полицейскіе чины обычно занимаются попустительствомъ,— и если активно не участвуютъ сами въ организованномъ воровствѣ, то устраняются изъ страха отъ фактическаго исполненія обязанностей. Вѣроятно, этимъ надо объяснить то удовольствіе, съ какимъ они откликаются на призывъ сверху къ политическому сыску. Появляется всетаки сознаніе, что человѣкъ не даромъ сидитъ на мѣстѣ, и нѣтъ страха передъ пулей.

Еще въ 1901 году лѣтомъ одинъ развитый и зажиточный крестьянинъ въ притрактовомъ селѣ говорилъ мнѣ: „И прежде насъ стригли, но давали обростать; теперь же такъ начали стричь, что однако уже не обрастемъ“. Это сознаніе тяжелаго, ненормальнаго положенія становится общимъ у крестьянъ. Тягость податного и налоговаго бремени, легкомысленное, а иногда хищническое отношеніе къ крестьянскому достоянію „начальства“, полная безпомощность, безсиліе въ общественномъ хозяйствѣ, общественныхъ дѣлахъ — все это сознается крестьянствомъ. А съ этимъ сознаніемъ должно рости и *классовое сознаніе.*

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	строка.	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
5	12	незавасамость	независимость
9	14	гарбулы	гарбузы
10	21	сужеными	сушеными
11	6	облачались	облагались
—	35	Зловцовъ	Словцовъ
14	4	Вахрома	Вахрамѣя
22	2	торговлю	торговлею
33	14	сопровождая	сопровождалъ
64	37	фактическаго	фантастическаго
—	29	надеждую	надежную
—	32	въ	къ
68	14	фирмы	формы
71	9	важныя	возможныя
74	30	бѣдности	бѣдности“
78	25	телегъ	телѣгъ
88	19	свободаго	свободнаго
98	24	повертываются	провертываются
102	въ эпиграфѣ	хопивши	схопивши
115	27	Кирѣевыхъ	Кирѣевскихъ
—	38	настроеній	нестроеній
119	37	іюля	іюня
133	32	созданія	сознанія
143	2	первой	нервной
—	15	вриманіе	вниманіе
145	30	слоя	строя
151	36	душъ	думъ
168	34	читатели	читали
174	14	Они	Одни
205	11	стовитъ	ставитъ
231	6	зимовья	зимовья,
232	9	невольно	вольно
234	4	на	не
235	14	maxcimum	maximum
237	25	основавшійся	основывавшійся
241	13	времени	времени,
243	14	отношенія	опредѣленія
251	36, 37	Бархатовское	Бархатовское, Буретское
258	19	нормирують	нормируетъ
259	31	группа	группы
260	10	запасъ	заказъ
—	34	пролетаріата	пролетарія
—	40	не	ни
263	3	соціяльно	соціально
266	23	развитый	развитой.

Цѣна 1 руб.

